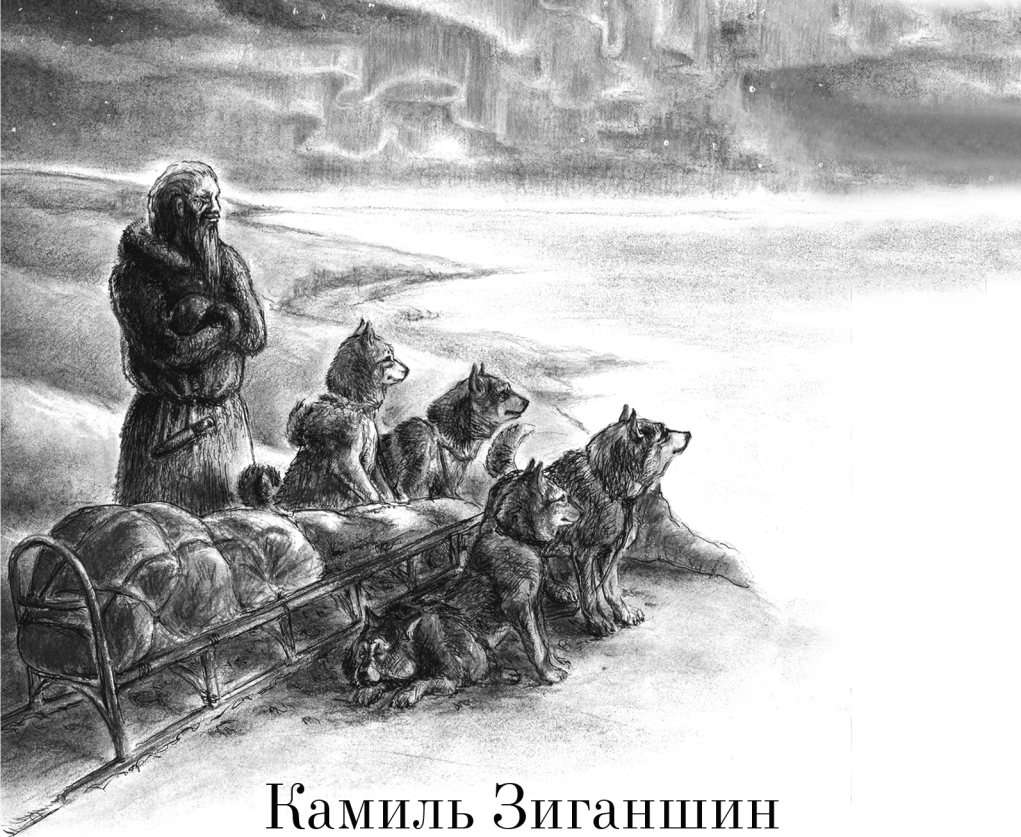

Камиль Зиганшин (1950) — писатель, путешественник, заслуженный работник культуры РФ и РБ, лауреат премии Президента в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества (2019), Большой литературной премии России (2016), Государственной премии РБ имени Салавата Юлаева (2012) и др. В своих книгах с большой любовью и знанием рассказывает о жизни старообрядцев, хоронящихся в дебрях Восточно-Сибирской тайги, об укладе жизни коренных жителей этих мест, повадках диких животных. Богатый жизненный опыт и наблюдательность помогают ему писать достоверно и поэтично.

Камиль Зиганшин

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЕНОМУ МОРЮ

КИТАП
УФА • 2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос)-4
3-59

Зиганшин, К. Ф.
З-59 Хождение к Студеному морю : роман / Камиль
Зиганшин. — Уфа : Китап, 2020. — 336 с.

ISBN 978-5-295-07473-8

В этой книге вы пройдете с главным героем Корнеем от Алдана до Ледовитого океана и Чукотского Носа. Повстречаетесь с потомками русских землепроходцев, коренными жителями Крайнего Севера: эвенками, юкагирами, якутами, чукчами.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос)-4

ТП-021/2020

ISBN 978-5-295-07473-8

© Зиганшин К. Ф., 2020
© Чушкин А. Э., дизайн, 2020
© ГУП РБ Би «Китап» им. Зайнаб
Бишевой, оформление, 2020

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЕНОМУ МОРЮ

ОТ АВТОРА

Любезный читатель! Вы держите в руках книгу, фактически являющуюся продолжением летописи о старообрядцах. Из первых двух («Скитники» и «Золото Алдана») вы узнали о жизни общины, зародившейся в Ветлужских лесах во второй половине XIX века, одолевшей трудный путь через Сибирь и обосновавшейся в Забайкальском крае, а затем оттесненной в глушь Алданского нагорья и там хоронящейся по сию пору. Параллельно с историей общины, в этих романах рассказывается о последнем походе Белой гвардии – армии генерала Пепеляева и судьбе отряда белогвардейцев, укrywшегося неподалеку от скита старообрядцев.

Погружаясь в мир староверия, понимаешь, что у этих сильных духом людей можно научиться способности преодолевать трудности, находить счастье и радость там, где другие не видят ничего, кроме проблем. А еще, и это, пожалуй, главное, способности быть благодарным Создателю за каждый прожитый день.

ПРОЛОГ

Дарья, глянув в окно, мимо которого прошли две девицы, задумалась.

— Чего загрустила, матушка? — обнял ее за плечи гостивший в скиту настоятель монастыря Изосим.

— Эх, сынок! Ума не приложу, что делать. Где женихов искать? Пять девиц на выданье, а парней, отвечающих Правилу, нет. Либо кровники, либо родственники по кресту*. И сестра твоя, Елена, тоже в девках, а ей уж за двадцать перевалило. Паша в бобылях ходит, а ты обет дал. Похоже, так и помру без внуков... Может, что при-советуешь?

— Есть одна мысль — надо с китайцем поговорить.

— Что еще за китаец? — сразу насторожилась Дарья.

— Да захаживает к нам один из Маньчжурии. Прежде золотарил в наших краях, а когда иностранцам запретили мыть рыжуху** и стали жестко преследовать, переключился на контрабанду. С весны до осени успеваешь сделать на лошадях по тайным тропам четыре ходки. Захаживает

---

* Помимо запрета на брак между родственниками до седьмого колена, следовало соблюдать еще и запрет на брак для родственников по кресту. Так, сыну крестной и ее крестнице тоже нельзя жениться. По этой причине в крестные старались брать кого-либо из кровной родни.

** *Рыжуха* — золотой песок.

и к нам. Мы ему золотишко, кабарожью струю, пушнину, а он боеприпасы, мануфактуру, соль, сахар.

— Так чем тот китаец в нашем деле может помочь?

— Он как-то обмолвился, что еще к каким-то бородачам товар возит. Даже ворчал: «Да сто з такое! Как борода так «не мозно да не мозно» — изобразил он торговца. — Сдается мне, что это он про наших одноверцев говорил. Ежели мое предположение подтвердится, отправлю к тебе.

Когда китаец с навьюченными товаром лошадьми явился в монастырь, Изосим сразу подступил к нему:

— Ван, ты как-то обмолвился, что еще к каким-то бородачам ходишь. Кто они?

— Бородачи как бородачи. Такие же, как и вы, русские с веревочками.

— Можешь помочь с ними связь установить.

— Бумагу пиши. Передам.

В следующий визит Ван привез ответ. В нем сообщалось, что они беспоповцы и тоже испытывают нужду в невестах и женихах.

Изосим на следующий день с одним из трудников отправил китайца в скит к матери. (Ван, рассчитывая на новых покупателей, согласился без колебаний.)

Обрадованная Дарья ответным письмом пригласила тамошнего наставника с молодыми на смотрины, а Вану вручила длинный список потребных общине товаров.

На Преображение Господне китаец явился в скит со старообрядцами из неведомой Маньчжурии. Матвей, открывший ворота, попросил Вана подождать, а одноверцев повел в избу Дарьи. Та распорядилась призвать билом народ на меновую торговлю, а сама занялась гостями.

Уставщик, сероглазый, коренастый бородач лет пятидесяти, с темно-русой шевелюрой и такими большими ручищами, что, словно стесняясь, он то складывал их на груди, то прятал за спину. От всей его крепко скроенной фигуры веяло надежностью и спокойствием. С ним трое парней. Войдя, гости разом стянули картузы из своедельщины и низко поклонились. После чего, повернувшись к образам, сотворили молитву и перекрестились.

— Доброго здравия на многие лета, матушка! Иван Федорович Кулагин, — прогудел он. — А это наши женихи: мои сыновья Харитон, Назар, и соседский — Устин.

— Спаси Христос! Благодарствую, что столь споро откликнулись на приглашение!

— Так ведь и у нас интерес имеется.

Заметив, что Дарья с недоумением поглядывает на узкоглазого Устина, пояснил:

— Мать у него китаянка. Но она прошла переправу. Сам Устин крещен по Правилу, с троекратным полным погружением.

— Каков обличьем — не столь важно. Главное, чтоб в нашей вере был. Мне ближе крещеный китаец, чем некрещеный русский.

— Истину молвите, матушка. Примите от нас скромный, но пользительный для души дар — книги, своеручной работы*. Одна певческая, еще до Никоновой справы писана, а вторая святителя Епифана.

— Спаси Христос, Иван Федорович! Мы с книгами дружим. Сами знаете, сколь важны православному эти мудрые советчики. При усердии в них можно найти ответы на любые вопросы.

— То верно. Умная, добрая книга завсегда побуждает к размышлению, дает примеры благочестивой жизни.

— С дороги, поди, устали? — спохватилась Дарья.

— Есть чуток. Путь не близкий, да и тропы малохоженые.

— Паша, будь ласков, проводи гостей на серный источник.

— А далеко ль до него? — забеспокоился уставщик.

— Недалече. С полверсты, но очень советую. Не пожалее. Бывает, так уломаешься за день, что ноги не держат, а окунешься — такая легкость и благодать, кажется, полетела бы как птица.

---

* Несмотря на периодические усиления гонений со стороны официальной церкви и властей, старообрядческая книжность с момента раскола интенсивно пополнялась вновь издаваемыми печатными и рукописными памятниками. Круг необходимых служебных и четых книг имелся в каждой семье и передавался из поколения в поколение.

Через час посвежевших путников усадили за стол. За трапезой хозяйка полюбопытствовала:

— Иван Федорович, ну и как вам наш источник?

— Спаси Христос! И в самом деле, словно заново родился, — ответил тот, улыбнувшись.

— Рада, что удовлетворены... В Китай-то каким ветром общину занесло?

— Ежели начать с истоков, то предки наши с Речи Посполитой. Когда по указу Екатерины прошла вторая выгонка, осели в Забайкалье в Верхнеудинском округе. Пришли туда в 1764 году. То я достоверно знаю из исповедных росписей.

Жилось там вольготно и покойно, пока не понаехали переселенцы с Малороссии. Оне разврат принесли, ругань, ссоры. Мы, дабы оградиться от них и избежать самовыселения с насиженного места, составили на сходе приговоры о недопущении чужаков. Поспокойней стало. Но явилась другая беда: началась коллективизация и притеснение со стороны власти. Пришлось, хоть и горько было, оставлять дома и возделанные пашни. Всеи общиной подались в Северный Китай — Маньчжурию.

Добрались без людских потерь, но волосы с той дороги у многих сделались белыя. Половина лошадей пала, оставшиеся выбились из тела. Два года терпели крайнее затруднение, особливо с провиантом.

— Чего ж вы на чужбину, на такие мучения ушли. Ведь и в Сибири потайных мест в достатке.

— Пытались. Две семьи с годик пожили было на Лене, да вертались — вельми хладный край сказали. А тем, кто в Маньчжурию разведать ходили, тамошний край глянулся. Говорили, красовитей места не найти: тепло, земля жирная.

Днесь не бедствуем, на ноги крепко встали. По первости тамошние семейские* нас порядочно поддержали,

---

* *Семейские* — так называли десятки тысяч старообрядцев-беспоповцев, переселенных в три этапа в XVIII веке из Речи Посполитой (Гомельской области) за Байкал. Эта «выгонка» осуществлялась с целью защиты восточных границ России от посягательств Цинской империи. Они привнесли в этот край высокую культуру земледелия.

а позже — японцы разный инвентарь дали — в те годы оне в Маньчжурии властвовали. Имели задумку переселить со своих островов пять миллионов крестьян, а опыта возделывания непривычной для них маньчжурской земли не было. Когда началась война, хотели забросить нас в Россию диверсантами, но мы отказались. Хоть и не любви Советы, идти супротив своих грех.

В сорок пятом встречали Красную Армию цветами, радовались и гордились — победили и германца, и японца. Радовались, пока не познакомились со СМЕРШем. Оне нам: «Кулаки, беглецы! Эва, как живут!» Арестовали пятерых. Незаконно-де границу перешли в тридцатых годах... С тех пор о них ни слуху, ни духу. Куды кто делся, не ведомо.

После того нас несколько лет никто не трогал. Мы успокоились. Думали, поживем! Но в сорок девятом явилась напасть с другой стороны. В Китае к власти пришли коммунисты. Нам объявили: «Ваше проживание нежелательно, уезжайте». Кудыть уезжать? Баят, кудыть хотите. Хоть домой, хоть в Боливию, хоть в Бразилию, хоть в Парагвай — оне, мол, согласны принять. Каково русскому бородачу ехать в какой-то неведомый Парагвай?! Голову сломали — как быть?

Приезжали советские консулы. Агитировали вернуться на родину, осваивать целинные земли. Может, хто и соглашался, но мы на сходе решили: чиво это в Советы через стока лет вертаться — не для того бежали от колхозов. Не стали дожидаться, когда начнут насильно вывозить. Погрузили самое необходимое на телеги, и ушли в глубь Большого Хингана — горы такие. Семейские следом подались. Сичас оне на соседнем ключе живут. Там нас никто не беспокоит. Отстроились. Охота и рыбалка кормят. Изюбра на панты бьем. Ишо наладились тигрят для богатого китайца ловить. Он за них стока платит, што ежели двух взять, то можно год безбедно жить.

— Поди, опасное дело?

— По первости всяко бывало. Опосля наловчились. Перво-наперво мать выстрелами от тигренка отгоним. А как собаки его в круг зажмут, тут не зевай — одеяло накидывай и лапы вяжи.

— Страх какой! — ужаснулась Дарья.

— Мы ж не взрослых. Тех не брать...

Иван Федорович, велика ли ваша община?

— На двадцать пять дымов сто шестьдесят семь душ.

— А кроме тигров какой еще зверь в вашем Хингане водится? — встрял свекор Дарья — дед Елисей.

— Много хто. Зайцев и рябцов не считаю. Из крупного — изюбр, лось, пятнистый олень, горалы. Медведь, конечно. Даже красные волки заходят. Леопарды, сказывают, есть. Правда, мы не встречали. Боле всего кабанов. О! чуть не забыл — гималайский медведь имеется, его ишо древесным, за то што любит по деревьям лазать, величают. Его тоже хватает. Многочисленны еноты. Я их в паводок десятками на островах снимал. Потешные и жирные, будто бочонки. Само собой, всякое пушное зверье. Из редких — непальская куница — харза.

Во время вечернего богослужения «китайцы» порадовали хозяев проникновенным, слитным песнопением по крюковым знакам.

— Баско у вас получается, до самого сердца проняли, — похвалила Дарья.

— А нам отрадно, что служба у вас по чину, — отозвался Иван Федорович.

— Как исстари апостолами и Вселенскими соборами установлено, так и исповедуем. Не можем отступить от отеческих правил, — улыбнулась Дарья.

Изредка поглядывая на уставщика, она поймала себя на мысли, что он глянется ей и как мужчина. Видела, что и она ему нравится. (Женщины чувствуют и понимают такие вещи без слов.) Ей, конечно, было приятно, что в свои года сохранила привлекательность, но в то же время стыдилась и осуждала себя за бабий интерес к гостю. Даже невольно подумала: может, была слишком строга к Корнею? Жили-то душа в душу... От нахлынувших воспоминаний сердце защемило. Дарья вдруг поняла, что до сих пор любит мужа...

Елену, как она и предполагала, сосватал Харитон — сын уставщика. (На смотринах на нее только и глядел.) Любу, дочь Матвея, — чернявый племянник Устин. А вот Назар невесту по душе не нашел — ему тоже сразу глянулась Елена, но он не отважился соперничать со старшим

братом. Расстроенный, не стал даже ни к кому присматриваться. Иван Федорович, видя, что Дарья озабочена, успокоил:

— Теперь дорогу знаем, не раз придем, ребята у нас еще есть.

После рукобития наставники обручили молодых по уставу.

«Аз тя посягаю жену мою Елену» — торжественно, не сводя восторженных глаз с избранницы, произнес Харитон. Она отвечала: — «Аз тя посягаю мужа раба Божьего Харитона». Так они повторили три раза. То же самое произнесли Устин с Любашей.

Дарья, с трудом сдерживая слезы, взяла икону и подошла к молодым: «Благословляю вас, чадо наши, ликом Господним на честный брак, телу на здравие, душам на спасение. Помните, там, где любовь, — там Бог, где совет — там свет, без совету, без любви в доме стены пусты». После этого Иван Федорович с чувством прочитал «Почтение новобрачным».

Молодухам заплели волосы в две косы и надели шашмуру — головной убор замужней женщины. А они повязали мужьям собственноручно тканые пояски. На Еленином было вышито «Люблю сердечно, дарю навечно».

По завершении обряда молодожены, трижды поклонившись родителям, пригласили всех к свадебному столу. Прочитав хором молитву, приступили к трапезе, во время которой гости по очереди вручали поклоны — подарки.

Первыми подошли Еленины дед с бабкой. Елисей вручил парням сшитые им самим поняги* из кожи, а Ольга, молвив молодым: «Мужа послушаться — Бога оскорбить», накинула каждой на плечи по вязаному платку. Подходили по старшинству, одаривая молодых, и все остальные.

Трапезничали поначалу безмолвно, но ядреная брага свое взяла. Потихоньку расшевелились, разговорились, запели песни. Матвей с супружницей Глафирой пустились в пляс. Да с таким задором, что и остальные присоединились. Захмелевшая Дарья тоже вышла в круг: пусть

---

* *Поняга* — сибирский аналог рюкзака. Предназначена для переноса утвари и припасов.

маньжурцы знают, что варлаамовцы умеют веселиться. Молодые же сидели чинно, брагу не пили.

Гуляли, бражничали, похмелялись три дня. Прощание было грустным. Мать Любаши рыдала в голос. Да и Дарья из последних сил держалась. Лишь напоследок, уже у ворот всплакнула. Обняла молодых, смахнула слезу: «Свидимся ли когда, дитяtko мое ненаглядное!? — и, обращаясь к зятю, добавила: — Береги, не обижай мою дочурку. Будешь холить, лелеять — будешь как сыр в масле кататься».

Иван Федорович был доволен: ему после брачной ночи доложили, что невесты непорочны.

С молодыми в маньжурский скит отправились Паша и трое ребят из пещерников. Павел долго упирался, отговаривался — привык холостяковать, но мать настояла: невестка ей нужна была теперь до крайности. Выдав Елену, она осталась без помощницы. Свекровь уже не в счет: едва по дому ходит.

— Паша, ты там больно не привередничай. Главное чтобы добрая была да работающая. Гляди не лицо, гляди сердце. Красота ведь до венца, а ум и душа — до конца, — напутствовала она сына.

По дороге завернули в монастырь. Там и переночевали. Корней благословил дочь, а с сыном разговора не получилось — тот все время молчал, отвечал односложно: так и не смог простить обиды безотцовщины. Корней и не обижался. Понимал, как разрубленную веревку ни связывай, узел все равно остается.

Через месяц варлаамовцы вернулись в удвоенном составе. Дарья лишь только глянула на выбор сына, так и расцвела. До того пригожа была Катюша: милая, ласковая. А со временем убедилась, что и в делах она расторопна и умела.

Жизнь в скиту текла по незыблемому распорядку. Сотворив утреннюю молитву, каждый испрашивал у родителей, а при их отсутствии — у старших по возрасту благословение на предстоящие дела. Лишь после этого принимались за работу. День завершали вечерним правилом. Благодаря мудрости и душевному теплу Дарьи в общине царил атмосфера любви и взаимовыручки.

Что удивительно, несмотря на строгий распорядок и тяжелый труд, люди в этой глухомани не утратили тягу к красоте. Старались не только опрятно и со вкусом одеваться, но из года в год прихорашивали свои отстроенные после пожара жилища.

Окна обрамляли, каждый на свой лад, затейливыми наличниками со сквозной резьбой. Ставни расписывали узорчатыми росписями. Стены разрисовывали порхающими среди деревьев птицами, цветами, завитками и неприменным единорогом — символом силы и свободы. Все это делало жилище похожим на цветущий райский сад.

Цветистым орнаментом покрывались не только стены, но и печи, матицы, двери, стулья. У иных узорочье было даже на прялках и посуде. Все это ласкало глаз, создавало праздничный настрой даже в хмурые осенне-зимние дни.

Хозяева, обновляя росписи стен (как снаружи избы, так и внутри), старались заполучить Капитона, самого искусного в этом деле.

Сряда*, передаваемая по наследству из поколения в поколение, тоже всячески украшалась. При этом особый упор делался на вышивку, на ее яркость и разнообразие узора. Наряды бережно хранили и надевали лишь по великим праздникам. По мере необходимости подновляли, освежали. Но и к повседневной одежде относились крайне бережно. Кроили безостатковым способом, а самые лучшие ткани использовали лишь для видимых частей костюма: воротников и фартуков.

Рукоделию девочек обучали с малых лет. К семи годам они умели прясть и вышивать. К десяти-двенадцати, когда начинали готовить приданое, уже самостоятельно ткали в разной технике; кроили, шили простые фасоны. Небрежность резко осуждалась. Говорили — «худую», неумелую никто замуж не возьмет.

Мальчиков учили не только плотничать и столярничать, но и рыбачить, охотиться, валить лес, колоть дрова. А всех вместе — грамоте и Закону Божьему.

---

* *Сряда* — нарядная одежда.

Обучение велось как в семье, так и в школе. Правда, после смерти наставника Григория она какое-то время бездействовала. Дарья, помня его слова: «Если в детстве не будем говорить с детьми о Боге, то в старости будем говорить с Богом о детях», решила возобновить занятия. Особенно необходимы они были для детей пещерников. Рассудив, что лучше Паши для этого никого не найти: начитанный и спокойный, убедила сына взять на себя заботу о школе.

Занятия Павел Корнеевич начал с изучения Ветхого Завета и Пятикнижья. В хорошую погоду проводил уроки прямо на свежем воздухе: на лужайке перед школой, на речке, в лесу. Прочитав очередную главу, растолковывал ребятам ее суть на примерах из жизни общины. Попутно ненавязчиво разъяснял смысл требований Устава, писанного старцем Варлаамом.

Затем учили наизусть три основные молитвы: «Отче наш», «Символ веры», «Богородице Дева радуйся». Зубрили так, чтобы помнить до смертного часа. Кому-то учение давалось легко. А с кем-то приходилось оставаться и заниматься дополнительно. Освоив Азбучку, переходили к чтению книг.

Ремеслам же обучали другие члены общины, каждый по своей части.

* * *

Хорошо это или плохо, но жизнь Создателем устроена так, что покой и благодать не длятся вечно. В 7463 году* (1957 году) лета практически не было. Каждый день дождь, холодный ветер. А в конце июня двое суток кряду валил снег. Погибло почти все звериное и птичье потомство. Выживших добила бескормица: не уродились ни ягоды, ни орехи, ни грибы. Холодное лето больше всех огорчало детвору — вода в Глухоманке была такой студеной, что ни разу не искупались.

---

* До 1700 года в России действовал ведический календарь, замененный Петром Первым на григорианский, ведущий отсчет с Рождества Христова.

Надежду на благополучную зимовку скитникам давала навяленная рыба. Ее, к счастью, в речке и озере не убавилось. Да и гусей во время линьки худо-бедно набить удалось. А вот набрать кедровых орехов и брусены, из-за неурожая, не получилось. Посему упор сделали на съедобные корни. В общем, голод общине не грозил.

* * *

А вот обитатели монастыря от сюрпризов непогоды пострадали изрядно. У них за лето снег выпадал дважды. Первый, в июне, погубил всходы яровых и буквально припечатал к земле озимую рожь. Заодно мокрым снежным саваном переломало деревья. Второй, на Успение Пресвятой Богородицы, добил остатки того, что уцелело. Посему монастырским, чтобы посеять озимые* и оставить зерно на весеннюю страду, пришлось резко ограничить выпечку хлеба.

Все понимали, что следует подналечь на рыбалку и охоту. Иначе зиму не пережить. Мужики уходили в обедневшую тайгу на несколько дней, но возвращались чаще всего с пустыми руками.

У Корнея к тому времени культя зажила и он, смастерив протез, стал учиться ходить. Первая конструкция оказалась неудачной: протез то и дело съезжал, а при опоре на него культю пронзала острая боль. Пытаясь хоть как-то улучшить ее, поместил протез в глубокую кожаную гильзу, плотно облегающую обрубок. Два поперечных ремня надежно фиксировали ее и обеспечивали равномерное распределение нагрузки при ходьбе.

Первое время Корней прогуливался лишь по территории монастыря. Когда кожа достаточно огрубела, стал выходить за ворота, где собирал дикоросы, а пообвыкшись, и в тайгу на охоту. При этом был единственным, кто почти всегда возвращался с добычей.

Старший сын Корнея — Изосим, он же настоятель монастыря отец Андриан, обиды на батю за то, что тот

---

* Озимые сеют с конца августа по начало сентября, чтобы до снега ростки успели подняться до 10—12 сантиметров.

ушел из семьи, не поминал и вел себя по отношению к нему уважительно.

За время, пока заживала культя, Корней стал завсегда-таем монастырской библиотеки. В ней нашлось и несколько книг по географии. Больше всего нравилось ему разглядывать карты в большом, увесистом фолианте «Атласъ Российской империи». Часами рассматривая хребты, затейливые нити рек и речушек, он вживую представлял эту местность.

Чаще всего раскрывал разворот, на котором были изображены река Лена и впадающий в нее Алдан. (Кружок, обозначающий город Алдан*, на его извилистой ниточке почему-то отсутствовал.) Определив по характерной излучине место впадения Глухоманки, Корней отправлялся в мысленное путешествие по загогулинам русла, то приближаясь, то отдаляясь от Верхоянского хребта, до голубого поля с надписью «Северный океанъ».

Когда он первый раз прочитал ее, ему представилось громадное, бескрайнее озеро. Особенно потрясла Корнея его глубина. Судя по надписям на карте, она в некоторых местах превышала две тысячи метров. «Сколько же лет реки заполняли эту ямину? Пожалуй, не одну тысячу», — удивлялся он.

Корней так полюбил странствия по картам, что мог просидеть над ними несколько часов кряду.

Эти воображаемые путешествия распяляли его фантазию. Неведомые горы и прихотливые извивы рек представляли перед его мысленным взором так четко, что он «видел» их в мельчайших деталях.

Некая юла, сидящая в нем, набирая обороты, пробуждала желание отправиться-таки к загадочному Студеному морю, известному ему с детства из сказок эвенкийской бабушки.

Прознав, что один из монастырских трудников много раз хаживал с экспедициями по Крайнему Северу, Корней зазвал его к себе.

Долговязый, сутуловатый бородач с умными серыми глазами в свои сорок с небольшим исходил весь Север и мог рассказывать о нем бесконечно. Наверное, поэтому

---

* Алдан был основан в 1923 году (городом стал в 1932-м), а атлас издан в 1912 году.

монастырские звали его Географом. Как позже выяснилось, тот и в самом деле был учителем географии. Окончив Ленинградский университет, он девять лет преподавал в школе.

— Николай Александрович, как же вас занесло на Крайний Север?

— Так я, Корней Елисеевич, там и родился. Дед мой из ссыльнопоселенцев. Еще при Александре III протопал по этапу из Тульской губернии до Усть-Янска. Бабушка поехала за ним. Пока отбывали срок, обжились, детей нарожали. Так и остались. Это ведь только для заезжих Север промороженная, закованная во льды и обделенная светом окраина. Они и представить себе не могут, какое буйство жизни у нас летом! А как красиво небо, расцвеченное северным сиянием. Те, кому выпадает счастье видеть все это, пленяются Севером навсегда.

— Я, конечно, ничего этого не видел, но меня почему-то с детства тянет в те края. Крайне любопытно побывать там, где прошли первооткрыватели этих земель и морей.

— Это ж здорово! Корней Елисеевич, вы не пожалейте! Поверьте, в нашей стране не так уж много мест, принявших стольких прославленных путешественников, как мой Усть-Янск, — обрадовался Географ. — Представьте себе, еще в 1637 году енисейский десятник Елисей Буза первым спустился по Лене и вышел в Ледовитый океан с отрядом в 50 человек. На следующий год он же с сотоварищами на не боящихся льдов круглобрюхих кочах* достиг устья Яны. Тогда же боярский сын Иван Ребров прошел пролив Дмитрия Лаптева и зашел в устье Индигирки.

— На карте есть море Лаптевых. Это в его честь?

— Разумеется, в честь него и брата Харитона**. А устье Колымы морем первым в 1643 году достиг казачий атаман Михаил Стадухин. Общая протяженность

---

* Коч — русское, парусно-гребное деревянное одномачтовое, однопалубное судно с корпусом яйцеобразной формы.

** Полярные исследователи двоюродные братья Дмитрий и Харитон Лаптевы первыми описали береговую линию этого моря.

открытых и описанных им берегов составила 1500 километров.

Арктический мореход Семен Дежнев, выйдя из Нижнеколымского острога в 1648 году на кочах (три из них в шторм разбило), совершил выдающееся географическое открытие — доказал, что Азия не смыкается, как до того полагали, с Северной Америкой. Обогнув Чукотский нос, он первым прошел на лодке вверх по реке Анадырь, где построил острог. В Усть-Янске с научными целями побывали капитан-командор Семен Лаптев, мичман Федор Матюшкин. Позже Колымская экспедиция Фердинанда Врангеля описала побережье от Индигирки до Берингова пролива, который, вообще-то, справедливей было бы называть проливом Семена Дежнева, ибо проход из Ледовитого океана в Тихий пройден и описан им на 80 лет раньше обрусевшего датчанина.

— Вот это ничего себе! А я только про Дежнева и Врангеля читал.

— Что вы! На моей родине работали еще такие известные исследователи, как барон Толь, боцман Бегичев, геолог Волосович, ученый Миддендорф. А экспедиция друга Врангеля — лейтенанта Петра Анжу так и называлась «Усть-Янской». Описывая берег между Оленеком и Индигиркой, он прошел на собаках тысячи километров.

Наш Усть-Янск в те времена был известен от Таймыра до Чукотки. Я бы назвал его «форпостом лейтенантов». Поглядите, чьи подписи стоят под знаменитой генеральной картой Сибири, составленной по описям Великой Сибирской экспедиции: лейтенанты Харитон Лаптев, Дмитрий Овцын, Сафрон Хитров, Иван Елагин; капитаны флота Степан Малыгин, Дмитрий Лаптев. Со временем почти все они стали адмиралами.

— Я читал, что священники, проповедуя слово Божие, к первой четверти XIX века завершили христианизацию малых народов Севера. При этом они выступали не только проводниками православия и русской культуры, но и обучали грамоте местное население.

До увлеченных беседой приятелей донесся звук била, призывающий к обеду.

— Николай Александрович, слушать вас интересно, но негоже опаздывать. Предлагаю встретиться еще раз после службы.

Корней встал и, приглаживая густо засеянную седыми нитями бороду, добавил:

— Для меня важно все, что касается Севера. Особенно про ранешние времена.

— Так я с удовольствием поделюсь всем, что знаю. Карту для наглядности принесу... Корней Елисеевич, просьба есть. Если не затруднит, зовите меня просто Николаем и Географом. Мне так привычней.

— Договорились.

Вечером Николай продолжил свой эмоциональный рассказ:

— На мой взгляд, вся эта лейтенантско-сибирская экспедиция, продолжавшаяся десять лет, с 1733 по 1743 год, — воистину Великая, я бы даже сказал — героическая! Поражает невероятная преданность делу и Отечеству! Ведь ни один народ, ни одно государство в те годы не пыталось, да, по-моему, и не смогло бы предпринять такого. Это как раз то, что называется русским размахом... Возьмем, для примера, только август-октябрь 1740 года.

Представьте Север того времени. На крайнем востоке страны, в Авачинской бухте, на Камчатке, отдают якоря пакетботы «Святой Павел» и «Святой Петр», прибывшие из Охотска под командой Беринга и Чирикова. В те же дни команда бота «Иркутск», на капитанском мостике которого стоит Дмитрий Лаптев, отважно пробивается сквозь льды вблизи устья Колымы, стремясь к неведомым землям Чукотки. А возле восточного берега Таймыра, сплюснутый торосами, идет ко дну бот «Якутск». Его экипаж, по решению Харитона Лаптева, направляется по льдам к пустынному берегу полуострова Таймыр и посуху обследует, описывает его. Тщательность и точность, с какой выполнены эти работы, поразительна. Еще более поразительно мужество этих людей: ведь они испытывали нехватку практически во всем.

— Я вам сейчас покажу маршруты этих экспедиций. — Возбужденный Николай развернул на столе вычерченную от руки карту. — Вот смотрите...

— Погоди, погоди — темновато, — остановил его Корней. Пересев к печке, он нащипал ножом, сделанным из старой косы, лучины. Запалил сначала одну, потом, для лучшего света, вторую.

— Вот теперь получше. И что там у нас?

— Смотрите, здесь нанесены все маршруты. Штрихами — первопроходцев, а те, что мы прошли, — точками. Я ведь тоже изрядно помотался по Северу. Если сложить все вместе, то поболее кругосветки получится. Вот отсюда досюда прошел в 1940-м с Ленинградской экспедицией. И тут был, и тут, — с гордостью показывал он.

— Я тоже немало походил по лесам и горам, но мне с тобой не сравняться.

— Вам будет чудно, но в Заполярье леса в обычном понимании нет.

— А что там, трава, что ль?

— В основном карликовые березки и ползучие ивы. А вот цветов море. Когда все они зацветают... красота неопишная! Глаз не отвести. Горы есть, но пониже ваших и по большей части лысые. А вот озер и болот без счета. В них, правда, не утонешь — вечная мерзлота.

С того дня их вечерние посиделки стали регулярными. Николай приходил к Корнею, как только управлялся с заданиями благочинного*.

За чаем он подробно рассказывал все, что знал о Севере. Корней внимательно слушал. Если что-то было непонятно, переспрашивал. Оставшись один, записывал в тетрадь самое важное. В том, что судьба свела его с таким знатоком Заполярья, он видел Божий промысел.

Эти встречи-беседы окончательно лишили скитника покоя. Север все сильнее манил его. Никакие доводы разума уже не могли заглушить его желания идти туда, куда звала мечта, рожденная в детстве бабушкиными сказками: ведь ни одна из них не обходилась без упоминания о Студеном море. Корней и не противился этому зову. Эта мечта-желание настолько завладела им, что, ложась спать, он непременно мысленно проходил весь путь от монастыря до океана. А случалось, просыпался ночью от нахлынувших сновидений воображаемой дороги и подолгу лежал, заново переживая сон.

---

* *Благочинный* — священнослужитель, несущий ответственность за хозяйственную деятельность в монастыре и соблюдение братией внутренних правил.

Корнею хотелось обсудить с сыном свое намерение отправиться на Север, но все робел: как-никак настоятель монастыря. Наконец набрался смелости и, выждав момент, когда тот отдыхал в своей келье, постучался. Изосим отворил сразу, словно ждал его. Это успокоило Корнея, и он заговорил без стеснения:

— Сынок, — тут он запнулся, — отец Андриан, пришел посоветоваться.

— Слушаю внимательно.

— Ничего не могу с собой поделатъ. Старая маета одолевать стала — потянуло в дорогу.

Изосим вопросительно глянул:

— И куда теперь?

— На этот раз туда, где кончается земля. Хочется увидеть океан и побывать в тех краях, где пол-лета — день, ползимы — ночь. Представь, там даже медведи белые! Что присоветуешь?

Сын смотрел на отца и думал: «Неугомон! Как был бродягой, так им и остался. Такого в четырех стенах не удержать», а вслух произнес:

— Ведал, что маешься, ждал, когда сам придешь. У Создателя на каждого из нас свой замысел. Коли Он тебя на край Земли призывает — стало быть, это для чего-то надобно... Благословляю!

Андриан перекрестил двоеперстно отца.

— Когда мыслишь отправиться?

— По весне, как земля подсохнет.

Хотя Изосим знал, что раньше июля отец не выйдет, поправлять не стал:

— Время подходящее. Одно тревожит — как на культе в такую даль?

— Ты же сам в проповеди о святом Луке говорил, что главный враг человека — страх. Что для успеха задуманного надобно не страшиться и, уповая на Бога, действовать. А уж Он подскажет и поможет.

— Я и не отрицаю того, но беспокоюсь — путь-то не близкий.

— Нога не подведет. Протез хорошо подогнал, сидит, как влитой. Да и кожа загубела, не так чувствительна. Главное выйти к Алдану. Дальше мыслю на пароходе.

Тут Корней развернул тщательно скопированную из атласа карту:

— Ежели Господь позволит, хочу достичь вот этого пролива. Берингов называется. За ним Русская Америка. Аляской называется. Знаешь, кто такой Беринг и почему пролив назван его именем?

И Корней с жаром принялся рассказывать про экспедицию командора, которая благодаря мужеству и таланту капитан-лейтенанта Чирикова совершила массу географических открытий.

— С маршрутом все понятно, а как с родительским благословением? Без него пути не будет. В поучении Ивана Златоуста прямо сказано: «Родителя послушаться — Бога оскорбить».

— За то сильно опасуюсь... Отец ведь так и не простил.

— Сходи, покайся, глядишь, смягчится... Заодно проверишь, как нога себя поведет. В гостинец муки прихвати — у них, поди, давно кончилась. Марфе скажу, чтоб отсыпала.

Выйдя из кельи, окрыленный Корней немедленно направился к Географу. Не терпелось поделиться радостью, что настоятель поддержал его намерение достичь не только океана, но и Берингова пролива.

— Корней Елисеевич, если вы не против, я бы тоже с вами пошел.

— А чего мне противиться? Вдвоем-то сподручней. Тем паче места те знаешь, да и к бивачной жизни привычный. Только прежде чем идти, мне непременно родительское благословение получить следует. Без него никак.

Не любивший долгой раскачки Корней отправился в скит, едва стали гаснуть звезды. В лесу стояла обычная предрассветная тишина, но стоило взошедшему светилу позолотить морщинистую кору сосен и выбелить стволы берез, лес ожил: защебетали, запорхали разнокалиберные птицы, забегали зверушки.

В горельнике, в просвет между подрастающими елочками мелькнул круп убегающего сохатого.

— Ишь ты, белощтанник! Испугался?! — улыбнулся Корней.

Где-то в стороне неуверенно попробовала голос кукушка и смолкла, прокуковав двенадцать раз.

— Что-то маловато ты мне отсчитала, — продолжал посмеиваться скитник.

«Пристыженная» птица вскоре возобновила счет и вещала свои пророчества до тех пор, пока Корней не сбился со счета. В растущих вдоль тропы зарослях шиповника он разглядел каким-то чудом сохранившиеся ягоды. Сняв со спины понягу, прислонил ее к стволу кедра и, отцепив притороченный котелок, стал собирать их для матери. Ягод было немного и, переходя от куста к кусту, он быстро удалялся от тропы.

Неожиданно оттуда донесся короткий рык. Привстав, скитник увидел, что метрах в пяти-шести от поняги стоит небольшой, видимо, прошлогоднего помета, медведь. Обнаружив незнакомую штуковину, он внимательно и смешно рассматривал ее издали.

«Что это такое? Оно опасное? Можно ли это съесть?» — читалось в его позе.

Зверь, крадучись делал к поняге шажок и замирал, вслушиваясь и всматриваясь, как оно отреагирует на его приближение. Не дойдя пару метров, остановился, переминаясь с ноги на ногу. Решив, что оно спит, стал фыркать и ударять перед собой передними лапами. Однако «незнакомец» не реагировал.

Корней с улыбкой наблюдал за «храбрецом».

Наконец, тот, подойдя почти вплотную, как можно сильней отклонившись назад — мало ли чего! вытянул вперед лапу и попробовал прикоснуться самыми кончиками когтей. Едва успев дотронуться, резко отдернул ее — будто обжегся. Помедлив, решил повторить свой храбрый поступок. В этот раз коснулся чуть смелее — поняга шевельнулась! Медведь тут же отпрянул. А успокоившись, вновь решил подойти, но уже с другой стороны. Убедившись, что оно не опасно, пестун принялся обнюхивать, дотрагиваясь уже носом.

Корней, поняв, что пора спасать понягу, застучал ножом по котелку.

Перепуганный зверь, зауффкав, бросился наутек. Отбежав немного, обернулся и посмотрел с обидой — «Эх! такую добычу пришлось оставить!»

Набрав почти полный котелок ягод, скитник продолжил путь. Метров через триста увидел медведицу с двумя медвежатами и тем самым любознательным пес-туном. Вокруг них чернели свежие покопки. Косолапые старательно выкапывали корни борщевика и, отряхнув от земли, аппетитно причмокивая, ели их. Корней остро-рожно обошел семейку.

* * *

Чем ближе Кедровая Падь, тем сильней тревога: как примет отец?

Вот и скит. Из некоторых печных труб, видневшихся над заплодом, струился дымок. Корней жадно вдыхал знакомые, только этому месту присущие запахи.

Постаревший, белый как полярная сова, Елисей встре-тил неприветливо. Набывчившись, недобро зыркнул гла-зами из-под кустистых бровей:

— Чо пожаловал?

Погрузневшая мать, держа в руках принесенный сыном котелок с шиповником и ковригу хлеба, запричи-тала:

— Чего уж ты, отец! Аль не сын? Поговори нормально.

— Ну, слушаю, — досадливо поморщился тот, насу-пив брови.

— Тятя, пришел вымолить твое прощение, — видя, что отец смотрит по-прежнему неприязненно, взмолил-ся: — не гневайся, прости Христа ради. Затмение тогда нашло, бес попутал, — в голосе Корнея прозвучала такая непостижимая боль, что взгляд отца помягчел. — Наказан я сполна — вот и ногу потерял, — задрал штанину сын.

Увидев протез, Елисей обомлел, а мать завывала в голос.

— Прости, тятя! Прости! Прости Христа ради, — твердил Корней, с мольбой глядя на отца.

Старик торопливо смахнул непроизвольно выкатив-шуюся слезу и, прикрыв рот ладонью, прокашлялся:

— Я что? Я не судья. Главное, чтоб Господь простил... Может, и я где-то оплошку дал, — и, повернувшись к супруге, уже твердо произнес: — полно, мать, мокроту разводить, на стол мечи. А ты садись, — указал он Кор-нею на лавку.

Заметив, что тот не решается, добавил:

— Чо мнешься? С дороги, поди, голодный.

Узнав о намерении Корнея, Елисей преобразился и даже посветлел лицом:

— Я ведь тоже когда-то имел охоту до Студеного моря сходить, да не сложилось... Коли душа просит, благословляю... Токо впопыхах такие дела не делаются. Все загодя надобно обдумать, подготовить... Не знаю, дотяну ли до твоего возвращения. Изломался... и сердце что-то по утрам замирать стало, а потом как зачастит, будто вдогонку пускается. Похоже, подходит мое время землицу удобрить.

Елисей, шаркая, подошел к божнице и снял с полки литую иконку Николая Чудотворца. Глядя сыну в глаза, промолвил:

— Это наша родовая икона. Перешла ко мне от твоего любимого деда Никодима, а ему от основателя общины — Варлаама. Во всех мытарствах сопровождала, беду и напасть не раз отводила. Даст Бог, и тебя в пути оборонит.

— Спаси Христос, тятя!

Корней благоговейно приложился к иконке.

— В дороге, сынок, всяко может случиться. Как бы тяжело ни было, не паникуй. Запаникуешь — пропадешь. Паника вреднейший враг. Не давай ей овладеть тобой. Тогда и Господь не оставит... Токмо греха страшишься...

Перекрестив, Елисей вручил иконку сыну.

— Растроганный Корней приложился к лику покровителя путешественников, поклонился отцу в пояс, и попытался было что-то сказать, но горло сдавил судорожный комок...

Елисей же тихо радовался: так вот как Господь решил исполнить его юношескую мечту о хождении на Студеное море!

Ближе к вечеру вернулись с Глухоманки Дарья с Пашей и невесткой Катей. Они собирали уродившуюся на мари у Завала клюкву. Хоть и обрызнуло волосы у Дарьи сединой, и фигура несколько оплыла, но стан по-прежнему прямой, и лицо своей былой красоты не утратило.

Молодые, молча поклонившись, сразу удалились в свою каморку, а Дарья не знала, как себя вести. Корней тоже растерялся. Так и стояли молча.

— Дарья, пошто заморозилась? Чай твой муж, — нарушил заминку Елисей, — вот пришел благословение испросить на путь к Студеному морю.

— Куда?? — переспросила пораженная Дарья.

— Чо раскудахталась? Сказал же — к Студеному морю.

— Ну и как? Что порешили?

— Благословил... Простил я его.

Узнав, что Корней обезножел, Дарья в порыве сочувствия, неожиданно для себя, забыв обиды, обняла мужа.

Корней, вдыхая запах ее волос, замер, не веря своему счастью. Так они и стояли, глядя друг на друга сквозь пелену наворачнувшихся слез, как когда-то... в прошлой, такой счастливой и такой далекой жизни. Во взгляде Дарьи читались то бессловесный укор, то непонимание, то восхищение.

— Боже мой! Ты так и не изменился, — прошептала она, — все такой же шальной, волк-одиночка.

— Понимаешь, океан так манит, что порой дрожу от нетерпения — быстрее бы отправиться. Даже дышать стал по-другому.

— А сдюжишь?

— До вас же дошел, и до Алдан-реки, с Божьей помощью, дойду. А дале на пароходе мыслю. И не один иду, с товарищем. Он Север хорошо знает — родом с тех краев.

— Дивлюсь я на тебя.

Тут она едва сдержалась, чтобы не сказать ласково «Горе ты мое луковое».

— Родители с тобой живут как у Христа за пазухой. Отец вон какой бравый.

— Это он на людях бодрится. На самом деле больной. Иной раз бывает так плох, что ляжет и задыхается, словно рыба на берегу. Давеча Катя едва откачала — чуть не задохся.

— Да уж, тятя жалобиться не любит... Пластина-то, гляжу, теперь в нашем доме стоит. Картинки смотрите?

— Какое! Она уж с год как не кажет.

— А Ларь как? На месте?

— С ним все в порядке. Паша с пещерниками приглядывают.

Утром, перед тем как выйти из избы, Корней постоял у порога, оглядывая отчий дом так, словно хотел запечатлеть в памяти все до мельчайших деталей. После чего решительно распахнул дверь — впереди его ждала полная приключений и испытаний дорога.

У скитских ворот Елисей еще раз перекрестил сына двумя перстами и добавил к лежащим в поняге трем вяленным гусям мешочек отборных кедровых ядрышек — полночи чистил. Прощались молча, соединяя усы и бороды в трехкратном поцелуе.

Дарья, прижавшись напоследок, прошептала:

— Буду каждодневно молить Господа за тебя.

Отходя, Корней несколько раз оборачивался и, щурясь от солнца, поглядывал на сутулого отца, грузную мать и ладную Дарью.

В монастырь он не шел, а почти летел по нахоженной за четверть века тропе, с наслаждением вдыхая пьянящие запахи хвои и смолы. Еще бы, такая радость — тятья и Дарья не только простили его, но и были приветливы, порой даже ласковы. Еще вдохновляло то, как легко он осилил полсотни верст, отделяющие скит от монастыря.

А вот к Аддану тропы не будет, разве что зверовая. Там завалы и буреломы, да и расстояние поболее верст на двадцать. Но в душе крепла уверенность, что и этот переход он одолеет.

Тайга, прогретая полуденным солнцем и погруженная в сладостную летнюю истому, была до того красива, что душу наполнила редкая благодать. Сердце Корнея переполняло желание поблагодарить Создателя, что он так замечательно все устроил. Осеняя себя крестным знаменем, он принялся громко читать все известные ему благодарственные молитвы. После чего лег на до хруста высохший ягель и, раскинув руки, вслушивался в тишину.

Скитник безошибочно различал голоса деревьев: глухо шумел, вздыхая, старик кедр, пугливо звенела, дрожа от малейшего ветерка, осина; весело лопотала, словно радуясь ему, береза.

Сколько он так лежал, ласкаемый солнцем и шаловливым ветерком? Сколько прошло времени? И есть ли оно? Все это было не важно. Важно было то, что он чувствовал себя абсолютно счастливым!

* * *

Подготовив за зиму все необходимое для дальней дороги, а требовалось учесть массу мелочей, без которых в пути не обойтись, Корней с Николаем не чаяли, когда сойдет снег, подсохнет и можно будет отправиться в путь.

Весна не подвела — грянула дружно и стремительно, но не успела скатиться талая вода, зарядили обложные дожди. Потянулось мучительное ожидание погоды. Друзья каждое утро с надеждой взирали на небо, однако хмарь не собиралась отступать. Невзирая на непогоду, на соснах затопорщились розовые свечечки будущих шишек.

В конце второй седмицы июня ранним утром в келью Корнея зашел взволнованный Изосим.

— Тятя, собирайся! Чую, деда уходит.

До Корнея не сразу дошел смысл леденящих сердце слов.

— Куда это он на старости собрался? — а поняв, вскочил: — Так идем. Я готов.

Он не стал спрашивать, откуда сыну ведомо это — знал, что тот многое предчувствует. Через полчаса они были в пути. Хотя отправились налегке, идти споро не получалось. Тропа от дождей раскисла, и ноги на ней разъезжались. Корней, чтобы не упасть, вырубил себе посох. Изосим, жалея отца, весь груз нес сам.

Сильно задерживали ручьи, превратившиеся в клокочущие, пенные потоки. Если прежде их можно было просто перешагнуть, теперь приходилось одолевать вброд — до того много в них стало воды. Шли без остановки весь день и всю ночь. Утром, мокрые и грязные, вошли в скит. Дарья во дворе кормила собаку. Поцеловав сына и приобняв мужа, вполголоса произнесла:

— Отцу лихо. Не встает, второй день от еды отказывается, только водичку пьет. Вчера уж исповедовался

и попросил причастия. Собиралась сегодня Пашу за вами послать, а вы, слава Богу, сами явились.

Возле кровати, на которой лежал исхудавший, с безжизненно застывшим лицом и заострившимся носом Елисей, сидела, поглаживая высохшую, перевитую венами, руку мужа, Ольга.

Услышав скрип половиц, старик приоткрыл глаза:

— Корней... вот радость! Не чаял увидеть, — с трудом пролепетал он, — думал, ты уж в пути, — и, переведя взгляд на Изосима, добавил: — а я, дурень, опасался, что не почувешь. Ан не утратил прозорливости. — Силясь что-то еще сказать, он весь напрягся, однако вместо слов зашелся сухим кашлем. Переведя дух, тихо, но в этот раз внятно, продолжил с трогательным спокойствием: — Приходит пора, и лист с дерева опадает... Вот и мой час настал... Одолела-таки немочь... Сердце чуть токает.

Приступ кашля не дал договорить. Отдышавшись, он напрягся, словно пытался что-то важное вспомнить. Наконец, видимо поймав ускользающую мысль, произнес:

— Сынок, ты уж нашу мечту и за меня исполни...

Создатель за добродетельно прожитую жизнь пожаловал Елисею Никодимовичу кончину легкую, безболезненную. Преставился он до того тихо и незаметно, что не сразу поняли — думали, спит.

Обмыв и облачив умершего в длинную белую рубаху с колпаком, уложили в выдолбленную им же из цельной лесины домовину. В руки вложили лестовку*.

Лицо почившего все более просветлялось, казалось, даже слегка порозовело. Морщины и скорбные складки разгладились, проступила печать умиротворения. Он был красив в своем смирении и ожидании скорой встречи с Богом.

Во время отпевания Корней не сводил глаз с отца. Слезы текли по щекам и терялись в бороде. Он испытывал горькую сладость не только от того, что успел получить прощение и благословение, а еще оттого, что благодаря непогоде, устроенной по воле Господа, он задержался с выходом и сумел проводить отца в последний путь.

---

* *Лестовка* — кожаные четки у старообрядцев.

На следующий день одни мужики пошли на погост копать могилу, другие принялись готовить материал на могильный сруб и крест...

Хоронили всей общиной без плакальщиц, в благоговейном молчании. Торжественное спокойствие и достоинство хранили даже лица детей. Домовину несли шестеро не сродников до самого кладбища. ...

Мать после похорон слегла: не могла представлять себе жизнь без мужа, с которым в любви и согласии прожила пятьдесят девять лет. Глядя на лик Христа, она без конца молила:

— Господь, сжалясь! Прошу Тебя лишь об одной милости — даруй мне смерть для воссоединения с мужем, рабом Твоим, Елисеем.

Изосим не мог надолго покидать монастырь. Отслужив на девятый день молебен, ушел. Корней остался. Он часами сидел рядом с матерью и, чтобы хоть как-то отвлечь ее от горестных дум, в подробностях рассказывал истории из того времени, когда он жил в стойбище ее отца.

Мать слушала, приложив ладошку к уху, то удивленно ахая, то — одобрительно кивая головой. Порой и сама принималась вспоминать случаи из своего детства.

В один из вечеров она взяла Корнея за руку и, глядя в глаза, принялась с дрожью в голосе говорить:

— Сынок, твой Север с головы не идет. Всякая жуть мерещится... Уж иней сел на волосы, а ты в такую даль собрался. Ну что вы с отцом в том окиане потеряли?

— Так ведь это твоя мама посеяла в моей душе тягу к Северу. Все ее сказки Студеным морем заканчивались.

— Сказки, они и есть сказки. Это ж не в стойбище сходить. Вспомни дядю Бюэна, на что опытный, а не доглядел — в полынье утоп. Да и сам ты, хоть и много хаживал, а вот ногу потерял... Еще о вас с Дарьей думаю. Она, гляжу, вроде оттаяла, может еще и наладится. Ей, что думаешь, легко одной?... Оставайся! Очень прошу!

И такая боль прозвучала в голосе матери, что у Корнея защемило в груди. Собираясь с мыслями, он откинул со лба тронутые сединой волосы:

— Матушка, как тебе объяснить... Хорошо в скиту. Рад, что привечае. Но если останусь, все одно усидеть не смогу. У меня уже все мысли ТАМ. Ни о чем ином думать не могу. Пойми — если останусь, всю жизнь корить себя буду — почему не пошел?! Поверь, это не каприз, а обдуманное решение. Ты не тревожься, не один иду, а с бывалым товарищем. Он родом из тех мест.

Мать, прикрыв глаза, долго молчала. По ее щекам тихонько текли слезы. Вытащив из-под подушки платочек, вытерла их и высморкалась.

— Ну что ж, сынок, коли твердо решил, твоя воля, — наконец вымолвила она... — Видимо, моя эвенкийская кочевая кровь тебе покоя не дает... Спаси Христос, что побыл со мной, а то ведь и жить не хотелось. Сейчас, чувствую, силенки возвращаются. Пора вставать, хозяйством заниматься. Да и Катеньке скоро помощь нужна будет. Видел, поди — на сносях девочка.

— Вот это да! А я и не заметил, — удивился Корней.

— Смотрю на нее и не нарадуюсь — повезло Паше. Такая она проворная и внимательная. Дай Бог ей здоровья... За меня не тревожься. Спокойно иди. Исполняй свое и отцово мечтание.

— Спаси Христос, матушка! Знал, что поймешь.

— Корнюша, об одном прошу: каких бы людей в дороге не встретил, худа никому не желай. Худые мысли по миру погуляют и к тебе же возвратятся.

— Не переживай, матушка. Я это давно понял. Не юнец ведь — скоро, сама говоришь, дедом стану. Жаль только, что с Пашей у нас пока никак не наладится.

— А что ты хочешь? Вырос без тебя. Вас ничто кроме крови не связывает. Добавь сюда еще и обиду — все росли с отцами, а он без, при живом-то. Ежели хочешь наладить отношения, тебе с нами семьей надо жить, а ты опять неведомо куда собрался.

— Матушка, мы же с тобой все обговорили. Ну не могу я остаться. Давай не будем об этом больше.

Когда Корней возвратился в монастырь, томил июль. От жаркого солнца в воздухе стоял дурманящий запах багульника и едва уловимый пересохших до хруста мхов. Разыскал Географа.

— Николай, предлагаю завтра все еще раз проверить, получить продукты, а послезавтра в путь.

На следующий день, когда друзья паковали поняги, от ворот донесся громкий голос Вана:

— Люди, ходи! Товар привез! Люди, ходи! Товар привез!

У ворот стояли навьюченные лошади и китаец с вежливой, приятной улыбкой на лице.

Расплатившись с торговцем за доставленный товар, Изосим провел Вана в трапезную и попросил Марфу накормить его. Та поставила перед ним еду в гостевой посуде и, сев напротив, тут же принялась расспрашивать:

— Как там наши? Прибавление у кого есть?

— Прибавление есть, да ваших уже нет.

— Как так — нет? — Марфа аж подпрыгнула.

— Все на пароходе уплыли.

— А что случилось? Они ведь обустроились, хорошо жили, — удивился Изосим.

— Китай новый закон: русский старовер не надо.

— Куда уплыли, знаешь?

— Америку.

— Плохая новость. Ну а у тебя самого как дела?

— Моя плохо. На границе чуть не пропал. Назад ходи. Новый дорога искал. Не знай, как дальше ходи. Трудно.

— Ван, ты уж нас не бросай. Мы ведь всегда хорошо платим.

— Платите хорошо. Граница плохо ходить стало. Прибавка надо.

— Не переживай. Не обидим.

Попрощавшись, настоятель вышел. Пробыв у себя в келье с полчаса, направился к отцу.

— Тятя, тебя на Чукотку неспроста потянуло. Ван новость принес — маньчжурцы-то, оказывается, в Америку уплыли. Чую, где-то на Аляске строятся.

* * *

Провожать Корнея с Географом вышли почти все обитатели монастыря. Давали советы, желали удачи. Больше всего переживали за Корнея. Пухлая, предобрая тетка Марфа, беспрестанно всплескивая руками, причитала:

— Корней, да пошто ж ты себя на такие муки обрекаешь? Опамятуйся, пока не поздно! Далеко ль на одной укачешь? Оголодаете, замрете!

Тот отшучивался:

— Мне на роду написано бродяжничать. Дарья так и говорит «бродячий волк».

— Знамо дело, Дарья зря не скажет.

— Ему, бедошнику, делать больше нечего, вот и изгиляется, — проворчал постаревший Дубов.

Корней подошел к Тинькову и крепко обнял.

— Николай Игнатьевич, не устаю в молитвах благодарить тебя. Если б ты не оттыпал мне полноги, давно б землю удобрял.

— Честно говоря, сам радуюсь, что так удачно вышло.

Из ворот к отбывающим вышел отец Андриан. Путники поклонились настоятелю в пояс:

— Отче, благословите.

— Братья, дело вы затеяли многотрудное. В дороге у разных людей придется бывать, с ними пищу делить, вместе спать. Посему, при каждом таком случае, читайте очистительную молитву. А вот постами себя не изнуряйте — дорога дальняя, тяжелая, позволительно и послабу дать.

Коли одноверцев встретите — всенепременно контакт наладьте. Свежая кровь нам вельми потребна. Может и не полные одноверцы, главное, чтобы почитали Святую Троицу, Символ Веры и крещены, как и Иисус, тремя полными погружениями, — напутствовал настоятель. — На грубое слово не сердитесь, на сладкое — не поддавайтесь. В пути молитесь. Господь не оставит.

Андриан трижды осенил их благословляющим крестом. Странники, с почтением приложившись к его руке, закинули за спину увесистые поняги и, не оглядываясь, зашагали мимо уже тронутого желтизной поля пшеницы к перевальной седловине.

— Чистой дороги! Никола в путь! Будьте Богом хранимы! — неслось вдогонку.

Корней шел, поскрипывая ремнями протеза, со счастливой улыбкой на устах. Еще бы — наконец он в пути! И сразу глубже стало дыхание, пробудились, налились силой мускулы. А от пьянящих ароматов, разопревших

на солнцепеке цветов и трав (скитник по привычке на ходу срывал целебные), от смолистого духа кедрового стланика, от предвкушения встречи с новыми, неизвестными ранее местами, а особенно — с Океаном — сердце переполняла такая неохватная радость, что ему так и хотелось взлететь и парить над любимыми горами и тайгой! Радости добавило и дозволение настоятеля на совместное принятие пищи с иноверцами, а то все думал, как быть, дабы не согрешить.

* * *

Взойдя на вершину гребня, Корней остановился. Сняв войлочный колпак и отерев платком со лба пот, выступивший от зноя и затяжного подъема, с волнением оглядел синеющую на северо-востоке зубчатую цепь в пухлой кайме облаков. Где-то там родная Впадина, Глухоманка с жемчужными сливами водопадов, золоторудное гнездо, надежно заваленное им в каменной теснине. Хотя они отсюда и не видны, Корней «видел» их в мельчайших деталях. Еще бы — исходил все вдоль и поперек!

Сердце сжалось — доведется ли вернуться? А ведь мог остаться и спокойно жить с Дарьей, родными. Так нет, жажда дороги и давняя мечта пересилили.

От этих мыслей отвлек восторженный возглас Николая:

— Корней Елисеевич, гляньте, красотища-то какая! Какое счастье видеть все это! Славно, что мы наконец в дороге!

Дальше шли по хорошо продуваемому водоразделу, обходя нагромождения камней и поля низкорослого кедрового стланика, обвешанного небольшими, тугими, пока еще фиолетовыми шишечками. Местами его упругие ветки переплетались столь густо, что по ним можно было шагать, не касаясь земли, но Корней знал, насколько обманчива эта соблазнительная доступность — если угодишь в прогал, можешь подвернуть ногу или, того хуже, сломать ее. Посему путники пользовались набитыми медвежьими тропами: косолапые тоже не любят

ходить по коварному стланику. Но еще больше они не любят ходить по сырым, звенящим от комарья низинам. Сверху они кажутся красивыми и ровными, сулят легкую дорогу, а на деле встретят залежалой гнилью, непроходимой чащей и беспощадным гнусом.

Люди шли по водоразделу еще и потому, что с него хорошо просматривалась вязь хребтов и долин, иссеченных пенистыми ручьями. Это облегчало выбор наиболее удобного маршрута к Алдану.

В какой-то момент Корней краем глаза уловил чуть заметное движение. Повернувшись, увидел идущую за чапыжником рысь. Рельефно перекатывающиеся под крапчатой шкурой мышцы, мягкая вкрадчивая поступь, взгляд исподлобья говорили о ее независимости и самостоятельности. Тем не менее, заметив людей, кошка поспешила скрыться.

Путники то и дело вспугивали клевавших камушки глухарей. Те с оглушительным треском от ударов тугих крыльев улетали с залитого солнцем гребня в тенистую чащобу. Одного из них Корней подстрелил на ужин.

Далее дорогу перегородил большой муравейник. На нем лежал, раскинув крылья, ворон. Казалось, птица мертва, но при приближении людей она встрепенулась и взлетела, обдав резким запахом муравьиной кислоты.

— Дошлая карга. Намеренно ложится, чтобы муравьи очищали оперение от клещей и паразитов, — на ходу пояснил Корней. — Николай, погляди вон на ту сосну. Видишь царапины?

— Вижу. Это рысь когти точила.

— Верно! Похоже, давно — уже короста narосла.

Завершая дневной ход, светило зависло над горизонтом, и тайга замерла в безмятежной истоме тихого, теплого вечера. Пока подыскивали для ночевки подходящее место с проточной водой, солнце село. Зато их настойчивость была вознаграждена — нашли жизнерадостный родничок, бурунистой струйкой бьющий из-под обомшелого валуна. Теперь можно сбросить тяжелые котомки, умыться ключевой водой и, разостлав спальные, плюхнуться на них. Десять минут — и усталость сменилась привычной легкостью во всем теле. Правда,

растревоженная ходьбой с тяжелым грузом, культя напоминала о себе пульсирующей болью.

Внимательный Николай взял хлопоты по приготовлению ужина на себя. Но прежде, мучимый жаждой, припал к роднику. Корней покачал головой:

— Воду лакает зверье. Негоже нам уподобляться им.

Николай вопросительно глянул.

— Ежели кружка далеко, хотя бы ладонью черпай.

Напившись, Географ соорудил таганок, принес сушняк, достал огниво: кусок кремния и железный брусок с мелкой насечкой. Ударяя им по острой кромке кремния с прижатым к нему куском фитиля, стал высекать искру. Когда он задымил, сунул его под пучок сухой травы и, опустившись на колени, принялся раздувать огонь. Трава задымилась и вспыхнула. На пламя тут же легли завитки бересты, мелкие сучья, сверху — покрупнее. Быстро разгораясь, костер заявил о себе энергичным треском и бойким танцем оранжевых язычков. Свет костра, ныряя в сразу сгустившуюся тьму, норовил вырвать у ночи кусочки пространства.

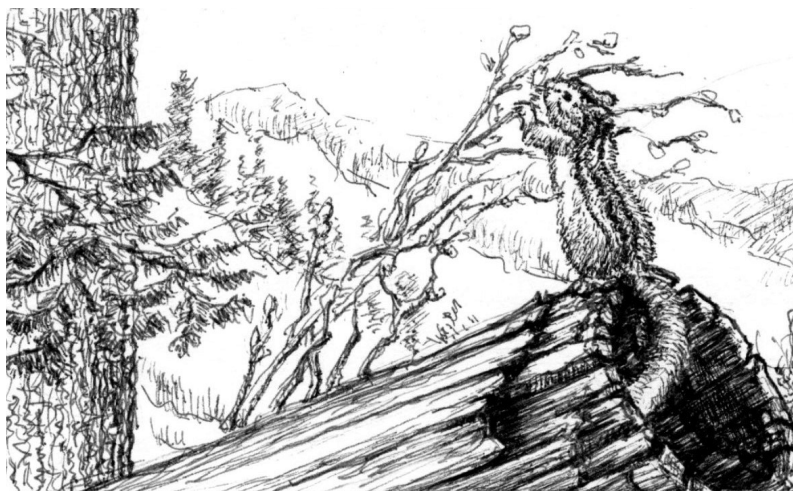
Корней тем временем ощипал и выпотрошил глухаря. Когда мясо сварилось, добавил в котелок собранного по дороге и мелко нарезанного дикого лука и сныти. После ужина Николай взбудрил костер и принялся что-то записывать в тетрадь.

— Что пишешь?

— Когда вышли, где шли, что видели, где встали. Эту привычку завел с тех пор, как прочитал дневники штурмана Альбанова. В них описана история двухлетнего дрейфа шхуны «Святая Анна» полярной экспедиции Брусилова. Почти все ее участники погибли, но благодаря этим дневниковым записям географические открытия, сделанные ими, стали достоянием человечества. А меня они пристрастили к чтению книг о путешественниках, мореплавателях и совершенных ими открытиях. Самая любимая — «Робинзон Крузо»*. Кстати, в этом

---

* Прообразом Робинзона Крузо послужила история шотландского боцмана Александра Селькирка, прошедшего около пяти лет на необитаемом острове Тихого океана близ берегов Чили. Этот остров сейчас так и называется — «остров Робинзона Крузо».

году 300 лет с тех пор, как он после кораблекрушения оказался на необитаемом острове и прожил там двадцать восемь лет.

— Неужели все годы один?!

— Поначалу один, а потом с индейцем Пятницей. Робинзону повезло, что остров находился в теплых морях. Там круглый год лето. Правда, он и сам молодец — никогда руки не опускал. Хижину построил, коз приручил. Нам будет потрудней — идем туда, где море во льдах и девять месяцев зима.

Последние слова Географ произнес зевая.

Костер догорал. Фиолетовые язычки украдкой выглядывали между головешек и снова прятались в мерцающих жаром убежищах. Вот и они погасли. На черном небе сразу отчетливей проступила широкая жемчужная дорожка с разбросанными вокруг нее созвездиями.

Проснулся Корней от тоненького свиста. Открыл глаза, увидел в лучах солнца шныряющих по стану полосатых бурундуков. Забавы ради тихонько откликнулся голосом самочки. К нему тут же выбежал рыжеватый кавалер. Встав столбиком на обомшелом пне, завертел головкой — где же подружка? Корней повторил свист и осторожно потянул руку к котомке, чтобы достать

лепешку. Бурундучок в мгновение ока исчез и в тот же миг вырос на другом конце валежины. Через некоторое время он осмелел и, подбежав к вкусно пахнущим кусочкам, стал забавно запихивать их лапками в защитные мешочки.

Эти малыши, пожалуй, самые милые и юркие среди всей таежной мелкоты.

На третий день горы пошли на понижение. Появились кусты жимолости. Сизая кисло-сладкая ягода уже почти вся осыпалась. А вот малина как раз поспевает. Возле особенно урожайных кустов останавливались полакомиться.

Когда отрог сошел на нет, путники оказались в сумраке пойменного леса. Ветра в нем не чувствовалось. Он слегка шумел лишь в позолоченных солнцем вершинах деревьев.

Тропа то пропадала, то появлялась. Деревья стояли так часто, что видимость не превышала пяти-шести метров. Сыростью и гнилью тянуло от заткнутой влажными мхами земли, в воздухе клубились тучи кровососов. Они проникали во все доступные и недоступные места. Уж до чего Корней с Николаем привычны к укусам этих вампиров, но и они, потеряв терпение, то и дело бежали, отмахиваясь ветками. Однако через секунд пять их вновь окружало серое звенящее облако.

Неожиданно до ушей путников донеслось странное, повторяющееся протяжное дребезжание. Ветерок то приближал, то отдалял его.

— Похоже, медведь музицирует. Встречал таких. Пойдем глянем? — предложил Корней.

И в самом деле, на проплешине, усеянной вывороченными бурей деревьями, сидел у комля сломанной ели косолапый. Он передними лапами оттягивал длинный отщеп и, резко отпустив, с уморительным наслаждением вслушивался в произведенный им пронзительно-вибрирующий звук. Было заметно, что эта «игра» на «щепковом инструменте» доставляет могучему зверю удовольствие.

— Действительно, музыкант! — согласился Николай.

На соседнем кедре разглядели застывшего на суку глухаря. Казалось, он с неменьшим удовольствием слушал диковинные звуки. Чтобы не мешать исполнителю и его благодарному слушателю наслаждаться «музыкой», люди вернулись на тропу.

Через пару километров тайга расступилась, и ходоки оказались у болотистой мари, пахнувшей ржавым железом. Огибая ее, вышли к зарослям смородины. Ягоды еще не совсем созрели, но некоторые есть уже было можно, однако армады беспощадных комаров, норовящих вонзить свои тонюсенькие жалыца в незащищенные участки тела, не давали остановиться. Пришлось срывать ягоды на ходу.

С противоположной кромки болотины донесся харкающий кашель. Там, не поднимая головы, брел, пощипывая траву, молодой согжой*. На его голове топорщились панты — мягкие рога, покрытые тонкой кожицей с короткой серовато-коричневой шерсткой. До гона олени всячески оберегают их. На ощупь они теплые и упругие. Окончательно окостенеют через пару недель. Тогда эта кожица потрескается, начнет свисать лохмотьями. А животные примутся тереть рога о деревья и камни, чтобы к гону полностью избавиться от нее.

Солнце потихоньку скатывалось к горизонту. Сумрак, таившийся под кронами деревьев, поднимался все выше и выше, отчего лес постепенно погружался во тьму. Уже перед самым закатом в проеме между двух сопок блеснула расплавленным золотом широкая лента воды — Алдан!

Несмотря на усталость, решили все-таки выйти к реке и уже там встать на ночевку. Николай, продираясь через завалы деревьев и плети цепкой ежевики, во все горло вопил: «Врагу не сдастся наш гордый Варяг, пощады никто не желает...»

Чем ближе к берегу, тем непроходимей буреломы и гуще подлесок. Ноги на сырых валежинах и обомшелых камнях скользили, но бывалые таежники, защищая рукой глаза от гибких ветвей и острых сучьев, шли уверенно.

---

* Согжой — дикий северный олень.

Когда наконец они вышли на берег, небесный свод мерцал тысячами звезд. Завершающий переход так измотал путников, что Географ отключился, как только прилег. А Корнея, начавшего читать «Повечерницу», сон сморил на середине молитвы. Спали крепко, как младенцы: знали, что суда на этом участке из-за сложного фарватера ночью не ходят.

СПЛАВ ПО АДАНУ

Под утро пала обильная роса. Безоблачное небо обещало ясный, жаркий день. Вот первый солнечный лучик ударил в пенек рядом с Корнеем. На пригретое место выползла из влажной травы сонная стрекоза. Летать пока не может — крылья в мелком бисере росы. Теплое пятнышко медленно перемещается, и стрекоза ползет за ним — сушит крылышки. Вслед за солнцем поднимается от реки легкий, полупрозрачный туман. Морщинистая рябь речного плеса то и дело нарушается дразнящими всплесками крупной рыбы, охотящейся на мелкоту. Захлопали в ладошки листья, разбуженные ветром.

Прочитав «Начала», Корней спустился на покрытый дресвой берег, отстегнул протез, разделся догола, оставив только поясок, и поплыл.

Холодная вода была до того прозрачна, что сквозь двухметровую толщу было видно, как колышутся у дна длинные пряди водорослей.

— Корней Елисеевич, что ж вы поясок не сняли? Промок ведь, — удивился Николай, когда тот на четвереньках выбрался на берег.

— Мы поясок никогда не снимаем. Он, как и крест, защищает от всех напастей.

— Эх, и мне, что ли, подпоясаться, — то ли в шутку, то ли всерьез произнес Географ.

Занимаясь приготовлением завтрака, путники то и дело поглядывали на излучину реки — не появится ли пароход, идущий на север. Теперь, не в пример прежним временам, ходили они по Аддану довольно часто. До полудня прошли три судна, но все на юг.

Наконец из-за мыса показался сухогруз, идущий на север. Судя по тому, что ватерлиния* касалась воды, загружен он был до предела. В ответ на их крики с палубы только рукой помахали. Зато шедший за ним буксир, на носу которого было выведено «Громов», на вопли путников откликнулся — сошел с фарватера. Приблизившись к берегу, седовласый капитан, с бакенбардами на изъеденном оспой лице, зычно крикнул:

- Что случилось?
- На борт возьмете?
- Куда вам?
- К океану.
- Эва! Мы токо до Хандыги...
- И до Хандыги годится.

Когда странники поднялись на палубу, капитан представился с легким поклоном:

— Михаил в квадрате. — Видя, что его не поняли, добавил: — Михаил Михайлович. А вас как величать? — глядя на них небесными глазами большого ребенка, капитан широко улыбнулся.

По первости он показался путникам довольно грузным, но, как потом выяснилось, был подвижным и легким на подъем.

— Меня Корнеем Елисеевичем, а его Николаем Александровичем, — ответил скитник, протягивая капитану глухаря, которого он подстрелил вчера на закате.

— Спасибо! Держи, Егорка, — передал тот петуха конопатому верзиле в тельняшке с непокорным чубом и нежным пушком на верхней губе. — Нынче пируем! А то все рыба да рыба. Хоть и люблю ее, но иногда хочется дичины... А вы к океану куда?

— Для начала в Усть-Янск. Я оттуда, — ответил Географ.

— Вряд ли из Хандыги кто-то будет в те края. На Лену вам надо выбираться, там больше шансов... А у меня, мужики, нынче последний рейс! Отходил свое! — то ли с грустью, то ли с гордостью произнес Михайлыч. — Сдам буксир и — на пенсию. Дальше пушай молодой капитанит.

---

* *Ватерлиния* — линия на корпусе судна, обозначающая максимально допустимую осадку при полной загрузке.

Не бывавший прежде северней устья Глухоманки Корней, шурясь от спящих бликов солнца, с интересом всматривался в проплывающие берега. Левый представлял собой лесистую равнину с редкими куполами холмов. Между ними аласы* — плоские, котлообразные понижения с озерцами и тучной луговой растительностью на дне: идеальные пастбища для коров и лошадей. На них любят селиться якуты. Там, где аласы большого размера или расположены кучно, живут сразу несколько семей.

Правый же берег высокий, обрывистый. По его глинистым обнажениям сочатся водой прослойки льда. В ложбинах белеют снежники. Сразу за узкой полосой прибрежной тайги тянутся параллельно руслу цепи нарастающих по высоте горных кряжей, покрытых где темнохвойным лесом, где полями кедрового стланика, разорванные конусами осыпей. Кое-где живописными группами щетинятся зубцы останцев. За ближними, более низкими цепями дыбятся белоснежные пики главного Верхоянского хребта, вытянувшегося вдоль правобережья Алдана и Лены на 1200 километров — почти до самого Ледовитого океана. Из-за резкой цветовой границы кажется, что заснеженные вершины — это облака, зацепившиеся за горы.

Желая блеснуть географическими познаниями, Корней, указывая на ближнюю горную цепь, произнес:

— Хребет Сетте-Дабан. Входит в Большой Верхоянский.

— В переводе с якутского — Шагающая Гора: мы плывем, а она не отстает — идет за нами, — добавил капитан.

— Люблю горы, — не сводя глаз с пиков, признался Корней. — Это особый мир!

---

* *Аласы* — типичные для Якутии геологические образования, представляющие собой плоскодонные луговины, диаметром до нескольких километров, и обрамленные невысокими валами. Образуются при вытаивании подземных льдов.

Михайлыч оказался заядлым рыбаком, как он сам себя называл — рыбашником. При этом рыбалкой считал только ловлю тайменя. Стоило показаться подходящему для их обитания месту, глушил двигатель и бросал якорь. Чаще всего это были ямы на крутых излучинах, либо устья шумливых притоков: на стыке быстрой и спокойной воды этим речным разбойникам всегда есть чем поживиться.

Ближе к вечеру из-за утеса показалась очередная, манящая черной глубиной ямина, образовавшаяся в месте впадения горной речки. У берега на мелководье, усталанном базальтовыми плитами, стояли в два ряда рыбы. По широком, похожим на развернутый веер полупрозрачным плавникам на спине сразу определили — хариусы.

— Чую — и таймешки тут есть. Вон там должны «пастись», — уверенно заявил капитан, указывая на витую полосу сходящихся потоков.

Пристали к террасе, упирающейся в крутой, покрытый разлапистыми кедрами склон, чуть ниже ямы.

Михайлыч вынул из брезентового чехла короткую бамбуковую удочку с катушкой. На конце жилки поблескивала ложка без ручки с прицепленным к ней тройником.

— Безотказная снасть — спиннинг называется. Чешский турист подарил, без блесны, правда. Я их сам из ложек мастерю.

Корней с сомнением покачал головой:

— Чего ради рыба ложку глотать будет? Она ж не слепая.

— Еще как будет! — снисходительно улыбнулся капитан, подкручивая по привычке усы. — Увидишь!

Перейдя на полузатопленный камень, Михайлыч принялся бросать «железку» точь-в-точь в те места, где давали о себе знать расходящимися кругами таймени. Заброс за забросом, а рыба не реагировала.

Корней про себя посмеивался: «Чудак! Где это видано, чтобы таймень железками питался». Сам он срезал длинный тальниковый хлыст и привязал к тонкому концу жилку. Вместо грузила расплющил дробинку и, сложив получившуюся лепешечку пополам, зажал ею леску. На крючок насадил пойманного овода. Пройдя к устью,

с подвижными завитками водоворотиков, перекрестился и стал одного за другим выуживать радужных хариусов. Было жарко, настойчиво атаковали оводы, но Корней так увлекся, что не обращал на них внимания.

Капитан тем временем продолжал упорно обстреливать темную ямину. Плечи у него уже ныли от бесчисленных бросков. Наконец спиннинг резко дернулся.

— Есть!!! Взят!.. Здоровый!.. Тяжело идет! — радостно выкрикивал Михайлыч.

Удилище то изгибалось в крутую дугу, то взлетало вверх, то вытягивалось в одну линию с лесой. Тревожно трещала сорванная с тормозов катушка. Жилка, обжигая кожу, рвалась из-под прижимающих ее пальцев. Вытянув метров двадцать, таймень остановился. Капитан тут же возобновил подмотку. Бешеный рывок, и опять визжит катушка.

Минут десять продолжалась эта схватка. Вроде умаялся, выдохся таймень, но у самого берега вновь забился, забушевал красноперый богатырь. Обессилев, в конце концов вытянулся серым бревнышком на траве.

— Кто тут говорил, что на железку не позарится? — победно хмыкнул Михайлыч, сдерживая ликование. Оценивая вес, поднял добычу за жабры: — Килограммов четырнадцать потянет.

Хоть и немало их было на счету капитана, он смотрел на тайменя так, словно видел его впервые. При этом ласково поглаживал дымчатые, с черными крапинками бока и темно-бурую мускулистую спину:

— Красавец, красавец! Недаром красулями зовут. А хвост-то, хвост! Какая яркая кайма! Это ж чудо!

— Да уж! Хорош! — согласился Егорка, облизываясь в предвкушении наваристой ухи.

Пока Корней с Географом разделявали трофей, а Егор «кочегарил», возбужденный капитан ходил кругами:

— Эх, мужики! Вам рыбашника не понять. Хотя я на своем веку не один десяток таймений взял, радуюсь каждому, словно впервой. А все почему? Потому что по силе, быстроте реакции и уму этой рыбе нет равных. Никто под водой и на воде не уйдет от него: ни зверюшка, ни птица, ни рыба. Потому и жирен, как сом. Только жир у него не под кожей, а равномерно по всему телу. Оттого

мясо во рту просто тает и оно не похоже на рыбе. Скорее, что-то среднее между ягнятиной и телятиной. Сам я в таймене больше всего люблю голову. Такая вкуснятина — язык проглотишь!

Жаль, что растут медленно: за год всего десять сантиметров. К пяти годам — полметра. В двенадцать чуть больше метра.

— Выходит, этому годков пятнадцать, — прикинул Николай.

— Не меньше... Пока тут возитесь, пойду малость побросаю.

Минут через пятнадцать подсек еще одного. Вываживал недолго — таймешек оказался средних размеров. Зато скакал по воде, опираясь на мускулистый хвост, с узором красноватых пятен, пытаясь вырваться из невидимой узды, как породистый скакун. Окинув «танцора» критическим взглядом, Михайлыч отправил его на вырост.

— Не понимаю тех, кто мелочь берет. Так ведь и реку обезрыбить можно.

Заметив, как загорелись глаза Корнея, протянул ему спиннинг:

— Спробуй, хлебни хмельку рыбацкого счастья, покуда уха варится.

Опыта у Корнея бросать блесну не было, поэтому, чтобы не зацепить ветви черемухи, он перешел на далеко вклинившийся в русло столообразный камень.

Первый заброс получился неуклюжим, даже с небольшой бородой. Однако уже после третьей попытки Корней метнул блесну точно туда, куда целился. «Обстреляв» всю яму от края до края, прошелся по стремнине — ни одной хватки.

Это еще больше раззадорило его. Он прицепил вместо блесны-ложки свою испытанную наживку — искусственную мышь, представляющую собой слегка вытянутую деревяшку, обтянутую бархатистыми шкурками с белых лапок. Внизу кусочек свинца для устойчивости. Сзади мощный тройник на карабине.

От костра донесся голос Егора:

— Уха готова! Разливаа-ююю!

— Иду, иду, — откликнулся Корней и торопливо забросил обманку поперек течения.

Плывет она поверх воды, и кажется, будто через реку переправляется то ли крупная мышь, то ли бельчонок. Один заброс, другой. На третий из черной глубины что-то выметнулось. Вода вспучилась. Тугой удар хвоста был столь силен, что от всплеска мужики привстали поглядеть — что там?

— Осторожней, дружок, не пугай людей, — тихо, словно боясь упустить, уговаривал Корней тайменя.

Туго натянутая жилка трепетала, отзываясь на каждое движение рыбины. Подматывая леску, скитник трижды подводил ее к берегу так, что выступала из воды не только голова, но и спина. Однако всякий раз, оказавшись на мелководье, таймень делал мощный рывок и вновь уходил на глубину. Рывки были столь сильными, что Корней едва удерживался на ногах, а при могучем потяге его буквально пригибало к воде.

Катушка визжала, леска жгла кожу на пальцах. Временами натяжение ослабевало. Это таймень, пытаясь освободиться, начинал кувыркаться, делать свечи. Сквозь фонтаны брызг факелами мелькали малиновый хвост и алые плавники.

В четвертый раз подтянуть тайменя к берегу не удалось — обломив крючок, речной гигант все-таки сошел с тройника.

Капитан, сидя на палубе в продавленном кресле, встал и сочувственно развел руками:

— Жаль! Пожалуй, больше моего был. Но ты больно не замичуривайся. Ведь именно такие моменты и запоминаются на всю жизнь. Куражу-то с избытком поимел!

Заправленную черемшой уху есть устроились на толстом слое хвои, нападавшей с кедра за многие годы. Этот исполин живет так долго, что боковые ветви уже сами стали толщиной со взрослое дерево. Ветра скрутили, изогнули их так, что они теперь напоминали перевитые венами руки старика.

Когда от костра остались лишь пышущие жаром головешки, Корней сдвинул их в сторону, а в золу зарыл обмазанных глиной хариусов. Капитан достал из своего сундучка армейскую фляжку. Скитник сразу предупредил «Я не пью».

Михайлыч отреагировал спокойно:

— Дело хозяйское.

А Егорка дурашливо хохотнул:

— Нам больше достанется.

Разложив сваренную рыбу по мискам, выпили. Похлебали наваристой ухи. После чего Михайлыч ударился в воспоминания:

— Я вот, ребята, первую встречу с тайменем помню до мелочей. Случилась она в аккурат в День пионерии. Наш катер забрасывал партию в верховья Зеи*. Пока поднимались, столько историй про него наслушался, что и самому захотелось потягаться с этой царь-рыбой.

Тогда спиннингов не было и в помине — хищную рыбу старым пошибом, как и ты, на мыша ловили. Пристали к берегу, на котором геологи решили полевой лагерь разбить. Чуть ниже зудит шмелем студень ключ. В таких местах таймень любит промышлять. Начальник партии весь вечер на сливной яме мышью их соблазнял, да без толку. Я загорелся — вот бы первым словить и всех восхитить. Начальник мужик нормальный — разрешил своей закидушкой попользоваться.

Едва начало светать, я уж на каменной гряде посреди русла. Гладь плеса вся в махоньких кружках — рыба мелкота резвится, а на яме не шелохнет. Но лишь коснулись воды первые лучи, она ожила. Что тут началось! Не вообразишь, как таймени куражились: прыгали свечами, сгибались крутыми дугами и с оглушительным плеском шлепались в воду, водоворотили круги, били хвостами**. Один ловкач вымахнул так высоко, что дважды перевернулся в воздухе. Другой перекусил пополам выскочившего губаря и не стал даже подбирать половинки. Вся рыба в панике под коряжины забилась.

Я так засмотрелся, что чуть не забыл, зачем пришел. Спихватился — начальник-то скоро встанет, и поскорей метнул «мышь» на серединку. Только стал подтягивать — рывок. Сначала несильный, опосля как дернет — чуть с камня не слетел. От счастья обезумел. Ору во все гор-

---

* Зея — крупный левый приток Амура.

** При описании ловли тайменей использованы и наблюдения геолога, заядлого спиннингиста Петра Сигунова.

ло: «Таймень! Таймень!» Ору и вдурную выбираю лесу на себя. Куды там — упирается, все в глубину тянет. А как понял, что на привязи, принялся выпрыгивать да всяческие кульбиты крутить. Потом вдруг ринулся поперек течения, прямо к шивере. Там на мелководе, язва, и сорвался. Почувствовав свободу, смастерил свечку и помчался глассером — чуть ли не на брюхе, оголив лоб и темя. Под конец зарылся в воду, а пенный след за ним все тянется и тянется. А я стою и смотрю, словно замороженный. Народ, разумеется, от моих воплей проснулся, высыпал на берег и, затаив дыхание, наблюдал всю эту картину. Когда рыбина сошла, все аж застонали. А начальник партии похлопал по плечу:

— С боевым крещением! Не горюй! Таймень соперник серьезный, нахрапом не возьмешь. С ним «играть» уметь надо...

Михайлыч задрал голову и, глядя на улетающие в тьму искры, замолчал, что-то вспоминая. И вдруг, прокашлявшись, запел густым приятным баритоном:

*В Цусимском проливе далеко
Вдали от родимой земли,
На дне океана глубоко
Забитые есть корабли.
Там русские спят адмиралы
И дремлют матросы вокруг...
Закончив, произнес, не сводя глаз с огня:*

— С молодости люблю эту песню.

— Так вы на флоте служили?

— А то! Море до того по душе пришлось, что остался на сверхсрочную. Двадцать один год на Тихом отходил. Дослужился до старшины мотористов тральщика 17-го дивизиона 113-й бригады Сахалинской военно-морской базы, — по-военному отчеканил Михайлыч. — На Сахалине и женился на медсестре нашей санчасти. Когда в пятьдесят третьем демобилизовался, устроился в Амурскую флотилию — уже не мыслил жизни без воды. У нас тогда уже двое пацанов было. В пятьдесят четвертом завербовался на Лену. Жена родом с Хандыги, она и уговорила. С тех пор гуляю то по Лене, то по Аддану.

— Михайлыч, выходит, вы с японцем воевали, — сообразил Николай.

— А то!

— Об этой войне мало что известно. Может, расскажете, как там было?

— Чего рассказывать? Война дело страшное, неинтересное... Самым мучительным было постоянное ожидание боевой тревоги с того дня, как немцы напали. Все были уверены, что и япошки вот-вот полезут. Однако побоялись самураи — после Халхин-Гола знали нашу силу. Четыре года с гаком в таком напряжении! Лишь в сорок пятом в ночь с 9 на 10 августа прозвучал наконец сигнал к бою. Всех, помнится, охватило чувство воодушевления, хотя каждый понимал — кому-то не дожить до победы. Но все мечтали отомстить за позор Цусимы.

Нашему тральщику была поставлена задача высадить десант на причалах Отомари. Сейчас это Корсаков. Овладеть портом и соединиться с высадившейся на севере бригадой морской пехоты. Задачу выполнили. Не помогли япошкам ни бетонные доты, ни заграждения.

После войны гоняли японских и корейских браконьеров. Это были времена, когда с нарушителями границы не церемонились: ворваться в радиорубку и разбить рацию было делом чести, а в случае сопротивления сразу открывали огонь на поражение. Все четко и доходчиво. Порядок махом навели... Да, были времена... Что-то я разговорился. Давай, Егорка, по последней и спать.

Ночью затаившийся в углях огонь пробрался сквозь толстый слой хвои к пустотелой сухостоине и проник через выщербину в комле в ее нутро. Трухлявая труба вспыхнула сразу, словно начиненная хорошим зарядом пороха. Ствол загудел, задрожал, будто ракета на старте. Поначалу из него роем летели только крупные искры, но через пару минут выметнулся язык пламени. Все бы ничего, но порывы ветра вытягивали его в сторону разлапистых кедров. Еще немного, и ближняя крона вспыхнет факелом, и тогда верховой пожар пойдет стеной.

Корней не растерялся. Схватил котелок с остатками чая и плеснул на огонь. Пламя чуть осело, а когда он прикрыл дыру спальником, огонь и вовсе присмирел. Чтобы

исключить повторения возгорания, слезавшуюся хвою вокруг костра сняли до земли, а комель и выщербину, залив водой, еще засыпали землей. С часик подождали — не польхнет ли повторно. К счастью, труба подняла, подняла и заглохла. Единственной потерей от несостоявшегося пожара было обугленное пятно на спальнике Корнея.

Едва заалел горизонт, скитник уже стоял на берегу со спиннингом. Сделал с полсотни забросов, но все впустую. «После вчерашнего осторожничают», — решил он и без всякой надежды бросил последний раз. Торопливо подтягивая мышь, заметил, что рядом с ней по воде пошли усы. Пригляделся. Чуть в стороне плыло, лениво шевеля хвостом, некое подобие акулы. В воде рыбина казалась такой громадной, что скитник невольно поежился. Увидев человека, таймень развернулся и, закрутив взмахом хвоста глубокую воронку, ушел на глубину. Грамотный волчара!

Тем временем утренний туман сгустился так, что уже метрах в семи воды не было видно. Ничего не оставалось, как вернуться на буксир. Всем было очевидно, что плыть в таком молоке нельзя. Стараясь расшевелить страдающего от похмелья и безделья капитана, Корней подступился к нему с расспросами:

— Михайлыч, вот вы вчера рассказывали, что жена с Хандыги. А сами откуда?

— Не поверишь, оттуда, где и речки-то не было — с Тамбовской губернии. Земля там бедная, урожаи скудные. А семья большая, мал мала меньше — в те времена не грешили, рожали сколь Бог пошлет. Посему в 1913 году родители надумали перебраться в Сибирь. Мне тогда шесть лет было. Получили переселенческое свидетельство, подъемные и в специальных теплушках, их называли столыпинскими, покатали со всем своим немудреным скарбом в неведомые края.

В тех вагонах задняя половина была отгорожена. В ней люди везли инвентарь, коз, овец, кур. Добирались полтора месяца. На Зее нам отвели 30 десятин*. Уже на

---

* Десятина соответствует 1,09 гектара.

месте сделали деревянные бороны, телегу. На казенное пособие купили две лошади, корову. А за счет ссуды построили дом. Помнится, сосны, дабы дом долго стоял, в разное время пилили. Для стойкости от огня все какой-то особый день поджидали. Какой точно, уж запомывал. А вот на пол, помню точно, деревья валили только при убывающей луне.

К следующей зиме амбар, хлев, конюшню поставили. Опосля ригу с соломенной крышей для сушки снопов хлеба и при ней гумно для обмолота. Между гумном и дворовой изгородью — огород. На нем матушка с девочками овощи сажали. Картоху отдельно, на дальнем краю.

Только сейчас, с возрастом, стал понимать, каких трудов все это стоило старшим. Ведь строили без чьей-либо помощи. Токо отец, дядя и дедушка. А кроме стройки надо было еще валить лес, вывозить его из тайги; выращивать хлеб; готовить сено для скота. В общем, досталось им с верхом. Иные не выдерживали, возвращались обратно. В основном те, кому участки достались в низинах. У них Зея в августе каждый год заливала поля, а стога так и вовсе уносила.

Революция и Гражданская, слава богу, прошли в стороне. А вот черная оспа не миновала — кто-то занес. Тогда поддеревни на погост свезли. В нашей семье четверо заболели. Лежали, покрытые черно-синими струпьями. Бредили от температуры. Ничего не ели. Только пили. Самая младшая померла. У остальных, как и у меня, на лицах на всю жизнь остались отметины.

Раскулачивания, слава богу, избежали. Хотя, какие мы кулаки? Все своим горбом, без найму. Отец — молодец — все без спору сразу сдал в колхоз. Благодаря этому не тронули, оставили жить в дому, а у остальных крепких, что в колхоз не пошли, подчистую забрали и самих сослали незнамо куда.

* * *

Небо затянуло. Потихоньку закрапало. Без солнца сразу резко похолодало (это отличительная особенность районов вечной мерзлоты). Ближе к вечеру бросили

якорь у узкого, словно прорубленного, угрюмого ущелья, из которого вытекала хрустальной чистоты речка.

Перед тем как соединиться с Адданом, она рассыпалась перламутровым веером по гальке. Между рукавичками — островки, заросшие красноталом. Листочки ярко-зеленые, с черными крапинками.

Капитан с выбором места для ночевки не прогадал. Егор еще не успел обмотать ствол сосны швартовым канатом, а Михайлыч уже вытягивал на берег тайменя с раздутым брюхом. При вскрытии выяснилось, что этот обжора проглотил белку, чирка и налима. А теперь еще и на железку позарился.

Когда по мискам разложили куски вареной рыбы, к стану подбежал горноста́й в бурой летней шубке — учуял разбойник поживу. Капитан кинул ему жирный плавник.

Егор, опустошив очередную миску, вытянулся на лопатке и, поглаживая тугий живот, пропел:

— Так наелся и напился, что хрен за ногу завился.

Завершили ужин несколькими кружками чая, заваренного на смеси брусничных и смородиновых листьев.

На ночь оставшиеся продукты, от греха подальше, повесили на сучок (в лесу хватает желающих попользоваться дармовщиной), и разлеглись у костра.

Первым заговорил капитан и, как всегда, про рыбалку:

— В устье Гонама есть громадная ямина. Так я в ней как-то за вечер семь тайменей взял. У одного на голове три шрама, а на месте глаз — углубления, заросшие кожей, — слепой был. Орлан, похоже, постарался.

— Вы что, сетью ловили?

— Отнюдь, на блесну. В том-то и загвоздка — непонятно, как этот безглазый блесну запеленговал?

— Наверное, на колебание блесны ориентировался.

— Он вообще был какой-то необычный — когда я выволок его на берег, захрюкал, словно кабан. Все молча рты разевают, а этот все что-то сердито лопочет. И долго так.

— А у нас на Глухоманке тайменей нет. Зато харьюзов немерено. Мы их петлей наладились ловить.

— Как это?

— Проще простого. С берега вымотришь, где стоят — они у холодных сливов любят собираться. Выберешь покрупней и петлю на длинном шесте со стороны головы осторожно заводишь. Как только дойдешь до плавника, резко вверх дергаешь. Этому меня мой дядя Бюэн, Царствие ему Небесное, научил, — осенил себя крестом Корней.

— Корней Елисеевич, вы без конца креститесь. И сейчас вот, и перед едой, и после еды, перед сном и после сна — вы что, в самом деле верите в Бога? — решился наконец задать давно волновавший его вопрос Егор.

— Как можно в Него не верить? Он ведь Отец всему существу. Все мы Его дети и живем под Его присмотром. А крещусь, потому как крестное знамение особую силу имеет... Вот как-то зимой в пургу заплутал — Сатанил все сбивал. Думал, конец мне. Осенил себя крестом, постоял, помолился, и в голове прояснилось. Это Он вразумил куда идти. Испробуй — убедишься, насколько крест животворящ. Только креститься надо с глубокой верой и страстным чувством, а не просто рукой махать. Тогда Отец Небесный услышит. Коли без веры — пустое дело.

— Он, может, и отец, да мы уж больно своевольные дети. Мне думается, сотворение Им рода человеческого — ошибка. От нас один разор. Никому житья не даем, — пробурчал капитан. — Звери, даже самые хищные, и те своих не трогают, а люди друг друга тысячами, а то и миллионами убивают. Все вокруг крушат, гадят.

— А нас и в школе, и в мореходке учили, что религия — дурман. Мол, Бога выдумали специально, чтобы народ в повиновении держать.

— Егор, у тебя отец есть?

— Да.

— Ты его слушаешься?

— Конечно! Отец ведь.

— А Господь наш всеобщий Отец. Он дал десять заповедей, по которым следует жить, чтобы быть счастливыми. Некоторые из них нас ограничивают. Но ограничивают, дабы уберечь от греховного деяния. Вот, к примеру, есть заповедь — не убий. Ежели ее не соблю-

дать, тогда каждый сам будет решать: этот человек что-то мне не по нраву, убью-ка я его. Ты что, это считаешь правильным?

— Ну вы и сказанули!

— Так о каком слепом повиновении ты говоришь? Без страха Божия мир рухнет. Сатана одолеет. В Евангелии прямо сказано: «Страхом Господним уклоняется всяк от греха». Только слова «страх» и «уклоняется» следует правильно понимать. Это не Бог человека отводит, а сам человек уклоняется, стыдясь предстать перед Отцом плохим.

— Так иногда сложно понять, что хорошо, а что — плохо.

— Создавая нас, Он и это предусмотрел. Чтобы мы могли отличить греховное деяние от праведного, совестью нас наделил. Ежели согрешишь, совесть покою не даст — всегда на то укажет. Живи, как она подсказывает, и все будет ладно. Когда в человеке начинает преобладать греховное, душа болеет, страдает. То совесть не дает покоя.

— Выходит, совесть — это голос Бога в нас?

— Молодец, Егор! Верно понял.

— Еще я заметил, креститесь вы не так, как моя бабья. Вы что, раскольник?

— Егор, мы не раскольники. Мы как раз последователи неправленного Писания. Храним то, что изначально Христос людям завещал. Раскольниковым был патриарх Никон. Это он ради своего возвеличивания переписал, искажил каноны, утвержденные на Вселенских соборах. Тем самым расколол не только православную веру, но и народ.

— Я в Усть-Куте недавно видел таких же, как вы, мужиков с бородами. На пароход садились. Рослые, немногословные, штаны заправлены в сапоги. В домотканых рубашках с глухим воротом. Вереvoчками подпоясаны. А у женщин платье до пят, на головах платки. Еще подумал, странные какие-то, артисты, что ли?

— Похоже, то наши были. Стараемся и в одежде сохранять обычаи предков. Вот идет человек в косоворотке и с пояском, и сразу понятно — одноверец.

Русло Алдана раздваивалось. Речные знаки указывали, что идти следует по левому рукаву, но капитан задумал пройти по правому. По рассказам тех, кто ходил по нему прежде, там обитают самые крупные на всем Алдане таймени. Но после того, как там в водобоине разбились подряд два судна, по пароходству вышел приказ, запрещающий заходить туда.

— У меня последний рейс — больше шанса не будет, — объявил Михайлыч, сворачивая.

Протока на всем видимом протяжении текла по первости прямо: ни крутых излучин, ни ям. Капитан расстраивался — где же рыбачат? По берегам темно-зеленые конусы елей. Их мрачность подчеркивала белизну стволов редких берез. С макушки одной отсчитывала года избавившаяся от материнских забот кукушка.

Впереди, метрах в двухстах, разглядели медведя — громилу необычной рыжей окраски. Он брел по узкому берегу и, переворачивая камни, слизывал с них ручейников. Услышав рокот мотора, поднял шарообразную голову с крохотными глазками и с любопытством разглядывал невиданное чудище. Когда буксир оказался напротив, отважно поднялся на задние лапы, вздыбил шерсть так, что стал еще крупнее, и грозно рывкнул. После чего не торопясь, с достоинством хозяина этих мест, в два прыжка заскочил на обрыв и скрылся в чаще.

Дальше русло стало загибаться, а берега сходиться. Вода закручерявилась, заплясала гребешками. Донесся подозрительный гул. Он с каждой минутой нарастал. Скорость течения заметно возросла, и капитан перешел на самый малый.

Когда вновь вышли на прямой участок, стало понятно, отчего такой гул: русло упиралось в стену с чернеющими в нижней части глубокими полостями. Река, врезааясь в нее, исчезала в промытых каналах.

Течение ускорилося так, что на смену веселым завитушкам пришли тугие конусы водоворотов и стоячие волны. Судном стало трудно управлять, да и непонятно было куда вырливать?! Назад — поздно, а к отвесным берегам не пристать.

«Неужто конец? — мелькнуло в голове Корнея.

— Господи, спаси и сохрани! Господи, спаси и сохрани! — безостановочно шептал он, осеняя себя крестным знамением.

Стена совсем близко. Волны перед ней сшибались в беспорядочной толчее. Еще несколько секунд, и буксир врежется в скалы. Неожиданно слева показался узкий просвет. Побагровевший капитан непоколебимой глыбой сгорбился над штурвалом и, преодолевая чудовищное сопротивление воды, что есть силы закрутил его. Буксир, рассекая задранном носом кипящие буруны, вырвался из бьющего в стену потока, лишь слегка чиркнув бортом о скальный выступ. Напоследок его окатило отбойным валом и выплюнуло на плес. Здесь река успокаивалась и текла уже умиротворенно. Зеркальная гладь почти без искажений отражала склонившиеся ветки черемухи.

Вся эта крайне опасная ситуация длилась не более минуты, но эта минута показалась всем вечностью.

Михайлыч облегченно выдохнул:

— Простите, мужики! Дернул бес.

Заметив, что у Егора мелко дрожит челюсть, добавил: — Чего зубами клацаешь? Пронесло ведь.

— Думал — кранты! — попытался улыбнуться матрос.

— Да уж! На волоске были. Сам малость струхнул. Зато будет что вспомнить.

Корней, не обращая внимания на их разговор, опустился на колени и, истово крестясь, принялся благодарить Господа за чудо спасения, повторяя:

— Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!

— С тобой и впрямь в Бога поверишь. Молитвы твои, похоже, не зряшные.

— Господь милостив. Но и вы мастерски вырулили.

Польщенный Михайлыч задрал подбородок, мол — знай наших!

Плес заканчивался, и капитан, высмотрев по правому борту бурунистый приток, вытекавший из заваленной обомшелыми стволами теснины, направил буксир к нему.

— Поглядим, поглядим, каковы здесь хваленые таймени.

Буксир, подняв тугую накатную волну, боднул берег сразу за устьем. Судя по старым, уже заплывшим затесам,

место это в прошлом было популярно у рыбаков. Ниже крутило огромное улово. В нем медленно и тяжело ходила по охватистому кругу черная вода.

Оттягивая сладостные минуты ожидания борьбы с сильной рыбой, решили прежде попить чайку. Собрали в кустах застрявшие в паводок сухие ветки. Пока Егор с Николаем занимались костерком, Корней пошел к устью набрать воды.

Подойдя, обомлел — в холодных струях нежилось, чуть шевеля плавниками, огромное «бревно». По мощному туловищу, лобастой голове и просвечивающему сквозь воду малиновому хвосту сразу определил — таймень. Он нагло рассматривал подошедшего неподвижными, как будто стеклянными глазами. Какое властное очертание рта! Какой царственный и грозный взгляд! По голове Корней невольно забегали мурашки.

Таймень неожиданно придвинулся поближе.

«Ишь ты, любопытный!» — успел удивиться скитник, а рыбина, развернувшись, уже торпедой неслась к улову. Перепуганная мелочь веером разлеталась в разные стороны. Недолгие всплески, юркие воронки, и все стихло.

Ошалевший Корней в три прыжка взлетел на буксир, промывав капитану что-то нечленораздельное, схватил спиннинг и с ходу забросил блесну в центр ямы.

Таймень взял сразу и резко. Несколько раз ворохнулся и успокоился. Поплыл вслед за подтягиваемой леской эдаким послушным топляком, лишая Корнея удовольствия борьбы. Лишь изредка лениво упирался. Но когда его выволокли на берег (к счастью, пологий), он, поняв, что над ним нависла смертельная угроза, показал всю свою мощь: ударяя мускулистым хвостом, долго прыгал, выгибался серпом, расшвыривал гальку и никак не давался обступившим его людям.

Когда, наглотавшись воздуха, великан присмирел, мужики смогли полюбоваться на него.

Широколобая округлая голова, занимающая четверть тела, немного сплюснута, только не с боков, как у щуки, а сверху вниз, как у сома. Громадная пасть усеяна крепкими крючковатыми зубами. По расцветке он отличался от предыдущих: спина бархатисто-коричневая, бока серебристо-зеленые в живописной россыпи темных пятен.

Нижние плавники и внушительный хвост в ярких оранжево-красных мазках.

— Вот это да тебе!! Бери кисть и рисуй! — восторгался капитан.

В этот раз уху варили лишь из головы. Больше ничего не уместилось. Остальное Михайлыч разрубил и большую часть, натерев солью, отнес на буксир и уложил в бочонок под гнет. Оставшиеся куски, насадив каждый на заостренные развилки веток, зажарили. Вытапливаемый жир, падая на раскаленные угли, с шипением вспыхивал короткими язычками пламени.

— Люблю смотреть на костер. Он завораживает. Наверное, поэтому в древности люди поклонялись огню, — задумчиво произнес Николай.

— А я, когда гляжу на беготню язычков пламени, отрешаюсь от всего, — добавил, вытирая губы тыльной стороной ладони, капитан.

— У костра еще хорошо мечтать, особенно после такого вкусного тайменя, — не преминул вставить свое слово Егорка, облизывая губы.

Корней, сидевший чуть поодаль и не участвовавший в разговоре, доел поджаренный, сочащийся жиром шмат тайменя, тщательно вытер травой руки и, перекрестившись, прочитал молитву.

— Дядя Корней, вы постольку раз на дню молитесь. Неужто не надоедает? — повернулся к нему Егорка. — Разве одного раза недостаточно?

— Человек, чтобы жить и двигаться, на дню два-три раза принимает пищу. Нашей душе тоже необходима пища — молитва. Чем чаще молишься, тем душа здоровей, а дух крепче.

— Елисеевич, — подключился к разговору капитан, — скажу честно, я мало разбираюсь в религии. Многого вообще не понимаю. С одной стороны, говорите, Бог един, а сами всякий раз троих поминаете. Растолкуй эту нестыковку.

— Как бы подоступней объяснить... Вот, есть вода. Обычно она жидкая, но может быть твердым льдом и паром. Так и Господь, он один, но существует в трех ипостасях. Понятно?

— Честно говоря, не очень.

— Тогда могу Его сравнить с Солнцем, которое одновременно и шар, и тепло, и свет. И все это не может существовать по отдельности друг от друга.

— Так, может, Солнце и есть Бог?

— В древние века огнепоклонники именно так и считали, но это в корне не верно. Были и те, кто был уверен, что Богом являются вода, земля. В общем, все что угодно. На самом деле все это сотворил один Создатель — Бог.

Ежели по-книжному, Бог неразделим и един по существу, но троичен в лицах: Отец, Сын и Святой Дух. И Отец есть Бог, и Сын есть Бог, и Святой Дух есть Бог, но не три Бога, а один Бог. Три Лица различны между собой по личным свойствам: Отец не рожден ни от кого, Сын рожден от Отца, Дух Святой исходит от Отца.

Небо тем временем помрачнело, налетел ветер, и прямо над головой с оглушительным треском сверкнула молния, ослепившая на мгновение сидящих у костра. Следом хлынул дождь. В мешанине смятых ветром водяных струй без конца полыхали слепящие разряды. Вода в реке на глазах прибывала.

— Сворачиваемся, и на буксир! — распорядился капитан.

— Может, переждем? Гроза раз-два и прошла. На воздухе-то лучше спится, — подал голос Егорка, уже забравшийся под разлапистый кедр.

— Тебе пора бы знать, что вода в этих краях из-за вечной мерзлоты в землю не впитывается, сразу скатывается. Через час нас может просто смыть.

— Так уж и смыть!?

— Стихия не предупреждает. Вон, на Курилах никто и предположить не мог, что их в одно мгновение двадцатиметровым валом накроет.

— Разве такие волны бывают?

— Отставить разговорчики — все на борт, — посуровел капитан.

— Михайлыч, а все же, что за волна там была? — спросил Корней уже на буксире.

— Жуткая история. Даже вспоминать страшно... В пятьдесят втором в ночь с 4 на 5 ноября небывалое цунами смыло с Курилы и Южной оконечности Камчатки тысячи

людей*. Выжившие рассказывали, что вечером наступила странная тишина. С береговых скал исчезли морские птицы. Сивучи и другие ластоногие сползли с прибрежных камней и уплыли в открытое море. Никто не придал этому значения.

Ночью тряхануло несколько раз. Жители повыскакивали было, но, обманутые царящим покоем, вместо того чтобы бежать на сопки, вернулись и легли спать. Это потом стали инструктировать: «Услышал толчки — беги в горы». Приехавшие сюда после войны с материка этого не знали.

Первыми обнаружили, что океан неожиданно стал отступать, обнажая дно, пограничники. Вода уходила все дальше и дальше, создавая иллюзию гигантского отлива. Утром отступивший было океан встал на дыбы. Громадная волна смыла не только все живое, но и постройки. В воде перемешались люди, бревна, скот, бочки, военная техника.

Вывернуло из земли даже построенные японцами железобетонные доты. Погибли все пограничники. На Парамушире вода обрушилась на казармы стрелковой дивизии, смыв в море весь личный состав.

Это был настоящий конец света. В живых остались лишь те, кто сообразил бежать в сопки. Когда волна отступила, некоторые стали спускаться в надежде найти близких, но вскоре пожалели об этом. С океана пришла вторая, еще более высокая волна. Она была такая мощная, что перекатилась через низменные участки в Охотское море.

С одного из уцелевших маяков в штаб флота ушла телеграмма о том, что они подверглись ядерному удару. Мир был на грани новой мировой войны. К счастью, все обошлось. Нам поступил приказ идти к островам на самом полном ходу и принять участие в спасении оставшихся в живых.

---

* За три дня до начала этих трагических событий американцы в Тихом океане на Маршалловых островах произвели испытание мощной атомной бомбы, которое, вполне возможно, и спровоцировало сдвиг тектонических плит возле Камчатки.

Помню, с каким трудом отрывали окоченевших людей, вцепившихся в плавающие бревна и прочие обломки. Поднимали их на корабли. Вливали в рот спирт, горячий чай. После укладывали, укутав одеялами.

К сожалению, без мародерства не обошлось. Поэтому было введено военное положение. Патрули, составленные из моряков и офицеров с прибывших судов, быстро навели порядок. Мародеры, грабившие в Северо-Курильске отделение Госбанка, при выходе из подвалов с пачками денежных купюр были тут же расстреляны...

Ночью Корнея преследовал один и тот же кошмар: огромный таймень возится на гальке, но как только он приближается к нему, рыба бьет могучим хвостом, и он летит на скалистый островок, где его накрывает волна...

Вода в реке за ночь действительно поднялась так, что залила кострище.

* * *

Так они и шли, чередуя «полный вперед» с рыбалкой на приглянувшихся капитану яминах. Егор всякий раз недовольно ворчал:

— Опять комаров кормить. Так до зимы не доберемся.

На одном из поворотов в Алдан влилась шумная перламутровая речонка с необыкновенно прозрачной водой. Она километра полтора так и текла, не смешиваясь с водами Алдана.

У капитана на это место были большие планы — он заранее сбавил до минимума обороты и стал готовить снасти. В самом устье внимание всех привлекла парочка милующихся медведей. Звери были столь увлечены любовными делами, что не обращали внимания на приближение буксира.

Эта идиллическая картина так растрогала Михайлыча, что он заглушил двигатель, и судно проплыло мимо, не потревожив парочку.

— Порыбачить не дали, — добродушно проворчал он.

* * *

К Хандыге подошли после полудня. Пришвартовались к свободному причалу.

Перед путниками сразу встал вопрос — на чем плыть дальше? Михайлычу в диспетчерской сказали, что рейсов на север в этом году больше не будет.

— Мужики, на Лену вам выбираться надо — там на севера допоздна ходят. Только вопрос: как?

Вариантов было два: либо вязать плот, либо найти лодку. Решили для начала поискать лодку. Проще управлять, и скорость побольше. Обследовав берег, обнаружили затопленную и наполовину замытую песком посудину — один нос из воды торчал. Когда стали переворачивать, в ней кто-то завозился. Оказывается, ее уже обжил предприимчивый налим. (Неслучайно сибиряки эту рыбу называют поселенцем.)

Лодка была хоть и старая, но еще довольно крепкая. Посушив два дня на солнце, отремонтировали, просмолили гудроном щели. Корней вытесал весла, приладил ключины — их снял с другой, валявшейся вверх дном на берегу и уже наполовину сгнившей.

При расставании капитан дал в дорогу моток лески и бесценную в дороге соль.

— Эх, ребята! Махнул бы с вами, да жене обещал, как сдам буксир, повезти на море в Сочи, — вздохнул он. — Корней Елисеевич, я все спросить хотел, да стеснялся.

Вот вы всегда нам говорили, молись и Господь поможет. Так получалось, что я несколько раз заходил в церковь помолиться об одном деле и никакого проку.

— Я уже говорил: дабы молитва подействовала, надо искренне, от всей души обращаться к Богу и время от времени с чувством повторять ее. С одного раза редко исполняется. Когда просишь со слезами, с верой в Него, Господь слышит и помогает. Ежели, походя, с небрежением, то без толку. А случается, не исполняет, дабы от беды отвести.

Разрезая слюдянисто-серую гладь, Корней сильными гребками вывел лодку на стремнину. Михайлыч провожал взглядом удаляющуюся точку до тех пор, пока она не скрылась за излучиной. Он еще долго стоял на берегу, размышляя о том, как сложится его жизнь дальше. Ведь завтра сдавать буксир и оформлять пенсию. Как бы он ни бодрился, новая жизнь пугала его.

УСТЬЕ АДДАНА. ЯКУТЫ

Скорость на лодке была в разы меньше, чем на буксире. Зато в тишине, не нарушаемой рокотом двигателя, сплавщики в течение дня видели намного больше зверья. Чаще всего это были горбоносые сохатые. Спасаясь от кровососов, они обычно стояли в воде по самую шею. У некоторых лопаты рогов были такие большие, что голову животного от тяжести водило из стороны в сторону. Когда слепни облепляли и морду, они окунали ее в воду. Иные, подергивая шкурой, бродили по отмелям, пощипывая сочную траву. Самые любопытные, поглядывая на проплывавших людей, подпускали метров на тридцать. Более осторожные, увидев лодку, сразу убегали своей характерной размашистой рысью, гордо вскинув голову.

Встречались и медведи. Однажды путешественники чуть не прослезились от умиления, наблюдая, как пестун моет сеголетка. Плеснет на него водой и елозит лапой то по туловищу, то по морде.

А как-то проплывая рядом с берегом, услышали ворчание, перешедшее вскоре в частое сопение. Сквозь сито жидкого ивняка проступали бурые силуэты. Это развлекались медведь с медведицей. Заметив людей, хозяин тайги поспешил скрыться в кустах — застеснялся.

После полудня обычно устраивали чаевку — самый приятный момент в пути. Пристав к берегу, собирали выбеленный солнцем сушняк, разводили костер и заваривали из трав чай. Во время одной из таких чаевок к плеску набегавших на берег волн добавилось шлепанье лап по воде. Обернувшись, увидели выходящего из-за груды плавника округлившегося от жира мишку. Корней на всякий случай взвел курок. Услышав металлический щелчок, зверь тут же развернулся и опрометью кинулся наутек. Похоже, имел горький опыт встречи с охотниками.

Чем ближе к устью, тем размашистее пойма Алдана. Да и сама река в ширину уже не менее километра. Горы отступили — с обеих сторон равнинная тайга с округлыми луговинами аласов. Русло все чаще разбивалось на протоки с множеством лесистых островов. Над ними неподвижно «висели» кобчики. Они, часто трепеща крыльями, терпеливо высматривали добычу.

Поскольку течение на фарватере поживее, чтобы не сойти с него, придерживались речных знаков.

На берегах замаячили туповерхие балаганы, обложенные понизу дерном. Что странно — возле них ни людей, ни скотины.

В один из дней ветер принес запах дыма. Спустя некоторое время к нему примешался ни с чем не сравнимый конский душок. Вскоре показались и сами пасущиеся на разнотравье табуны низкорослых якутских лошадок. Они были совсем дикие и при приближении лодки сразу убегали, подгоняемые тревожным ржанием жеребца. На деревьях черными гроздьями восседали краснобровые тетерева-косачи. Эти на лодку не обращали внимания.

В заливчике несколько обшитых берестой лодчонок, а на высоком яру с десятков балаганов, дымокуры из лошадиного и коровьего помета. Возле них понуро толпились косматые лошади, в основном белой масти. Мотая головами, они шумно отфыркивались от слепней, пытающихся напиться крови, и оводов, откладывающих под кожу яйца. Животные нервным, резким подергиванием шкуры сгоняли их.

Сплавщики подгребли к косе из плотно спрессованного галечника. Лодка со скрежетом заползла на него. Появление бородачей вызвало в становище оживление. Посмотреть на прибывших вышло почти все мужское население наслега: широколицые с приплюснутыми носами, узкоглазые, пустобородые якуты*. Большинство в броднях — мягких ровдужных** сапогах, подвязанных узкими ремешками чуть ниже колена. Поверх рубах заячьи жилетки. На головах ситцевые платки, завязанные сзади так, чтобы закрывались от комаров и мошкары уши и шея. Женщины и детишки лишь с любопытством выглядывали из приоткрытых дверей и окошек.

Под кедром на чурбане, застеленном коровьей шкурой, сидел, полуприкрыв глаза и покачиваясь, пожилой якут — глава наследного совета. Чуть в стороне коновязный столб. Рядом три оседланных упитанных мерина.

---

* Якуты — самый многочисленный коренной народ северо-востока Азии. Большая часть живет на средней Лене. Отдельные якутские роды живут на Яне, в верховьях Индигирки и устье Вилюя. Несмотря на территориальные разрывы, они сохранили свой язык и культуру.

** Ровдуга — замша из продымленной оленьей шкуры. Длительное дымление хорошо дубит кожу. Она не коробится и не грубеет после просушки.

На земле свежие колобки помета. Эти стоят спокойно, словно им дела нет до кровососов. Насекомых и в самом деле возле них было совсем мало.

Продубленное солнцем и ветрами лицо якута с резко обозначенными скулами испещрено трещинками морщин. Жесты сдержанные, уверенные. На голове густая, еще совсем черная шевелюра (якуты долго не седеют). В зубах короткая носогрейка*, на поясе сумочка с огнивом и табаком. Попыхивая трубкой, он внимательно разглядывал сквозь прорези глаз приближающихся людей, изредка отмахиваясь веткой от оводов. Все в его облике говорило о том, что он здесь главный.

Когда скитники подошли, якут встал:

— Дорова! Пришли! Как имя?

— Я Корней, он — Николай. А ваше?

— Фрол. Я тут старший. Пошли кумыс пить, копсе** говорит, — произнес он с характерной для якутов медлительностью.

Корней впервые оказался в якутском селении, и с интересом рассматривал их жилища. У каждой семьи два балагана (юрты): зимний и летний. По форме они напоминают усеченную пирамиду. Расположены рядом, дверь в дверь. Стены из наклонно стоящих стволов***, обмазанных глиной, смешанной с конским навозом. Дверь тоже наклонная и утеплена шкурой. Корней про себя отметил: «Разумно — сама закрывается». Над входом «лопаты» сохатого либо ветвистые рога северного оленя. Чуть в стороне — покрытый резьбой столб — коновязь. За балаганами в деревянных колодах с мочой дубятся шкуры.

Фрол завел гостей в летнее жилище. По углам четыре вертикальных столба, связанных поверху венцом. К нему и прислонены почерневшие от копоти (особенно сильно у потолка) стволы, образующие стены. В двух местах прорублены оконца. В центре камелек**** — очаг, сложен-

---

* *Носогрейка* — короткая трубка.

** *Копсе* — новости.

*** Якутские юрты из-за того что стены у них сложены из вертикально стоящих бревен, еще называют «стоячим домом».

**** *Камелек* — очаг в избе, по устройству напоминающее камин.

ный из крупных валунов с прямой трубой. В нем тлея пара сырых поленьев, от их углей в любой момент можно запалить огонь. Рядом в коробке кремень и трут.

Слева стол, над ним в полумраке иконка с ликом Христа Спасителя. Перекрестившись, они огляделись. По периметру вдоль стен широкие лавки из толстых плах, разделенные перегородками для постели. Вместо стульев — приземистые чурки, отполированные до блеска штанами. На дощаном полу трое румянощеких мальцов играли с костями. Они были так поглощены этим занятием, что не обратили внимания на вошедших.

Неулыбчивая якутка в мужской шапке с трубкой в зубах, выкраивавшая из конской кожи подошвы для торбасов, прервала свое занятие и разлила в кружки кумыс*, поставила два блюда. Одно с вареной рыбой, второе с калеными кедровыми орешками. Когда заплакал ребенок, поспешила к зыбке, висевшей возле ее рабочего места.

— Ешьте, ешьте! Это лиимбэ**, — сказал хозяин, бросая в огонь жирный плавник, — сын принес. Полз из протоки в реку. Дождь был.

Ели молча — соблюдали обычай: пока гости едят, расспрашивать не принято. Насытившись, вытерли руки полотенцем. Когда Корней с Николаем осушили кружки с целебным напитком, хозяин придвинул гостям миску с орешками:

— Копсе говорите!

Корней знал, что доставлять в дом новости — долг каждого путника, и стал подробно рассказывать про доброго капитана буксира, про то, что научились ловить тайменя на блестящую железку и хотят доплыть до океана.

Фрол озадаченно захлопал глазами:

— Океан — это кто?

— Океан — это самое большое на Земле озеро. В него текут все реки.

Корней развернул карту.

---

* *Кумыс* — питательный и целебный напиток из кобыльего молока. Отправляясь на сенокос, якуты обычно берут с собой пару кожаных мешков с ним, и несколько дней пьют только его.

** *Лиимбэ* — ленок.

— Это — река Алдан. Вот тут ваша деревня. Если плыть дальше, попадешь в Лену.

— Лену знаю. Алдан туда течет.

— А еще дальше — океан. Он такой глубокий, что в нем утонет самая высокая гора.

— К его берегам, — подключился к разговору Николай, — весной, спасаясь от гнуса и комарья, уходят на лето олени, а осенью они возвращаются в лес. В тех краях бывает время, когда солнце прячется за горы. Делая круги по небу, светит и днем и ночью.

— Хорошо им. Всегда тепло. Всегда светло.

— Тепло только три месяца. Потом солнце уходит и наступает зима с долгой-долгой ночью.

— Ух ты! А люди там живут?

— Живут, но мало... Фрол, я первый раз вижу якутские балаганы. Можно ли посмотреть зимний? Мы-то круглый год живем в одной и той же избе.

— Пошли покажу, — произнес якут, не переставая щелкать орешки.

Зимняя юрта была поменьше и лучше утеплена. Снаружи обмазана более толстым слоем смеси глины с навозом и обнесена высокой завалинкой. Внутри вдоль стен не лавки, а длинные канны, сложенные из камней, скрепленных глиной. Они подогреваются дымом очага. На этих теплых лежаках зимой не страшны никакие морозы. Снаружи к юрте примыкает хотон-хлев для коров. (Якутским лошадам хотоны не нужны — они до того привычны к холодам, что в тепле хиреют.)

Утром, когда готовились к отплытию, из леса вышел небольшой караван. В слезящихся глазах передового мерина и во всем его облике читалась обреченность — видимо, переход был крайне тяжелым. Навьюченные лошади шли гуськом, на расстоянии двух-трех метров друг от друга. Связаны они были довольно необычно: задние «привязаны» к хвосту впередиидущей.

Глава семьи — невысокий якут с маленькими усиками на лоснящемся от пота лице, сидел в деревянном седле, обтянутом для мягкости войлоком. Под ним кожаный чепрак — чтобы не натиралась спина лошади. На боку пальма — увесистый нож с длинной деревянной ручкой. Сзади седла приторочен дорожный выюк, в котором все, что нужно в дороге. У идущей следом кобылы выюки

по бокам. За ней тянулись остальные лошади и семья племянника председателя наслега. После завершения главного у якутов праздника возрождения природы Ысыах* они еще с полмесяца объезжали родственников жены.

ЛЕНА. «АРКТИКА» В ПЛЕНУ. ЗИМОВКА

От Хандыги до Лены** доплыли за одиннадцать дней. Алдан в устье был столь полноводен и размашист, что казалось, не он, а Лена впадает в него. Широкая угрюмо-серая гладь устья сливалась с мрачными обложными тучами. На Лене острова пошли еще чаще. Из глубины береговых зарослей доносился голос кукушки. Она вещала все время, пока расстояние не заглушило ее безостановочный счет то ли годам, то ли дням. Корней усмотрел в этом добрый знак.

Раскидистые сосны начала теснить стройная даурская лиственница. По берегам все те же непрехотливые березы, ивы, ольха. На прогалинах краснеет сочная, похожая на лесную малину, только намного крупней, княженика. Завидев ее бросающиеся в глаза россыпи, сплавщики приставали и с удовольствием лакомились, набирая еще и в дорогу. Если бы путникам довелось попробовать ананасы, то они согласились бы, что их вкусы схожи.

---

* *Ысыах* (изобилие) — главный праздник якутов, проводимый перед сенокосом. Он символизирует возрождение природы. К нему заранее шьют наряды, готовят национальные блюда: кумыс, быппах, саламат. В центре ритуального круга из берез — коновязь (сэргэ), символ Мирового древа Вселенной. Праздник начинается с танца стерхов. Затем шаман, чтобы изгнать злых духов, произносит заклинания и «угощает» огонь: бросает в него кусочки сала и лепешек. Следом пускают по кругу «чорон» — сосуд с кумысом. В заключение ритуала люди встают в хоровод, символизирующий единение всех присутствующих, и с песней двигаются по ходу солнца.

После этого начинаются спортивные соревнования: конные скачки, прыжки на одной ноге, прыжки на обеих ногах, прыжки с чередованием ног, стрельба из лука, перетягивание палки, борьба хапсагай — проигрывает коснувшийся земли хоть пальцем. Сказители рассказывают героический эпос олонхо, чередуя его песенными вставками.

** Лена — Елю, Енэ (*эвенк.*) — Большая Река.

И вдруг совершенно фантастическая панорама — настоящая пустыня! По правому берегу широкая полоса дюн из чистейшего песка. Видеть это в северной тайге было чудно. А часа через два еще один сюрприз — отрог, сплошь утыканный узкими кинжалами скал.

На Лене скорость сплава замедлилась. Особенно в тех местах, где руло разбивалось на множество рукавов. Вода в них текла до такой степени плавно, что натянутая гладь отражала берега почти без искажений. Когда начинал дуть встречный ветер, эта идиллия разрушалась, а путникам приходилось грести с большим усилием.

Яма, образовавшаяся за одним из лесистых островов, привлекла внимание Корнея: в многометровой глубине, смазанной завихрениями струй, угадывались черные тени.

— Может, поудим? Давненько не ели свежей рыбы, — предложил он.

— Я не против.

Сбросили один якорь с носа, другой с кормы. На них, как на растяжках, лодка замерла.

Не спеша двинулись по течению поплавок и потащили насадку. Потянулись минуты ожидания поклевки — безмолвного сигнала из неведомого, таинственного мира. Когда леска вытягивалась на всю длину от удилища до поплавок, удильщики табанили наживку к лодке и снова отпускали на волю течения. Рыбаки в такие минуты погружались в особое состояние, при котором человек не хочет, вернее, не может думать ни о чем: все внимание сосредоточено на поплавке — ему важно не прозевать тот чудесный, но краткий миг, когда требуется резко подсечь рыбу.

Несколько забросов, и рыбный пир обеспечен. Пока варили и хлебали уху, ожил ветер. Когда снялись с якоря и вышли на прямой участок реки, он и вовсе разыгрался не на шутку. Вода забурлявила, крупную зыбь сменили нешуточные волны. Лодка то зарывалась в них носом, то взлетала вверх. Чтобы укрыться от его пронизывающих порывов, надели суконные куртки. А ветер все крепчал.

Разошедшиеся волны временами захлестывали в посудину. Пришлось пристать. Заварив чай, озябший Географ сунул в него на пару секунд, для придания дымчатого аромата, горящую березовую головешку. Согревшись,

долго бродили по мари, лакомясь кисло-сладкой, с седоватым налетом голубикой. Здесь она была до того крупная и сочная, что никак не могли остановиться. Насытившись, наполнили еще и котелки. Поскольку ветер и не думал стихать, решили тут и заночевать.

Забравшись в спальники, бородачи, пользуясь отсутствием кровососов, с интересом наблюдали за тем, как одинокая косматая туча, похожая на чудовище, раскрыв пасть, бесшумно подкралась к лимонному диску. Луна, блеснув напоследок, исчезла в сомкнувшихся челюстях, и сразу количество звезд будто удвоилось.

— Звезд нынче, что клюквы на болоте! Ого! Смотри! Смотри! Какая яркая падает! — воскликнул Корней, указывая на огненную полосу, прорезавшую небо.

— Это не звезда, это метеорит — небесный камень. Входя в плотные слои атмосферы, он раскаляется и сгорает. Лишь самые крупные достигают Земли. Вам, наверняка, попадалось в книгах упоминание о Тунгусском метеорите?

— Да, и не раз. Тогда от взрыва ночью стало светло, как днем. Все деревья на десятки километров повалило.

— Вот, вот! Это как раз был несгоревший метеорит, только очень крупный.

В этот момент из глубины леса донесся волчий вой.

— Мяса просит, — по-своему истолковал скитник.

Под утро ветер стих, и полчища оголодавших кровососов набросились на путников. Чуя рассвет, залепетала листва в кронах деревьев. Прогалы между туч серели: были те чудесные, неуловимые минуты, когда ночь переходит в утро. Выплывшее через полчаса солнце, коснувшись лучами вершины скальной гряды, стремительно отбирало у тьмы все большее пространство. Лес постепенно заполнялся радостным щебетом птиц, время от времени перекрываемым пулеметными очередями дятлов.

Русло Лены здесь почти прямое и далеко просматривается. На торчащем из воды камне, не шевелясь и чуть сторбившись, застыл медведь. Судя по всему, караулил рыбу на завтрак. Действительно, он вдруг гребанул по воде и выкинул на берег рыбину, блеснувшую чешуей в воздухе.

По косе в поисках поживы бегали неутомимые кулички. На выбеленной солнцем валежине размеренно покачивала хвостом хозяйюшка-трясогузка.

Корней, собрав недогоревшие ветки, оживил костерок. Пламя, постреливая искрами, зализало покрытое сажей дно чайника.

Из мешка показалась взлохмаченная голова с измятым со сна лицом Николая Александровича.

— Доброе утро, Николай!

— Вот не спится некоторым! — пробурчал тот, зябко ежась.

— Покамест я занимаюсь стряпней, сходил бы рябцов на обед настрелял, — предложил Корней, протирая слезящиеся от привязчивого дыма глаза, — вон в распадке расшvistелись. Слышишь?

— Корней Елисеевич, вы меня извините, но в живность стрелять не буду. Зарекся.

— Что так?

— Рука не поднимается. Понимаю, без мяса в тайге никак, но вы уж увольте — зарок Господу дал.

— Чего это вдруг?

— Да, было дело. Одноклассник позвал на охоту. Я прежде ни разу не ходил — не тянуло. А тут, думаю, дай попробую. Идем рано утром по распадку. Туман еще стоял. Он по правому склону, я по левому. Слышу тихий перестук: топ-тук, топ-тук. И тишина. Думал, показалась. И опять пробежка: топ-тук. Уже ближе. Пригляделся — олень. Голова гордо вскинута. Идет прямо на меня. Сердце заколотилось. Поймал на мушку и выстрелил. Дым, ничего не видно. Не утерпел, побежал к нему. А он стоит и на меня в упор смотрит. Я опешил — почему не убегает? Пальнул еще раз. Тут уж упал, а сам по-прежнему на меня глядит. Эх, лучше б не видел эти огромные карие, как у моей мамы, глаза. В них было столько укора и недоумения, что я почувствовал физическую боль в сердце. Стало так стыдно, что готов был упасть перед ним на колени и просить прощения... С того дня ружье даже в руки не брал. Так что не сердчайте... давайте лучше я буду кашеварить.

— Я тебя понимаю...

Закинув ружье на плечо, Корней отправился в распадок.

Углубившись в чашу, обвешанную серыми прядями лишайника, услышал сиплый звук, похожий на стон. Поначалу не обратил на него внимания — решил, что показалось. Но когда он повторился, остановился, прислушиваясь. Точно! Кто-то стонет и до того жалобно, что скитник невольно направился в сторону, откуда доносился стон. Мягко ступая по опавшей хвое, Корней отводил рукой от лица густые колкие еловые лапы.

Ветер то приближал стон, то удалял. Кедровка, летя зигзагами сквозь лес, выкрикивала скрипучим голосом сигнал опасности. Не щадя себя, она старалась предупредить обитателей тайги о появлении человека.

В одном месте скитник заметил, что мох на валежине содран. Пригляделся — вмятины от копыт, а сбоку медвежьих следы. Вокруг тишина, нарушаемая лишь все отчетливей слышимым стоном. Даже мошка, казалось, роилась перед глазами беззвучно.

Пройдя еще метров двадцать, Корней уперся в подернутую ряской старицу. Посреди нее торчала причудливая коряга. Она вдруг зашевелилась и, издав сиплый звук, стала медленно поворачиваться. Только тут скитник сообразил, что это не коряга, а лосиные рога. Животное, пуча от ужаса глаза, уже почти целиком погрузилось в вязкую трясины. Жалко было сохатого, но помочь ему Корней не мог.

Расстроенный, даже не вспомнив о рябчиках, он вернулся в стан и рассказал Николаю о случившейся трагедии.

— Вот чудак — чего в топь-то полез? — удивился Географ.

— Похоже, не по своей воле. Судя по следам — медведь гнал. Вот и рванул напрямки.

* * *

Уже две недели, как путешественники плывут, мерно поскрипывая уключинами, по величественной Лене. Левый берег низкий, а правый — довольно высокий, местами почти отвесный. Тут хорошо потрудился камнетес-

ветер. По слоям каменистых обнажений, как по книге, можно было прочесть все геологические периоды этих мест. Особенно живописно смотрелись участки, украшенные известняковыми останцами. В одном месте их цепочка представляла собой вереницу слоистых колонн, испещренных трещинами. Колонны эти были до того тонкими, что чудилось, дунет ветер — переломятся. С вершины одной из них взлетел беркут и, поймав восходящий воздушный поток, закружил, оживляя небесную пустоту над лодкой.

Погода баловала: все дни ни облачка. Правда, по ночам холодало так, что к утру трава покрывалась инеем. Вода в реке посветлела, остудилась.

За все это время ни одно судно не обогнало их, а вот навстречу прошли пять или шесть. Выполнив северный завоз, они возвращались на зимовку в порта приписки.

— Поздновато мы вышли, — сокрушался Корней.

На одном из пароходов везли партию заключенных. Офицер прокричал с палубы: «Кто такие?»

— Рыбаки.

— Фамилия, имя?

— Кузовкин Корней Елисеевич.

— Стерхов Николай Александрович.

— Ты вроде с Нижнеянска?

— Да.

— А что на Яне рыба перевелась?

— Так у нас тайменей нет.

— Ну и как? Поймали?

— Пока нет. Видать, еще не скатился.

Когда пароход поравнялся с ними, офицер разглядел лежащий рядом с Корнеем протез. (Гребли по очереди, и скитник, чтобы давать отдых культе, отстегивал его.)

— Так ты одноногий?

— Вроде того. Но рыбалке это не мешает.

Офицер еще что-то прокричал, но пароход уже удалился, и сплавщики не поняли, что именно.

Весь вечер и всю ночь лил холодный дождь. Стало зябко и тоскливо. Вступала в права ненастная слезливая осень. Приунывшие путники отсиживались в палатке,

слушая под завывание ветра как барабанят по парусине тяжелые капли. Зато теперь появилась возможность часами выковыривать орешки из набранных во время обеденных стоянок двух мешков кедровых шишек. Корней любил есть их не по одному орешку, а сразу жменей — отец приучил.

Очистив от скорлупы полную кружку, съедал ее содержимое в несколько забросов. Тщательно разжевывая ядрышки, с наслаждением глотал сытную массу. После очередной порции неожиданно спросил:

— Николай, ты что больше любишь — осень или весну?

— Интересный вопрос... Каждая пора по-своему хороша. Осенью и весной даже настроение совершенно разное. Весна — надежда, обещание. Осень — спокойствие, грусть. Время, когда все достигает пика зрелости. А «плачет» она, как мне кажется, оттого что ей не хочется уступать место зиме.

— Но все же тебе-то что больше по душе?

— Пожалуй, весна.

— А мне осень. Я себя осенью даже чувствую по-другому, более счастливым, что ли.

Встали, едва посерело небо. Позавтракали, упаковали вещи. Спустившись к реке, остолбенели: лодки не было. Поднявшаяся вода подмыла берег, и дерево, к которому она была привязана, унесло течением. Хорошо, что в ней ничего кроме весел не лежало.

— Вот это сюрприз: лапки кверху, мордой вниз! — присвистнул Николай.

— Слава Богу, с вечера не поленились, подняли все наверх, — перекрестился Корней. — Если судов на север не будет, придется искать оленных эвенков и договариваться с ними о переходе на Яну, а там уж на плоту.

— Не знай, не знай. Пока найдем эвенков, пока перевалим к Яне, она в горах уже встанет, — засомневался Николай. — В нашем положении самое разумное — идти до первого селения и проситься на зимовку.

— Пожалуй, ты прав. С Яной я погорячился. Давай посмотрим, что тут поблизости у нас.

Корней развернул карту:

— Мы сейчас вот здесь. Скоро должно быть устье Ундюлюнг, а через километров семьдесят Харалах. Речки немалые, люди там наверняка живут.

На следующий день, взойдя на холм, путники увидели разбросанные в беспорядке избы. Судя по взъерошенным, гнущимся на ветру дымам, жилые. Ободренные бородачи прибавили шаг. Благо, тропа, идущая вдоль берега, становилась все шире и нахоженней. Вскоре в воздухе стал различим дегтярный запах березовых дров.

Неожиданно сзади донесся мощный гудок, следом второй. — Неужели пароход?!

С надеждой обернувшись, путники ахнули — разве такое бывает?! Из-за поворота выворачивал, извергая из трубы черный дым, огромный сухогруз. На носу красовалась надпись «Арктика». Палуба почти сплошь заставлена пиломатериалом, ящиками, бочками. (Как позже они узнали, сухогруз вез по заявке «Дальстроя» лес, мазут в Усть-Янск и Русское Устье.)

— Слава тебе Господи! Услышал наши молитвы! — произнес потрясенный Корней.

Часто бая, судно обогнало путников и, сойдя с фарватера, направилось к пристани.

Мужики со всех ног бросились к берегу — такой шанс! Корней быстро бежать не мог, и Николай namного опередил его. Пока судно швартовалось, пока высаживали учительницу с детьми, пока выгружали пачки с учебниками и тетрадами для местной школы, он успел подбежать к судну в тот момент, когда прозвучала команда: «Принять трап, отдать швартовы!»

— Товарищи, стойте! Стойте! Возьмите нас! У нас лодку унесло!

— Посторонних брать запрещено.

— Ребята, вы последняя надежда! Выручайте!

— Погоди, капитана спрошу.

— Кто тут с нами прокатиться хочет? — пророкотал рослый с аккуратно стриженной бородкой мужчина в кителе с золочеными пуговицами.

— У нас лодку унесло. Возьмите, пожалуйста.

— Ба! Николай Александрович! Вы откуда?

— Петя?! Вот так встреча!

— Ребята, пропустите. Это мой учитель!

— Петя, я не один, с другом — вон он ковыляет. На протезе, не разгонишься.

— Федор, беги, возьми у деда рюкзак, видишь, совсем запыхался.

Через пять минут судно, отбив нос, вывернуло на фарватер.

Проведя бородачей через лабиринт приятно пахнущих смолой пачек соснового бруса и железных бочек, разместили в свободном кормовом кубрике. Крохотное помещение с двухъярусной койкой, прикрученной к полу, тумбочкой, рундуками, столиком с иссеченной ножами клеенкой показалось им царскими палатами.

Сняв куртку, Корней достал из нагрудного кармана иконку и долго благодарил Святителя Николая за чудодеяние. Затем принялся отбивать Господу земные поклоны за оказанную милость.

После тихоходной лодки Корнею показалось, что «Арктика» летит. Сухогруз действительно шел на максимальной скорости — капитан спешил. Надо было успеть до ледостава зайти в Яну, затем в Индигирку. Там разгрузиться, зазимовать, а в следующую навигацию идти во Владивосток.

В небе одна за другой с печальными, тоскливыми стенами тянулись на юг угловатые стаи журавлей. Капитан поглядывал на них с тревогой:

— Дружно пошли. Похоже, чуют морозы.

Характер растительности по берегам менялся. Макушки гор становились все плешивей, а среди деревьев стала преобладать лиственница, уже тронутая желтизной. Менялась и сама Лена. Ее ширина и мощь с каждым часом росли. Местами берега расходились так далеко, что деревья сливались в сплошную полосу.

На одном, открытом всем ветрам, взгорке чернела дремлющая в косых лучах вечернего солнца шатровая церковь с луковичной главкой. Подплыв ближе, разглядели рядом с ней несколько могильных срубиков с покосившимися крестами внутри. Очевидно, прежде тут было

селение. Судя по могилам, староверов. Домов нет, а церковь все стоит...

Призывая на обед, пробила рында. Все собрались в кают-компании. В буржуйке уютно потрескивали дрова. Кок разлил щи с тушенкой и раздал по четыре галеты. Корней, перед тем как сесть за стол, чуть слышно прочитал молитву и трижды перекрестился.

— Товарищ Корней, вы на советском пароходе, ваши молитвы здесь недопустимы, — произнес механик и посмотрел на капитана.

— Да, товарищ Корней, если вы не можете не молиться, молитесь у себя в кубрике, — поддержал тот.

* * *

Лес с каждым днем становился все жиже. Иные склоны почти голые. Вода потемнела, в ней уже не было летней живости. Волны, вяло накатываясь на берег, оставляли после себя по утрам на камешках тонкий слой льда.

Капитан понимал, что дойти до Индигирки уже вряд ли удастся. Надо постараться добраться хотя бы до Усть-Янска. Поэтому двигатели работали на полную мощность.

Утром 13 сентября на горизонте появился и стал быстро приближаться, грозно разрастаясь, вал мрачных, свинцовых туч. Солнце, словно олень на аркане, какое-то время билось среди них, но тучи поглотили его. Подгоняя эту армаду, засвистел ледяной кнут северного ветра и на «Арктику» хлынули потоки града. Крупные горошины громко застучали по судну, заглушая голоса людей. За несколько минут палубу укрыло слоем ледяной крупы. Ходить стало трудно — ноги разъезжались в разные стороны.

Температура падала. Град сменился обильным снегопадом. В густой белой мути пропали очертания берегов, и «Арктика» перешла на самый малый.

Более двух суток неистовствовала пурга. Снега навалило по колено. По Лене пошло льдистое сало. На третьи сутки прояснилось, снег прекратился, но мороз с каждым

часом крепчал. Присыпанных снегом ледяных «блинов» становилось все больше. Местами они соединялись в сплошные поля. Забереги ширились, а лента подвижного льда становилась все уже.

Капитан и вся команда понимали, что дальше ситуация будет только ухудшаться. Петр Порфирьевич ворчал:

— Говорил, что не успеем дойти до ледостава. Так нет — приказали плыть...

— Что ж ты не убедил? Насколько помню, у тебя это всегда получалось, — удивился Николай Александрович.

— Да это я так, бурчу для порядка. Начальство тоже понять можно. Северянам на зиму позарез нужны уголь, мазут, стройматериалы. А судов не хватает. С голоду люди не помрут — рыба, оленина выручат, а котельную чем топить? Там же голая тундра, а иной дороги для завоза нет. Все по Лене — она здесь дорога жизни.

Капитан запросил по рации разрешение на зимовку. В пароходстве знали, что Лена в устье встала, и дали согласие.

Зимовать на самом русле нельзя — весной, во время ледохода льды сомнут, раздавят. Следовало искать глубокий затон. Судя по лоции, впереди по курсу ничего подходящего не было. Единственный пригодный прошли вчера. Капитан экстренно собрал команду и, разъяснив ситуацию, приказал разворачиваться.

Судно, осторожно раздвигая молодые льдины, повернуло назад. На исходе дня пробилась в уже замерзшую заводь, обрамленную елями в белых ризах из навалившего снега. Прозвучала команда «стоп машина». В тишине загрохотала цепь спускаемого якоря и «Арктика» застыла на долгие восемь месяцев. В ту же ночь мороз спаял плывшие по реке ледяные поля в сплошной панцирь. Встали удачно: чуть ниже, справа, устье Бегюке. В ее среднем течении, судя по карте, имеется селение Саханджа.

До острова Столб, за которым собственно и начинается гигантская дельта Лены, отсюда было еще более двухсот километров.

Ночью Корнея разбудили глухие удары. Такие сильные, что судно вздрагивало. Он не сразу сообразил, что

это по «Арктике» бьют резкие порывы ветра. Мелкий, как мука, снег проникал в кубрик сквозь невидимые глаза щелочки у иллюминатора. Под ним уже образовался маленький сугробик. Определив рукой, откуда дует, он достал из котомки свечку. Насухо протерев обшивку, размял воск и замазал им щелочки. Ветер не только намел снег, но и выстудил кубрик. Корнею с Географом пришлось надеть все теплое, что у них было.

Призывая экипаж в кают-компанию, забила рында. В ней, благодаря соседству с камбузом, было тепло. Когда все собрались, капитан попросил внимания:

— Товарищи, до вскрытия реки и возобновления навигации, в лучшем случае, восемь месяцев. Исходя из наличия мазута, необходимого, чтобы весной дойти до Тикси, мы можем отапливать лишь кают-компанию. Запасов продовольствия хватит на три месяца. Поэтому часть экипажа придется эвакуировать. Остающимся на зимовку переселяться сюда.

— Товарищ капитан, а кого оставляете?

— Останутся те, без кого весной сложно будет дойти до Тикси. Это в обязательном порядке: механик, моторист, боцман, радист и два матроса.

— А я? — заволновался кок.

— Вы тоже домой. Готовить будем по очереди.

— Петр, а как с нами?

— Николай Александрович, извините, но вас отправить не могу. На сухогрузы запрещено брать пассажиров. Если в пароходстве узнают, что я взял посторонних, у меня будут большие неприятности.

— Так мы только рады и готовы выполнять любую работу. Корней Елисеевич к тому же эвенкийский язык знает — это тоже может пригодиться.

— Вот и прекрасно!

В тот же день в Якутск начальнику Ленского пароходства ушла радиограмма с просьбой эвакуировать девять человек и доставить для зимовки остающимся две буржуйки, валенки, триста свечей, три лампы и тридцать литров керосина к ним. В дополнение к имеющимся запасам продовольствия два мешка муки, пару ящиков макарон, дрожжи, мешок сахара, соль, сушеный лук, чеснок, сухое молоко, яичный порошок.

Вечером поступил ответ: «Прошу подготовить посадочную полосу. Запрашиваемый груз доставим. Подлежащим эвакуации быть готовыми. Асхат Ильясов».

«О готовности посадочной полосы сообщим. Петр Мартынов», — радировал капитан.

Переждав очередную пургу, команда отправилась готовить полосу для самолета. На реке подобрали сравнительно прямой и ровный участок. Пурга оказалась благом — засыпала и уплотнила снег в ямах и трещинах. Нужно было только убрать два поперечных ропака* и выровнять бугры. Вооружившись пилами, топорами, ломками, принялись за работу.

На следующий день мороз даванул так, что пароход сплошь укутало искрящейся на солнце бахромой. Казалось, будто надстройки, поручни, трубу, мачту, антенну — все выкрасили белой краской. Иней продолжал нарастать и к полудню стал раза в два толще.

Несмотря на стужу (сейчас она была только на пользу), люди кололи лед, засыпали снегом образовавшиеся выбоины, оттаскивали обломки в сторону. На третий день полоса была готова к приему самолета, но капитан решил подстраховаться. В очередной сеанс отстучали: «Готовы. Ждем через два дня».

Когда поступило подтверждение о вылете, посыпали полосу угольной пылью и, вглядываясь в синеву неба, столпились на ее краю. Донесся чуть слышный рокот двигателя, но самого самолета еще не видно. Наконец проступила черная точка. Она стремительно росла. Самолет из-за спаренных крыльев напоминал стрекозу. Совершив над полосой два контрольных круга, «Аннушка», выставив, словно пеликан, перед собой лыжи, приземлилась и, профырчав, замерла.

Как только последний человек поднялся в самолет, тот развернулся и, с ревом набирая скорость, взмыл в небесную синь. Разгрузка-погрузка прошли так стремительно (метеосводка обещала усиление ветра), что второпях

---

* *Ропак* — нагромождения из смятых и вздыбленных льдин, а также льдины, стоящие ребром на сравнительно ровной ледяной поверхности.

забыли передать пакет с письмами для родных от тех, кто остался зимовать.

В дополнение к запрошенному получили свежий хлеб, бобины с киноленткой и последние газеты.

На следующий день дежуривший по камбузу моторист Ваня подошел к Петру Порфирьевичу с банкой в руках. Вид у него был крайне озадаченный.

— Товарищ капитан, тут такое дело... На обед боцман отписал мне две банки тушенки. В старой коробке оставалась одна, и я вскрыл новую, с надписью «Свинина тушеная». А там вот это, — моторист протянул банку с голубенькой этикеткой «Молоко сгущенное цельное». Открыл вторую — там то же самое. Остальные не стал вскрывать, пойдемте вместе смотреть.

Петр Порфирьевич позвал боцмана. Зайдя в кладовку, они просмотрели все коробки. Тушенка была только в одной.

За ужином капитан «обрадовал» команду:

— Мужики, выяснилось, что у нас практически нет мяса. В коробках с надписью «тушенка» почти везде сгущенное молоко. А без мяса пережить зиму сложновато. Надо что-то придумать. Какие у кого предложения?

— Давайте прорубим лунки и будем рыбу ловить.

— А чем? Сетей-то у нас нет.

— На удочку.

— Ага, полдня лед долбить ради трех хвостов, — хмыкнул механик.

— В тайге зверье должно быть. Буду охотиться, что-нибудь всяко добуду, — подал голос Корней.

— Товарищи, ничего не надо исключать. Ни рыбалку, ни охоту. Один три хвоста, другой три хвоста — глядишь, на всех хватит. Не забывайте, впереди долгая зимовка. А на вас, Корней Елисеевич, у меня особая надежда.

Не откладывая дело в долгий ящик скитник в тот же день расщепил клиньями полутораметровую листовницу на широкие плашки. На следующий обтесал их, распарил, загнул носки, из двух ремней изготовил крепление.

Лыжи получились довольно крепкие, только немного тяжеловатые. Еще бы окамусовать, да пока нечем.

В первый же выход Корней подстрелил глухаря. Все обрадовались — живем! Но последующие вылазки оказались пустыми, хотя Корней каждый раз забирался все дальше и дальше. Дело было не в охотничьем фарте, а в полном отсутствии следов.

«Где же олени? — ломал голову скитник, — видимо, откочевали из-за обилия снега».

— Дядя Корней, надо идти в Саханджу, к эвенкам*. Тамошные места богаты ягельником, а снега выпадает мало. На зиму все эвенки туда съезжаются. Это в среднем течении Бегюке, — посоветовал моторист Ваня, — у них стада большие, можно оленины выменять.

— Сколько туда ходу? — оживился Корней.

— Дня два, — подумав, добавил: — может, три.

— Товарищ капитан, думаю, стоит пойти. Эвенкийский я знаю — договорюсь.

— А нога не подведет?

— Не беспокойтесь, я ж на лыжах.

— Хорошо. Только с тобой еще двое пойдут, и надо будет пару волокуш из жести сделать.

— Не нужны ни люди, ни волокуши. Как узнают, что у нас спирт есть — сами все привезут, — вмешался в разговор Географ.

— Уверен?

— Гарантирую.

— Отлично! Я подготовлю список, что можем предложить в обмен. Желательно и меховой одежды у них раздобыть. Наши бушлаты все же холодноваты для здешней зимы.

— Это вряд ли — если только старую, поношенную. Свою не отдадут, а новую шить долго.

— Ну хотя бы два комплекта для уличных работ.

---

* *Эвенки* — один из самых древних народов Восточной Сибири. Населяют огромную территорию от средней Оби до Охотского моря, от Северного Китая до Ледовитого океана.

На второй день пути снега стало поменьше, и сразу запестрели следы зайцев, лунки от спален белых куропаток. Под кустами и сухими метелками растений причудливая топанина крестообразных следочков — места их кормежки. Одна большая стая — не меньше тридцати, заслышав скрип снега, с оглушительным треском выпорхнула, покрыв прогалину султанчиками «взрывов», и унеслась белыми хлопьями прочь.

Ветер тем временем пробил в сплошной пелене облаков окно, и солнечные лучи зажгли голые макушки лиственниц, словно свечи в храме. Озябшие клесты сразу весело затенькали.

Вскоре цепкий взгляд Корнея стал отмечать на сосенках обкусанные вершинки — глухаринные столовые. Под ними рыжеватые колбаски помета. Нижние ветки в снегу, а на макушках его нет: тяжелые птицы стряхнули. А вон и сами краснобровые, иссиня-черные петухи бродят.

Впереди появились путанные наброды оленей. На них кое-где бурые орешки.

Корней размял пальцами один. «Ого! Совсем свежий, даже не застыл! Потроплю-ка».

Следы вели в ольховник. Вон и табунок. Одни копыта ягель, другие отдыхают в промятых ямках-лежках. Судя по размерам — не домашние, те помельче. Рядом крутятся песцы: они пользуются тем, что олени, разгребая снег, облегчают им доступ к леммингам.

Стоявшая тишина и предательский скрип снега под лыжами помешали охоте. Чуткий вожак, хоркнув, бросился в глубину леса, увлекая за собой важенок. Теперь преследовать бессмысленно — не подпустят.

По берегам Бегюке заячьих следов особенно много. Их тропки исполосовали пойму и протоки вдоль и поперек. Попадались чуть ли не утрамбованные «дороги».

Полной неожиданностью для Корнея стало появление медвежьих следов. Они тянулись из-под елового выворотня. Упавшее дерево вырвало мускулистыми корнями большой пласт земли, и миша приспособил сложившийся шалашиком пласт под берлогу.

Опустившись на колени, путник заглянул во внутренность медвежьего жилища. Оно имело шарообразную форму, и было на удивление маленьким. Сухо, только в одном месте небольшой ледяной натек. Открытые боковины заложены ворохами сучьев, веток и завалены снегом. Похоже, и косолапая зима застала врасплох: не успев накопить достаточно жира, ушел искать, чем бы еще подкрепиться.

Встреча с голодным зверем ничего хорошего не сулила, но стремление обеспечить команду мясом пересилило здравый смысл. Корней осторожно заскользил вдоль следов, шедших прямо по оленьим.

Взрыхленный, обрызганный кровью снег посреди лога и приглаженный, в алых пятнах желоб, ведущий в буреломную чашу, поведал о том, что медведю удалось завалить одного из согжоев. Скрытно к зверю не подойти, а риск велик. Корней не стал испытывать судьбу — повернул обратно.

Долина, образованная проползшим в давние времена ледником, сужалась и вскоре превратилась в тесное ущелье, в котором Корней встретили гигантские фигуры выветривания. Стоят, словно стражи. С них красиво осыпается гонимый ветром снег. Казалось, это стекают молочные ручейки. Дальше ущелье расходилось, образуя просторный, защищенный от ветров цирк.

«Подходящее место для становища. Может, это и есть Саханджа?» — подумал скитник и направил лыжи к проступавшей за стволами лиственниц поляне. Оттуда доносилось позвякивание колокольчика. Вскоре показались торчащие из снега кресты. Возле одного — имитация чума из трех жердей. На нем рога, цветные тряпочки и колокольчик. Он-то и позвякивал на ветру. Из снега торчали обломки нарт*.

«Стойбище где-то рядом!» — обрадовался Корней.

Пройдя еще с полкилометра, он оказался в горелом лесу. Черные стволы стояли, сиротливо растопырив обугленные ветви. Между ними каркасы чумов. Тоже

---

* До начала XX века эвенки хоронили в гробах, установленных на двух, иногда на четырех столбах. Они считали, что копать землю нельзя.

обугленных. От всего этого исходил еще не выветрившийся запах гари. Пусто, мертво вокруг. Лишь ворон оглашает промороженное пространство мрачным: «Ка-аа! Ка-аа!»

Судя по всему, здесь еще до снега пронесся огненный смерч, и эвенки покинули пожарище. Чтобы понять, куда они могли уйти, скитник, буксуя на голицах*, с трудом взобрался на ближайшую сопку. На востоке просматривалась еще одна, закрытая с трех сторон горами, котловина. Корнею даже показалось, что над ней поднимается дымок. «Скорей всего, туда перебрались», — решил он.

Въехал в котловину, когда короткий зимний день уже начал тускнеть. Повсюду видны олени следы, раскопы, овальные лежки.

Еще не видно чумов, а о том, что скоро стойбище, Корней догадался по полупрозрачному облачку от дыхания большого стада. Через некоторое время слух уловил и издаваемые оленями звуки: хорканье, похожее на храп; щелканье копыт, стук рогов, колышущихся над шерстистой массой, словно оголенные ветви деревьев.

Заиндевшие животные, чтобы согреться, сбились в плотную кучу и уморительно выплясывали на снегу. При этом крайние время от времени протискивались в центр стада, где заметно теплее.

Сквозь висевшее над ними облако пара виднелись верхушки чумов со скрещенными кончиками жердей. Поднимающийся из них дым мраморными столбами подпирал небосвод.

Обойдя стадо, Корней направился к тесно стоящим жилищам, обложенным понизу снегом — своего рода завалинка.

Несмотря на мороз, румянощекая ребятня на улице. В меховых комбинезонах с капюшонами, они напоминали медвежат. У самых маленьких рукава наглухо зашиты — чтобы снег не попадал. Дети с любопытством разглядывали пришельца. Они впервые видели такого большого бородатого человека.

---

* *Голицы* — лыжи, не подбитые камусом.

Скитника тут же взяли в кольцо звонкоголосые оленогонные собаки. На их лай из ближнего чума вышел, скрипнув снегом, пожилой полноватый эвенк в богато расшитой кухлянке с дочерна загорелым, скуластым лицом, толстыми отвислыми губами. Глядя сквозь щелочки глаз, он произнес:

— Дорова! Пришел! — и протянул Корнею руку, — Аддункан.

— Корней.

— Вижу, далеко ходи. Отдыхать надо. Чай пить, что видел, говорить. — Сказал он это с такой простодушной улыбкой, что сразу, несмотря на несколько отталкивающую внешность, расположил к себе.

Откинув оленью шкуру, заменяющую дверь, эвенк пропустил гостя вперед. В чуме было до того дымно, что скитнику пришлось пригнуться — внизу дыма было меньше. На поперечинах коптились пластины мяса.

Прямо под дымовым отверстием — очаг-костер, обложенный для сохранения тепла и предотвращения пожара речными валунами. Над ним горизонтальная жердь с черным от сажи чайником. В очаге чадили два толстых полена. На плоских камнях котелки разных размеров. Вдоль стен кожаные мешки, очевидно, с провизией, свернутые постели, алюминиевая и берестяная посуда. В глубине громоздился меховой полог для сна.

В чуме было холодно. Аддункан что-то недовольно буркнул пожилой женщине в потертой дошке и, положив на чуть тлеющие угли сучья, передвинул чайник к огню. Как только дрова запылали в полную силу, скопившийся дым на глазах стал вытягиваться из жилища через отверстие, где скрещивались жерди каркаса. В верхней части они были черными, а в нижней, отполированной до блеска спинами и руками, — коричневыми.

Миловидная проворная девушка в ровдужных шароварах поставила на низенький столик миски с ароматно пахнущим вяленным мясом, копчеными оленьими языками. Затем принесла охапку поленьев и скрылась в левой половине, частично прикрытой замызганным куском пестрого ситца.

Корней, отодрав у очага намерзшие сосульки с усов и бороды, сел на указанное хозяином почетное место, застеленное шкурой белого оленя, поджав под себя ноги, чем сразу расположил эвенка.

Когда покончили с угощением, Алдункан достал из матерчатого мешочка две полоски шкуры; одну подал Корнею, а второй вытер жир с губ и пальцев. Угощение завершилось чаем, настоящим на листьях и ягодах брусники. Что интересно, Алдункан пил не из кружки, а из блюдечка, держа его на кончиках пальцев. Было видно, что такой способ чаепития доставляет ему большое удовольствие.

Выпив то ли четыре, то ли пять кружек, эвенк откинулся на высокие подушки. Отдышавшись и оттерев пот со лба, вынул из расшитого голенища торбасов длинную костяную трубку, а из-за пазухи — кисет. Набив дожелта прокуренным пальцем в обрезок латунной гильзы табак, прикурил от горящей веточки и с наслаждением затянулся:

— Хорошо, когда есть мясо и табак... Теперь говори, откуда и куда ведет твоя тропа без оленей, без нарты? — произнес он, выпуская дым колечками.

Едко запахло самосадам. Корнею это было крайне неприятно, но деваться некуда. А вот к кисловатому запаху выделанных шкур он притерпелся быстро.

— Я с Алдана. На пароходе шли на Индигирку. Из-за ранних морозов пришлось встать на зимовку неподалеку от устья вашей речки. Пришел к вам по поручению капитана. Нам нужны мясо и меховая одежда, — проговорил он специально на эвенкийском, чем окончательно покорила Алдункана.

— Где по-нашему говорить учился?

— У меня мать эвенкийка. Я часто бывал в стойбище деда.

— Однако мало похож на нас, — эвенк пыхнул трубкой. — На что менять хочешь?

— Сахар есть, крупа есть, сгущенка.

— Табак надо — пропадаю без него.

— На пароходе все есть.

— А спирт есть?

— И спирт есть.

— Это хорошо, — сразу оживился Алдункан. При этом его лицо приняло блаженное выражение.

— Я должен крепко думать. Олень — наш вездеход. Олень — одежда, дом, постель, еда. Оленя нет — эвенк помирай. Олень большая работа.

— Знаю, знаю, — кивал Корней, наливая в кружку спирт. — Помогал деду за стадом смотреть. От волков, росомах охранял, даже больных лечил.

— Хорошо твоему деду. Мне трудно — помогать некому. Дочь в улусе на почте. Сыновья в интернате. Зачем эвенку интернат? А им нравится. Не хотят в тайге жить. Хотя в интернате. Какая польза? Эвенку надо учиться читать следы зверей на снегу, а не на бумаге. Наша школа — тайга, а не интернат.

Разволновавшийся оленевод курил трубку за трубкой. В чуме слоился табачный дым.

— Кто после нас оленей смотри? — продолжал Алдункан. — Кто нарты делай? Кто шкура мягкий делай? Кто малица шей? Интернат этому не учит.

— Так не отдавайте детей в интернат. Мы вот не отдаем, сами учим.

— А нам улус говорит — такой закон. Не дашь — детей заберем.

Разговор прервал дружный лай собак. Послышались радостные крики и бряканье ботала. Алдункан с Корнеем вышли посмотреть, что происходит.

К стойбищу приближались, пощелкивая копытами, олени. Впереди стада небольшой караван. Это еще одна семья возвращалась с дальнего кочевья на зимовку. Глава семейства, облаченный в кухлянку, украшенную цветными вставками, восседал на крупном учуге* с достоинством коренного жителя Севера. За ним деловито вышагивал полненький, с ямочками на щеках и приплюснутым носиком мальчуган лет девяти. Своего оленя он вел за поводной ремень. Еще двое помладше сидели верхом. Четвертый, совсем маленький, в люльке, притянутой

---

* *Учуг* — верховой северный олень.

ремнями к оленю, словно боковой выюк. Сам малыш в меховом мешке*. Этого оленя ведет мать.

Следом соединенные длинными сыромятными ремнями олени, навьюченные кожаными и брезентовыми сумами. В них весь хозяйственный скарб: постели, котлы, инструмент. В жестких берестяных коробах то, что может разбиться. На грузовых нартах жерди из стволов молодых лиственниц — остов чума, нюки**. И дом, и скарб все с собой!

Уклад жизни кочевников не меняется с незапамятных времен. Их быт — пример оптимального хозяйства. В нем только самое необходимое для жизни. При этом не скажешь, что они в чем-то стеснены.

С оленя глава семейства не слез, а сполз — мышцы застыли от мороза и долгой езды. Какое-то время он, кряхтя сгибал-разгибал спину, растирал колени. Размявшись, стянул меховые, на вязках, рукавицы и занялся оленьями. Ослабив застывшими пальцами подпругу, снимал спаренные выюки и, ласково похлопав оленя по заиндевелому заду, отправлял его к стаду.

Чум собирали сообща. Очистив от снега площадку, составили шести пирамидой, перехватили их сверху арканом и, протянув его конец в наветренную сторону, привязали к стволу лиственницы: чтобы чум не опрокинуло при сильном ветре. Готовый остов обложили внахлест нюками — оленьими шкурами и туго перетянули несколькими рядами веревок. Малец старался не отставать от старших: распаковывал вместе с матерью и соседскими женщинами нюки и подносил их к каркасу. Корнею мальчуган напомнил его самого в детстве.

Через час коническое жилище было готово. Осталось развести огонь, прогреть нутро и установить меховой полог для сна. Этим занялись уже женщины, а мужчины собрались для общего чаепития и обмена новостями в чуме Алдункана — только в нем могли все разместиться.

---

* Сзади у таких мешков имеется клапан. Через него малышам меняют подкладки из мха и оленьей шерсти.

** *Нюки* — оленьи шкуры для покрытия чума.

Вновь прибывший жаловался:

— Геологи собак бросили. Они от голода много оленей давили. Олень собак не боится — близко подпускает.

— Стрелять надо было. Чего смотрел?

— Дел много, не успевал, — промышчал тот с набитым ртом.

— Знаю твои дела. Главное, поесть, полежать.

— Хорошо, хорошо. Не ругайся.

Хозяйка уже несколько раз костяными щипчиками подправляла скрученные из мха фитили жирников, а люди все не расходились.

После очередной кружки чая Корней вышел опорожнить мочевой пузырь.

Пройдя мимо оленей, усердно рыхливших копытами снежный покров, он с облегчением выпустил парящую струю. Две шедшие за ним важенки тут же обежали его и стали, тыкаясь волосатыми носами, жадно хватать пожелтевшие комочки. Только тут Корней сообразил, чего ради те сопровождали его. Как же он мог забыть! Ведь в юности сам много раз в стойбище деда подманивал оленей комком снега, политым солоноватой мочой, чтобы запрячь их.

Корнею хотелось подольше подышать свежим, без тошнотворного табачного дыма, воздухом, но морозные иглы, впиваясь в лицо, заставили вернуться в тепло.

Опустошив очередной чайник, народ наконец стал разбредаться. Когда чум опустел, уставший Аддункан подсел к Корнею:

— Завтра моя очередь смотреть за стадом. Поможешь?

— С удовольствием.

Оленевод критически глянул на его суконную куртку:

— Замерзнешь! Ладно, одену.

Утром, пока подбирали Корнею меховую одежду, совсем рассвело. Пошел снег. Мохнатые снежинки кружили в воздухе, как бабочки: взлетали, опускались, гоняясь друг за дружкой.

Аддункан закинул на плечо берданку, подозвал свистом двух небольших остромордых лаек и, встав на окамусованные лыжи, зашагал, вспахивая рыхлый снег, в сторону белеющей мари. Рослому Корнею на голицах и в непри-

вычной меховой одежде, чтобы не отстать, приходилось то и дело прибавлять шаг.

Олени копытили ягель не на мари, как предполагал Корней, а в ложбине, в двух километрах от стойбища.

— Алдункан, зачем так далеко пасете? Марь ведь ближе.

— Ты своя башка думай. Тут скоро снега много будет. Как олень будет ягель брать? На мари всегда ветер — снега мало. Тогда там пасти будем.

Тучи расплзлись, и на небе воцарило солнце. Золотистые лучи щедро полились на землю, зажигая падающий с небес иней. От пощелкивания копыт оленей, не утомимо разгребавших снег, в ложбине стоял ровный гул.

— Хитрый немножко, — тихо засмеялся Алдункан, показывая на молодого оленя. — Сам не хочет копать. Ходит, ищет, где другие копали.

Быки паслись в стороне. Сбросив рога, они стали безоружны перед важенками. Те, пользуясь этим, подходили к упорно трудившемуся хору* и прогоняли его от только что разрытой лунки.

Корней обратил внимание, что несколько оленей заметно прихрамывают. После полудня один из них вдруг рухнул на землю.

— Копытка!** Уже три пропало. Резать надо, — сокрушался Алдункан.

При осмотре быка скитник обнаружил в межкопытной щели гнойные выделения и глубокие язвы на венчике над копытом. На передних ногах уже обнажилась кость. Подобное заболевание ему было знакомо. Следовало срочно принимать меры, иначе заразится все стадо.

— Алдункан, почему не лечите? Без оленей останетесь.

— Как лечить, не знаем. Раньше такой беда не было.

— Я вас научу. Это несложно.

Всех больных оленей перегнали в загон рядом со стойбищем. Землю в нем предварительно очистили от

---

* Хор — самец домашних оленей.

** Копытка — некробациллез — гнойное заболевание копыт оленя, зачастую сопровождающееся поражением легких, кишечника.

снега. Вооружившись ножом, скитник поочередно вскрывал опухоль, очищал пораженные места от гноя, удалял омертвевшие ткани. Подготовленные участки протирал тряпкой, смоченной спиртом. Все это время вокруг Корнея вертелся малец, так впечатливший его при установке чума.

— Малыш, как тебя зовут?

— Я не малыш. Я Вова, — поправил он, не вынимая пальца изо рта. — Что это вы делаете?

— Видишь, возле копыт язвы и гнойники? Если их не удалить, олень умрет. Да еще других заразит.

— Я тоже хочу оленей лечить. Научите меня?

— Смотри. Что непонятно — спрашивай.

Два дня скитник со старательным помощником каждые четыре часа обрабатывали ноги оленей коричневатым взваром из волокон, которые соскребали с внутренней стороны еловой коры. После чего накладывали дегтярную повязку. Когда язвы стали затягиваться, смазывали медвежьим жиром.

Пока Корней занимался оленями, Аддункан из рыбьей кожи сварил клей и окамусовал его лыжи. Поскольку лосиного камуса в стойбище ни у кого не было, эвенк использовал шкуры с голеней оленей. Теперь Корнею не страшны были самые крутые склоны: жесткий волос камуса не позволит лыжам съехать назад.

На третий день после полудня загудела пурга. При сильных порывах чум начинал жалобно скрипеть. Ветер забрасывал через верхнее отверстие снег и загонял дым очага обратно в чум. Спасаясь от него, все поспешили забраться в меховой полог — самое важное и оберегаемое место в чуме. По сути это большой, многоместный спальный мешок, натянутый на каркас прямоугольной формы, метра два в ширину, три в длину и полтора в высоту. Прежде чем залезть в него, следовало тщательно стряхнуть с одежды приставший снег (снег для полога беда, он и без того насыщается влагой от дыхания людей).

Полог — единственное место, где всегда тепло. Конечно, тесновато и потолок низкий — не встанешь, зато можно раздеться до нижнего белья. Плохо то, что из-за

малого объема и отсутствия вентиляции в душной, спертой атмосфере полога через пару часов становится тяжело дышать и кисло пахнет повлажневшими шкурами. Прерывистый сон плохо освежал.

Масляный светильник к утру из-за нехватки кислорода уже едва светит. Еще одно неудобство — оленья шерсть лезет и прилипает к лицу и рукам. А в сильные морозы в нем не только спят, но и едят.

Освещается полог пламенем светильника — каменной площадки, заполненной жиром. Роль фитиля исполняет прядка из плотно скрученного мха, горящая тусклым, но ровным пламенем. Женщины так искусно заправляют светильники, что они совершенно не чадят и дают на удивление приличный жар.

Корнею в детстве приходилось спать в пологе у деда в стойбище. Тогда он не замечал присущих ему неудобств. Сейчас же дышал с трудом, явственно ощущая не только нехватку кислорода, но и высокую влажность, обволакивающую тело. Однако тут не до капризов — альтернативы не было: в самом чуме, как только догорали дрова, становилось так же холодно, как и снаружи, разве что ветер не гуляет.

Каждое утро женщины снимали полог с каркаса, выворачивали мехом наружу и выносили на мороз, где с силой колотили выбивалкой из оленьего рога до тех пор, пока из него не высыпятся все кристаллики влаги.

Разошедшаяся к вечеру пурга всю ночь хлопала шкурами, пытаясь их сорвать, но плотно опоясывающие их ремни, с тяжелыми камнями на концах, держали надежно. Хрупкое с виду жилище лишь подрагивало, хотя порывы ветра бывали столь сильны, что порой казалось, чум вот-вот оторвет от земли.

* * *

Открыв глаза, Корней услышал сквозь меховую стенку негромкий разговор, потрескивание горящих дров. Запахи, проникающие сквозь щель неплотно подвернутой шкуры, обещали вкусный завтрак. Скитник оделся и выполз из полога. Выпрямившись во весь рост, с нас-

лаждением вдохнул полной грудью: воздух в чуме был свежей и суше.

Хозяйка хлопотала у очага: вылавливала из котла куски мяса и выкладывала их на деревянное блюдо. Корнею в знак уважения положила отдельно.

Рассевшись вокруг низенького столика, семья ждала, когда начнет есть хозяин. Насытившись, вытерли руки обрезками шкуры и принялись за чай, заправленный Корнеевым гостинцем — сгущенным молоком.

— Алдункан, я больше не могу задерживаться — люди на пароходе голодают, — напомнил о цели своего приезда Корней. — Олени пошли на поправку. Надо будет еще дня три обрабатывать копыта, но с этим справится Вова. Я завтра должен выехать. Сколько оленей можете дать?

— Восемь хватит?

— Думаю, достаточно. Рассчитаемся на судне.

Утром, пока эвенки грузили и обвязывали приготовленные туши, Алдункан, ловко метнув маут*, поймал для Корнея крупного ездового быка.

Поскольку спинной хребет у оленей слабый, войлочное седло с двумя подушечками уложил прямо на лопатки. Бык, нервно фыркая, пугливо косил глаза на непривычно крупного седока, который безуспешно пытался перекинуть культю через седло. Поняв, что Корней не сумеет ехать верхом, Алдункан запряг для него в легкие ездовые нарты двух важенок с наполовину спиленными рогами — чтобы не цеплялись в лесу за ветки.

Одна из них была такая белая, что на фоне снега казалось, что это не олень, а три черные подвижные точки — нос и глаза. Себе же он приготовил место на грузовых нартах, запряженных двумя парами мощных комолых быков.

Запрягают оленей просто: широкая ременная петля, перекидывается через шею, пропускается между передними ногами и из-под брюха выходит к саням, где протягивается через поперечину к другому оленю. Если один заленится, другой оттянет ремень вперед и ноги

---

* *Маут* — аркан.

лодыря угодят под наезжающие нарты. В результате оба вынуждены тянуть с равным усилием.

Нарты здешних эвенков почти не отличались от адданских. Такие же широкие полозья, четыре пары стоек — копыльев, соединенных поперечинами из тальника (здесь копылья делают из оленьих рогов). Обязательная принадлежность нарт — прудило (остол): толстая метровая палка с железным наконечником. Им тормозят на спусках. В конструкции нарты нет ни одного гвоздя, все части соединены сыромятными ремешками. Благодаря этому она, скрипя на ходу всеми сочленениями, лишь изгибается, как змея, не рассыпаясь даже при сильных ударах.

Перед отъездом Аддункан с Корнеем зашли в чум. Еще раз поели мясо, запивая его горячим бульоном. Перед тем как выйти, скитник подошел к жене Аддункана и поблагодарил за гостеприимство. От непривычного внимания она смутилась и вдруг быстро-быстро прекрестила его.

Чтобы оленям легче было стронуть тяжелогруженные нарты, Аддункан приподнял передок и сел, лишь когда они сделали несколько шагов. Корней последовал его примеру, хотя в этом не было нужды, весь груз — это он сам и два комплекта старенькой меховой одежды для команды.

Чуть отъехав, эвенк, ловко управляя оленями с помощью длинного хорея, затянул однообразную заунывную песню. Корней от необходимости править был избавлен — важеньки, как привязанные, бежали вслед за быками Аддункана. От порывистого дыхания оленей за караваном тянулись облачка пара.

Кочкастая марь в начале пути не позволяла расслабиться. То и дело приходилось наклонами тела удерживать нарты от опрокидывания. Зато, как только выехали на речку, расслабились. Ехать по ровному заснеженному руслу было одно удовольствие. Корней, полулежа на мешках с меховой одеждой, любовался висящими на ветвях лиственниц кружевами инея и елями в снежных юбках.

Когда олени уставали и сбавляли темп, Аддункан выезжал на берег, где животные сразу принимались копытить ягель и забавно скрести задней ногой морду —

счищать намерзшие от дыхания сосульки. Лишь только караван уходил, на это место тут же слетались белые куропатки: выбитая копытами лунка, облегчала им доступ к траве и семенам.

Корнею мороз и ветер теперь были нипочем: эвенки в благодарность за избавление стада от угрозы массового падежа одели его в теплую меховую одежду. Элегантностью она не отличалась, зато в ней тепло.

Теперь поверх обычного белья на нем пыжиковые* брюки мехом внутрь, со шнурками на талии и понизу и прямая рубаша с вырезом для головы, тоже мехом внутрь. (Сами эвенки надевают ее прямо на голое тело.) А вот кухлянку** надевают волосом наружу.

Поверх нее истончившийся от множества стирок, но еще крепкий матерчатый балахон с капюшоном — камлейка. Тесемкой, продернутой в окантовку капюшона, можно сужать или расширять отверстие для лица. Рукавицы двойные и висят на шнурке, пропущенном через рукава. Все это сшито не нитками, а тонкими волокнами из сухожилий со спины оленя. (Они крепче и не гниют.) На ногах меховые носки — чижы. Сверху торбаса***. Их голенища сшиты из красиво чередующихся наборных кусков белого и темно-коричневого камуса. Для остальных зимовщиков эвенки смогли собрать только два комплекта из старой одежды. Мех на них, правда, изрядно вытерся, но еще мог защитить от ветра.

Надо сказать, что оленьи шкуры — самый подходящий материал для зимней одежды. Мягкие, теплые, легкие, при кажущейся громоздкости, они не стесняют движения. Они словно специально созданы для северян. Благодаря

---

* *Пыжик* — шкура полугодовалого оленя. Она мягкая и идеально подходит для пошива одежды и спальных мешков.

** *Кухлянка* — главный элемент северного костюма: глухая меховая куртка до колен из оленьих шкур с капюшоном. Надевается через голову. В сильные морозы вместо нее используют малицу — удлиненное подобие кухлянки. При продолжительной поездке на нартах поверх малицы надевают глухой меховой сокуй (совик). Во время стоянок он может служить и спальным мешком: его стягивают ниже ног, а рукава вправляют внутрь и в таком виде ложатся прямо на снег (куропаткин чум).

*** *Торбаса* — меховые сапоги с толстой войлочной стелькой.

тому, что густая шерсть состоит из полых, клинообразных волосков, снежная пыль не набивается в подшерсток — мех всегда сухой. Если и проникает во время метели, то не смерзается, как у собак. Достаточно просто хорошо выбить одежду. Еще одно достоинство полых волос — олень легко преодолевает водные преграды.

Единственный изъян — его относительная недолговечность: шерсть довольно быстро вытирается. Посему зимняя одежда носится не более трех лет, после чего переходит в разряд летней.

Вся жизнь эвенков, их благополучие связаны с оленями. Шкуры служат постелью. Из них шьют меховой полог, спальные мешки, одежду. Ими укутывают младенцев, покрывают чум.

Не требуя от человека почти ничего, олень отдает так много, что практически незаменим на Севере. Защита от волков и гнуса — вот вся помощь, которую получает он от человека. Словно сознавая это неравенство, олени не сближаются с людьми. Брезгливо отряхиваются от их ласк, держатся независимо и гордо. Единственное, чем можно заставить их подойти, — щепотка соли, запах которой они улавливают на расстоянии нескольких метров.

День выдался на редкость тихий, солнечный. Схватенный морозом снег, смятаясь, слегка похрустывал под копытами. Снежинки вспыхивают мириадами бриллиантов. Неслежавшийся, пушистый снег при редких дуновениях ветра срывался с ветвей, наполняя воздух серебристой пылью.

Ехать по руслу очень удобно — дорога ровная, без помех. Лишь местами мешали тарыны* — выходы грунтовых вод, покрывающие обширные участки льдистой кашицей. Намерзая изо дня в день, они к концу зимы иногда достигают высоты полутора метров, «заливая» льдом стволы растущих по берегам деревьев. Когда объехать тарын по берегу представлялось затруднительным, Аддункан гнал оленей прямо по наледи. При этом животные забавно задирали хвостики и широко расставляли ноги — чтобы не упасть в льдистую кашу.

---

* Тарын (якут.) — наледь.

Первый тарын проехали сразу после кочкастой мари. Его поверхность из-за постоянных ветров была совершенно голой и копыта оленей разъезжались в разные стороны. Путникам пришлось соскочить с нарт и подталкивать их, дабы не дать им остановиться — иначе на льду олени «забуксуют».

Через пару часов Алдункан неожиданно тормознул упряжку и склонился над снегом:

— Соболь пробежал! Нас услышал, заторопился. Эх, собаку не взял! За соболя хорошо платят.

Корней пригляделся. Русло пересекала ровная строчка парных следочков. Сначала прыжки спокойные, размеренные, а дальше — чуть ли не двухметровые. Действительно испугался.

Мороз не убывал. Воздух, казалось, застыл. Такое чувство, что при вдохе глотаешь комочки льда, и они охлаждаются все внутри. Безмолвие нарушают лишь раскатыстые «выстрелы» от лопающихся стволов деревьев. В этих краях все же похолодней, чем на Алданском нагорье.

Корнея никак не отнесешь к категории изнеженных путешественников, но даже его поразила «морозостойкость» Алдункана. На нем старенькая парка*, перетянутая скрученным сыромятным поясом, ровдужные штаны да стоптанные торбаса. В таком одеянии любой замерзнет, но только не Алдункан. Что поразительно, у него даже руки всегда теплые. А вот лицо, так же как у Корнея, замотано шарфом по самые глаза. От дыхания тот постепенно оледеневаает, а в узком просвете для глаз нарастает иней.

Короткий зимний день догорал. Низкое солнце, окрасив снег в желтый цвет, уже катилось по вершинам сопок. Пора вставать и обустроить место ночевки, а Алдункан, высматривая подходящее место, все погоняет оленей. Наконец его внимание привлекла поваленная ель, усыпанная светло-коричневыми шишками. Где-то в феврале-марте они по извечному закону природы раскроются, и ель проведет свой последний посев. Густой барьер из зеленых лап хорошо защищал от ветра, и Алдункан решил заночевать тут.

---

* Парка — меховая куртка с капюшоном.

При скудном свете вечерней зари, краснеющей на месте укатившегося светила, распрягли оленей, разгребли под палатку снег. Вырубили семь жердей. Шесть для двух пирамидок, а на седьмую, уложенную на них, привязали верх палатки. Натягивали скаты так, чтобы не было ни одной складки и слабины. Установили печурку, собрали трубу, запалили сушняк.

Вскоре в палатке потеплело, и они сняли шарфы и малицы. Дальше в такой мороз раздеваться не стоит. Развесив одежду для просушки, принялись за чай. Алдункан, как всегда, пил не из кружки, а из блюда, которое всегда брал с собой. После чая раскурил трубку угольком, выхваченным из печурки, и снова завел свое монотонное песнопение.

Утром Корней, выбираясь из мехового куколя, нечаянно задел парусиновый скат, и на него посыпалась лавина холодных кристаллов инея. Торопливо набив в топку приготовленные с вечера полешки, скитник поджег завиток бересты и нырнул отогреваться в спальник, пока в палатке не потеплеет.

— Твоя молодец, дал отдыхать, — похвалил его Алдункан.

Разогнав кровь горячим чаем вприкуску с вяленой олениной, тронулись в путь. Туман, заливший все окрест, инеем оседал на ветвях деревьев, одежде, оленях.

На береговую террасу вышел табунок оленей, но, увидев людей, тут же умчался за увал.

— Согжой! Домашние подошли бы за подачкой, — определил эвенк.

До Лены оставалось не более пяти километров, когда выехали на очередную, судя по густым клубам пара, совсем свежую наледь. Берега обрывистые — не объехать. Слой льдистой кашицы все толще. Чтобы не намочить торбаса, Корней поднял ноги повыше. Олени же, стремясь быстрее выбраться на чистый лед, перешли на бег и в скитника полетели комья пропитанного водой снега.

Неожиданно впереди раздался оглушительный треск. Алдункан почему-то кубарем летит с нарт, а сами нарты и олени исчезают. Корнеевские важенки тут же встали,

озираясь. Скитник бросился к эвенку на помощь, но тот уже поднялся и, показывая на темнеющий пролом, причитал:

— Все пропало! Все пропало!

Осторожно приблизившись к краю, Корней в полумраке разглядел и нарты, и оленей, стоящих по колено в воде. Он успел даже заметить уток, уплывающих вниз по течению.

Подобные полости подо льдом в этих краях обычное явление. После того как речка встанет, уровень воды в ней из-за вечной мерзлоты начинает резко падать, и полноводный до морозов поток превращается в ручеек. Замерзнуть повторно вода не может, так как присыпанная снегом ледяная крыша хорошо защищает от стужи. Некоторые сообразительные водоплавающие пользуются этим и не улетают. Зимуют в комфортных условиях подо льдом.

Видя, что Алдункан растерян, Корней не долго думая спрыгнул вниз. Освободив груз от стягивающих ремней, стал подавать ему замороженные олени туши. После чего вытолкал наверх пустые нарты. Осталось самое сложное — поднять оленей. К счастью, они вели себя спокойно и не противились, когда Корней обвязывал их ремнями. Вручив концы эвенку, подлезал под брюхо животного и приподнимал его. Алдункану оставалось лишь вытянуть его на лед.

— Уф! Корней, твоя молодец! — радовался эвенк, когда подняли последнего... Торбаса мокрые, по снегу ходи. Станет лед, потом отвалится.

Выехать сразу не получилось — на тяжело груженных нартах от удара сломалось несколько копыльев и лопнул один полоз. Провозившись с ремонтом до вечера, вынуждены были тут и заночевать, хотя до «Арктики» оставалось совсем немного.

К пароходу подъехали задолго до полудня. Алдункан получил расчет натурой и в тот же день поспешил в стойбище. Он до того был доволен обменом, что оставил важенок и нарты, на которых ехал Корней.

Растроганный скитник обнял оленевода:

— Алдункан, ты самый добрый эвенк. Дай Бог, чтобы все твоё семейство и все твои олени были здоровы!

— Наша земля холодная. Надо согреть её добротой. Тогда всем тепло будет, — ответил тот.

Дежуривший по камбузу Географ сварил оленину в самой большой кастрюле. Нежное, сочное мясо команде понравилось. Повеселевший механик даже пропел: «Эх, хорошо в стране Советской жить, эх, хорошо страной любимым быть...»

Нахваливая Корнея, все удивлялись тому, что в бульоне не попало ни одной мелкой косточки.

— Отец матери научил разделявать по суставам, — объяснил тот.

На следующий день скитник соорудил для оленух в затишке у борта парохода навес из сухостоин и накрыл его брезентом. Днём выпускал важенок копытить на берегу ягель, а вечером подкармливал остатками с общего стола. Одну пачку соли высыпал в загоне прямо на снег и животные сами охотно возвращались к импровизированному солончаку на ночевку. Зная о приближении полярной ночи, «оленеvod» каждый день запасал в мешки мох, лишайники, веточки тальника.

* * *

7 ноября на судне прошла демонстрация в честь 41-й годовщины Октябрьской революции. Капитан поднялся на верхнюю ступеньку трапа, а остальные ходили по палубе с красным знаменем и после слов «Да здравствует Великая Октябрьская революция!» дружно кричали: «Ур-р-ра! Уррр-аа-аа!»

По случаю праздника напекли пирогов с мясом и каждый получил по банке сгущенного молока. Корнею оно до того полюбилось, что свою банку высосал за один присест. После чаепития капитан достал гитару и спел несколько любимых романсов: «Мой костер в тумане светит», «Гори, гори, моя звезда», «Я встретил вас...» Механик поддерживал его густым басом. Берущие

за душу слова растрогали Корнея. Вспомнились семья, родной скит, Впадина, монастырь, Дарья.

Когда вышли на палубу, чтобы отсалютовать Октябрю из ракетницы, зимовщики обомлели: на небе вокруг настоящей луны красовались четыре ложные. Одна в зените, вторая ниже настоящей, остальные по бокам.

Все более поздний восход и более ранний заход солнца откусывали день с двух сторон. Сумерки укорачивались, а ночи становились все длиннее и непрогляднее. Рассветало лишь к одиннадцати, а часа через два вновь темнело.

Корней со страхом ожидал 22 ноября, в этот день, по прикидкам капитана, начнется долгая полярная ночь. Вновь солнце покажется лишь 19 января. Впереди 58 суток тьмы. Наверное, поэтому в последние дни люди чаще обычного поглядывали на низко висящий расплывчатый диск, почти сливающийся с бледно-желтым небом.

21 ноября выглянула лишь горбушка. Двигаясь какое-то время вдоль зубчатого горизонта, она так и не решилась оторваться от него. Исчезла, бросив прощальный луч на «Арктику». На том месте, где она скрылась, еще долго тлела полоска лимонной зари. Постепенно бледнея, она некоторое время смещалась вслед за невидимым солнцем и, в конце концов, погасла. Это не означало, что стало совершенно темно. Первые дни полярной ночи — это были просто медленно сгущающиеся сумерки. А ближе к полудню вообще становилось достаточно светло. При этом ничто не имело четких контуров: все как бы переходило из одного в другое.

Окончательно полярная ночь вступила в свои права лишь через дней десять. В полдень небосвод, усеянный жирной россыпью звезд, оставался на юге почти таким же черным, как и на севере. Но и в это время не стоит темень, о которой говорят «хоть глаз выколи». Выручает «ночное солнце» — необычайно яркая в чистой атмосфере Арктики луна.

Реально темно становится, лишь когда небо затягивает плотный войлок туч. В такие дни далеко от парохода не отходили. Внутри судна, где мрак был непроницаемым в полном смысле этого слова, приходилось передвигаться на ощупь или со свечой в руке. Тьма была до того густой,

что, казалось, ее можно щупать, мять, словно податливую глину. Только в кают-компании было светло от постоянно горевших керосиновых ламп. Так что для экипажа мир на время сузился до ее размеров.

Морозы даже при сплошной облачности не спадали. Однако людей больше угнетал не мороз, а отсутствие солнца. Стужа лишь усугубляла это состояние. Угнетала и давящая тишина. На судне она ощущалась не так остро, но стоило выйти наружу, становилось жутковато: в этой беспредельной тишине можно было расслышать лишь биение собственного сердца и шум дыхания.

Из-за отсутствия смены дня и ночи у некоторых зимовщиков нарушился сон. Нервозность во взаимоотношениях с каждым днем нарастала. Любое неверное слово, сердитый взгляд приводили к неоправданному взрыву эмоций.

Опытный капитан с этим уже сталкивался и старался вовремя вмешаться, предупредить конфликт. Чтобы у команды не было времени заниматься разборками или предаваться меланхолии, следил за тем, чтобы каждый был чем-то занят. По его просьбе Николай Александрович два раза в неделю читал лекции о великих географических открытиях. Устраивал конкурсы на знание морей, гор, судоходных рек не только Советского Союза, но и мира.

Очень выручали грамотно подобранная библиотека и киноустановка. Человеку гораздо легче переносить вынужденное заточение и ограниченное пространство, узнавая из книг и фильмов о стойкости и благородстве других людей.

В железных коробках хранились девять фильмов. Через месяц экипаж уже вслух предварял все реплики героев. Книг же было за сотню: читать не перечитать! Молчаливое общение с ними тоже надолго отвлекало от ссор и разногласий, уводило в светлый мир добра и справедливости.

Скрашивал зимовку и патефон с пластинками. Это чудо техники механик оберегал и никому не позволял прикасаться. Заводил и ставил пластинки только он сам. Вскоре и слова песен «Землянка», «Синий платочек», «Песенка водовоза» и самой любимой — «Ландыши» — все знали наизусть.

По особо торжественным дням механик Федор ставил песню «Варяг». Все испытывали необыкновенный душевный подъем, как только опускал головку с иглой на пластинку, и начинал звучать гимн мужеству русских моряков:

*Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...*

Закончив «концерт», механик аккуратно раскладывал черные хрупкие диски по конвертам и убирал в шкаф. Была у него еще замечательная привычка — перед сном петь, подыгрывая себе на гитаре «Раскинулось море широко». Правда, будучи любителем приключенческой литературы, он иногда так зачитывался, что пропускал время отбоя. Тогда кто-нибудь начинал его теребить:

— Федор, «колыбельную»!

Среди зимовщиков активней всех библиотекой пользовался Корней. Не отставал от него лишь белобрысый и щуплый прыщеватый радист Василий. Внешне вроде хляк хляком, но чувствовалась в нем некая внутренняя сила, крепкий стержень. Он был, пожалуй, единственным на судне, кто радовался зимовке: появилась уйма времени для чтения. Любовь к книгам быстро сблизила этих разных людей.

Живя в монастыре, Корней читал преимущественно географическую и духовную литературу, по большей части жития святых. Тут же, благодаря подсказкам радиста, он познакомился с произведениями русских классиков: Карамзина, Чехова, Гоголя, Аксакова, Лескова, а главное, наконец прочитал, вернее, проглотил и влюбился в «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Если бы не эти книги, он от многодневного сидения в ограниченном пространстве кают-компания сошел бы с ума.

Дочитав очередную книгу, скитник спешил к Василию в радиорубку делиться впечатлениями. В ней из-за рации тоже поддерживалась плюсовая температура.

Они обсуждали прочитанное, дискутировали, пере-скакивая с одной темы на другую. Иногда к ним присоеди-нялся Николай Александрович.

Когда Василий заявил, что Аляску открыл Беринг, тот возмутился:

— Этот перестраховщик ничего бы не открыл и не описал, если бы не его помощники Алексей Чириков и Иван Елагин. А Чириков и вовсе Русский Колумб! Именно он первым на «Святом Павле» обследовал северо-западное побережье Америки. Открыл острова Алеутской гряды, Кадьяк, Командорские острова. При этом, будучи очень скромным, ничему не присваивал свое имя.

А штурман Иван Елагин, пройдя сушей, описал и составил карту побережья Камчатки, Чукотки. Заложил в Авачинской бухте острог Петропавловск. К сожалению, в истории географических открытий немало подобной досадной несправедливости.

Когда я читал материалы о жизни Чирикова, сердце сжималось от сострадания. Некоторые выдержки из его отчета помню дословно:

«С 14 сентября принужден был приказать варить и давать людям кашу токмо один раз в неделю. Пришла на многих болезнь цинготная. И с 16 числа сего месяца по возврат наш в гавань умерли шесть человек. В то же время и я весьма от цинги изнемог и уже, по обычаю, был приготовлен к смерти. В управление судном остался один штурман Иван Елагин, да и тот весьма ж болен, которому от меня только вспоможения было, что приказывал ему какой иметь курс». Каково!? Какая воля, какое упорство в выполнении поручения императора!

Прочитав по совету Корнея книгу Мельникова-Печерского «На горах», Василий сказал:

— Спору нет, Корней Елисеевич, вера важна. Но в мире наплодилось столько религий, что и названий не упомнишь. Где та истина, что дана Богом? Даже в самом православии с десятков трактовок. Ваши, к примеру, не согласны с реформой Никона. Неужто различия столь велики, что надо было разойтись? Вы ведь тем самым ослабили, раскололи Россию. Был единый мощный кулак,

а после раскола кулак утратил прежнюю силу. Ну вот скажите, в чем ваше главное несогласие?

— Большинство думает, что мы не сошлись в сложении перстов и прочих мелочах. Это не есть главное. Хотя как можно кукишем креститься? Взгляни на иконы — ни Христос, ни святые кукишем не крестятся. Для нас неприемлемо то, что Никон* свою волю поставил выше первоисточного православия. Прибегнув к подлогам, искажил в угоду западникам многие таинства и обряды. Ввел в службы ересь католиков и протестантов, а в Святом Писании ясно сказано: «Одно слово аще прибавишь или убавишь, да будешь проклят». Такой грех, по словам святителя Иоанна Златоуста, не смывается даже смертью.

А самые еретические, неприемлемые изменения — объявление государя наместником Бога и признание обливательного крещения! Коль Господь крестился полным погружением, стало быть, и нам так надлежит. Так что, не на нас, а на Никоне грех раскола. Сам посуди, ежели каждый патриарх во время своего служения будет вносить правки, будет новым апостолом, законодателем, что останется от православия? Мы просто держимся первоисточного. Уверен, рано или поздно никоновская ересь будет обличена. Божья правда, хранимая нами, восторжествует, и Россия вернется к неправленому Писанию.

— Говорят, будто среди вас есть люди, которые лечат заговорами.

— То не заговоры, то молитвы. Обращение к Богу. Заговоры и ворожба — от лукавого.

— Хорошо. А как быть с пророками? Они же существуют.

— Да, есть такие. Но дар пророчества дается только избранным. Тем, кто крепок в вере и особо Господу угодил. Самолично знаю одного.

---

* Никон после проведения реформы так возгордился, что пытался поставить себя выше царя. Чем вызвал его гнев и завершил свою жизнь в подвале Белозерского монастыря, прикованный цепью.

Практически каждый день «Арктику» сотрясала пурга. Налетала она обычно с севера или северо-востока. Становясь с каждым часом все яростней, взбучивала снег и несла его напористыми потоками через судно, наметая за ним огромные сугробы. В такое время ходить по палубе было невозможно. Плотные заряды снега валили с ног рискнувшего выйти.

Чаще всех от пурги доставалось Корнею: хочешь — не хочешь, а хотя бы раз в день приходилось выходить покормить запасенными мхом и ягелем оленей. Когда ветер был особенно силен, он продвигался, крепко держась руками за леера, и, наклоняясь всем телом вперед, как бы ложился на упругие потоки снега. Порой порывы были столь мощными, что не давали и шагу сделать. Тогда он поворачивался к ветру спиной и приседал, дожидаясь, когда он чуть ослабнет.

Наконец верховой ветер расшевелил сплошной «панцирь» туч, и в прорехах замелькали холодным блеском звезды. Когда небо очистилось, отчетливо проступили залитые призрачным лунным светом торосы, деревья, скалы. На фоне снега они казались отлитыми из черного серебра. От деревьев тянулись пепельно-серые тени. Ничем не нарушаемая тишина и полная неподвижность панорамы создавали иллюзию сказки.

С этой ночи метели прекратились, и Корней стал время от времени совершать лыжные вылазки. В одну из них вдруг стало заметно светлее. Удивленный скитник завертел головой. На западном краю неба колыхалась, будто от ветра, прозрачная вуаль, меняющая цвет от нежно-зеленого до лилового. Сквозь нее застенчиво мерцали звезды. Наполняясь светом, вуаль на глазах превращалась в огромный многоцветный занавес, сотканный из множества вспыхивающих и довольно быстро гаснущих лучей. На смену им тут же выстреливали сотни новых. Непонятно было, откуда они возникали и куда исчезали. Казалось, небо охватил волшебный пожар.

Потрясенный скитник не сводил глаз с этого дива. Неожиданно складки занавеса, бледнея и судорожно

сжимаясь, погасли. На черном бархате небосвода вновь воцарилась луна и опять ярко запульсировали россыпи созвездий, разделенных широкой лыжной Млечного Пути. А очарованный скитник все стоял, задрал голову, в надежде, что фантастическое представление возобновится. Но небо озаряли лишь бледные сполохи. Так Корней впервые увидел «улыбку неба» — северное сияние.

С этого дня подвижная, цветистая вуаль стала регулярно украшать полярную ночь. При этом ни рисунок, ни цветовая палитра не повторялись. Но такой красоты, как в первый раз, он больше не видел.

Между Корнеем и механиком почти каждый день происходили пикировки, во время которых Федор пытался убедить скитника в ошибочности его взглядов. Очередную, в этот раз, затеял сам скитник:

— Федор, вот ты все пытаешься убедить меня, что Бога нет. Но если посмотреть на жизнь любого человека, пожалуй, у каждого бывало так, что в трудную минуту именно Господь приходил на помощь. К примеру, наш случай. Нам сказали, что на Север больше не будет судов. Мы поплыли на лодке. Лодку унесло паводком. Казалось бы, все — путь закрыт! И тут Господь посылает вас.

— При чем тут Господь? Вам просто повезло! Ведь рейс не он запланировал, а пароходство. Неужели непонятно? Страна давно построила новую справедливую жизнь, открывшую перед каждым безграничные возможности, а вы все живете старыми представлениями. Все надеетесь на какого-то невидимого, прячущегося от людей Бога. Глупо! Ведь доказано: Бога нет.

— Кем доказано-то? Все земное — Его творения.

— Глупости!

— Отрицать ты горазд, а вот придет трудная минута, сам к нему обратишься...

Через дня два уже механик прицепился к скитнику:

— Корней Елисеевич, вы читали моральный кодекс строителя коммунизма? — при этом Федор указал на красочный плакат, на котором были изображены люди, радостно идущие под красным знаменем. — Вы только

послушайте: кто не работает, тот не ест; человек человеку друг и брат; один за всех, все за одного.

— Феденька, успокойся. Читал. Ничего нового в вашем кодексе нет. Те же христианские заповеди, только изложены современным языком. Посему мне непонятно: Бога отрицаете, а сами призываете идти по пути, Им предначертанному.

Не зная, что противопоставить словам бородача, Федор выпалил:

— В ваших рассуждениях один церковный дурман. Вы свое твердите, а других слышать не хотите.

— Эх, Федя, Федя! Жизнь началась, может, и новая, но основы-то у нее старые.

— Удивляюсь на вас. Вы такой начитанный человек, а не понимаете простых вещей. Если бы Бог существовал, его, при нынешнем развитии техники, хоть кто-то должен был увидеть. В телескопы смотрят — в него на Луне каждую скалу можно разглядеть, а вашего Бога нигде не обнаружили. Люди на самолетах сколько лет летают — так и они не встречали.

— Бог бестелесен. Он существо духовное, и видеть Его мы не можем. Вот мысли наши существуют, но никто их ни потрогать, ни увидеть не может. Но ты же не скажешь, что их нет. Так же Бог — мы его не видим и потрогать не можем. Тем не менее Он есть. Разумность устройства мира и есть лучшее тому доказательство. Вон автомобили во избежание столкновений ездят под управлением специально обученных людей, и все равно сталкиваются — сам видел. А на Земле все так умело сплетено одно с другим, что это не может быть случайностью. Как возможно, чтобы никем не управляемая планета соблюдала свое движение среди множества звезд без столкновений? В этом ясно видится премудрый и все-сильный управитель — Создатель нашего мира.

— Чудак вы! Не Бог управляет всеми этими процессами, а сила притяжения. Она невидима, мы наблюдаем лишь ее проявления.

— Федя, ты же сам себе противоречишь: говоришь, Бога нет, потому как он невидим, а ведь твоя сила притяжения тоже невидима. По твоей теории получается: ее тоже нет. Я согласен, что сила притяжения существует,

но и она сотворена и управляема Им. Не только мы, но и сама Земля Его творение, и она живая!

— Ну и сказанули! Земля — мертвая материя!

— Как может мертвая материя родить живые цветы, деревья?

— Так они сами растут из семян... Если Бог столь всесилен, откуда в мире столько зла и несправедливости? Подлецы зачастую живут припеваючи, а добрые, честные бедствуют.

— Не забывай, супротив Бога действует Сатана. Это он побуждает человека к греховным деяниям. Господь попустиение ему дает для испытания и выявления верных Ему людей. Тот, кто не поддастся, тому будет дарована благодать в Царствии Божьем. Сатана просто умело пользуется слабостью и ленью человека. Ведь идти вверх трудней, чем спускаться. А Господь всегда подсказывает нам, где доброе деяние, где греховное. Выбирая греховное, мы сами за то в ответе.

— Интересно, каким это образом он подсказывает? — ухмыльнулся Федор.

— Через совесть! Голос совести в нас — это и есть голос Бога. Вот, к примеру, представь. Мы, голодные, сидим за столом кают-компаний. На столе рядом с тобой буханка хлеба. Ты ее схватил, спрятал за пазуху и один ешь.

— Ну, дядя Корней, и пример! Я что, жлоб какой?

— Вот-вот, в тебе тут же заговорила совесть: так поступать нельзя! Совесть и есть проявление Бога в тебе.

— Так она, к сожалению, не у всех есть.

— Вот это я тебе и пытаюсь втолковать. У кого совесть есть, тот живет с Богом, а у кого нет — те прислужники дьявола.

— Корней Елисеевич, вы, оказывается, отменный проповедник. Так мы все без партбилетов останемся, — вмешался капитан. И, уже строго глянув на механика, добавил: — все, закончили дискуссию.

Скитник, доев обед, ушел вместе с Василием в радиорубку.

Когда дверь за ними закрылась, капитан примиряюще похлопал механика по плечу:

— Очень тебя прошу, не заводишь больше. Такие разговоры на судне ни к чему.

— А чего он своей бестолковщиной смущает людей.

— Не он же начинает. Ты сам его постоянно провоцируешь. Пойми, верующего человека никакими словами не переубедишь, — продолжал помягчевшим голосом капитан. — Вот, к примеру, моя бабушка — что бы я не говорил ей, как бы не убеждал, она все равно каждое утро и вечер стоит у образов и молится. Со мной во всем соглашается, но продолжает верить и молиться. Так что, оставь деда в покое. Пусть верит на здоровье.

— Я понял, товарищ капитан.

* * *

Сегодня, 19 января, по расчетам капитана, должно было показаться солнце. Все ждали этого торжественного момента с особым нетерпением. Однако увидеть светило в этот день не удалось — помешала сплошная облачность. Тем не менее было довольно светло, как бы предрасветные сумерки. Только через двое суток небо очистилось от туч и на востоке запылала, все более разгораясь, малиновая заря, а следом выплыло и само пунцовое солнышко. На истосковавшуюся по нему землю брызнули, правда ненадолго, лучи, залившие русло реки и лес золотистым светом. Лица зимовщиков озарились радостью. Как чудесно, насколько приятнее с солнцем! Приветствуя его, все сняли шапки, и тишину разорвало дружное: «Ура! Ура! Урааа!»

Первые минуты смотреть на яркий диск с непривычки было больно, даже прищулив глаза, но никто не отводил от него взора до тех пор, пока солнце не скрылось.

Корней, зайдя за ящики с грузом, долго истово благодарил Создателя за чудодеяние возвращения божественного источника света в день Крещения Господня.

Люди сразу стали приветливее, разговорчивее, веселее. В кают-компании зазвучал смех. Еще бы! За два месяца все устали от тьмы. Степень радости зимовщиков может оценить лишь тот, кто изо дня в день, из недели в неделю не видел солнечного света.

Механик, отрастивший за время полярной ночи бороду, наточил на силке бритву и, намывив лицо, сбрил ее.

— Ух ты! Тебя, Федор, не узнать. Помолодел лет на десять, — воскликнул капитан, когда тот вошел в кают-компанию.

— А по-моему, борода ему очень даже шла. Солидности придавала, — откликнулся радист.

— И то верно! Как можно сбривать бороду?! Она же Божий дар. Летом от нее прохладно, зимой тепло, — поддержал скитник.

* * *

В один из вечеров Корней, как всегда, заглянул к Василию в радиорубку.

— Вася, давно хотел спросить. А сам-то как, веришь в Бога?

— Не знаю. Вроде нет, а когда задумаюсь о своем удивительном спасении, начинаю сомневаться. Ведь вся моя семья погибла в Харькове в самом начале войны, а меня кто-то отвел от смерти. — Сказав это, Василий словно ушел в себя.

Корней, выждав паузу, осторожно поинтересовался:

— Как это случилось?

— Очень странная история. Мы обедали на веранде, когда громко постучали в ворота. Мать сказала «Василь, сбегай, отвори». Открываю, а за воротами никого. Я даже вышел на улицу — ни души! И в это время противно завыло... Очнулся в больнице весь в бинтах. Соседка, пришедшая навестить, сообщила, что мои погибли, от дома одна воронка. Она же и определила меня в детский дом. С ним меня эвакуировали в Горький. Там, в речном, выучился на радиста.

— Тебя, я думаю, ангел-хранитель спас.

Через пару недель Корней, утомленный стесненностью судна, решил съездить на подаренных Аддунканом оленях к якутам, живущим на левом берегу километрах в сорока вверх по Лене. Когда осенью проплывали это

место на пароходе, видели на бугре их балаган. Якуты еще долго махали им.

Чтобы добраться без ночевки, выехал пораньше. Застоявшиеся важенки, услышав команду «Га! Га!», легко сдернули приставшие к снегу нарты и помчали Корней мимо крутых берегов. Снег на реке не везде был плотным, но олени бежали, почти не проваливаясь. Их выручали необыкновенно широкие копыта. Они у северного оленя почти вдвое шире, чем у любого другого вида оленей. Причем, еще широко раздвигаются.

Защищаясь от летящих из-под копыт комочков снега, Корней обмотал голову шарфом.

Световой день прибавил незначительно — через два часа небесный свод вновь стал чернеть. Чтобы он не рухнул на землю, кто-то невидимый принялся беспорядочно вбивать в него серебряные гвоздики, и, к радости скитника, забегало беззвучное холодное пламя. Сполохи малинового света постепенно разгорались, и вскоре небо запылало восхитительным небесным пожаром.

К наполовину занесенному балагану скитник подъехал, когда сияние разгорелось в полную силу. Судя по присыпанным порошей следам, хозяева ушли на лошадях вверх по ключу несколько дней назад. Дверь не заперта — люди в этих краях не знают, что такое воровство.

— Думаю, якуты не обидятся, если заночую у них, — рассудил Корней, отряхивая с капюшона бахрому нарощего инея.

Войдя в жилую часть балагана, Корней перекрестился: «Прости, Матерь Божья, за самочинство». Зажег лампу, затопил печь, поставил на плиту набитый снегом чайник. Когда помещение прогрелось, снял меховую одежду и развесил ее на жердях. Оглядевшись, увидел на бревенчатой стене рядом с висевшим на кольшке ружьем икону. Таковую темную, что не различить, кто на ней изображен.

Ужинал прихваченными в дорогу лепешками и оленьей. Перед сном набил чрево печурки сырыми поленьями и улегся на прогретом кане.

Утром, пока пил чай, размышлял: ждать хозяев здесь или поехать по их следам?

«Остаться без нужды в чужом жилище неприлично да и неизвестно, сколько просидишь, лучше поеду», — решил он, надевая малицу.

Выехал, чтобы не плутать и видеть, куда ведут следы, с восходом солнца. Вокруг стояла такая тишина, что было отчетливо слышно, как по шершавым стволам спускают крохотные поползны и скачут по веткам, стряхивая снег, вертявые белки.

Часа через три на отлогом скате в наступивших сумерках разглядел балаган. Из него поднимался столб дыма с искрами. Подчиняясь ветру, он ломался над лесом и дальше тянулся горизонтальной линией. На обмазанной глиной стене тускло светилось окошко. Олени, почуяв жилой дух, оживились, прибавили шаг. Как ни странно, сколько они ни ехали, балаган никак не приближался. Корней уже начал думать, не галлюцинация ли это? Однако нет — вон городьба из длинных жердей. Упершись в нее, олени встали.

Скитник, не обращая внимания на собак, прошел мимо хлева, из которого доносились перестук копыт и шумное дыхание скотины, к балагану. Отряхнувшись, otvorил наклонную, обитую шкурой дверь и вошел, впустив молочные клубы морозного воздуха. Сквозь них сначала различил лишь пламя, трепетавшее в чадящих светильниках и очаге, а когда глаза привыкли к полумраку, и людей вокруг него.

Кто-то попыхивал трубкой, кто-то дремал. На плоском камне сипел, подставив огню прокопченный бок, большой медный чайник. В воздухе стоял едкий, удушливый запах табачного дыма. На появление Корнея никто не обратил внимания.

— Здравствуйте! — громко произнес он, несколько сбитый с толку столь странной реакцией.

Услышав незнакомый голос, якуты разом повернулись. Сообразив наконец, что в балаган вошел чужой, возбужденно загалдели:

— Дорова! Дорова! Раздевайся, грейся, чай пей. Копсе говорить будем.

Подскочивший к Корнею парень помог стянуть заиндевевшую малицу. Гостя усадили на низенькую табуретку, у которой ножки не по углам, а посреди, рядом

с худым стариком. Тот неторопливо мял руками шкуру для камуса. В это время у чайника забренчала крышка. Старик отодвинул его в сторону и бросил в кипяток щедрую жменю чая.

Молодой, выждав немного, наполнил большущую кружку и подал ее гостю с куском конской колбасы.

Чаепитие и чревоугодие у северян любимое занятие, особенно после дальней дороги. Еще бы! Что может быть приятней в мороз, чем оказаться у жаркого очага и, съев гору жирного мяса, отхлебывать маленькими глоточками живительный напиток, и чувствовать, как тепло растекается по всему телу! Рассказывать друг другу новости: кто, куда и зачем ездил, что видел, что слышал. Обсуждать, какая будет весна, какое ожидать половодье. После чего раскурить трубку ядерной махры и, выпуская дым, наблюдать, как язычки пламени, бегая по суставчатым головешкам, затаиваются, накапливая жар для нового всплеска. А когда веки начнут смыкаться, улечься на мягкие шкуры, расстеленные на теплом кане, и забыться сном младенца.

Неожиданно из темного угла, оттуда, где кан делает поворот, донесся сдавленный стон.

— Младший. Старший привез, — произнес старик, — голова болит.

Стоны все громче.

— Посмотрю? — спросил Корней.

Якут молча кивнул.

Сняв с крючка керосиновую лампу, скитник подошел к стонущему. По огромному флюсу на левой щеке он сразу определил причину страданий — зуб! Корней попросил юношу открыть шире рот. Распухшая бордовая десна вокруг верхнего клыка подтвердила догадку.

Отбывая срок в Алданлаге, Корней не раз помогал врачу удалять зубы у заключенных: крепко держал голову уже на все согласного страдальца, а врач плоскогубцами дергал.

У якутов плоскогубцев не было. Нашлись лишь щипцы для колки сахара-рафинада. Их кромки довольно острые и, чтобы не перекусить зуб, Корней затупил их напильником. После этого попросил якутов покрепче

держат болящего, а сам стал, покачивая клык, осторожно тянуть его вниз. Тот, вопреки опасениям (у клыка длинный корень), вышел легко и целиком. Следом потянулась обильная струйка гноя. После этой операции парень вскоре заснул.

Обрадованная родня принялась наперебой благодарить лучу*. Для сна ему отвели самое лучшее место. Правда, непривыкший к дымному воздуху, Корней долго не мог заснуть.

Утром, выйдя из вонькой юрты, скитник с наслаждением вдохнул пахнувший свежим снегом воздух. После дыма и тяжелых испарений от меховой одежды он казался особенно вкусным. Его тут же обступили приземистые лошаденки с белыми от инея ресницами и сосульками, растущими из ноздрей. Они то и дело всхрапывали и мотали гривастыми головами. На шее жожака тренькало ботало.

Шерсть у них заметно гуще и длиннее, чем у тех лошадок, что он с Географом встречал на Лене летом. Оно и понятно — зима! Но даже густая зимняя шерсть не скрывала худобы животных — тяжело беднякам дается корм из-под снега. Не увидев в руках человека ничего съедобного, они потеряли к нему интерес.

Якутские лошадки — особая порода. Коротконогие, плотного сложения, неприхотливые к пище, они хорошо приспособлены к суровым условиям Севера. У них дружелюбный характер, но, поскольку содержатся на вольном выпасе, диковаты, и первое время с ними не просто. Одичав, лягаются, могут даже укусить.

У лошадей якуты отличают семь степеней упитанности: высшая степень — когда на спине слой жира в два пальца. Ее можно достичь только в летний период. Для этого табун надолго отпускают в луга, чтобы потом можно было сделать дальний переход с ездоком и тяжелым вьюком, доведя животное к исходу четырех-пяти недель до истощения. Чтобы таких упитанных лошадей в первый день пути не загнать, их перед поездкой выдерживают пару дней без корма.

---

* Луча — русский.

Перед тем как приторачивать груз, им на спину кладут потник из мешковины, набитой сеном, а уже поверх — вьюки-боковики, притянутые для надежности подпругой. Если груза много — делают связку из трех-четырех лошадей, а люди едут на верховых. Единственный недостаток якутских лошадок то, что они, в отличие от выносливых оленей, хуже переносят длительные переходы.

* * *

Погостив два дня, на третий Корней отправился «домой». Погода по-прежнему баловала — ясно, безветренно. Неубывающий мороз выжимал из ветвей деревьев седую изморозь и с треском разрывал не только их стволы, но и земную твердь. От этих «выстрелов» во все стороны разносился свистящий шелест.

Глава семейства, преисполненный благодарности за исцеление сына (тот уже полностью оправился, даже ел мясо), дал Корнею с полпуда конской колбасы.

По старому, прихваченному морозом следу олени бежали бойчее. Да и река теперь шла под уклон. Даже полозья «запели» веселей. Неожиданно сзади раздался лай. Удивленный скитник, выпростав лицо из мехового, с росомашьей оторочкой, капюшона, оглянулся — его нагоняла собачья упряжка. На ней восседал, судя по комплекции и бороде во все лицо, русский.

«А не тот ли это Юра, которого так хвалили якуты? — мелькнуло в голове, — говорили, добрый, работный луча. Всегда поможет, табацек даст, рыбку, мясо».

Действительно — это был Юра. Возвращаясь с объезда своих охотничьих угодий, он, наткнувшись на совсем свежий нартовый след, решил догнать и посмотреть, кто разъезжает по его участку. Зверобой тоже слышал об одноногом и подумал: «А не он ли это?» — и тоже не ошибся.

Обрадованный возможностью пообщаться с новым человеком, он уговорил Корнея завернуть к нему в гости.

Свежесрубленная, непривычно большая для этих мест изба с двухскатной, крытой тесом крышей, стояла

в среднем течении ключа, впадающего в Лену. У дровника гора напильных кусков чистого льда для чая и готовки. На боковой стене, позолоченной солнцем, растянута на клинышках шкура медведя, мехом внутрь.

— Надысь, взял у берлоги — собаки выгнали, — пояснил Юра, — ох и жирный битюг. Похоже, на голубике отъелся. Ноне она знатно уродилась.

В голосе и движениях промысловика сквозили уверенность и достоинство. Он был широк в плечах и почти на голову выше Корнея. (Скитнику это было настолько непривычно, что он даже представился не по имени отчеству, а просто по имени.)

На высоком крыльце с баясинами долго выколачивали снег, набившийся в одежду, орудуя обрезком оленьего рога.

— Довольно колотиться! Проходите, — поторопила приятным грудным голосом выглянувшая жена Юрия — Агриппина.

Войдя в дом, Корней, успевший привыкнуть к одежкам из меха и ровдуги, с удовольствием отметил, что одета она в обычную вязаную кофту и длинную темную юбку из шерсти. На груди в три ряда красные бусы. Голова туго повязана платком.

— Доброго здоровья! — с поклоном произнес он.

— Спаси Христос! — ответила хозяйка, перекрестившись.

Избе было от силы года четыре. От обтесанных бревен веяло смолистым духом с примесью висевших повсюду сухих пучков луговых трав. Все без затей, удобно, прочно, дышит какой-то основательностью. Справа от двери восседала белая, как снежный сугроб, плечистая глинобитная печь с плитой. Из-за заслонки, прикрывавшей сводчатое устье, сочился самый восхитительный на свете аромат — аромат свежееиспеченного хлеба! Пахло так аппетитно, что у Корнея рот мигом наполнился слюной. На скамье бочонки с водой и моченой брусеной.

По бокам печи, над полусводом два отверстия — глазницы. В них сушились рукавицы. В конце плиты вмазан котел. На полу самовар. Одноколенная жестяная труба состыкована с печной. За печью, под потолком — полати: наилучшее место отогреться со стужи.

В горнице, отгороженной лениво шевелящейся от тепла занавеской, квадратный стол, выскобленный до белизны. Рядом на стене неумолимо отсчитывают время ходики с кукушкой. У стола табуретки. Тяжеловаты, зато не скрипят. Половые доски широченные, тоже скобленные. На них шкура волка и сплетенные в пеструю полоску дорожки.

Вдоль стен лавки из толстых и широких плах, чтобы спать удобно было. На одной лежат недовязанные чулки со спицами. У окна ловко прядет шерсть грузная женщина — тетка Юры. Она, не прекращая что-то мурлыкать, приветливо кивнула гостю. Корней невольно засмотрелся, как струящаяся между ее пальцев нить безостановочно наматывается на веретено. В корзине лежало уже несколько клубков. Тут же горизонтальный ткацкий станок и пяди, на которые натянута основа.

— Присаживайтесь, батюшко, в ногах правды нет, а я пока стол спроворю, — пригласила Агриппина. — Чтой-то темненько стало. Солнце, штоль, уже садится? Пожалуй, ишо лампу запалю.

Она прям сияла от удовольствия, что к ним явился гость, и будет перед кем проявить хлебосольство.

Хозяин тем временем принес из клетки жирного мороженого чира. Отсек голову, хвост. Немного погрел у печки, снял кожу с чешуей и настругал полную миску тонких розовых завитков мякоти. Чтобы они не примерзали к миске, заранее подложил бумагу. Посыпав солью и приправой из макарши — травы с мучнистым корнем, опять вынес на мороз.

— Днесь* якуты баяли, што одноногий русский у них гостит. Я не поверила. Оказывается, верно рекли, — произнесла Агриппина, расставляя соленые грибы, вареную зайчатину, прозрачный топлёный медвежий жир. Под конец водрузила в центр стола два жбана. Один с брагой, второй с клюквенным морсом. Юра тем временем занес подмороженную струганину.

Корней от браги отказался. Выпив морсу, он с наслаждением отправлял струганину в рот щепотка за щепоткой.

---

* Днесь — на днях.

— Обьедение! — искренне восхищался скитник, ощущая небом и языком, как нежная мякоть тает во рту.

— Да уж! Вкусней чира рыбы нет, — согласился Юрий.

— Ешьте-ешьте, батюшко, рыбки, ноги будут прытки, — подбадривала довольная хозяйка. (Корней с удовлетворением отметил, что она брагу только пригубила. А вот тетушка выпила полную кружку.)

Когда все было перепробовано и расхвалено, слово за слово пошел разговор. Хозяева расспрашивали, как идет зимовка на пароходу, достаточно ли продуктов, как вообще он решился без ноги в такую даль отправиться.

— Я веть поначалу не поверил, коды рекли, што вы на одной ноге по тайге ходите. Трудно, поди?

— Уже приноровился. Сидеть сиднем тяжелше.

— Эт верно, без хода — помрешь. Вон матушка зело любила на печи лежать и в пятьдесят три ушла. А тетка, хоть и наибольшая*, а вон какая шебутная. Ничего с ней не деется. С утра до вечера колготится. (Та, польщенная вниманием, заулыбалась.) Да и женушка, хоть и тяжелая, оборотов не сбавляет.

— Женский пол токо с виду сосуд слабый, немощный, а на деле все сдюжит, — встряла тетушка.

После недолгого молчания Корней заметил:

— Дом, смотрю, совсем новый. Прежде не здесь жили?

— А то! Мы с Казачьего. Тама наш госпромхоз. Токмо в последние годы много народу навезли. Рыболовецкий совхоз создали. Шумно, тесно стало. А тута спокой. К охотоведу съезжу, пушнину, мясо сдам, и воля вольная — хошь песни пой, хошь спать ложись. Сам себе голова, — разговорился хозяин. — Строились с племяшом. Он в прошлом году с матерью поменялся. Ее к нам, сам в ихий дом в поселок вернулся: время пришло семью создавать. Тута веть невесты не сыскать.

Пламя в керосиновой лампе задержалось косым язычком, вымазывая черным боковину стекла. Агриппина подрезала обуглившуюся макушку фитиля и огонек выровнялся. Протерев тряпочкой от копоти стекло, встала обратно.

---

* *Наибольшая* — старшая.

— Я веть чего ишо с Казачьего съехал? Директор госпромхоза — мой брат, — продолжал Юра. — Говорун знатный, а охотник никудышный. Ишо худо, што завидлив. А как получил назначение, так и вовсе загордел. Норки задрал, считает себя всех умнея, а ежели разобраться, от заду первый. Здесь, слава Богу, меня не достает.

Юра выпил еще, а Агриппина опять только пригубила для вида. Закусили поспевшим хлебом, макая ароматные, хрустящие ковриги в медвежий жир.

Допив остатки хмельного, хозяин заискивающе поглядел на жену:

— Ишо бы малость. Случай уж больно хороший.

Та недовольно зыркнула:

— Доста!

— Так маненько! С осени гостей не было, а тут такой знатный. Будь ласка, — Юрий встал и, чмокнув супругу в щеку, ласково обнял.

— Но боле не проси, — согласилась смутившаяся хозяйка.

Корней, вспомнив про подаренную якутами конскую колбасу, принес два лоснящихся от жира кольца.

Когда все допили и доели, Агриппина придвинулась к мужу поближе и запела: «Славное море, священный Байкал, Славный корабль — омулевая бочка...» Корней слушал, но перед глазами вставал не Байкал, а Дарьюшка. Ему даже на миг показалось, что это она и поет. В душе воскресали воспоминания, таившиеся в самых сокровенных уголках сердца.

— Ой, дальше слова запамятовала. Ну да ладно, начну другую. Вот любимая Юры — «По диким степям Забайкалья...»...

— Поете вы, Агриппина, очень душевно, — похвалил Корней.

— Признатца — с детства люблю петь.

— Песни только у вас почему-то грустные — прям душу рвут. Наши другие. В наших нет страдания, наши покой душе несут.

— Поешь веть то, што сердце в сей миг просит. А вообще-то песни у нас разные. И веселые и грустные, и даже озорные. Скока себя помню, в нашей семье всегда

пели. Мама, Царствие ей Небесное, вельми голосистая была. Пела первым голосом, всегда вытягивала песню. Ей баили: «Ты уж тяни, Катерина. Ты уж вытянешь». У нас в деревне песню чувствовали. Сразу кучей не пели. Как кто-то один запел, так каждый пристраивался к его голосу, как к нотке. Так песня сама и росла. Хочешь повыситься, ежели голос позволяет, — так и повышай. И так же заглыхали. Недавно в поселке хор организовали, так там не можно голос возвышать, себя придерживать надо.

А скоко колен вывели! Мой-то, — она похлопала мужа по плечу, — зело басит. Про нас так и рекли «Вишь Агриппина с Юрием прошли, прогудели».

— В нашем скиту тоже будь здоров поют. Особливо на праздники. А молодежь вечерами на лавочках распевается.

— Я ишо, што! — продолжала Агриппина. — Вот свекровь, Царствие ей Небесное, песельница редкая была. Скоко давношних текстов помнила! Я и половину не ведаю. Она и гласовым пением по крюкам владела. Правда, больно властная была — ох доставалось мне от яе.

— Да не токо тибе одной, — опять подала голос тетка.

— То правда! Сама толком пуговку пришить не умела, а гоняла, прости Господи, по всем швам. Все утро лежит на печи, нежится. Встает токо к готовому самовару. А ты ишо до свету поднимаеся, трясешь яе потихоньку, шепотом просишь благословения:

— Мама, благословите по воду сходить.

— Господь благословит.

Она веть колодезную воду не пила, токо с речки. До нее с полверсты. А я в ту пору худющая, слабая была. Она меня все поначалу донимала: «Девка, и как тибя ноги носят? Того гляди падешь». Я шибко стыдилась своей худобы. Это таперича в тело вошла.

Так вот, покуда зимой несешь эти полверсты, так вода в ведрах ледком схватывается. Первый раз пошла без топора. Раненько пошла, ништо не прошел ишшо. Так я кованым крючком коромысла исхитрилась раздолбить лед. А ковшика нет — видать, утопили, — нечем воду черпать. Ет че ж? В таку даль без воды пойду? Че ска-

жуть-то? Так я в ведра пригоршнями набрала. А ведра большие... Молчала, не сказала, как мне вода досталась, а то ить она пить не станет, вылить. Така вот была, Царствие ей Небесное.

— Можа, она ишо бы пожила, да на ея мужа, отца Юры, одна баба наведмичила, — пояснила тетка. — Однава оне поругались крепко, дак та, вредина, в отместку таку боль ему между лопаток посадила, што бедняга ревом ревел. Кого токо не звали на лечбу. Все впустую. Так и помер. А сестрица моя без него вскорости следом ушла.

— Дядя Корней, вот вы обмолвились, што песни у вас другие. Спойте что-нибудь.

— Коли интерес есть — слушайте.

И, перебрав в памяти, спел любимую и близкую по духу «Колыбельную Исусу Христу».

— Ваша правда! Красивая, приятная песня.

— Пока вы калякаете, я тесто поставлю, — подхватила тетка. — Утром расстегаев спроворю.

Замесив опару, она накрыла бадью полотенцем, сверху фуфайкой и, ласково приговаривая: «Расти, млей нам на радость», — придвинула ее к теплomu боку печи.

Тем временем захмелевший Юрий принялся требовать еще браги, но тетка одернула:

— Пошто блажишь? От сердитых слов опара опадет. ...Ложись, постлано, — добавила она уже миролюбивей.

— Не бурчи, я ж не по-злomu, — вяло оправдывался Юра, выходя покачиваясь из-за стола.

Перед тем как лечь, он, убедившись, что углей в печке нет, закрыл заслонку в трубе.

Корнею постель приготовили на лавке, накрытой конской шкурой с густым зимним мехом. Рядом на табурете лежало мягонькое заячье одеяло. Когда задули лампы, он еще долго чуял запах погасших фитилей.

* * *

Утром Корней, умывшись снегом и подкрепившись медвежатиной, подманил солью оленей. Простившись со столь приятными и близкими по духу людьми, погнав упряжку к Лене. На реке скорость заметно возросла.

К полудню его зазнобило. Голова налилась тяжестью, во рту пересохло. Пришлось остановиться, чтобы заварить противонедужного чая. Выехав на береговую террасу, прижатую отрогом к реке, освободил от упряжи важенок. Те тут же принялись копытить ягель.

С трудом наломав сухих веток, развел костер и, подвесив котелок со снегом, уселся на меховой спальник поближе к огню. Корней с малых лет любил наблюдать за причудливой беготней веселых язычков пламени, но сейчас ему в них чудился грозный отблеск. Озноб усиливался. Заварив трясущимися руками травы, мешочек с которыми всегда носил в котомке, выпил сразу две кружки и забрался в спальник. Согревшись, незаметно задремал. Когда очнулся, солнце уже коснулось зубчатого горизонта.

Костер опушился серым пеплом. Лишь по некоторым головешкам пробежали последние огненные судороги. Выпростав из мешка руки, собрал в кучу оставшиеся угли, недогоревшие веточки и раздул огонь. Костерок встрепенулся. Языки пламени жадно зализали сучья. Подогрев остывший отвар, допил его и, хотя аппетита не было, заставил себя съесть гостинец Юриной тетки — расстегай. Сумерки сгущались.

«Пожалуй, не стоит по темноте ехать. В мешке тепло. Отлежусь, а утром тронусь», — оправдывал себя Корней, закупориваясь в меховом спальнике прямо в кушанке.

Ночью на стан набрела стая полярных волков. Почуввав их, олени с хорканьем бросились по входному следу к реке, где их поджидала засада: опытные хищники атаковали с двух сторон. После короткой схватки одна важенка осталась на истоптанном снегу, вторая, не помня себя от ужаса, умчалась в горы. (Она пережила подругу лишь на два дня.)

Утром Корней по следам на окровавленном снегу и груде добела обглоданных костей на реке понял, что остался без оленей. Тут он впервые за много лет запаниковал: до судна около двадцати километров, до Юриной избы не меньше, а сам он так плох, что это расстояние без лыж не одолеть.

Скитник тяжело вздохнул: он один, помочь некому, надо срочно что-то придумать.

Вспомнился Робинзон Крузо — тот из любой ситуации находил выход. Неужто я хуже?!

«Святой Боже, святой правый, вразуми», — взмолился Корней, глядя почему-то на нарты. И тут его осенило: «Полозья! Сниму и пойду на них, как на лыжах!».

Размотав сыромятные скрутки, освободил их от стоек. Из упряжи сделал крепления и приладил их так, чтобы полозья надежно держались на ногах. Подвигал взад-вперед. Ура! Идти можно!

Приободрившись, он хотел было сразу отправиться в путь, но даже эта несложная работа так утомила, что пришлось какое-то время посидеть на раскуроченной нарте. Заодно подкрепился колбасой и оставшимся расстегаем.

Спустившись на реку, Корней побрел, преследуя убегающую от него длинную тень, к пароходу. Пройдя километра три, стал чувствовать, что ноги становятся ватными. Каждый новый шаг требовал усилия. Сказывалась не столько прицепившаяся хворь, сколько трехмесячное «заточение» на судне — мышцы заметно ослабли. Особенно трудно давались участки, покрытые торосами и зубастыми ропками. Соленый пот щипал глаза, тек по спине. Чтобы хоть немного охладиться, распустил тесемку на капюшоне кухлянки. С усилием переставляя ноги, он вынужден был все чаще останавливаться.

На участках с пухлым, не прибитым ветрами снегом, полозья вязли. Протез от беспрестанного выдергивания «лыжин» слетел. Опять остановка. Зато пока делал новые дырки на кожаных ремнях для более тугого обхвата культы, немного отдохнул.

* * *

Медленно текло время, еще медленнее сокращалось расстояние до парохода.

Солнце давно село. Небесный свод замахал разноцветными лентами северного сияния.

«Ишь, как расцвечивает! Мороз, похоже, будет крепчать», — расстраивался Корней.

Наконец на излучине показался знакомый речной знак: деревянная пирамидка с полосками белого и черного цвета. «Осталось немного, километра три», — прикинул он, вытирая пот. Но сил идти уже не было. «Следует подкрепиться», — решил скитник.

Поднимаясь на берег, наехал на спящую в снегу куропатку. Она выпорхнула из-под «лыж» с таким шумом, что скитник вздрогнул от неожиданности.

С трудом наломав веток, запалил костер. От языков пламени заплясала обступавшая Корнея тьма. Не верилось, что недалеко пароход, кают-компания, в которой тепло, светло и можно спать, не боясь замерзнуть.

Пожевав колбасы, прилег, не отвязывая «лыжин», желая лишь одного: лежать, лежать, впитывая живительное тепло костра. Волны дремы накатили и, качая, унесли за тысячу километров в скит. Услужливая память высвечивала одну за другой бессвязные картины из прошлого, не находившие своего завершения...

Костер давно потух, а скитник, не чувствуя холода, спал. Мороз сковал не только сырую от пота кухлянку, но и волю. «Замерзаю!» — донесло до него затуманенное сознание. Корнея будто подбросило. На самом же деле он даже не шевельнулся. Склеенные изморозью веки разомкнулись лишь после нескольких попыток.

Скитник не на шутку испугался. «Немедленно вставай», — приказал мозг, но тело не подчинялось.

— Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, усердно молю Тя, Владыко Пресвятый, оживи мои ноги, дай грешному рабу Твоему силы встать, — шептал он, чуть шевеля губами.

Преодолевая за счет невероятных усилий сопротивление оледеневших штанов, он начал подтягивать под себя бесчувственные конечности с прикрученными к ним полозями. Сгибая и разгибая ноги, он подтягивал их каждый раз все ближе. После чего, ухватившись за стоящее рядом дерево, медленно поднялся. В глазах сразу потемнело. Долго стоял покачиваясь. На него в этот момент страшно было смотреть: глаза потухли, лицо неестественно побелело, борода превратилась в ледяной ком.

Корней никак не мог сообразить, куда идти. Все спуталось в голове. Ах, да! Вон знакомая двугорбая гора на повороте просматривается... Значит, «Арктика» совсем близко! Без спальника и котомки как-нибудь дойду... Потом заберу...

Скитник брел, с трудом передвигая ноги со ставшими неимоверно тяжелыми полозьями. Привычной боли в культе он уже не чувствовал. В голове крутился один и тот же набор сумбурных мыслей. Из-за гор выглянула щербатая луна. «Кто это сбоку за мной волочитесь? Тыфты! Это ж моя тень!»

Луна, радуясь тому, что сумела хоть ненадолго осветить человеку дорогу, вновь скрылась за очередной тучей.

Прилечь теперь Корней себе не разрешал — боялся не встать. Когда силы совсем оставляли, он, чтобы не упасть, высматривал вертикально торчащую льдину. А найдя, приваливался к ней и жадно хватал ртом снег. Эти минуты отдыха для него были полны неизъяснимого блаженства!

После передышки самым трудным было заставить себя сделать первый шаг. Пройдя метров сто, опять начинал высматривать, к чему бы прислониться. Вскоре перед глазами из ниоткуда стали возникать мерцающие цветные круги — красные, зеленые, желтые. Они сходились, наплывая один на другой, переплетались и бесследно исчезали, но вскоре вновь выплывали. Где-то в стороне безостановочно играла гармошка.

В какой-то момент Корней выдохся до такой степени, что стал равнодушен ко всему. Хотелось просто сесть и не двигаться. Его уже не пугало то, что он не сможет встать. Но представив, как волки и россомахи будут рвать его замерзшее тело на части, он содрогнулся и, мобилизовав остатки сил, сумел сделать шагов двести...

Остановившись в очередной раз, обвел взглядом берег, но почему-то не узнал место. «Где я? Где пароход? Неужто прошел и не заметил? Да нет, его не проскочишь».

Дальше брел почти в бессознательном состоянии, неустанно шепча:

— Господи, не оставь мя грешного, дай силы дойти.

Упершись в очередной поперечный торос, обходить не стал. Цепляясь за выступы, на карачках забрался на

него. Отдышавшись, поднял голову и... увидел при дрожащем свете озябших звезд долгожданный силуэт.

«Дошел!» — почти равнодушно подумал он, теряя сознание.

Очнулся от ощущения смертельной опасности. Приоткрыв глаза, увидел перед собой черную когтистую лапу. Корней инстинктивно вскрикнул. Чернобурка, поняв, что человек жив, отпрянула и понуро затрусилась прочь.

«Встать, встать!» — приказывал себе скитник, вновь погружаясь в приятный дурман...

Пришел в себя в кают-компании. Не зря Корней молил Господа о спасении. К зимовщикам приехал за спиртом Алдункан. Его собака заинтересовалась чернеющим на торосе пятном, а подбежав, призывно залаяла. Обнаружив застывшего Корнея, эвенк привез его на пароход.

* * *

Конец марта отметился необычайно ранней для этих мест оттепелью. Несколько дней кряду дул сырой юго-восточный ветер, после чего установилась солнечная погода. На припеках оседали сугробы. Ночью подмораживало, и кристаллы снега спаивались в такой прочный наст, что по нему можно было до полудня ходить, не проваливаясь.

После недельной аномалии зима вернулась с морозами и метелями еще на месяц. Вновь потеплело лишь на страстную седмицу Великого Поста. Пауки так обрадовались теплу, что забегали прямо по снегу. Чтобы не беспокоить товарищей, Корней на Пасху, мужественно терпя боль в обмороженной культе, молился всю ночь* на камбузе.

Как только нога зажила, он стал выбираться на охоту. Первые дни были пустыми, зато последующие удача не изменяла ему. В общей сложности ему удалось добыть пять согжоев. У троих на широких копытах были намо-

---

* У старообрядцев Всенощная длится девять часов.

рожены ледяные башмаки-наросты — похоже, прошли по не застывшей наледи.

Световой день заметно удлинился. Все выше поднимающееся солнце трудилось во всю мощь. Снег тяжелел, становился зернистым. Вокруг стволов деревьев ширились воронки. На проталинах соблазнительно заалели россыпи перезимовавшей брусники. Загустели тальники. Запарила, задышала оживающая земля. И уже через неделю в закрытых от ветров ложбинках на ветвях лиственниц проклюнулись зеленые точки, на глазах превращающиеся в мягкие щетинки.

20 мая всем запомнилось тем, что солнце не скрылось за горизонтом, а, чуть коснувшись его, отправилось на очередной круг. Корней поначалу радовался незаходящему светилу, но уже на третьи сутки понял, что в этом природном явлении для человека нет ничего хорошего. Организм пошел вразнос — перестал понимать, когда спать, когда бодрствовать.

22 мая во время обеда зимовщики услышали ровный гул. Самолет? Все выбежали на палубу. Нет! Оказалось, это Лена, сбрасывая ледяные оковы, поползла белой змеей к океану.

Толстые льдины, налезая друг на друга, лопались, крошились, словно перекаленное стекло, переворачивались вставали на ребра и, сияя свежими сколами, громоздились неприступными редутами. Правда, недолговечными: теснимые со всех сторон, они вскоре разваливались прямо на глазах. Льдины попрочней выпирало на берег, где они безжалостно срезали молодые деревца и кустарники. В воздухе запахло свежей водой.

Вышедший из машинного отделения якут Иван снял шапку и, что-то бормоча на своем языке, простоял, глядя на ледоход, часа два.

— Лена — женщина. Сегодня она рожает, — сказал он, повернувшись к Корнею.

После восьмимесячной тишины, когда, чтобы уловить какой-либо звук, приходилось до предела напрягать слух, теперь над рекой стоял мощный гул, от которого вибри-

ровал не только корпус «Арктики», но и земля. Капитан был спокоен — в затоне ледоход сухогрузу был не опасен.

Постепенно прибывающая вода вымывала землю из-под деревьев, рушила берега, обнажая ледяные линзы. Вывороченные потоком деревья, размахивая узловатыми корнями и ветками, неслись по реке, то погружаясь в воду, то всплывая. Ударяясь о камни и друг об друга, они теряли ветки и кору.

Один исполин долго сопротивлялся. Уже, казалось бы, и почвы под ним почти не осталось, а он, опершись на толстые, мускулистые корни, из последних сил держится, словно догадываясь, что, упав, создаст массу проблем. Но настырная река призвала в союзники ветер. Натиска двух стихий упрямец не выдержал, тяжело вздохнув, рухнул-таки. Могучий поток подхватил и понес его. Где-то через километр разлапистую махину затянуло в протоку, и великан, наглухо перегородив ее, стал собирать все, что приносило течением. За несколько часов образовался многоярусный залом.

Скапливающаяся вода с шумом рвалась в щели между стволов, но, не имея достаточного стока, ринулась в прибрежный лес...

Паводок пошел на спад лишь на пятый день. Отступая, Лена развешивала на кустах и деревьях лесной хлам.

Это было лучшее время для ловли сига. Зимовщики каждый день разбредались с удочками по берегу. Примостился на коряге и Географ.

— Клюет? — поинтересовался подошедший Корней.

— Не больно. Два только. Вода уходит. Сиг это чувствует и торопится в Лену — боится, что отрежет.

— И охота тебе грязь месить. Вот подсохнет земля, тогда и рыбалка в удовольствие.

— Так сиг ждать не будет, он только в половодье и ловится. К тому же сейчас ни комаров, ни мошкар. Благодать! Как потеплеет, загрызут проклятые.

Сига Корней видел впервые: длинный, с острой темной мордочкой, а сам ослепительно белый. До вечера Николай все-таки поймал еще трех. Удачливей всех оказался моторист — принес на камбуз двенадцать хвостов. Так что хватило и на наваристую уху, и на жареху. Ели с удовольствием — оленина за зиму приелась.

Возвращаясь в исконное русло, река постепенно светлела и текла хоть и с напором, но уже без прежнего исступления. Струи ласково, словно прося прощения, поглаживали изувеченные ледоходом берега. О недавнем буйстве реки напоминали лишь свежие пеньки и завалы из ошкуренных стволов.

Один за другим вспыхивали скромные весенние цветы. По большей части ветреницы и камнеломки. На проплешинах запылал нежно-сиреневым пламенем багульник. Открылись клумбы зеленого с белыми пятнами мха. Пройдет несколько дней, и откроются навстречу солнцу красно-фиолетовые маки. Лес зазвенел, заиграл множеством птичьих голосов, да так дружно, что нельзя было разобрать певцов. Все слилось в единый хор.

Механик с мотористом теперь целыми днями возились с двигателем. Что-то подтягивали, смазывали, чистили, подливали. Когда его запустили, железный корпус «Арктики» задрожал, как живой, а из трубы повалил черный дым, через минуту посветлевший. Люди приободрились: значит, скоро в путь! Однако капитан сниматься не спешил — знал, что море еще во льдах — чего судну бока мять.

ЗДРАВСТВУЙ, СТУДЕНОЕ МОРЕ!

Третьего июня получили радиограмму о том, что устье Лены свободно. Прозвучала долгожданная команда: «Сниматься с якоря!» Махом убрали сходни, носовой и кормовой швартовые. Включив лебедку, с грохотом выбрали цепь. Якорь вынырнул из воды и замер у клюза. В машинном отделении прозвенел сигнальный звонок, следом прозвучала команда: «Самый малый назад!» Обрадованно заурчал двигатель. «Лево руля!» Судно развернулось и, выйдя на фарватер, возобновило прерванный в сентябре путь мимо круч, ошетилившихся веселыми лиственницами и угрюмыми елями.

Вскоре вошли в узкую каменную теснину — в многокилометровую Ленскую трубу. (Здесь река прорезает один из боковых отрогов Верхоянского хребта.) Скорость течения возросла так, что фарватер запестрел

глубокими воронками. Казалось, дремавшая всю зиму река спохватилась и, наверстывая упущенное, заспешила к Ледовитому океану. Вырвавшись на простор, она понесла холодные воды степенно и величаво.

Чем ближе к океану, тем ниже прижимались к земле всклокоченные тучи, худосочней становились растущие по берегам деревья. Да и те больше прятались по ложбинкам и распадкам. Еще не тундра, но уже и не тайга. Горы по большей части лысые, в мазках снежников. Берега в свежих обвалах. Над всем этим белесое полярное небо и размытый диск солнца. Уныло, голо. Лишь зигзаги острокрылых чаек оживляли панораму.

Перед устьем посреди реки возвышалась огромная, напоминающая сгорбленного медведя гора — знаменитый остров Столб. После него, собственно, и начинается гигантская, шириной в триста километров, дельта Лены. Решительно раздвинув высокие берега, река рассыпается веером многочисленных проток, образующих более тысячи больших и малых островов, обрамленных грудями плавника с торчащими култышками сучьев.

Деревьев на островах практически нет, а те, что выжили, корявые и чахлые. С мелководий неся гомон гусей, уток, куликов, стерхов. Птиц местами до того много, что не видно воды. Над всем этим пернатым изобилием реют, высматривая добычу, белохвостые орланы.

Река в обычном понимании исчезла. Вода привольно текла по низменности, не придерживаясь четких направлений.

Корней заволновался — как капитан разберется в этом лабиринте?

Но тот уверенно вел судно в Быковскую протоку: по ней самый короткий и безопасный проход к океану. Чаек все больше. Сначала они летали кругами над судном довольно высоко, но постепенно привыкая, стали смелеть и даже садиться на леера и борт.

На одном из больших островов паслись невероятно мохнатые животные. Шерсть у них свисала до самой земли.

— Овцебыки. Несколько лет назад завезли с Аляски, — прокомментировал капитан. Немного помолчав, добавил: — После этого острова начнутся раскаты. — Видя, что Корней не понял, пояснил: — Так мы называем участок дельты перед открытым морем.

Упругие толчки волн просигналили — пароход вышел на глубину! Вокруг сталистая вода, густо испятнанная блинами ноздреватых льдин (ударяясь о нос, они крошились). Лоснящиеся спины тюленей, изредка появлявшиеся на почтительном расстоянии, подтверждали — «Арктика» в море. В море Лаптевых. Глядя на удаляющееся пустынное побережье с пологими, рыжеватыми холмами, Николай Александрович торжественно произнес:

— Здравствуй, Океан!

Прозвучала команда: «Полный вперед», и пароход, сопровождаемый крикливой стаей чаек, взял курс на Тикси. Там предстояло доукомплектовать экипаж, пополнить запасы мазута и пресной воды. За кормой потянулась пенная дорожка. Корней перешел на нос и, обдуваемый ветром, любовался высоко разлетающимися на обе стороны жемчужными крыльями брызг. На некоторых льдинах нежилась нерпы, похожие на тугие бочонки, с белоснежными малышками — бельками. На их милых и выразительных мордашках точно углем, намалеваны черные, напоминающие крупные спелые смородинки, глазки и носик. Один из них криком, похожим на жалобный детский плач, звал мать, видимо, нырнувшую за добычей.

Вскоре со стороны материка выплыла армада черных туч. Их обманчивая неподвижность создавала иллюзию горного хребта.

— Смотрите, смотрите — горы! Какие высокие! — воскликнул Корней.

Географ в ответ только ухмыльнулся. Когда сминаемые ветром «горные кряжи» порвало в клочья, смущенный скитник надолго замолчал.

Хотя ветер чуть дул, капитан приказал проверить и, при необходимости, подтянуть ремни и веревки, удерживающие грузы на палубе. После полудня ветер совсем зачих, зато зародился и стал густеть туман. Солнце едва проступало бледным пятном. В этой мути сложно было различить, где кончается вода, где начинается небо. Казалось, корабль движется не по громадному океану, а по небольшому озеру.

Корней был разочарован. Он так ждал встречи с Океаном, и что? — унылое, безрадостное зрелище!

После мыса Муостах океан решил-таки показать свою мощь и крутой нрав. Поднявшийся ветер разметал

туман. Вода потемнела, стала злой и беспокойной. Заострившиеся волны покрылись белыми барашками. Порывы ветра все чаще срывали с них пенные брызги. Шторм набирал силу. Судно плавно взмывало и опускалось на размашистых волнах. От носовых скул «Арктики» высоко взметалась вода. Вокруг болтались, словно пьяные, льдины. Судно качало так, что скрипели переборки. Передвигаться по палубе стало опасно.

— Не рыскать! Держать на волну! — приказал капитан.

Когда судно идет навстречу ветру, опасность лечь набок и перевернуться минимальна. Все с тревогой прислушивались к ударам льдин о корпус. К счастью, они были скользкими.

Через полчаса волны достигли такой высоты, что стали окатывать судно целиком: многотонная масса воды обрушивалась на нос и валом прокатывалась по палубе, пытаясь сорвать грузы. Когда «Арктика» выныривала, нос на какое-то время зависал в воздухе, но, спустя несколько секунд, вновь проваливался в яму, где ее накрывал очередной вал. Пару раз, спускаясь с него, «Арктика» не успевала заползти на гребень и, оказавшись внутри, как бы протыкала его насквозь.

Одна массивная льдина с такой силой саданула в левую скулу сухогруза, что образовалась вмятина и в носовом отсеке трюма появилась небольшая течь. Рев вокруг стоял такой, что невозможно было разговаривать. Всякий раз, когда корабль падал вниз, у Корнея замирало сердце. Только теперь он прочувствовал невероятную мощь океанской стихии.

Поначалу, когда накатывалась очередная громадина, Корней невольно крестился: ему казалось, что она наверняка поглотит корабль и отправит их всех в пучину морскую, но, убедившись в живучести судна, успокоился. Страх постепенно сменялся ликованием и сумасшедшим восторгом. К сожалению, от качки начало тошнить и ему, по настоянию боцмана, пришлось спуститься в кубрик — там пониже и не так болтает. В нем все было прикручено, приварено и никуда не перемещалось.

Скитник улегся на койку и, чтобы ослабить неприятные ощущения, уткнулся лицом в подушку. Под вечер напор ветра ослабел и противная качка поутихла. Море

уже не кипело и не пенилось. Волны стали ниже и округлее, однако стрелка барометра упорно ползла к отметке «Буря».

Она не обманула — сначала похолодало, и порывы ветра принялись швырять в «Арктику» сырые снежные заряды. Надстройки, такелаж, труба, антенна, палуба быстро покрывались мокрым снегом, на глазах превращающимся в ледяную корку. К утру корабль стал похож на белое неповоротливое чудище. Сбивать лед было опасно из-за риска повредить что-нибудь, либо самому оказаться за бортом. Как только волны пошли на убыль, рукоятку реверса перевели на «полный вперед» и пошли лагом* к волне.

Вход в бухту оказался так плотно забит льдами, что пароходу было не протиснуться. (Судоходство в этих широтах зависит от того, куда соизволит подуть ветер. Даже в летние месяцы сиверко за день может пригнать к берегу такие массы льда, что побережье на десятки километров становится недоступным. А задует южак — за какие-нибудь сутки открывается.)

Встали на рейде в трех километрах от порта. Поселок: три ряда серых построек и несколько стрел кранов как на ладони. За ними унылые рыжие холмы, разделенные низкими седловинами. Оттуда то и дело с ревом выныривали и устремлялись в небо самолеты. Через несколько минут после взлета раздавался сотрясающий всю округу «взрыв». Корней от него каждый раз непроизвольно вздрагивал. Ему было непонятно и удивительно, почему после такого мощного взрыва самолет не разваливается, а лишь оставляет за собой полосу белого дыма. Успокоил его Географ, объяснивший, что это не взрыв, а момент преодоления самолетом звукового барьера. Хотя Корнею было непонятно, почему преодоление звукового барьера сопровождается таким мощным «взрывом», он успокоился.

Потянулись часы ожидания южного ветра. Чтобы не терять время впустую, команда принялась избавляться от намерзшего льда.

---

* Лагом — параллельно (боком) к волне.

Безуспешно прождав двое суток, капитан после долгих переговоров по рации убедил портовое начальство выслать к ним ледокол. Тот доставил экипаж, продукты и заправил «Арктику» горючим. Повеселевший Петр Порфирьевич подарил команде ледокола тушу оленя.

Пресную воду они уже успели закачать в танки до этого из голубоватых луж, образовавшихся на льдинах под лучами бессонного солнца. Теперь можно было идти на Яну.

Среди вновь прибывших, помимо старых членов экипажа был один новичок — повариха Варя. Лицом она походила на татарку, а возможно, и была ею. В ней странным образом сочеталась напускная мужская грубоватость с женственностью. Что бы она ни делала, всегда вполголоса напевала. При этом все делала сноровисто и аккуратно.

* * *

Погода баловала: ясно, безветренно. Океанская гладь, усеянная «блинами» льдин и редкими айсбергами, возмущалась лишь расходящимися кругами от вынырывающих тюленей. Набрав воздух, они исчезали под водой. Однажды прошли мимо скопления льдин, на которых грелись десятки нерп — аборигенов здешних мест. При приближении судна они встревоженно поднимали круглые усаые головы. Некоторые из них приподнимались на лапах и издавали звуки, похожие на мычание.

— Из морского зверья только нерпы здесь постоянно живут, — просвещал Корнея Географ. — Еще с осени в молодом льду проделывают лунки-продухи и поддерживают их всю зиму открытыми. Под защитой снежных «домиков», оледеневших изнутри от испарений воды и дыхания, нерпа спит, приносит потомство. Белые медведи, обнаружив такой снежный купол, поджидают момент, когда нерпа выныривает из воды и, пробив его, нападают.

После завтрака все свободные от вахты высыпали на палубу понежиться, позагорать на солнышке. На третий

день надвинулся рыхлой стеной туман. Льдины выплывали из него неожиданно и казались огромными.

Капитан приказал давать гудки, чтобы по эху судить о близости айсбергов. Задувший после полудня с материка ветер поднял волну и отчасти разметал молочную муть, но видимость улучшилась незначительно. Берега по-прежнему не просматривались. Кругом, насколько хватало глаз, лишь серые волны и выплывающие из тумана стаи льдин. Они появлялись все чаще. Волны, придавленные ими, выравнивались. Пенные гребни и вовсе исчезли. На одной из льдин разглядели огромного тюленя, гладкого и блестящего. Он безбоязненно наблюдал за проплывающей мимо него машиной.

Льдины с каждым часом все гуще. Чтобы избежать опасных столкновений с толстыми, многолетними льдинами, сухогруз пошел предельно осторожно, оставляя за собой пенную дорожку, быстро затягиваемую битым льдом. Но в конце концов «Арктика» все же оказалась обложенной со всех сторон льдами. На некоторых можно было разглядеть отпечатки медвежьих лап, очень похожих на человеческие следы.

Капитан не стал таранить. Наоборот, отходя немного назад, на самом малом ходу наезжал на льдины и, продавив несколько метров, давал задний ход. Этот маневр терпеливо повторялся десятки раз. Он позволил без ненужных перегрузок вырваться на относительно чистую воду. Вскоре нос, очистившись от краски, сиял обнажившейся сталью. Корнею нравилось, стоя на носу, наблюдать, как молодые льдины раскалываются, а старые притапливаются под тяжестью судна, а затем с шумом всплывают в потоках воды, иногда перевернувшись, и вместо верхней снежной поверхности показывают ноздреватую нижнюю.

Ближе к вечеру вновь появились айсберги, возвышавшиеся над водой метров на пятнадцать-двадцать (значит, под водой еще метров восемьдесят). Изумрудные, а иногда нежно-голубые, они словно светятся изнутри. Солнечные лучи, отражаясь от их граней, заставляли шуриться. В одном из них волны вымыли полупрозрачную полость, напоминающую зал со сквозными проходами. Небольшие айсберги — посланцы берегового припая,

а покрупнее — обломки сползших с гор ледников. Эти зачастую с множеством грязных вкраплений камней, щебня, песка, собранных при сползании с гор в море.

На следующий день один из айсбергов удивил. Проплывая мимо него, люди увидели сквозь голубоватый скол бесформенное волосатое чудовище. Судя по размерам — мамонтенок либо носорог.

УСТЬ-ЯНСК

К Яне подошли 12 июня. Аккуратно маневрируя по черным, зигзагообразным разводьям, преодолели ледовые поля, собравшиеся у устья. Наконец из-за излучины показались радиомачта и труба котельной — Усть-Янск. Порт активно строился. Причал заставлен контейнерами, дощаными ящиками. В самом поселке, стоящем поодаль, много новых домов. Лежащие на палубе «Арктики» пачки с сосновым брусом предназначались для строительства новой больницы.

Капитан командовал: «Приготовиться к швартовке!», «Отдать носовой!», «Отдать кормовой», «Стоп машина!». Судно по инерции приближается к обвешанному покрывками бревенчатому причалу на сваях и мягко, можно сказать нежно, прижимается к нему.

Радость оттого, что так легко дошли до поселка и удачно пришвартовались, вскоре была омрачена предупреждением о смене ветра на северный. Чтобы успеть выйти в море до того, как льды запрут устье, к разгрузке подключилась и команда. Благо, круглые сутки светло. Переместив на пристань то, что находилось на палубе, открыли трюмы и стали на стропях поднимать ящики, мешки. Но как ни торопились, завершить разгрузку не успели.

С гидропоста сообщили, что устье забило паковым льдом. «Арктике» ничего не оставалось, как ждать южного отжимного ветра. Хорошо хоть успели до хлынувшего ливня задраить трюмы и закрыть брезентом пилотматериалы для Русского Устья.

Пользуясь вынужденной стоянкой, принялись заклепывать трещину на стыке стальных листов на носу.

С камбуза три раза в день призывно неся голос поварихи:

— Мальчики-и-и! Обе-е-да-ать!

Чуть позже:

— За добавкой по-о-дхо-оди!

Географ, даже если был сыт, подходил всегда и все старался заглянуть в глаза поварихи, словно хотел прочитать в них то тайное, что тянуло к ней. Ему казалось странным, что сама она такая бойкая, расторопная, а в глазах бездонная грусть.

Как-то, выждав момент, когда все разошлись, подошел к ней:

— Варенька, все хочу спросить, что вас, такую молодую и шуструю, так печалит?

— С чего вы взяли?

— Уж больно глазки у вас грустные.

— Одинокой березке есть о чем печалиться, — произнесла она тихо, продолжая мыть посуду.

Николай Александрович стал лихорадочно соображать, как продолжить разговор.

— Можно вам помочь?

— Хотите, помогайте. У меня много работы.

Быстро вдвоем управившись с делами, они вышли на палубу.

— Варя, вы из местных или приезжая?

— Это как посмотреть. Родилась в Великом Устюге, но с трех лет живу в Певеке. Родители по набору приехали. Так что считаю себя местной. А вы?

— А я самый что ни на есть здешний — усть-янский. И капитан наш отсюда. — Сделав паузу, с гордостью добавил: — Он мой ученик!

— Так вы учитель?

— Когда-то был. Преподавал географию. Потом все по экспедициям.

— Отчего так?

— На уроке сказал, что Колчак внес огромный вклад в исследование Арктики... Между прочим в Певеке я не раз бывал. Хороший поселок.

— Может, и в нашу столовку заходили, — оживилась Варя. — Я там раздатчицей работала, а муж такелажником

в порту. Когда он погиб, уехала на Большую Землю. По-мыкалась, помыкалась и обратно. Север он такой: берет половинку твоего сердца и прячет в своих ледниках. И, где бы ты ни оказался, он все равно тянет к себе.

— Вы правы, Северу вроде нечем человека привлечь, тем не менее как-то удерживает, не отпускает... Варя, а вы в курсе, что ваш Устюг подарил России удивительного подвижника Заполярья — купца-морехода Никиту Шалаурова? Это он описал побережье от Усть-Янска до Шелагского мыса, открыл уникальную Чаунскую губу. К сожалению, его судно раздавило льдами и все погибло. В 1792 году нашли зимовье, покрытое парусами, а в нем их останки.

— Я про эту историю кое-что слышала от чукчей. Они говорили, что люди отравились печенью белого медведя*.

Так они стояли, рассказывая друг другу разные истории, став в эти минуты близкими, благодаря тому, что оба были влюблены в Север.

В последующие дни команда увлеченно наблюдала за развитием романа. Географ даже на берег сходил всего один раз. Родители умерли, а с сестрой, которая была на двенадцать лет младше, у них были весьма прохладные отношения из-за ее мужа — его однокашника. Ради приличия все же один раз проведаль. Отнес племянникам кулек разноцветных подушечек и три банки сгущенного молока.

* * *

Для Корнея вокруг поселка не было ничего интересного: во все стороны простиралась кочкастая тундра, местами поросшая карликовыми березками и стелющимися ивами: взгляду не за что зацепиться. (Северные

---

* Печень белого медведя не то чтобы ядовита, но есть ее нежелательно. Дело в том, что в ней содержится невероятно большое количество ретинола (витамина А). Так в 100 граммах печени 400 тыс. мкг, что в пятьсот раз больше дневной нормы человека. Последствия от употребления зависят от количества съеденной печени и варьируют в широких пределах вплоть до потери зрения и даже смерти.

деревца спасаются от нестерпимых морозов и ветров под снегом, поэтому не поднимаются выше полуметра.)

Он все больше разочаровывался в Севере и не понимал, почему Николай так восторгается им. Поскольку Корней не участвовал в ремонтных работах, у него была уйма свободного времени, и он, по совету Николая Александровича, пошел знакомиться со старожилками, живущими в разбросанных по высокому берегу рубленых избах. Из-за ветров и ненастий их стены имели почти графитовый цвет.

Бревна для них валили и сплавливали по реке за сотню километров отсюда весной, и если в этот период заболел или просто поленился, то строительного леса тебе не видать. Иногда, во время паводка, бревна собирались и плыли по реке большим скопищем, которое местные окрестили «божьем плотом». Поймать такой было большой удачей.

Дедовское наследство старожильцев состояло из старинных оборотов речи и кремневых ружей. Один из них, малоречивый, на первый взгляд мрачноватый, рыжебородый верзила, лет тридцати, работал кузнецом. Обличьем он напоминал былинного богатыря.

Корней познакомился с ним прямо в кузне. Услышав дробный перепляс молотков, он заглянул в открытую дверь. Тут для него все было интересно. Черный, прокопченный сруб. На железном верстаке навалены разные инструменты. Земляной пол у наковальни усыпан бурой окалиной. По углам груды железа. А самое главное — горн, в котором вяло тлели древесные угли. Но стоило черным мехам «задышать», как они оживали, вспыхивали летучими синеватыми язычками. Корней с жадностью принюхивался к единственному в своем роде воздуху: тут пахло смесью древесного угля, горелого железа и сыплющихся из-под молота искр.

Не обращая на вошедшего внимания, перемазанный сажей кузнец привычно положил клещами на жаркие угли заготовку и стал то и дело переворачивать ее. Когда она раскалилась добела, перенес на наковальню и принялся бить по ней молотом. От пышущего жаром металла во все стороны дождем летели искры. Медленно остывающее железо под расчетливыми ударами меняло форму

словно воск. На глазах восхищенного скитника из бесформенного куска родился топор.

Трофим к появлению седовласого зрителя отнесся поначалу безучастно, но видя, с каким неподдельным интересом тот наблюдает за его работой, предложил:

— Што, отец, хошь постучать?

— А можно?

— Говори громше — глуховат я.

— Хочу!!!

Кузнец раскалил в горне до золотистого свечения полоску металла и, зажав ее клещами, переместил на наковальню.

Повязав «ученику» запон, вручил ему большой молот, а сам взял маленький.

— Попробуйте нож выковать.

Корней поначалу бил осторожно, но, прочувствовав податливую мягкость металла, осмелел. Заготовка постепенно приобретала нужную форму. Временами Трофим точными мелкими ударами молоточка подправлял. Получилось неплохо. Чтобы закалить полотно, кузнец вновь прогрел его в горне и опустил в горячее масло. Оно зашипело, пахнуло дымком.

Когда будущий нож полностью остыл, протянул Корнею:

— Таперича поостри на наждаке.

Проверив ногтем остроту лезвия, похвалил:

— На первину баско получилось.

(Позже Корней сделал из оленьего рога удобную ручку и сшил кожаный чехол. Этот нож прослужил ему верой и правдой до конца жизни.)

— Трофим, а можно я завтра еще приду?

— Приходите, коли по душе.

Что удивительно, эти совершенно разные по возрасту и занятиям люди как-то сразу сдружились, видимо, сказалось родство душ. Уже на второй день кузнец пригласил Корнея к себе обедать. Войдя в избу, скитник был приятно изумлен: просторная светлая горница обставлена красивой резной мебелью, в углу киот с темными квадратами образов. На окнах вышитые занавески. Одна стена сплошь заставлена книжными шкафами.

— Батюшки! Сколько книг! Ты, гляжу, завзятый книгочей!..

— Люблю читать, — подтвердил Трофим.

Он уже умылся и рабочую робу сменил на белую косоворотку, перехваченную пояском с кистями и украшенную по подолу и воротнику вышитыми васильками.

— А это что за фолиант? — Корней указал на толстую старинную книгу.

Польщенный Трофим просиял.

— Энтэ моя гордость — рукописное Евангелие 17 века. Первоисточное, неправоное. Полюбуйтесь, — Кузнец снял книгу с полки, — корки деревянные, кожей обтянутые, в две застежки. Стариной прям веет.

— Откуда у тебя такое богатство?

— От деда перешло, тоже ковалем был. Он сказывал, што до революции в нашем доме отбывал ссылку дже авторитетный богослов. Дивно начитанный и неуступчивый власти. К нему из многих мест старообрядцы приезжали. Вот оне и привозили. Ишо много што по почте выписывал для работы... Я иной раз читаю. Интересно оне изъяснялись. Давношные времена завсегда манят.

— Так ты старославянский знаешь?

— Маненько. К буквам борзо приоровился. Со словами сложнее — непонятных много. Однакось начнешь вдумываться, и смысл проясняется. А вот эта книжица моим дедом писана. В ней поколенная роспись нашего рода. Таперича я пополняю.

— Похвально! В Святом писании сказано: кто почитает своих предков, тот счастливый и долголетний на земле будет.

Тем временем хозяйка в цветастом сарафане достала из печи каравай с румяной, золотистой корочкой. От него шел такой вкусный дух, что Корней невольно слотнул слюну. Заметив это, Трофим спохватился:

— Што мы все о книгах. Варевэ стынет. Горячее-то вкусней.

На столе стояли чугунок с парящей кашей, блюдо с вареной олениной, поднос с брешками нельмы, берестяная плетенка с сухарями и жбан с квасом. С краю на подносе тянул незатейливую песенку самовар.

Прочитав «Отче наш», приступили к трапезе.

— На мяско нажимайте. Без него на Севере никак!
Моя теща, подавая мясное, всякий раз припевает:

*Что варила, мила теща?
Милый зятюшка, грибки.
С этой пищи, мила теща,
Хрен не встанет на дыбки.*

Корней аж поперхнулся от смеха:

— Веселая у тебя теща!

— А то! У ней оные куплеты на все случаи. Да вон она сама идет.

В горницу вошла сгорбленная сухонькая старушонка, в черной юбке до щиколоток. Из-под нее виднелись замызганные чуни, на плечах старенький ватник, голова повязана коричневым шерстяным платком, седые прядки выбились на морщинистый лоб. В руках лукошко с десятком яиц.

— Отведайте, пока ишо теплые. — И пропела:

*Не дари мне по весне
Нежные цветочки,
Подари ты лучше мне
Два яйца в мешочке.*

Вышла из горницы. Корней смутился, а Трофим хохотнул:

— Я ж предупреждал. Прежде ишо боевой была, а как мужа схоронила, так притухла.

Дальше ели молча, сосредоточенно. За чаем первым заговорил Трофим:

— Слышал, што вы на Чукотку путь держите. Вояж славный. У нас до войны командир по фамилии Травин останавливался. Запомнилось, что он отменно долгий был, будто лесина. Говорил, што к Чукотскому Носу идет. Машина у него дивная на двух колесах была. Мой тятя не поверил, што он с самого Мурманска. Так тот ему бумагу показал. Вся в печатях!

— Коли Господь не оставит меня в своей милости, то же хочу дойти до Чукотского Носу. Оттуда, говорят, даже Аляску видно.

— И пошто вам ента Аляска?

— Да так... Взглянуть почему-то хочется.

— Ну помогай вам Бог! А у нас вам как? Нравится?

— Здесь, конечно, раздолье, но глазу не за что зацепиться.

— Ну вы, отец, и сказанули — не за што зацепиться! Эво! Вы токо гляньте! — Тимофей махнул рукой в сторону окна, — красотишша-то какая! Ажно душа отлетает! Где ишо стока цветов враз увидишь? А мхи? Вы видели, какие у нас мхи? Тута вся радуга: красный, желтый, фиолетовый, розовый. А по осени ягод скока! На одной ей прожить можно! А кака тьма птиц на озерах гомонится! А зимой! Што думаете — все мертво? Отнюдь! Где ишо увидишь на небе такое разноцветье? У нас весь год есть чем любоваться!

Рассказ Трофима про мурманчанина сильно зацепил Корнея. Он прикинул, где Мурманск, где Алдан. Получалось, что Мурманск раза в три дальше.

«Выходит, Травин герой, а я слабак — на пароходе-то всяк горазд, — подумал он, — и печати тоже надо бы ставить, как он».

На следующий день скитник зашел в канцелярию порта и поставил на обратной стороне своей справки об освобождении первую печать.

ИНДИГИРКА. ЮКАГИРЫ. ШАМАН

В самую середку полярного дня* с гидропоста сообщили, что ледяные поля южаком отжало от устья. Капитан немедля распорядился готовиться к выходу. Через полчаса прозвучала команда: «Отдать швартовы! Обе машины малый вперед!»

---

* Продолжительность полярного дня колеблется в зависимости от широты местности от одного дня до ста восьмидесяти.

Стоящий у тумбы машинного телеграфа моторист ответил по переговорной трубе: «Есть, обе машины малый вперед!» Корпус корабля, как всегда, мелко задрожал, из трубы повалил дым.

Когда проходили устье, чуть было не угодили в намытую рекой мелкоту — в последний момент заметили характерную зыбь и успели отвернуть. Только вышли из устья Яны, как разрозненные льдины неожиданно вновь стали смыкаться. Проход все уже и уже. Прибавив ход, «Арктика» все же успела выскочить на открытую воду.

В проливе Дмитрия Лаптева уперлись в тяжелые многолетние, уже отполированные волнами льды, опоясанные дробленой мелочью. Сделав несколько попыток пробиться, капитан оставил это бессмысленное и опасное для судна занятие.

— Теперь мы не мореходы, а льдоходы, — шутил он.

На Корнея неожиданно тяжелым бременем навалилось ощущение одиночества, его ненужности в этом огромном, чуждом мире. Ему невыносимо захотелось в родную Впадину, к Дарье, детям. В голове вертелось:

«И что я забыл тут? На Алдане люди, которые ждут и любят меня».

«Арктика» потеряла в этой западне четыре дня. Льдины, подчиняясь течению, беспрерывно елозили, скрежетали о борта. Пароход в ответ скрипел переборками, но до реальных повреждений не дошло — видимо, по-настоящему не зажимало. Все эти дни завеса тумана закрывала горизонт.

Наконец метеосводка пообещала ветер. Синоптики не ошиблись: раскачиваемые им ледяные поля потихоньку расходились. Образовавшиеся черные разводья мало-помалу расширялись. Найдя удобный проход, «Арктика» вырвалась из плена и пошла галсами, стараясь держаться в стороне от скопления льдин.

Механик на радостях завел патефон, и над океаном понеслось «Раскинулось море широко...» Команда дружно подхватила.

Дальше шли без задержки. Впереди по курсу чистая водная гладь. Лишь слева, на севере, сверкают в лучах солнца грозные айсберги. Планировали через день зайти

в Индигирку, выгрузить оставшиеся пиломатериалы, ГСМ и, обогнув Чукотку, идти в порт приписки Владивосток. Но Север в очередной раз доказал, что в этих краях бессмысленно строить планы. Сначала уперлись в сплоченные, тяжелые льды. Пришлось миль двадцать идти вдоль них, пока не обнаружили между нагромождениями льдин достаточно широкий проход. А ночью ударились правой скулой о массивную льдину. Заделанная было в Усть-Янске щель между листами обшивки разошлась, и в носовой трюм потекла вода. Несмотря на работу дренажных насосов, она быстро прибывала. Пришлось глушить двигатель и подводить брезентовый пластырь.

В итоге к устью самой опасной и непредсказуемой на всем побережье Ледовитого океана реки подошли на малом ходу лишь на четвертый день (на полном могло сорвать пластырь). На воде многие тысячи кайр. Они не боялись судна и взлетали, долго размахивая крыльями, только когда до них оставалось с десятков метров. На обрывистом берегу птиц было еще больше. Оттуда несся гвалт, как от мощного водопада.

Индигирка! Это завораживающее слово у Корнея рождало представление о чем-то первобытном, диком, стремительном, заставляющем трепетать сердце. Оно возникло еще в монастыре, при первом взгляде на карту. Рассматривая мощные хребты, окружающие реку, он понял, что Индигирка даже на необъятных просторах Сибири предел труднодоступности и безлюдности!

Ветвистая, правда более скромная, чем у Лены, дельта открылась после острова Немочий. Побережье, освещенное бессонным арктическим солнцем, по большей части плоское и завалено наносным лесом. Обрывы влажно поблескивают ослепительно белыми прожилками льда. На мелководе, возле удобных для гнездования мест, гаждят, снуют многотысячные колонии ипаток, чистиков, бакланов. Красноклювые топорки безбоязненно ныряют прямо у борта судна. На глубине то здесь, то там покачиваются, как поплавки, круглые, усаые головы нерп.

Обогнув бару*, капитан повел судно в западную, хотя и узковатую, зато самую глубокую протоку**. Если в устье Индигирка степенна и нетороплива, то в верхнем и среднем течении, по рассказам Географа, это страшная в своем буйстве водная стихия. На протяженных и жутких по мощи порогах стоит невообразимый, далеко слышимый рев, а скорость течения такова, что поперек русла вздымаются гряды стоячих волн, отправивших на дно немало посудин. На излучинах река изобилует мощными водоворотами, затягивающими даже лодки***, а на прижимах огромные массы воды могут вдребезги разбить о скалы самые крепкие суда.

Ура! Впереди замаячил взъерошенный дымок. Вскоре показались и береговые постройки — новенькие из золотистого теса балки. «Арктика», извещая о своем приближении, несколько раз басовито прогудела. При подходе к причалу случилась еще одна неприятность: массивный топяк угодил под лопасти винта и погнул их. Чтобы преодолеть течение, пришлось идти на максимальных оборотах.

После долгих маневров прижались к подобию причала, обвешанному автомобильными покрывками, и бросили встречавшим бородачам чалки. Хотя по времени была ночь, непонятно, откуда появились грузчики. Старший запустил лебедку, и бригада приступила к разгрузке.

Здесь находился лишь вновь строящийся поселок. Само старинное Русское Устье было выше по течению: морским судам туда не пройти. Сама разгрузка не должна была занять много времени, но все понимали, что тут придется простоять не один день: предстояла сложная работа по замене винта и латанию образовавшейся в корпусе щели.

---

* *Бара* — отмель в устье реки, образованная речными наносами.

** В устье Индигирки три главные протоки: Русская — западная, ближайшая к России, Средняя и Колымская — ближайшая к Колымской земле.

*** Что интересно, зимой Индигирка почти пересыхает — вечная мерзлота скупо делится водой.

С тех пор как ушли из Усть-Янска, Корнею не давал покоя рассказ Трофима о героическом командире Травине. Его пример так вдохновил, что скитник, хотя изначально они с Географом планировали идти до Чукотки на пароходе, решил сойти и дальше двигаться своим ходом. Корней понимал, что напарник, с учетом новых обстоятельств, вряд ли на это согласится, но не предложить не мог.

Николай Александрович действительно, долго извиняясь, отказался.

— Я догадываюсь, почему ты не хочешь оставить пароход. Виной тому — Варя. Верно?

— Корней Елисеевич, понимаете, влюбился как мальчишка. Со мной такое впервые. Как увижу ее, так словно рассудок теряю. Забываю обо всем. Запала в сердце так, что только о ней и думаю.

— Зачем извиняешься? Это ж прекрасно, что ты нашел свое счастье! Я рад за тебя. Варя действительно бабенка славная: добрая, расторопная.

— Корней Елисеевич, спасибо! Спасибо, что поняли! Может, все же с нами до Чукотки? Через три недели гарантированно будем в Анадыре.

— Нет. Хочу проверить себя. На пароходе дело нехитрое, а вот своим ходом, как командир Травин, попробуй-ка! Мне осталось в разы меньше, чем ему. Неужто не осилю?

— Тогда давайте я вас хорошенько проинструктирую. Во-первых, не вздумайте выходить в тундру до морозов. Дело в том, что отсюда до самой Колымы сплошь озера да болота. Суши практически нет. Иной раз не найдешь места для палатки — до того топко. Само море у берега настолько мелкое, что олени, чтобы попить нужной для их здоровья соленой воды, вынуждены идти по няше* километр, а то и два. А вот за Колымой ехать можно будет в любое время года. Там местность гористая.

— Николай, а на чем лучше ехать?

— Предпочтительней на собачьей упряжке.

---

* Няша — ил.

— А на оленях? Мне с ними привычней.

— С оленями, конечно, проще в смысле питания, но они бестолковые — намаетесь. Собаки намного умней и проходят там, где не пройдет ни олень, ни лошадь. Один недостаток — для них корм с собой надо везти из расчета килограмм мяса на собаку в день. Зайцы и куропатки хоть и повсеместны, но охота в дороге, сами знаете, дело случая. В самом Русском Устье вам понравится, — продолжал Географ, — там все по-старобытному. Когда русские здесь появились — неизвестно. Возможно, в пору никонианских гонений. Что поразительно, находясь несколько веков в плотном окружении иноязычных народов, устьянцы проявили поразительную национальную устойчивость. Ведь в других местах русские уже во втором поколении ассимилировали с местными.

Потому устьянцы из современного мало что знают. Понятия не имеют о существовании коров, свиней и много чего другого. Выше по течению юкагиры* стоят. Они у нас в экспедиции проводниками всегда работали, грузы на оленях и собаках возили. Добрый, покладистый, прямодушный народ. Им чужда мелочность, лезть. Смысл жизни у них простой: «Немножко ходи, немножко работай, устал — немножко поешь, немножко отдыхай, снова работай».

— Они какой веры?

— Молодые не верят ни в Бога, ни в черта. А те, кто постарше, в большинстве крещеные и внешние требования православия исполняют добросовестно: в главные праздники не работают, в дорогу берут образок, утром и вечером крестятся, но при этом больше свое язычество

---

* *Юкагиры* (оулы) — древнейший и самый загадочный народ Северо-Восточной Сибири. Изначально они населяли огромную территорию между Леной и Колымой с запада на восток и между Восточно-Сибирским морем и Алданом с севера на юг. Распри и войны с эвенями, коряками, эпидемии выкосили их племена, сократив численность до нескольких сот человек. С середины XX века она стала расти и в 2010 году достигла 1600 человек. Сейчас большая часть юкагиров проживает в бассейне Колымы. Верования юкагиров, наряду с православием, включают культ Матери-Земли и особое почитание Хозяина огня. Традиционные занятия: рыболовство, оленеводство, охота, ездовое собаководство.

блюдут. Двоеверие у них в порядке вещей. В душе они так и остались язычниками. И не удивительно. Здесь и сам невольно обожествляешь ветер, горы, огонь, реки.

Кстати, насчет собачьей упряжки, скорее всего, с ними и можно будет договориться. Они отзывчивые, если с уважением к ним.

Еще раз повторю, трогаться можно, только когда мороз скует озера и речки. Пока раздобудьте упряжку, приносите к собакам и готовьте для них корм.

— Понятно... Николай, мне очень жалко расставаться с тобой, но поверь, я искренне рад за тебя и желаю вам с Варей счастья.

— Бог даст, еще свидимся... Обратного в скит как возвращаться планируете?

— Хочу капитана попросить, чтобы меня с Уэлена или Святого Лаврентия в следующую навигацию забрал. Они туда всегда заходят. Если уж разминемся, к кому-нибудь еще напрошусь.

— Хороший вариант. Думаю, не откажет. На всякий случай, с ним тоже поговорю. Советую пока сходить в поселок и разузнать у местных поточнее, где юагиры стоят.

Петр Порфирьевич Корнею действительно не отказал. Более того, подарил ручной компас:

— В тундре ориентиров нет, и когда небо скрыто облаками, даже такому бывалому человеку, как вы, не мудрено сбиться с пути, — пояснил он.

В дополнение к подарку распорядился выдать дюжину банок сгущенки, бутылку спирта и десять пачек махорки.

Скитник, никогда не державший дьявольское зелье в руках, попытался отказаться, но боцман убедил:

— Бери, бери, Елисеевич! У инородцев табак — самый ходовой товар — дороже золота. Курят все поголовно, даже женщины.

Скитник, перекрестившись: «Господи, прости мя грешного», — скрепя сердцем принял сей дар, впоследствии многократно его выручавший. Зная, что у капитана тоже есть печать, отметил и у него.

Вещей, с учетом меховой одежды, спальника, ружья и разной мелочи, набралось изрядно. «Сегодня налегке схожу. Разузнаю, что да как, а завтра уже с грузом», — решил он.

Поскольку в новом поселке коренные не жили, скитник направился к двум приземистым, с маленькими подслеповатыми окошками рубленным избам — по северным понятиям — станок. Из-за плоских крыш* они выглядели недостроенными и напоминали ящики. Переходя ручеек, Корней поскользнулся на мокром, обомшелом бревне и угодил ногами в болотную жижу.

Взойдя на яр, у одной из изб разглядел прислоненные к стене ажурные нарты, длинную поленницу свежесколотых дров, развешанные на жердях сети. Поодаль щипали траву несколько оленей. На шее быка звякало жестяное ботало.

«Жилая!» — смекнул скитник и постучал в дверь.

— Кого Бог дарует? — услышал он за спиной.

Обернувшись, увидел выходящего из дровника с охапкой поленьев мосластого старика с крючковатым носом и венчиком белесых волос вокруг загорелой лысины. Вроде старый, а глаза блестят молодо.

— С «Арктики» я.

— Заходи, заходи, мил человек.

Толкнув дверь, он пропустил гостя в избу. Пройдя следом, свалил у печки охапку плавника, напильного на одинаковую длину. Отряхнувшись от налипших опилок, протянул руку:

— Нил Прокопич.

— Корней, — поклонился скитник.

— Седай, — махнул он рукой на чурбан, — сичас чай откушаем... Токмо самовар взбодрю, — и принялся, сидя на корточках, щепить смолистое полено.

Раскочегарив самовар, подсел к гостю:

— Меня не накурите?*

---

* На безлесом Крайнем Севере плоские, с небольшим уклоном, крыши популярны. Засыпанные землей, они хорошо держат тепло. Когда крыша задернится, она выдерживает практически любой ливень.

** *Смысл этого выражения — угостите табачком.*

Корней, помянув добрым словом предусмотрительность капитана, протянул деду пачку махорки. От такой щедрости тот аж зацокал языком.

Свернув сигарку, раскурил от уголька и, пару раз с наслаждением затянувшись, наконец поинтересовался:

— Куды, мил человек, след тянешь?

Узнав, что Корней намерен идти до Чукотского Носа, встал и возбужденно заходил по комнате.

— Эва! Фу ты, ну ты — лапки гнуты! Ты што, рехнулся? Смерти захотел?! Тама одна мокредь! Озера без счету, да ржавцы болотные, — шумел он, — туды токо ветер залетает да перелетные птицы. Одумайси!

— Да я не сейчас, а как лед встанет.

— По снегу ишо можно, днешь никак. Одежа-то на зиму имеется? Али так собрался?

— У меня для дороги все есть, на судне пока.

— Тогда ладно, а то испужался — неодетый в тундру... Сымай чуни, посуши.

Корней замялся.

— Сымай-сымай, не тушуйся.

Корней снял один.

— А второй че? Мокрый ведь.

— Не съемный он, — задрал штанину Корней.

У Прокопыча округлились глаза:

— Фу ты, ну ты — лапки гнуты! Так ты ишо и без ног?

— Без одной!

Старик взирал теперь на гостя с восхищением — одноногий, сивый, а такое замыслил!

— Осилишь ли? Не всякий здоровый такой путь одолеет.

— Так я хочу на упряжке. Говорят, на собачьей лучше всего.

— То правда — собаки не подведут, — согласился дед, докурив до ногтей сигарку.

— Не подскажите, где раздобыть их?

— У наших не взять — сами ездют. А вот у юкагиров может статья — оне ездют и на оленях, и на собаках... Погодь маненько, травки к цаю нащиплю — самовар поспел.

Встав, он почему-то вышел в другую дверь.

— Нил Прокопыч, зачем вам два выхода из дома? — полюбопытствовал скитник, когда тот вернулся с душистым букетиком.

— Неужто не в разум?

— Извините, что-то не соображу.

— Тута зимой как задует — наметает то с одной, то с другой стороны. Вот и ходишь, где снега помене. Оттого и внутрь оне отворяются. Иначе вдругоряд и не выйти.

С улицы донеслось гортанное пение.

— Похоже, как раз те, кто тебе нужен, пожаловали. Вельми любят оне поголосить. Пойду встречу.

Действительно, к избе подъезжал на упитанном оро-не пустобородый темнолицый юкагир. На вид чуть больше сорока. Длинные черные волосы заплетены в косу, украшенную железной пряжкой. Он ехал на полуостров Лопатка — место летнего выпаса его оленьего стада. Сыновья уже с месяц как там. Благодаря ветрам на побережье меньше комаров, и пастбища богаче.

На станок, дав крюк в пару десятков километров (по северным понятиям — это не расстояние), Егоркан завернул к Прокопычу попить чай и обменяться последними новостями.

Спрыгнув с оленя, он отвернул книзу голенища легких непромокаемых сапог из рыбьей кожи — чтобы проветрились, и стал ловко выдавливать из покрытой бугорками шкуры животного беловатых личинок оводов. Бык при этом, вытянув губы, спокойно щипал траву. Набрав пригоршню, юкагир отправил излюбленное лакомство в рот. Прожевав, поинтересовался:

— Сусед, как еда?*

— Лонись** было шибче. Ноне на горло токо... Заходь в избу цай пить, дальний гость у меня, познакомлю.

После чаепития они раскурили трубки.

— Ну как табакец? — спросил Прокопыч, выпуская дым через нос.

— Хороший, продирает, — одобрил оленевод.

---

* *Еда* — так местное население называет рыбу.

** *Лонись* — прошлый год.

Курил он интересно — врасяг, с большими перерывами. Трубка почти затухала, но в последний момент он успевал затянуться в полную грудь и вновь нагнать жару.

— Его подарок, — кивнул Прокопыч на скитника. — Корнеем кличут. Представляешь, хотит без ноги дойти до Чукотского Носу. Собачью упряжку ищет.

Егоркан вытаращил глаза:

— Как без ноги?!

— Корней, будь ласка, покажь.

Скитник неохотно приподнял штанину.

Потрясенный юкагир с жаром затряс ему руку.

— К моему отцу иди. Он поможет. Собаки у отца хорошие, работающие.

— Так они ж, поди, ему самому нужны.

— Не думай, он уже не ездит — старый. Дома сидит, оленя из кости режет. Мамонтову кость привезешь или камень, от которого сладко во рту, братом станешь.

— Где ж я ту кость возьму?

— По ярам смотри.

— Ну хорошо, найду я ее, а как все это понесу? У меня ведь еще и своего груза полно, — заволновался Корней.

Нил Прокопыч, сделав несколько глубоких затяжек, успокоил:

— Лодку дам. Вода щас кроткая, до стойбища за три дня всяко догребешь. Ночевать в станках можно.

— Нил Прокопыч, вы просто ангел-спаситель. Буду каждодневно молить Господа о вашем здравии.

— Енто лишнее. Матушка, Царствие ей небесное, все говаривала: «Каково тут житье, таково на том свете вытье. Потому помогай людям даже себе в ущерб».

— Оно так... А как я лодку-то верну?

— Попроси, когда кто вниз пойдет, штоб на бечеву взяли. Она легкая, не в тягость будет. Ежели меня не застанут, на берегу пусть оставят. Токмо накажи, штоб к кустам привязали — штоб не унесло, коли вода вздымется.

— Сказать скажу, только послушают ли?

— Не сумлевайся. Одулы, прости Господи, все никак не привыкну к новому, — юкагиры, народ отзывчивый — доставят, ежели с уважением попросишь. Оне народ

добрый, приветистый. Всегда пригласят цаю откусать, а ежели хто в юрту войдет и цаю не попьет, обижаются. Когда у нас голодно, привезут без зову оленины и всего, што у самих есть. У них закон: людям помогать. Оне говорят, не поможешь, солнце печаль пошлет. Ну и мы им цаек, табацек, сахар припасем. Сами не покурим — им оставим.

Отобрав в гуде выловленного Прокопычем плавника подходящую, выбеленную солнцем лесину, Корней вытесал весло с лопастями на концах и, воодушевленный, вернулся на пароход.

Варя по распоряжению капитана приготовила фирменную солянку, налила каждому по стопке спирта. Капитан поблагодарил Корнея за помощь в зимовке и вручил бумагу, в которой было сказано, что благодаря охотничьей сноровке и находчивости Кузовкина Корней Елисеевича экипаж сухогруза «Арктика» во время вынужденной зимовки на реке Лена с сентября 1958 года по июнь 1959 года был обеспечен мясом. Сошел с сухогруза в Русском Устье 2 июля 1959 года.

Механик завел патефон, а когда все пластинки были проиграны, подсел к Корнею и спел ему любимого всеми «Варяга».

Скитник растрогался до такой степени, что, поклонившись, только и сумел произнести:

— Благодарствую, братцы!

К утру все окрест окутал туман. Солнце пробилось сквозь него часам к одиннадцати. Василий на пару с Николаем помогли Корнею донести груз до лодки Прокопыча. Проводить нового знакомца спустился на берег по деревянным ступенькам и сам хозяин.

Над рекой, нервно взмахивая крыльями, метались с пронзительными криками чайки. Камнем падая на воду, острыми когтями выхватывали трепещущую рыбу. Сокол, бесшумно соскользнув сверху, сбил одну из них.

Легоньякая, «сшитая» из бересты и просмоленная живицей лодчонка с закругленным дном лежала на траве, привязанная к кустам. Вокруг пучками росли перья терпкого полярного лука. Корней нарвал его в дорогу. Уложив походный скарб, крепко обнял каждого и, пере-

крестившись, сел в верткую посудинку. Географ оттолкнул ее от берега, и Корней, поочередно окуная в воду лопасти весла, погреб вверх по протоке, держась в стороне от стремнины.

Полуночное солнце уже почти прилипло к горизонту, а места, пригодного для ночевки, все не просматривалось — берега низкие, топкие. Да и спать на открытом воздухе при незаходящем солнце не хотелось. Надо было доплыть до какой-нибудь зимушки — в ней, по крайней мере, можно завесить окошко.

Наконец правый берег стал «расти», и среди криволеся показалась типичная для этих мест плосковерхая избушка. На берегу лежала традиционная устьянская ветка — лодка из трех досок: одна плашмя, две боковые вертикально. Поодаль — банька, с полосой жирной копти над дверью.

Причалив, Корней прошел мимо треног с проброшенными на них сетями и постучал в раму оконца, затутого налимьей кожей*, щедро пропитанной (для большей прозрачности) жиром, с небольшой дырочкой в центре.

Кто-то припал к ней глазом:

— Кого Гошпоть дарует? — прошепелявил голос.

— Странник, плыву к юкагирам. Переночевать бы.

Дверь распахнулась и показалась патлатая, похоже, никогда не знавшая гребня, голова. На загорелом морщинистом лице с воинственно торчащей вперед острой бородкой впалые, выцветшие глаза. Одет был этот сухонький старичок в полотняную, всю в заплатках, серую рубаху с замусоленным пояском, вытертую местами до кожи меховую жилетку и в солдатское галифе.

---

* Зимой в оконный проем вставляют еще и кусок льда толщиной сантиметров пятнадцать. Щели замазывают смоченным водой снегом. Поскольку за ночь он покрывается инеем, его каждое утро соскребают специальным скребком. За зиму вставку изо льда раза два меняют. Зато окно с «впаянной» льдиной не имело щелей, и ветер не выдувал тепло.

— Давненько гоштей не було. Шюдни будет ш кем калякать, — прошамкал он беззубым ртом. — Пошто што-ишь, как иштукан, комарье напушкаеш? Заходь живеј!

Чтобы не удариться о дверной косяк, Корнею пришлось пригнуться. Когда выпрямился, уперся головой в продымленные потолочные плахи. Так и стоял, склонив голову. Разглядев освещенный лампадкой образ, трижды перекрестился.

Аким сразу просветлел лицом:

— Эво! Двойной праздник: не прошто гошть, а брат по вере. Откель тебя занешло в нашу землицу?

— Издалека я. С Алдан-реки.

— Шлыхал таку, вельми далече. Нешто там тоже наши живут?

— А то! У нас большая община. За две сотни народу. Еще монастырь по соседству.

— Эво! А я вот шам шибе. В шамом-то Уштье оне вроде как вмеште, а мне не нать ихой шуеты.

Заимка представляла собой полуизбу-полубалаган. Стены из вертикально стоящих бревен, щели между ними затерты глиной. Одна из них увешана гроздьями юколы.

Плоская крыша покрыта дерном. Слева от входа печурка с железной трубой, выведенной наружу через дыру в потолке. У двери ручной насос с мерно капающей водой. В дальнем углу громадный, в обручах сундук. На нем свернутая в рулон постель.

Строевого леса тут нет. А из местной кривой, полопавшейся от мороза лиственницы, дом не срубишь. Посему основной строительный материал в этих краях, как уже упоминалось, плавник. При сплаве деревья трутся друг о друга, теряют кору на камнях, полируются песком. В конце концов, выбеленные, ошкуренные стволы выбрасывает на берег. Особенно много их в устьях тундровых рек.

Из такого вот плавника и была сложена эта неказистая избушка. Как и всякое северное жилье, она имела мрачноватый вид, но зато как приятно сидеть в ней в непогоду и пить под потрескивание дров в печи чай, заваренный на травах.

Привыкнув к избяному полумраку, Корней увидел на столе потрепанные книги, лестовку*. На стене полки с посудой, берестяными туесами, жестяными банками. Ничего лишнего.

— Шадись, ш дороги пошамай, — пригласил Аким, подвинув к нему чурбан, а сам принялся добывать огонь, с поразительной скоростью вращая палочку, вставленную в черное углубление в дощечке. Вскоре из нее повалил дымок и заалела искра. Поднеся к ней прядки мха, раздул пламя. Завитком бересты запалил дрова. Сняв с плиты два кольца, поставил в образовавшееся отверстие чугунок.

— Так мигом шогреетшя.

На закопченной стене над сундуком висели лук и колчан со стрелами. Перехватив удивленный взгляд гостя, Аким шепелявя пояснил:

— Ш молодости ш ым промышляю — ружьишко ешть, но ш луком птицу бить шподручней — не штрашитшя. Штреляй шкока надобно. И на огневой припаш рашходу нет. — Произнеся это, он положил натруженные, с вязью выпуклых вен, руки на колени, и умолк, приковав неподвижный взгляд к колеблющемуся свету лампадки. Очнувшись, продолжил: — Было время, рышогонил, теперича робить не могу, глаза просят, а делать шил нет. — Помолчав, зачем-то добавил:

— Не разумею тех, хто бьет дичь без меры. Ведь иные зверушки нам пример...

И опять ушел в себя.

Корней уже заметил, что он временами как бы выпадает — говорит, говорит и вдруг замкнется, чему-то улыбаясь. Судя по всему, жизнь в одиночестве сильно повлияла на его характер.

---

* *Лестовка* — распространенный в Древней Руси и сохранившийся в обиходе старообрядцев тип четок. Представляет собой плетеную кожаную ленту, сшитую петлей. Знаменует одновременно и лестницу (лестницу) духовного восхождения от земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной жизни. Употребляется для облегчения подсчета молитв и поклонов.

— Рушкое Уштье, — «проснулся» Аким, — ояви* Великого Новгорода. Мы штаринные люди. Наши водоходы здешя ишо до эвенов пошелилишь, не говоря о якутах, — произнес он, тщательно подбирая слова. — Штарыки шказывали, што предки наши приплыли на кочах по Голыженшккой протоке — от удушья шпашались. Болезнь така на матерой жемле злобилась. И укоренилишь на Индигирке. Так Уштье и родилошь.

Шамо перво в ентом мешти дошелъ нихто ни бул, ни людей, никаго. Бул токо дух на небешах. Он думает, этот дух: должна ведь быть жемля. Пошмотрел вниз, а тама моро — и узрел: штой-то чернеет в одном мешти.

Старик обмакнул юколу в соль, глотнул чаю, прикуруил от горящей головешки потухшую самокрутку и с хитрым прищуром посмотрел на гостя:

— Разумеешь мое извитие шловеш, да**?

— Со слуха не всегда.

Удовлетворенный Аким хлопнул себя по колену и радостно захихикал — словно сухой горох по полу рассыпал:

— Таков наш штаробытный говор, да. Я тута, как говаривал один прибылой, пошледний могыкан, — он озорно глянул на гостя, как будто хотел сказать: не ожидал, что в этой дичи встретишь столь сведущего человека.

Из дальнейшего рассказа Корней узнал, что окрест Русского Устья, в котором, по словам Акима, «домов тьма толпитшя», разбросано несколько десятков заимок. До самой дальней километров пятьдесят. Все они относятся к «штолице». Их обитатели числятся в артели и навещают ее лишь для того, чтобы сдать, как он выразился, «еству» и закупить что надобно для жизни или «выхлопотать бумаги». Сам Аким последние годы не покидает свой участок. Соль да муку сосед привозит.

— Не тоскливо одному?

---

* *Ояви* — вид перерождения.

** *Да* — частица «да» обязательна в якутском вопросительном предложении. Она прижилась и у части живущих в Якутии русских.

— Пошто тошка? Тошка — шмерть. Мы баем: «При хуе худо, а без худа — гаже того». Мине ништо не натъ. Я от люда отвычный. Шам шибе голова. Вшю жезнь бобылем. Тута лепота: птицы гомонят, рыба плещет, ветер ш окиян-моря комарье уношит. Веду жизнь шпокойну. Токо бы дал Господь каку едушку для брюха, а то чего ишо... Миня не тошка, колотье одолевать штало. Ноне вить шамая еда пошла. А я, вишь, шиднем шижу, а то, думашь, баял бы тут ш тобой. Допрежь всякий день рыбалить ходил.

Когда легли, было уже часа два ночи. Солнце виновато поглядывало с линии горизонта — знает, что мешает спать, но светит — иначе коротким северным летом не успеют вызреть ягоды, а птицы и звери вывести и вскормить потомство.

На следующий день к тому времени, когда светило достигло высшей точки, Корней уже подгробал к Русскому Устью. С воды насчитал более тридцати изб — «дымов». Все окнами на юг — к солнцу.

Русскоустыинцы еще до войны объединились в артель и выбрали председателем Григория Щелканова. Хозяйство ему досталось немалое: если брать по побережью, промысловые участки тянутся на две недели в каждую сторону. И хотя председатель являл собой образец классического деспота и был скор на зуботычину (не случайно односельцы за глаза называли его Кувалдой), он был для всех непререкаемым авторитетом.

Особенно Щелканов не терпел, если человек в пути ну праздничал. Матерно отчитывал, а в следующий раз пускал в ход кулак. Что интересно, эта строгость не воспринималась самодурством. Все понимали — за дело. Зато и на похвалу был щедр.

Корней, вытянув лодчонку на берег, поднялся на крыльцо крайней избы. Постучал — тишина. Приоткрыл дверь с нарисованным на притолоке восьмиконечным крестом.

— Есть кто?

Из-за дощаной перегородки вышла статная, красивая бабенка средних лет в черной кофте с длинными рукавами и широким цветистом сарафане до пят, с каймой

понизу. Роскошная темно-русая коса брошена через плечо на высокую грудь. На голове туго повязанный черный, вдовый платок.

— А ты-ы кто тако-ов? — спросила она певучим голосом, скользнув по Корнею внимательным взглядом, и, не дожидаясь ответа, заключила, — вижу, чужий. Ты у передовщика* в сборне был?

Изумленный Корней молчал.

— Глухой, штоль?

— Нет.

— Дак был в сборне али как?

— Нет.

— Дак вперво сходи, доложись, опосля в избы стучись. Такой порядок.

— А где сборня?

— Тамотка, — неопределенно махнула она рукой. — За угором... Эх, вижу, не доходишь. Погоди, провожу. Токо сапожки одену.

Шли промеж домов по щелястому дощаному тротуару, уложенному ломаной лентой на обожженные дочерна бревнышки. Избы стояли редко: дабы не допустить распространения пожара — бича деревянных селений. Окна небольшие. Вокруг ни души. Лишь возле свежего сруба, с золотистыми щепками на земле, двое отроков распускают в четыре руки продольной пилой бревно, а на верхнем венце ловко тюкает сивый дед. Топор в его руке вертится, как игрушка: только щепки во все стороны летят.

— Не туды идешь, нам сюды, — одернула женщина, повернувшись к нему. — Как величают-то?

— Корней.

— Красивое имя. Меня Василиса. А вон и наша сборня, — показала она на дом с красным флагом над крыльцом. — А хоромина рядом — фактория Госторга.

Открыв дверь, громко доложила:

— Григорий Евграфович, чужий у нас объявился. Вот привела. Думала, тот одноногий, што на Чукотку идет, ан нет, зело борз.

---

* *Передовщик* — руководитель, председатель артели.

Щелканов, крупный, бородатый, стриженный в кружок здоровяк лет пятидесяти. В одежде старого покроя: короткий кафтан из домотканого сукна, поддевка, холщовая, до бороды застегнутая рубаша, перетянута пояском. На ногах бродни — мягкие сапоги. Лицо жесткое, с твердым, выдвинутым вперед подбородком и светлыми, почти прозрачными глазами. Они смотрели в упор.

— Будем знакомы — Григорий Евграфович Щелканов, председатель. Вас как зовут? — прогудел он, приветствуя легким кивком головы:

— Корней Елисеевич.

— Фамилия?

— Кузовкин.

— Чем подтвердите?

Корней достал из кожаного чехольчика, висевшего на шее, справку капитана «Арктики» и подал Щелканову. Тот внимательно прочитал:

— Вот те на! Ты, Василиса, обмишурилась! Как раз тот — одноногий... Неужто с самого Аддану идешь?

— «Идешь» — громко сказано. Где пароходом, где на лодке, где ногами.

— Все равно — герой! А на кой тебе та Чукотка?

— Не все делается для чего-то. Решил на старости исполнить-таки мечту детства — побывать на берегу Студеного океана и с Чукотского Носу на Аляску глянуть.

— Как мыслишь дале двигаться? На своих двоих — далече. Да и хлябь тама одна. Сухопутья нет.

— Думаю, у юкагиров упряжку раздобыть. А тронусь, как мороз ударит.

— Корней Елисеевич, судя по одеже, вы из нашенских.

— Вы правы.

— Так може не зря Господь тебя направил сюда? Оставайся у нас. Нам мужские руки потребны. Особливо в промысловую пору. Невесту найдем, — Щелканов подмигнул Василисе.

У той от смущения запламенели щеки.

— Спаси Христос! Но я женат. Село ваше мне приятно, однако жить здесь не смогу. Тундра не по мне. Мне нужны горы, лес.

— Край наш для пришлых, можа, и печальный, но для нас родимый и любительный. Ты в горах родился, потому

оне тебе по нраву. А нам всем сендуха* любя... Кстати, собак можно и у нас сыскать.

— Спаси Христос! Я уже с Егорканом сговорился.

— То другое дело — уговор нарушать негоже. Тем паче с Егоркой не раз чаевничал. — И вдруг мечтательно добавил: — Эх, мил человек, ежели честно — завидую тебе. Махануть бы с тобой — вельми любопытственно постоять на самом краешке страны! Да как артель бро- сишь?! Махом развал пойдет.

— Оно так. Руки работают, пока голова на месте, — согласился Корней.

— Слухай, мне первостатейная мысль пришла. Давай встречу с народом проведем. Расскажешь, как люди в иных краях живут, какие в вашем скиту порядки. Може, и нам што полезно перенять.

— Я не против, да будет ли людям интересно?

— Нам все интересно. Мы ж токо свою Индигирку знаем. Мало хто даже у соседей в Усть-Янске али на Колыме бывал... Василиса, подь, обойди дворы, скажи, штоб в сборню шли да поживей. А я покуда гостя попотчую. — И, повернувшись к Корнею, пояснил: — Домой ходить некогда, потому прямо тута харчуюсь. Седай, чем богаты, тем и рады.

Выложив из корзинки на стол вареную рыбу, картошку, ломти хлеба и пучок черемши, продолжил:

— Жалко, што нонче в домах мало хто. Одне бабы, старики да мелкота. Сейчас мужики в летниках на неводьбе — така пора. Токо в сентябре, кады сядет иней, до семьи возвернутся. Сам знаешь, как летом поработаешь, так и позимуешь. Мы же рыбу не токмо себе заготовляем, больше сдаем — с того основной доход.

— А как сохраняете? Лето ведь.

— В артельном леднике морозим. Он у нас огро- мный. По две баржи за сезон отгружаем. За рыбу получаем все необходимое для жизни. Токо спиртного не берем. От него одно лихо. До сухого закона кажный год мужиков по пьяни теряли. Таперича того нету. Таперича порядок!

---

* *Сендуха* — тундра.

— Говорят, юкагиры сильно пьют.

— То правда. Оне меры не знают. Особливо опосля охоты и забоя оленей. Как расчет получают, так сразу в потребкооперацию спирт набирать. Им почему-то обязательно надобно упиться в стельку. Оне об ентом моменте весь сезон мечтают. Страсть к спирту так велика, што после стакана могут отдать весь запас мехов, а за второй даже верхнюю одежду. Напьются — дуреют, вдругоряд за ножи хватаются. Оттого мало хто своей смертью уходит. А тверезые — милейшие люди.

Однаво мой знакомец всю дорогу от фактории бражничал. В чуме со сродниками оставшееся допил и так разошелся, што сына за добавкой отправил. Тот тоже пьяный был. По дороге с нарты вывалился. Промерз так, што два дня оттаивали, штобы в домовину уложить.

— Жуть! А с табакурами как?

— Вот с ентим никак не слажу. Нонче не все отеческие заповеди блюдут.

— Из живности кого-то держите?

— Живность у нас в одном виде — ездовые собаки. При наших расстояниях без них никак. С ими, конечно, и хлопот изрядно: ествы на зиму будь здоров требуется. Зато оне с весны до осени сами с матушки сендухи кормятся.

Первым в сборню пришел, вернее, вбежал, председатель сельсовета Павел Деев. Весь его облик: аккуратный европейский костюм, гладко выбритые щеки, трогательная чеховская борода и очки, за стеклами которых щурились добрейшие глаза, никак не вписывался в представление Корнея о северянах.

— Пал Денисыч, покуда едим, обскажи гостю о нашем поселе, — попросил председатель. — Ты лучше меня-то сделаешь, — и, обращаясь к Корнею, добавил: — Он у нас вельми начитанный.

Польщенный Павел с воодушевлением принялся знакомить Корнея с нынешней и минувшей жизнью стародавнего села, обосновавшегося за Полярным кругом.

— По книге учета, у нас на сегодня проживает 245 человек. Имена все исконно русские: Серафима, Рустина, Север, Анисья, Ермолай, есть даже Веденей. По фами-

лиям лидируют Чихачевы, за ними ноздря в ноздю Киселевы, Шкулевы. В школе тридцать четыре ученика.

Население досельное и прибылое. Григорий Евграфович — досельный — из первопоселенцев, а я прибылой, то бишь приезжий. Оказался здесь по распределению. Село, скажу вам, удивительное. Может, единственное в своем роде. К примеру, некоторые досельные до сих пор пищу (они говорят — еству) готовят в печи, зажженной огнем не от спички, а от искры огнива.

Когда я приехал из Ленинграда, диковинность местных обычаев так поразила, что стал выяснять по всем каналам, как и когда появились здесь русские, как вообще шло заселение побережья Ледовитого океана.

По некоторым летописным источникам новгородцы, влекомые рассказами о богатых соболях, чернобурками и песцами восточных землях, уже в начале XI века ходили через три моря — Белое, Баренцево и Карское. Самые отчаянные, обогнув Ямал, достигали устья Оби. И если бы не монголо-татарское нашествие, освоение неизмеримых пространств Сибири началось бы за 300 лет до Ермака. А так лишь в 1572 году в устье реки Таз, впадающей в Обскую губу, промышленники из поморов основали первый в Заполярной Сибири город с острогом и церковью — Мангазея. Благодаря большим запасам «мягкой рухляди» — в год вывозилось по 30 тысяч одних только соболей, он быстро превратился в крупный торговый центр. Но по мере истощения пушных богатств, а особенно после пожара 1642 года, уничтожившего все деревянные постройки, Мангазея начала хиреть. А тут еще вышел запрет на заход английских и голландских судов. Те, не платя в казну таможенных сборов, бесстыдно мешками вывозили пушнину.

Уже тогда поморы огибали Таймыр и заходили в наши края. Этот маршрут считался русскими мореходами вполне обычным задолго до официальных царских экспедиций. Остатки судов того периода обнаружили на острове Фаддея, что восточней Таймыра. Несколько позже, на берегу залива Симса наткнулись на избушку из плавника с нарами. В ней бочонок с порохом, разорванный ствол пищали, оловянная посуда, колчан со стрелами. Найденные там монеты датируются 1615—1620 годами.

За Колымой, возле устья Пегтымель была найдена хижина с останками людей, укрытых парусом. Судя по найденным там предметам, эти люди потерпели кораблекрушение во времена правления Петра Первого. Все это подтверждает то, что русские давно ходили за Таймыр. Попытки мореплавателей других народов достичь устья Лены, а тем более Индигирки, терпели неудачу.

Слушал Корней и думал: «Как они схожи с Николаем Александровичем. Тот, понятно, местный, а этот пришлый, а какое знание Севера, какая любовь к нему!»

Павел тем временем продолжал:

— Посуху освоение севера Восточной Сибири началось с середины XVII века. Невероятная выносливость и отвага казаков-землепроходцев дала возможность России за каких-то пятьдесят лет прирасти, сравнительно бескровно, огромными территориями. При этом русские люди явили человечеству пример мирного сожительства с представителями коренных народов*, поддерживая с ними относительно добрые и уважительные отношения. Можно сказать, породнились. Несмотря на тяжелейшие условия своего похода, казаки считали, что лучше погибнуть от холода и голода, чем отступить. Лучше проявить храбрость и присоединить к Отечеству громадную Сибирь, заслужив тем самым славу для себя.

Представьте, Корней Елисеевич, население страны в то время не превышало семи миллионов человек. Разве смогли бы русские, не имея контактов с местным населением, при столь скромных человеческих ресурсах не только присоединить эти земли, но и наладить в девственной, непроходимой окраине торговлю, сбор налогов, правосудие, почту, пограничную службу? И все это на уму непостижимых пространствах. Какой силой духа, какой выносливостью надо было для этого обладать!

— Павел, а я думаю, не будь у землепроходцев уверенности в том, что Господь с ними, что Он поможет в трудный час, никто б не решился на такие деяния.

---

* Побуждение местных народов к платежу ясака (налога) Белому царю не везде происходило добровольно. Случалось и упорное сопротивление, в том числе военное, но не было истребления и отрицания местной культуры, нравов и верований.

— Согласен! Ведь во все эти походы провожали со словами: «Бог вам в помощь! С вами крестная сила!» Представители церкви, двигаясь в сибирскую глушь вместе с казаками, вели просветительскую работу с инородцами: проповедовали православие, неся им Слово Божие. И к середине XIX века завершили христианизацию народов северо-востока России. Священнослужители выступали не только проводниками христианской веры, но и русской культуры. Кроме совершения служб и треб, они еще обучали местное население грамоте.

Судя по рассказам стариков и документам, которые я сумел найти, русских поселений в этих краях прежде было изрядно.

Тут Павел, поперхнувшись, закашлялся.

— Глотни, — протянул Корней кружку с морсом.

— Благодарствую! Вы с таким вниманием слушаете, что увлекся.

Попив немного, хотел было продолжить, но, поймав выразительные взгляды Щелканова, спохватился:

— Вы давайте ешьте, я вам, если интересно, позже доскажу.

Пока Павел рассказывал о землепроходцах, народ в сборне все прибывал. И неудивительно. При столь однообразной и бедной на события жизни естественен интерес людей к новому человеку, свежим новостям. Живут ведь безвылазно. Редко кто бывал даже у соседей, а Иркутск, Москва звучат для них, как названия планет Марс, Венера.

Вскоре набралось человек сорок. Все в одеждах из своедельщины. Старики с окладистыми бородами, в полотняных рубахах. Женщины в сарафанах до пят и кофтах с длинными рукавами. Головы плотно обтянуты платками. Только несколько девиц без платков. Ничего типично северного, кроме торбасов — мягких сапожек из оленьего камуса. Речь настоящая, русская, с каким-то певучим старинным выговором.

— Все налицо? Никого боле не будет? — спросил председатель.

— Да вроде некому.

— Тогда начнем. Днесь у нас интересный гость, наш одноверец — Корней Елисеевич. Он с Алдана идет на

Чукотку. В дороге уже много чего повидал. Давайте послушаем его.

Корней рассказал про скит, про монастырь, про то, как нашли одноверцев в Маньчжурии и все, что видел при сплаве по Алдану, Лене. Про зимовку на пароходе, про встречи с эвенками, якутами и русскими промысловиками. Завершая, похвалил устьянцев:

— Приятно видеть такой чисто русский уголок. Все коренное. Все ласкает взор и слух. Особая улада от того, что сохранили русскую речь в чистоте.

— Да уж, стараемся. Что родители нам передали, то поднесь исповедаем. Неотеческого нам не надобно. Токо свое. Даже одежда старозаветная. Лишь обуви чужу носим, — откликнулась старушка с первого ряда.

— Я вот смотрю, у вас девчата и ребята подрастают. Хорошо бы нам контакты наладить, дабы избежать родственных браков.

— Оно верно. С этим всегда проблема, — согласился Шелканов, — да больно далеко вы.

— Это только кажется. На пароходе по реке за месяц можно добраться. Дорогу от Алдана к нам я вам в деталях нарисую.

— Конечно, таким путешественникам не то што сто верст, а и тыща верст не крюк. А нам боязно. Почитай, всю жизнь тут сидим. Но спробовать надо бы.

— Бояться тут нечего. Хвалитесь, что ваши предки эвон откуда на кочах приплыли, а сейчас чего — сел на пароход и через пару недель на Алдане будете.

— Верно глаголешь. Надобно спытать. Свежая кровь ой как нужна. У соседей в Усть-Янске наших наперечет. Семей пять-шесть осталось. А то што предки наши и впрямь с Белого моря, подтверждают не токмо бумаги, но и песни. До сей поры не забываем, поем. Вот послухай. Василиса, давай што из старого.

Та встала, поправила платок на голове и, прикрыв глаза, запела:

*Широко лежишь ты, море Белое.
Море Белое, все студеное,
Море милое, все соленое,
Море синее да зеленое...*

*По нему кораблик бежит да бежит.
Куда он спешит да спешит?
Сине море всколыхнулося да вскипело...
Ох, да куда девало ты мово молодца,
Мово сокола перелетного!?*

Заслушавшийся Корней невольно подумал: «Пожалуй, только студеное северное море может навевать такую грусть».

После чая с традиционной рыбной кулебякой и блинами с икрой, принесенными кем-то из женщин, председатель предложил:

— Пойдем нашу церкву покажем. Ей, почитай, уж двести годов!

— Так вы священство приемлете? Мы-то беспоповцы. У нас все наставник справляет.

— Да и мы, считай, давно беспоповцы. Священник последний раз перед войной был. Сам службу веду. Ишо за школой смотрю, штоб грамота не падала. Слава Иусу, председатель сельсовета толковый. Хоть и еретик некрещеный, а во всем помогает.

Потемневший от времени сруб с приделом понизу опоясывал какой-то ярко-оранжевый лишайник. Корней уже примечал его и на других здешних постройках. На покосившейся стене выцветшая табличка. На ней буквами с завитушками красиво выведено «Памятник архитектуры XVIII века. Самая северная православная церковь в мире. Товарищ, помни об этом и береги ее».

На могильных холмиках покосившиеся кресты. На часовне колокол. Внутри несколько образов и оплывшая свеча. На отшибе два брошенных дома, зависших задрами над рекой.

— Индигирка в последние годы берега сильно съедает. Порой два метра за лето. Людей отселили... Путина закончится, разберем — бревна крепкие, ишо послужат.

Слушая председателя, Корней помимо воли украдкой поглядывал на Василису. До чего красивая женщина! Но едва она поворачивалась в его сторону, он, боясь выдать свое восхищение, отводил глаза.

Ночевать Деев повел гостя к себе. Василиса, проходя мимо Корнея, придержала шаг и бросила на него короткий, но такой красноречивый взгляд, что того пронзило острое мужское волнение, глаза подернулись маслянистой поволокой. Кляня себя за слабость, он опустил голову.

Павел жил в небольшом недавно построенном доме. Ситцевая занавеска делила его на две части: кухоньку с железной печкой и аскетически обставленную комнату. Столик, кровать и этажерка с книгами, невесть откуда взявшиеся, старинные, с сильно выцветшим циферблатом ходики. Раскочегарив самовар, он принялся увлеченно рассказывать о делах артели.

— Хозяйство у нас крепкое. Лучшее в улусе! Все благодаря Щелканову. Умный руководитель. Все сам умеет делать и от других добросовестной работы требует. Даже инородческими языками владеет. Нравом хоть и не гладкий, но справедливый. Из тех, кто встает под комель, а напарника ставит под вершину. Людей видит насквозь. Как наши говорят, по глазам «читает». Порядок установил железный. Вроде и голос не повышает, а как глянет да пару слов скажет, так мороз по коже. А как иначе? Мой отец говорил: «Не встречал людей, кто с пользой вершит власть, мягких и добрых».

Зато живем в достатке. При нем все промыслы в гору пошли. Зимой рыбу трудно промыслять, так на песца придумал налегать — за него хорошо платят. Теперь ловушки по лицу тундры почти до Колымы стоят. Старательный охотник имеет до трехсот пастей*. В устьях речек повсеместно устроены охотничьи станки. В них запас дров, продуктов.

На таких руководителях все и держится! Ой! Самовар-то кипит! Погодьте, чай заварю. Грузинский, высший сорт!

---

* *Пасть* — устройство для добычи пушных зверей. Состоит из двух стенок, пола, сторожевого механизма и давящего элемента (бревна).

Павел споро наполнил кружки и, водрузив на стол банку варенья из морошки, продолжил:

— Сейчас все мужики на рыбалке и гусевании. В былые годы, говорят, гусей в период линьки брали сотнями, загоняя, как рыбу, в сети. Теперь хорошо, если с десятков в день добудут.

— Выходит, без меры брали.

— И я им о том же говорю — не жадничайте!

— Ну и как?

— Смеются — нюни енто бабские.

— Чего ж Щелканов власть не употребит?

— Так с него самого план по гусям требуют. Еще каждый год повышают. Хорошо хоть рыбы не убывает. Ведь на Севере слова «рыба» и «еда» — синонимы, — продолжал Павел. — Если человек говорит «без еды сижу» — значит, без рыбы, а «без рыбы» — значит, без еды. Тут и сиг, чир, муксун и здоровущие нельмы. Не говоря уж про такой «мусор», как налим, щука — их лишь собакам.

Прежде здешний рацион состоял из рыбы и птицы процентов на девяносто. Остальное приходилось на мясо, чай, соль и муку. Про зерно говорили: «Оно, слышал, на икру похоже, токо твердое». Да и сейчас рыба — основной продукт. Едим сами, а зимой кормим еще и наш «транспорт» — ездовых собак. Рыбная кухня насчитывает несколько десятков блюд, но основное все же — щерба.

— Что за рыба такая? Не слышал.

— Щерба — не рыба, — улыбнулся Павел. — Здесь так называют уху. Поскольку с солью здесь не просто, засол рыбы практикуется редко. В основном едят в сыром виде. Говорят, это лучшее средство от цинги. На зиму запасают юколу.

— Как ее готовят? — заинтересовался Корней.

— Очень просто. Сперва рыбину пластают вдоль хребта надвое (перед этим убирают внутренности, голову, хребет и кости). Затем делают частые надрезы — чтобы быстрее сохла, и развешивают на сквозняке под навесом. Юкола бывает двух видов: белая — вяленая на солнце и коричневая — ее после вяления еще коптят в дыму очага или в специально устроенной коптильне. Если строга-нину делают мужики, то юколу только женщины. Каждая

нарезает на свой манер. Так что любой местный знает чью юколу ест. А употребляют ее вместо хлеба со всем — и с картошкой, и с чаем, и с ягодой. Поскольку юкола твердая, ее перед употреблением желательно смочить либо погреть над огнем.

Корней Елисеевич, я вот все говорю, говорю, а ведь вы сами много чего повидали, рассказали б.

— Так я ж в сборне два часа вещал. Что еще добавить? За всю дорогу ни одного злонамеренного человека не встретил. На Севере их, похоже, нет.

— Попадаются иногда. Только те, что с гнильцой, не задерживаются. Как-то затесался к нам один хмырь. По документам умершего жил. Нам врал, что дом с семьей сгорел и он с горя на край света подался. С виду приличный, приняли в артель. Занимался, как все, промысловой охотой, рыбачил. А на поверку оказался обычным вором! Про таких говорят: «Речист, да на руку нечист». Поводился подворовывать из домов. Мы ж их не запираем. Выследили, отмузузили как следует и вытурили. А в целом, здесь глубоко укоренился кодекс чести, чувство товарищества, стремление к взаимопомощи, презрение к малодушию и трусости.

— Человек не орех, сразу не раскусишь. Время надо...

— То правда.

— Павел, давеча Щелканов не дал тебе досказать про ваше Устье, а мне очень интересно.

— Из того что знаю вроде все рассказал. Во всей этой эпопее освоения Севера меня поражает то, что казаки сумели, невзирая на тяжелейшие условия, не только выжить, но и пустить корни.

— Я тоже об этом часто думаю и на себя примеряю — а смог бы я? Казалось бы, человеку подобное не под силу, ан нет — казаки и промышленные как-то сдюжили!

— А для меня еще удивительно то, что жители Русского Устья не только сохранили исконно русский язык, бытовой уклад трехсотлетней давности почти в неизменном виде, но и не ассимилировали с местными. Здесь, можно сказать, заповедник русской старины. Правда, у некоторых инородческие черты все-таки заметны.

А куда деваться? Поначалу ведь им приходилось брать в жены местных. Вот своих дочерей они уже выдавали за парней-инородцев лишь при условии, что жених принимал крещение и переезжал в дом невесты.

Отключился Корней, как только голова коснулась набитой гусиным пухом подушки. Среди ночи приснилась Василиса. Она под села к нему, прижалась грудью и, жарко дыша, стала гладить по голове. От этих ласк в нем разгорелось такое сильное мужское желание, что он напрягся от нахлынувшего жара и застонал. Задыхаясь и дрожа всем телом, потянул было руку к упругим женским округлостям, и в тот же миг его прожгло: «В аду гореть! Прощения не будет!» Сердце бешено заколотилось. Корней вскочил и, крестясь, вознес молитву Ангелу-хранителю за то, что уберег от греха мысленного прелюбодеяния.

Утром скитник хотел было сразу отправиться в путь, но Щелканов попросил выступить и в школе. Корней не смог отказать. Школа была прямо перед домом Деева. Оттуда доносился звонкий щебет детских голосов. Когда зашли в класс, он тотчас стих. Детей было так много, что несколькими мальчишкам пришлось сесть на пол. Ребяшня смотрела на гостя так, словно к ним явился инопланетянин.

Его рассказ о великих путешественниках, открывавших эти земли, звучал в абсолютной тишине, но как только он закончил, ребяшня засыпала Корнея вопросами.

В обед на застолье у председателя хозяйка угощала необыкновенно вкусными пирогами, начиненными мелко нарезанными рыбьими брюшками, красной икрой и толченой макаршой. Чай подали не с хлебом, а с подогретой для мягкости юколой. Следом банька-парушка, которую выправили специально для него. Ей Корней был несказанно рад — за год истосковался по пробирающему до костей жару. Парились веником из полярной березы долго и обстоятельно. Ну а после бани опять чай, кружка за кружкой, до седьмого пота. Так и пришлось заночевать.

— Елисеич, ты баил, што в вашей общине верховодит баба. Неужто мужики слушаются? — удивлялся Щелканов.

— Еще как! Ведь там, где иной мужик растеряется, она завсегда верное решение найдет.

Корней долго не мог заснуть. Ворочался, вздыхал, кряхтел. Василиса никак не шла из головы.

— Што, тоже сон не идет? — спросил, подняв голову, Щелканов.

— Ни в одном глазу.

— У меня тоже.

Председатель сунул ноги в обрезанные катанки и подсел к Корнею. Проговорив еще с часок, созрели для сна.

Утро выдалось на редкость тихим и ясным. От воды поднимался легкий парок, подкрашиваемый низким солнцем в розовый цвет. Григорий Евграфович, хлебнув только чаю, убежал с ранья в сборню. Корней, поблагодарив хозяйку, отправился к лодке. Шел и посматривал по сторонам в тайной надежде увидеть Василису. Сейчас он думал не о физической близости. Ему хотелось напоследок еще разок глянуть на изумительно красивую женщину...

Она стояла в платье из зеленого шелка, с повязанным на талии пояском у спуска к реке. На голове поверх черного платка цветистая шаль, спускающаяся на покатые плечи и грудь. Лицо залито румянцем.

Увидев ее, Корней даже не удивился. Но как себя повести?

Цветущая улыбающаяся женщина зазывно смотрела ему в глаза. Рассудок настаивал на обычном для малознакомых людей вежливом поклоне, однако мужское начало бешено сопротивлялось. С трудом подавив похоть, он произнес:

— Прощай, Василиса!

Женщина растерялась, но, совладав с собой, произнесла:

— Тут рубаха моего покойного мужа. Твоя совсем сносилась.

Протягивая, она поскользнулась на мокрой траве. Чтобы не дать упасть, Корней подхватил ее. От податливой упругости женского тела его будто электрическим током прожгло. Кровь ударила в голову. Да и у Василисы

полюхнули глаза. Ему нестерпимо захотелось прижать ее покрепче. Огромным усилием воли поборов это желание, он, почти задыхаясь, выдавил:

— Спаси Христос! Добрая ты, — только и сумел вымолвить он.

Стремительно сбежав на берег, сел в лодку и погреб с неистовой силой прочь, страшась даже обернуться.

Припекало. На смену комарам с мошкой, не любящим солнца, появились оводы и слепни. Они с гулом кружили над человеком, но почему-то не садились на него.

«Хорошо бы найти хоть один бивень», — мечтал Корней, стараясь плыть ближе к берегу.

За день, борясь со встречным течением, он одолел километров двадцать. Заночевать, как и советовал Щелканов, остановился в станке артели. Изба большая, внутри нары человек на восемь. Чуть в стороне на стойках, обшитых жестью (чтобы грызуны не забирались), продуктовый лабаз с двускатной крышей.

Не успели бока железной печурки порозоветь, как послышались шаги и в дверном проеме выросли два коренастых бородача. На головах ситцевые платки, завязанные сзади. Сурово глядя на чужака, они чуть ли не хором воскликнули: «Хто таков?». Узнав, что Корней идет с Алдана, был у Щелканова и плывет к юкагирам, помягчили, в глазах загорелся интерес:

— Что ж, давай знакомиться — Чихачевы мы. Наша фамилия на Индигирке уже триста лет с гаком, — важно представился Ипполит-старший (как ни странно, младшего тоже звали Ипполитом). — Мыс Семена Дежнева знаешь?

Корней кивнул.

— То-то! Наш пращур Федор Чихачев пришел сюда с ым в 1638 году и был оставлен с двумя служивыми с наиважнейшим делом — для охраны провианта на обратный путь посуху. Допрежь наше село на ентом самом месте и стояло. Дымов, говорят, изрядно было. Штоб не путаться, таперича Старым Устьем зовем. От него токо церква осталась. Построена Бог знает когда, но ништо ее не берет. Токмо без креста. Прежде крепко рубили. Вторая в Новом Устье — ты, пожалуй, видал ее. Та позднешняя.

— Да, заходили с председателем. Хотелось бы и на вашу глянуть.

— Так пошли, покуда не разоблачились.

Деревянная, небольших размеров шатровая церковь с обветшалой луковичной главкой, крытой почерневшими плашками, стояла в глубине поляны. У двери братья, отряхнув с курток и штанов налипшую рыбу чешую, трижды перекрестились с поклонами. Внутри голо. На месте иконостаса лишь лик Христа Спасителя. Корнею показалось, что взирает Он на них с укором.

Братья зажгли прихваченную с собой свечку и, размашисто осеняя себя крестным знамением, зашептали молитвы. Корней же пал на колени и долго отбивал земные поклоны.

— Вера в людях ослабла, — вздохнул Ипполит-старший, когда вышли. — Большевики постарались. В тридцать втором годе прибыл к нам уполномоченный с наганом. (Сам не помню, малой был, мать баила.) Собрал народ и объявил, што Бога нет и церковь закрывается. Люди зароптали, но открыто выступить побоялись. Токо Шкулевы попытались: «Мы православные! С крестом родилися, с крестом и помрем». Уполномоченный давай кричать: «Я вас, подкулачников, голоса лишу!» Он-то имел в виду, што права голосовать лишит, а бабы-дуры с перепугу решили, што он — бес такой и вправду языки повырвет, немыми сделает.

Выбежала жена старшего — Шкулева Соломонида и бросилась перед ним на колени: «Господин начальник, не губи православных христиан, не отымай голосу. Какие оне, люди, будут без языка — енвалиды». После этого тот бес влез на крышу храма, запел «Интернационал» и спилил крест. Мы так мним, што с тех пор в наказание нам за малодушие Индигирка и начала берег ломать. Кажный год метр, а то и два отымают. Видел, поди, — две избы в Новом Устье почти порешило.

— Видел, видел. Зады прям над водой висят.

Наскоро перекусив, старший, глядя на младшего, про-изнес:

— Айда, рыбу в ледник снесем.

Тот сразу вскочил и направился к двери.

Скитник тоже поднялся:

— Я с вами, помогу.

На берегу сохла развешанная братьями на жердях сеть с обрывками водорослей. Увесистые диски грузил были «нарезаны» из бивня мамонта. Над лодкой, укрытой брезентом, на шесте болталась мертвая чайка.

— Пугало. Страшаем ее подружек, — упреждая вопрос, пояснил старший Ипполит. — Повадились, вредины, рыбу таскать. Даже из сетей достают.

Центральный отсек лодки доверху наполняло текучее серебро. В основном чиры — все как на подбор, аж жиром сочатся. Отъелись на комариках! Между ними проглядывали пятнистые бока щук. Их складывали в отдельный мешок — для собак. К леднику вел плотно сбитый дощатый тротуар.

Отворив подвешенную на кожаных петлях дверь с табличкой «Ледник артели Русское Устье», Ипполит зажег керосиновую лампу. Вниз вело несколько ступенек, упиравшихся во вторую дверь. Толкнув ее, вошли в холод.

Ледник представлял собой пещеру, в которой стены, пол, потолочные своды, подпоры — абсолютно все выдолблено из цельного льда цвета морской волны, покрытого на сводах пушком инея, искрящегося в колеблющемся свете лампы. (Лед такой чистый и прозрачный, что сквозь подпоры толщиной полтора метра видна зажженная спичка.)

— Чудно! Вроде под землей, а земли нет — один лед. Как так?

— Сами удивимся. Начальник с экспедиции говорил, што здесь промерзшее до дна древнее озеро, занесенное илом, што в наших краях под землей толщи льда на десятки метров... Прежде ледник помене был, а как артель создали, так расширили. Ноне у каждого свой угол — для учета.

Русаков* и сорную рыбу раскладывали отдельно. Управились в три ходки.

---

* *Русаки* — белая промысловая рыба с нежным, жирным мясом.

Выходя, старший, указывая на обитую жестью дверь, пояснил:

— Защищаем от росомахи*. Никак не изловим. Такая хитрюга! С ей даже волки остерегаются связываться. По весне мои малые рыбалить отправились. Гляжу, бегут с ревом обратно: говорят, токо стали лунки рубить — медвежонок подбежал. Котомку с провизией схватил в зубы и — драпака. Я не поверил — какой ишо медвежонок? — снег кругом! Взял ружье и борзо туды. Гляжу, а следы-то росомашьи. Пошел по ним. На снегу кружка, ложки, миска: котомку распотрошила, еству схавала и ушла.

В заимку прихватили двух крупных муксунов с предыдущего улова: попотчевать гостя местным деликатесом — «расколоткой». Для этого рыбу хорошенько отбили деревянным молотком. Тушка от ударов расслоилась на мелкие кусочки.

— Спробуй!.. Ну как?

— Вкус и впрямь необычный. От струганины отличается.

— Ты вдогонку бруснички в рот положи — ишо вкусней станет.

После ужина братья достали замусоленные карты.

— Седай с нами, подуримся.

— Не можно. Бесовская игра.

— Экий ты! Чем ишо время занять?

— Кто чем, а я помолюсь.

— Ну как хошь. А за крепость тебе поклон. Большинство-то обезверились, редко стали к Богу обращаться.

Утром Ипполиты растолковали скитнику, на что ориентироваться, чтобы не проскочить юкагирское стойбище.

— Оно недалече, но с реки не узришь. Как доплывешь до лысой горки, причаливай — за ей оне и стоят.

---

* В этих, размером с собаку, самых крупных представителях кунных заключена такая сила и неукротимая отвага, что они способны в одиночку противостоять стае волков. А про взаимоотношения росомах с охотниками ходят удивительные, порой невероятные легенды.

— Спаси Христос! Будьте здоровы и Богом хранимы, — поблагодарил Корней братьев.

Не отмахал веслом и километра, как прямо на его глазах от высокого яра отошла и с глухим шумом осела в воду часть берега. Лодчонку поднятой волной чуть не перевернуло. На глинистом обнажении что-то зажелтело. Может, мамонтова кость?

Подплыв, обнаружил частично обнажившийся бивень! Чтобы вырубить его, пришлось часа полтора кромсать мерзлую глину топором. Прикинул вес — пуда два потянет*.

— Слава Господу Милосердному! Теперь будет чем расположить отца Егоркана! — радовался скитник, поглаживая красиво изогнутый бивень.

По берегам зачистили листовенницы. Зеленоватые островки чередовались с ажурным кружевом высохших стволов.

Ближе к обеду показалась и стала расти приметная горка. Из-за нее доносилась ленивая перебранка собак. Прислушавшись, различил и голоса детей. Крутой, словно обрубленный, берег лишь возле лодок имел пологий спуск к воде. В свободное место между ними Корней и втиснулся.

Взойдя на крутой яр, увидел стоящие в беспорядке чумы, собачьи будки-гнезда, деревянные корыта для их кормежки и лабазы, под которыми лежали приставные лестницы. Вокруг дымокуров бегала ребятня в легких куртках и кожаных штанах. У тех, кто помладше — сзади клапан-разрез. За ними носились с десятков псов. Увидев чужака, они взяли его в кольцо и, подняв острые морды, призывно залаяли.

Из ближних чумов тут же выглянули взрослые. Смуглые и черноволосые, с редкой растительностью над губой и подбородке, они отличались от якутов и эвенков продолговатыми лицами и довольно светлыми глазами.

— Доброго здоровья! Подскажите, как пройти к Омюю.

— Дорова! Прямо иди, его чум последний.

---

* Встречаются бивни весом до восьми пудов.

Жилище отца Егоркана ничем не отличалось от других. Лишь над входом висела шкурка чернозобой, с рыжей головой гагары. Возле будок-гнезд лежали остроухие псы. Они встретили Корнея оценивающим взглядом. Сделав свои выводы, рычать не стали. Только вожак взбрехнул, предупреждая хозяина о госте.

Заглянув в жилище, скитник поморщился: в нос ударил тяжелый дух «кислой» рыбы и крепкого табака. Сквозь незаметные глазу дырочки в оленьих шкурах к чисто выметенному земляному полу тянулись золотыми нитями лучики солнца.

— Есть кто? Можно войти?

С чурки, стоящей у очага, обложенного хорошо подогнанными друг к другу камнями, поднялся, опираясь на палку, худющий юкагир в потертой, коротко остриженной заячьей дошке, засаленных штанах из оленьей замши и легких торбасах. Смуглое лицо испещрено морщинами, словно печеное яблоко. Не вынимая из рта трубку с мундштуком, похожим на хобот мамонта, он закивал головой:

— Можно, можно!

— Мне к Омолою. Это вы?

— Конечно! Я один Омолой.

— Привет вам от сына.

— Где видел?

— У Нила Прокопыча. Егоркан говорил мне, что вам бивни мамонта нужны. Пока к вам плыл, один нашел.

Юкагир просиял:

— Бивень очень надо. Выставка скоро. — И, крикнув кому-то невидимому что-то по-юкагирски, указал гостю на лежащее за очагом бревно, покрытое белой оленьей шкурой.

Прежде чем сесть, Корней с интересом рассмотрел стоящие на полке среди берестяной посуды изящные фигурки из мамонтовой кости, отражающие основные занятия юкагиров: охоту, рыбалку, оленеводство.

Невестка, жена Егоркана, приветливая, румянощекая Фрося, одетая в заношенное платье-капот, прежде чем готовить угощение, помыла руки, прыскавая водой из рта. Тонко нарезанное вяленое гусиное мясо, лепешки из рыбьей муки и чашки с чаем из листьев брусники

и плодов шиповника подала на низеньком столике, накрытом старой, основательно затертой клеенкой и ушла за занавеску. Омолой к тому времени докурил трубку, и они принялись за еду.

Корней с удивлением отметил, что у старика все зубы на месте, только стертые и желтые от никотина. За долгую жизнь, наверное, гору оленьих костей обглодал, вот и сточились.

Напившись чаю, старик опять вынул из голенища торбасов трубку. Прочистил, продул мундштук и, зачерпнув из кисета крупно молотую махру, раскурил. Дождавшись, когда гость допьет чай, произнес:

— Говорят, на одной ноге много ходи, много смотри. Говори, что видел.

Корней в очередной раз поразился скорости северного телеграфа. Слушая гостя, Омолой протянул кисет:

— Кури — табак много.

— Я не курю.

— Зачем себя обижаешь?

— Вера такая. Нам не можно.

— Много беда за веру. Один сам церковь не идет, второй идет, его ругают. Зачем так?.. У нас церковь нету... Большой камень на горе молимся, никто не ругай. Один ученый сказал, что Бога нет. Ты умный. Скажи, может так быть?

— Ученый не прав. Бог есть!

— И я так думаю. Кто-то править надо. У нас свой бог. Хойл зовут. Вот, — Омолой показал на деревянную куклу, стоящую на ящике, покрытом красной тканью. — С собой возим. Он добрый — помогает рыбу, зверя ловить.

— А шкурка гагары над входом тоже чему-то помогает?

— Гагара сильная! Ее предки достали нам землю со дна моря. Гагара чум охраняет.

— А в наших краях эвенки для охраны жилища череп медведя у входа ставят.

— Медведя плохо убивать — худо будет. Когда на него охотимся, обманываем духов. Говорим: зайца убивать идем. Один убил медведя, хвалился: «Я убил медведя!»

Я убил медведя!» Когда умер, другие медведи раскопали и ели. Отомстили!

Беспокойно забренчал крышкой закоптелый чайник, подвешенный на железном крюке.

— Давай еще чай пить.

— С удовольствием. Чай люблю.

Пили вприкуску со сладковатыми корнями сараны.

Корней решил, что самое время перейти к делу:

— Омолой, Егоркан говорил, у вас собачья упряжка есть. Не могли бы вы ее мне уступить? До Чукотки хочу добраться. — Заметив в глазах Омолоя удивление, пояснил: — Не сейчас — зимой, когда тундра замерзнет.

— Зимой можно, летом никак — вода... Собакам зимой каждый день мясо надо. Где возьмешь?

— Добуду, с малых лет охочусь.

— Ладно. Три дня смотреть буду: хорошо кормишь — дам, плохо — заберу... Нарта старая, ремонт надо.

— Отремантирую, это тоже умею.

— Твоя молодец! У тайги учился. Моих внуков интернет учит. Она нарты делать не учит, оленя смотреть не учит, рыбу ловить не учит. Как жить будут? Юкагиру школа — тундра. Хорошо, хоть летом у нас живут. Мало-мало учу.

Дверь приоткрылась. Вошедший подросток попросил разрешения взять из сундука нарядную летнюю кухлянку.

— Внук, — пояснил Омолой. — Праздник Длинных Дней скоро. Будем петь, гулять. Вместе пойдем. Понравится. Я загадки буду говорить.

— Это интересно. А мне загадаете?

Юкагир, сделав пару глубоких затяжек трубки, наконец кивнул:

— Слушай: неизвестный человек на голове что-то носит? Кто это и что носит?

— Думаю, охотник, носит шапку.

— Нет! Неизвестный человек — олень. Он носит рога. А вот легкая: у неизвестного человека шесть ног. Когда поест, умирает. Кто это?

— Не комар ли?

— Верно! Комар. Откуда знал?

— Считать умею, — улыбнулся Корней.

У Омолоя было восемь собак. Они то и дело кучковались вокруг вожака. Как будто совещались, часто оглядываясь через плечо. Передовик выделялся мощной, хорошо развитой грудью, густой серой шерстью, мускулистыми лапами и пушистым, как у лисы, хвостом. Проницательный и холодный взгляд говорил о независимом характере.

Омолой подвел его к Корнею и, теребя загривок, что-то прошептал. Пес, обнюхивая незнакомца, обошел его. После чего сел рядом, время от времени заглядывая в лицо. Остальные, повторив все в точности, расположились поодаль, виляя хвостами.

Борой не случайно был вожаком. Он превосходил других не только физическими данными, но и сообразительностью. Когда Корней сказал ему «Будем знакомы, дай лапу» и протянул руку, тот сразу подал.

— Кто же левую подает? Надо правую.

Борой тут же переменял лапу.

Омолой надел собакам шлейки и пристегнул одну пару за другой к общему ремню — потягу, идущему от нарты посреди всего цуга. Благодаря тому, что лямки шлейки широкие, нагрузка на грудь и спину собак распределяется равномерно. Когда все были запряжены, велел скитнику:

— Проедь по кругу.

Усевшись на нарту, Корней привычно scomандовал «Га!», но лайки не реагировали.

— Э-э-э! — Омолой хлопнул себя руками по бокам, — забыл сказать, мои понимают другое: Подь! — поехали. Бо! — стоять.

— А поворачивать как?

— Налево — норах-норах! Направо — тах-тах! Громко не кричи — духи рассердятся, дороги не будет.

Услышав из уст Корнея команду «подь», собаки тут же рванули вперед.

Сделав круг, довольный скитник подогнал упряжку к юкагиру.

— Еще много езди, собак смотри. Это не олени, их понимать надо. Я в чум пойду, устал.

Хотя Корнею прежде управлять собачьей упряжкой не доводилось, опыт езды на оленьих помог довольно быстро освоиться. Юкагирские нарты мало чем отличались от эвенкийских. Тормозом тоже служит осто.

Юкагирский праздник Длинных Дней проходил на большой поляне. Погода не подвела. Тихо. Редкие перистые облака замерли на небосводе. То и дело подъезжали гости из соседних стойбищ. Народу собралось так много, что местные собаки, запутавшись, где свои, где чужие, не знали на кого и лаять.

Женщины в одеждах, отороченных полосками разноцветного меха, украшенных бисером и разноцветными бусинами. На головах металлические подвески, на груди богатые монисто, на поясе серебряные бляшки. Мужчины в парках, подпоясанных красиво расшитыми кожаными ремнями с ножнами. На ногах торбаса с узорами из кусочков белого и коричневого камуса.

Перед тем как ступить на поляну, каждый исполнял обряд очищения — проходил под березовой аркой между двух костров. Начался праздник с кормления огня. Ветки для костра были составлены шатром: ни одна из них не должна лежать крест-накрест. Старейшина под низкие, мощные звуки бубна несколько раз просил, обращаясь к солнцу, мира и добра для жителей и гостей стойбища:

— Солнце-мать, худое в сторону отведи. Хорошее к нам повероти. — При этом бросал сыну солнца — костру небольшими щепотками сахар, чай, табак, кусочки мяса, рыбы.

— Зачем жалеет, мало дает? — удивлялся Корней.

— Много нельзя: малое в верхнем мире обращается в большое, а большое в малое, — пояснил Омолой.

Когда кормление закончилось, музыканты заиграли на инструментах, похожих на балалайку, и пищалках из перьев птиц. Люди, встав в тесный круг, запели песни, в которых слышалось что-то потустороннее, дикое.

Затем на середину поляны вышли девушка с парнем. Они, подражая характерным движениям журавлей, принялись танцевать. Время от времени пары менялись, исполняя то танец ворона, то оленя, то волка. Красивые движения молодых гибких тел, сопровождаемые звуками,

имитирующими голоса птиц, зверей, заволаживали. Корнею особенно понравился танец-песня о чайке, застигнутой бурей.

После этого юноши, раздевшись по пояс, стали соревноваться в борьбе, в прыжках на дальность, поднятии тяжестей. На реке готовились к гонкам на лодках, а на край поляны уже съезжались собачьи упряжки. Хотя Омолой и вывел своих собак, участвовать в гонках не стал.

Через несколько дней после праздника старик решил, как он выразился, «освежить в чуме воздух». Корней ожидал, что для этого широко откроют вход и задерут края шкур-покрышек. Оказалось, речь шла о перестановке чума на новое место. Человек шесть освободили нижний ярус шкур, вынесли всю утварь и, приподняв чум за оголившиеся жерди, переместили метров на пятнадцать. На самом деле делается это не для проветривания. От тепла вечная мерзлота под чумом постепенно подтаивает и, если затянуть с переносом, земля расквашивается* и проседает.

Последними перенесли дрова. С ними в этих краях сложно: растут преимущественно тальники и худосочные лиственницы. Вдоль речушек неширокие полосы ольхи. Поэтому летом очаг-костер, даже если холодно, разжигают только для приготовления пищи (да и зимой не намного чаще), а верхнюю одежду снимают перед тем, как забраться в полог. Дрова — ветки кустарника, нарубленные полешками, длиной сантиметров тридцать, расходуют крайне бережно. После того как вода закипит, подкладывают их понемногу, лишь для поддержания жара. Зимой иные семьи объединяются и живут в одном чуме.

Загодя готовясь к долгой зиме, Фрося с детьми чуть ли не каждый день уходила в тундру рвать траву и собирать хворост. Траву после высушивания набивали в плоские полотняные маты. Зимой ими обвешивают меховой полог с боков. Человек способен перенести многие

---

* В наше время, чтобы избежать таяния земли, пол в чуме застилают досками, уложенными на лаги.

неудобства, но от мороза нет иного спасения — только теплое жилище.

Кочевая жизнь, почти натуральное хозяйство приучили юкагиров практически все делать своими руками. Из ивовой коры плести канаты, из корней ольхи прочные корзины, из стволиков лиственницы клеить охотничьи луки. Омолод оказался не только искусным резчиком, но и умелым кузнецом: выковал Корнею из железного прутка новый курок к одностволке.

Худая неразговорчивая жена старика и улыбчивая, хватистая невестка с утра до вечера в домашних хлопотах: готовят еду, моют посуду, подметают гусиным крылом пол. В промежутках между этими делами катают из оленьих сухожилий нитки, выделывают шкуры, чинят одежду, шьют к зиме новые меховые кухлянки и торбаса (их, в лучшем случае, хватает на два сезона), заготавливают дрова.

В один из солнечных дней женщины вынесли меховой полог и принялись тщательно исследовать каждый шов. Обнаружив прохудившийся участок, латали его нитями из оленьих жил. Завершили ремонт только на второй день. (Зимой эту работу делать невозможно: шкуры на морозе твердеют, да и в чуме темно.)

* * *

Исколесив вдоль и поперек ровную, испятнанную блюдцами озер тундру, Корней убедился, что на ней полно и разного вида болот. Одни затянуты густым травянистым покровом, не пропускающим солнечное тепло: вечная мерзлота под ним почти не тает. Если и провалишься, то не выше колена. А вот на кочкастых болотах обычны коварные промоины и зыбуны. Ежели неудачно ступишь, окажешься по пояс в ржавой жиже. Самые опасные болотины с мертвым лесом. На них невнимательный путник рискует переломать ноги об корни или поваленные стволы деревьев.

Однако большую часть тундры занимали все же не болота, а небольшие мелкие озера, соединенные протоками и речушками. Их так много, что между ними оста-

вались лишь узкие перемычки суши, все остальное — вода и болотины. И чем ближе к морю, тем гуще их сеть, что делает побережье в летнее время практически непроходимым. Зато какое раздолье для водоплавающих!

Стаями, парами и в одиночку носятся они над водой, наполняя воздух многоголосым гомоном. По берегам шныряют юркие длинноногие кулички. На плоских травянистых островках безбоязненно откармливаются сотни линяющих гусей. Завидев упряжку, они либо убегали, беспорядочно хлопая крыльями с еще неотросшими маховыми перьями, либо затаивались в высокой траве.

На юг от стойбища начинался малорослый хребет — Кондаковские горы с прерывистой цепью скалистых останцев по гребню. Даже такие невысокие, они для Корнея были самым приятным зрелищем.

Поскольку теперь ему необходимо было не только ежедневно кормить собак, но и заготавливать съестные запасы для перехода к Чукотскому Носу, он почти каждый день выезжал в горы на охоту.

Поначалу даже не столько для добычи мяса, сколько отвести душу в дальних, порой длящихся по несколько дней, поездках. Была чудесная пора, когда горы и предгорья особенно красивы: сиреневым пламенем горели ирисы, желтым — полярные маки, бледно-розовым — островки княженики. Все это на фоне ярко-зеленых кустиков полярных березок и белесых ковров ягеля.

Чтобы добраться до хребта, следовало проехать по заболоченной тундре, петляя между озер, километров пятнадцать. На ней росли хилые, почти сплошь суховершинные лиственницы, покрытые черными струпьями лишайников. Стоят бедняги, накренившись в разные стороны, едва удерживаемые тонким слоем почвы. Корней долго не мог определить кратко и образно, какое ощущение вызывает у него этот унылый пейзаж, пока не подобрал точное обобщающее слово — дряхлость.

Поскольку болотистая марь была скудна на живность, он проезжал ее без остановки. А вот у текущей вдоль подножия горного массива речушки частенько задерживался — она обычно баловала хорошим уловом.

В самые первые выезды эта речушка с торфяными, в прослойках льда берегами не привлекла внимания

Корнея. Но однажды, зачерпывая в котелок воду для чая, он заметил в ней стремительные тени: неужто рыба? Дабы рассеять сомнения, вынул из котомки леску, намотанную на дощечку. Едва крючок в шерстяной обманке коснулся воды, жилка натянулась и у поверхности шумно заметалась серебристая рыбина — килограммовый хариус с радужным веером на спине. Еще заброс — и опять хариус. Третий трофей оказался поувесистей — пятнистый ленок. В отличие от хариуса он не метался из стороны в сторону, а вертелся, подняв сноп брызг, волчком. Правда, недолго. Хлебнув воздуха, сник.

Корней рыбачил до тех пор, пока не прекратился этот сумасшедший клев. Одного хариуса тут же распластал и съел. Остальных отдал собакам. Но случилось, что поклевки не было, и тогда он, не задерживаясь, ехал дальше.

В горах была уже не чисто тундра, а тундра впере­мешку с куртинками лиственниц, елей, изумрудных мазков кедрового стланика с жировавшими в них стайками куропаток. Но и здесь большую часть склонов все же покрывали заросли полярной березки. Местами она росла столь густо, что напоминала перекрученные рулоны колючей проволоки. Такие участки Корней объезжал — собакам через них не продаться, а вдоль ключей тянулись ленты ивняка.

На старых гарях паслись дикие северные олени, а по гребням бродили сторожкие крутороги — горные бараны.

Отовсюду несся писк леммингов. Завидев упряжку, они тут же исчезали. Песцовые норы встречались реже. Около них валялись обычно заячьи кости, отгрызенные крылья гусей, куропаток. Некоторые норы разрыты, как будто лопатой, а земля разбросана по сторонам — это поработал, в надежде добыть песка, бурый медведь.

Судя по обилию лепех и «колбасок» с зернышками голубики, их тут немало. Но сам Потапыч осторожен: заблаговременно избегает встреч. На некоторых буграх торчат белыми столбиками полярные совы с крупными, уже почти оперившимися птенцами: караулят леммингов.

Корней тормознул упряжку возле лужка с моршкой, чтобы набрать немного уже налившей соком северной

малины. Собаки, к его удивлению, тоже сразу набросились на нее.

Полярное лето короткое, и ягоды изо всех сил торопятся созреть. Местами поспевают и сизая голубика. Ее в этом году так много, что веточки пригнуло к самой земле, а за проехавшей упряжкой остается синеватая полоса. Кое-где подпало боковинки брусники. Между карликовыми березками красуются шляпки подберезовиков и сыроежек, пахнущие сырыми мхами и землей. Если повезет, можно встретить и семейку крепеньких боровичков.

А вот цветов уже почти нет. Лишь в ложбинах доцветают золотистый рододендрон и неприхотливая ромашка.

После полудня Корней каждый раз отыскивал родничок и разводил костерок. Напившись пахнущего дымком чая, любил беззаботно развалиться на высохшем до хруста ягеле и, отключившись от всего, наблюдать за плывущими по небу облаками.

Возвращаясь в стойбище, не забывал привезти вязанку хвороста или пару сухостоин. Обеспечив в итоге семью старика дровами на всю зиму.

Скитник теперь хорошо знал всех собак не только в «лицо», но и различал по голосу.

В поездках он забирался каждый раз все дальше и дальше, ночуя там, где застанет ночь. В одну из таких поездок он, перевалив водораздел, очутился на южных склонах хребта. Лес тут был заметно гуще и выше.

У одной лиственницы крутил головой крупный бык. Он терся уже окостеневшими рогами о ствол, очищая их от ненужной теперь защитной шкурки.

«Готовится к турнирным боям за право стать хозяином гарема», — подумал Корней.

В устье распадка что-то белело. Проехав еще немного, разглядел, что это палатки. Юагиры охотно выменивают их у геологов за песцовые шкурки. Разумно — палатки для летних перекочевок намного удобнее громоздких чумов с длинными жердями и тяжелыми покрышками. Конечно, полотняные жилища плохо держат тепло, но летом это роли не играет — главное, чтобы защищали от кровососов, ветра и дождя.

Юкагир, завидев приближающуюся упряжку, поднялся и, разгоня веткой комаров, пошел навстречу. Корней узнал его: они познакомились на празднике Длинных Дней. Радужно обняв знакомого, Айил пригласил пить чай в большой марлевым полог. Рядом из-под камней доносился перезвон ручейка.

Наблюдательный Корней заметил, что юкагир чем-то опечален. После чаепития и обмена новостями он не удержался, спросил:

— Айил, тебя не узнать. На празднике был такой веселый, а сейчас грустный — что-то случилось?

— Ты насквозь видишь... Отец плохой. Есть не может — рвет даже от воды.

— А где он?

— В стойбище на соседнем ключе.

— Поехали, посмотрю. Может, сумею помочь.

Через пять минут упряжки мчали их по пологому травянистому склону. На чисто выметенном голубом небосводе бледнела обесцвеченная лучами солнца луна. Собаки на ходу норовили пометить торчащие камни. Гребень высокой гривы венчал жертвенный шест, обвешанный разноцветными полосками материи. Вокруг выбеленные солнцем кости и рога оленей.

— Сюда носим подарки Хойлу. Он защищает от шайтанов, — пояснил Айил. — Сейчас их нет: свет не любят.

— А мы от нечисти крестным знаменем обороняемся.

В стойбище было так тихо, что оно казалось вымершим. Даже собаки лаяли вполголоса. Возле чума брата Айила стояло несколько нарт. Внутри тоже тихо, но народу довольно много. В центре горел костер. Родственники и соседи сидели вдоль наклонных стенок, прислонившись к отполированным спинами жердям. В пятне света, падающего сквозь дымовое отверстие, лежал на шкурах исхудавший отец Айила.

Люди, вполголоса переговариваясь, наблюдали за приготовлениями к камланию самого почитаемого во всей округе шамана. На нем ритуальная куртка, выкрашенная ольховой корой в коричневый цвет. Она увешана металлическими пластинками, трубочками, серебряными монетами, костями животных, копытами, узкими полосками

кожи. На груди и спине медные диски, символизирующие солнце и луну. На голове — меховая шапка с рогами. Из-под нее торчат черные волосы.

Обойдя, заунывно напевая, очаг несколько раз, «врачеватель» добавил в огонь охапку сухих веток и, дождавшись, когда кожа на бубне натянется и станет глухо рокотать даже от легкого постукивания, стал хриплым голосом бормотать заклинания (сначала тихо, потом все громче и громче), щедро «угощая» огонь кусочками сала и лепешек, чтобы тот не позволил злым духам переступить порог жилища. Трещит костер, освещает смуглые напряженные лица сидящих в чуме юкагиров.

В руках шамана «окно» к духам — бубен. Его верхняя часть открывает дорогу к добрым небесным духам, а нижняя — к злым, подземным. Лицо колдуна внезапно исказила страшная гримаса, а сам он, словно вихрь, звеня металлическими подвесками и костями, закружил вокруг очага, ударяя по туго натянутой коже нижней части бубна колотушкой. Мощные низкие вибрации, сопровождаемые завыванием шамана, заполнили чум. Они прерывались криками птиц, ревом медведя.

Подчиняющиеся особому ритму удары участились, завывание шамана все громче и громче. Не своя с бубна лихорадочно горящих глаз, он погружался в мир подземных духов.

Перенеся через некоторое время удары на верхнюю часть, шаман, конвульсивно дергаясь и обливаясь потом, принялся диковато и повелительно, глядя из-под насупленных бровей, выкрикивать хриплым голосом новые заклинания. Бубен глухо рокочет, подавляя волю окружающих все сильнее и сильнее. Люди застыли в оцепенении.

Корней, решив, что ему не стоит наблюдать, а тем более участвовать в этом бесовском шабаше, осторожно вышел. Прочитав очистительную молитву, стал ждать окончания камлания.

Тем временем в чуме «контакт» с духами был установлен: шаман заговорил утробным, потусторонним голосом, от которого у всех по спинам забегали мурашки.

— Вижу тени предков... Слышу голос... С моря придет большой луча... Он победит болезнь.

Тут шаман остановился напротив Айила и, прищурив раскосые глаза, уставился на него, выкрикивая что-то по-юкагирски.

Айил поднялся и вышел из чума. Подойдя к Корнею, зашептал:

— Наш шаман говорит, что только ты можешь убить болезнь.

Корней был в смятении — что делать? Он больного даже толком не осмотрел.

— Скажи, чтобы вынесли отца на свет.

Пока Айил ходил, скитник молился, призывая в помощь все небесные силы.

Люди, высыпав из чума, с надеждой глядели на рослого бородача.

— Айил, как отца зовут?

— Ермолай.

«Стало быть, крещенный», — приободрился скитник.

Больному на вид было лет пятьдесят. Худой, широкие смуглые скулы сильно выступали над провалившимися щеками, а живот неестественно раздут. Внутренний голос подсказывал Корнею, что у юкагира, скорее всего, проблема с кишечником. Не зная пока, что предпринять, он, прощупав живот, начал массировать его круговыми движениями по часовой стрелке, читая одновременно молитву. Через некоторое время юкагир застонал и стал громко и часто пукать. Обрадованный Корней согнул ему ноги в коленях и прижал к животу. Выделение газов усилилось. Вскоре стоны прекратились, и человек попросил пить.

Счастливым Айил бросился обнимать скитника.

Раздались восторженные возгласы. Юкагиры с восхищением смотрели то на белого шамана, то на преобразившегося больного. Некоторые, вслед за Корнеем, невольно осеняли себя крестным знамением.

Шаман вновь забил в бубен и победно заголосил, прославляя верхних духов за то, что прислали бородатого лучу.

Корней отправил Айила нарвать зонтиков дикого укропа, а сам продолжил массаж. Когда отвар был готов, напоил им больного. К вечеру Ермолай попросил поесть.

На обратном пути Айил попросил:

— Корней, про шамана никому не говорите. Начальство ругает, бубны ломает.

* * *

Погода последние дни плаксивая: серые низкие тучи, мелкий нудный дождь. Вечера холодные, ветреные. Чтобы не мерзнуть, Корней даже стал надевать парку.

Сегодня прояснилось, и скитник выехал размять застоявшихся собак. Добыв трех зайцев и с десятков куропаток, направил упряжку к роднику — подошло время для чаевки. На скате, заросшем рододендронам, неожиданно вырос черным столбиком зверь. Разглядев собак, он развернулся и, высоко вскидывая зад, побежал по склону вверх.

Росомаха!

Скитник повернул собак к тому месту, где она только что стояла. В примятой траве лежала загрызенная оленуха. Детеныш, видимо, прятавшийся где-то в кустах, пользуясь бегством росомахи, уже покинул убежище и, припав к животу матери, старательно сосал молоко. Когда показались собаки, он еще плотней притиснулся к ней, не переставая жадно сосать.

Корней отъехал, чтобы дать малышу насытиться. Потом осторожно накрыл его курткой и, уложив на нарты, повернул к стойбищу.

Неожиданно стало быстро темнеть. Скитник обернулся. Со стороны перевала приближалась черная туча. Ее мрачное нутро прорезала огненная трещина, следом раздался такой грохот, что казалось, будто небо расколосось на части. Земля под ногами вздрогнула, окрестности на миг залило белым светом. После непродолжительной паузы ослепительные стрелы из чрева тучи и раскаты грома последовали один за другим. (Корнею сразу вспомнились отцовская загадка «сначала блеск, за блеском — треск».) Порывы ветра принесли первые редкие, но крупные капли. Резко похолодало. К ним

с шумом приближалась подгоняемая ветром стена дождя. От холодных струй не было спасения.

К счастью, гроза ушла так же быстро, как и пришла. Хорошенько пролив округу, она обняла небо сочной радугой. День был на исходе. Осатаневшая после дождя мошка немедля набросилась на собак и путника.

Корней, чтобы избавиться от кровососов, поднялся на продуваемый гребень. Сложил костерок. Мокрые ветки кедрового стланика никак не разгорались. Наконец одну из них охватил одинокий язычок пламени, и вот уже трепещет сквозь дым жаркое полотнище. Переходя от крутившегося по воле ветра дыма с места на место, Корней пытался хоть немного обсушиться.

Собак накормил зайцем. Сам воспользовался банкой гущенки, которую всегда возил на всякий случай с собой. Пробив в крышке две дырочки, с наслаждением высосал половину. Остатки вылил в миску. Добавив теплой воды, размешал и дал олененку. Тот уже так проголодался, что вылакал все без остановки. Лайки с нездоровым интересом поглядывали на малыша, но, видя, как заботится о нем хозяин, только облизывались.

Выплыла щербатая луна. Теперь на небе было два светила: огрызок луны и неправдоподобно огромное, тревожно-красного цвета солнце, катящееся всю ночь вдоль горизонта. Костер догорал. Фиолетовые язычки украдкой выглядывали между углей и снова прятались в мерцающих жаром убежищах.

Спал на нарте вместе с олененком: земля после грозы была очень сырой.

Вернувшись в стойбище, Корней отправился к соседу Омолоя с малышом на руках. Тот, обрадованный неожиданным пополнением, тут же подложил его к недавно отелившейся важенке.

* * *

Полярный день закончился. Уставшие глаза получили возможность хоть немного отдохнуть от постоянного солнечного света. Корней радовался возвращению ночи словно подарку, хотя точно знал, что в полярную ночь

будет считать дни до появления солнца. Странное существо человек — никак не угодишь.

Днем по-прежнему припекает. Затаившаяся под тонким слоем земли вечная мерзлота за куцую ночь не успевает остудить воздух, и к полудню над тундрой начинают колыхаться струи марева. Пока ничто не говорит о приближении осени. Только заросли карликовой ивы густо затянуло паутиной, да иногда по земле пробежали прерывистые тени, отбрасываемые готовящимися к отлету стаями гусей и других крылатых кочевников.

Скитника в последнее время тревожило то, что ноги ослабли.

«Что-то разленился я, — подумал он, — надо походить на охоту без нарт. Может быть, тогда удастся подойти к круторогам поближе, а повезет, еще и побаловать юкагиров бараниной». Их следы и помет Корнею частенько попадались на вьющихся по каменным склонам тропам, но осторожные животные, заслышав приближение собак, успевали скрыться.

Утром лайки не поняли, почему хозяин их привязывает. Минут через десять они с удивлением наблюдали, как он, закинув за спину котомку и повесив на плечо ружье, уходит все дальше и дальше. Когда сообразили, что хозяин и не думает их брать, в отчаянии завывли.

Погода была как по заказу. На небосводе ни облачка, а последних комаров ветер загнал в траву. Оживляя пустоту, над горами парили, обозревая свои владения, орлы. Где-то вдалеке истошно лаял песец. В широких ложбинах, усеянных алой клюквой, отъедались гуси. При приближении человека они, недовольно галдя, отлетали. Места их старых кормежек устланы выпавшими во время линьки перьями. На буграх, усыпанных сизой голубикой и пучочками темно-красной брусники, скитник останавливался полакомиться.

Хотя Корней то и дело поднимал с лежки зайцев, он не обращал на них внимания. Выстрелишь — бараны насторожатся и не подпустят.

К полудню добрался до скалистых гряд с крутыми травянистыми склонами. Именно такие места обожают крутороги. Взойдя на очередной гребень, скитник замер — на крутизне, утыканной щербатыми останцами,

паслись сразу три табунка. Одна семейка совсем близко. Корней затаился за валуном. Животные, пощипывая на ходу растущую пучками траву, медленно двигались вдоль склона в его сторону.

Не дойдя до гребня метров сорок, крупный баран с белым брюшком остановился и начал отгребать ногой камни. «Похоже, к лежке готовится», — обрадовался Корней. Действительно, очистив площадку, круторог улегся. Остальные устроились рядом. Лишь молодняк возможность отдохнуть не прельстила. Они вприпрыжку подбежали к полуразрушенной скале и стали взбираться на нее. Самый проворный, опередив всех, занял вершину. Стоя на завоеванном «пьедестале», он всем своим видом показывал, насколько горд этой победой. Как только кто-нибудь из братишек делал попытку встать рядом, следовал толчок рожками, и жалобно блеющий малыш вновь оказывался у подножия.

Но не только Корней внимательно наблюдал за ними. Один из орлов не замедлил спикировать на хребца. Шустрый «герой», услышав приближающийся свист, в последний миг успел перемахнуть на соседний выступ, и стервятник лишь чиркнул его крылом. Барашек удивленно обернулся и только тогда понял, что едва не стал добычей громадной птицы.

Корнею после этого совершенно расхотелось разрушать покой счастливого семейства. Спускаясь, он заметил еще одну группу круторогов. Следуя за вожаком, они шли по противоположному склону горы. Голову барана украшали такие большие рога, что было непонятно, как ему удастся удерживать ее. Когда он достиг гребня отрога, из-за него выметнулась «черная туча» и ударом лапы свалила барана. Табунок в панике разбежался, а находчивый миша склонился над добычей.

Скитника восхитила сообразительность и ловкость косолапого. Тот нашел, пожалуй, единственно возможный способ для успешной охоты в этих безлесых горах: устроил засаду на тропе прямо перед высшей точкой гребня. И был вознагражден за многочасовое ожидание.

Корнею ничего не оставалось, как настрелять куропаток и зайцев. Что он и сделал. Возвращаясь в стойбище, услышал мелкий перестук. Обернувшись, увидел два

серых пушистых комочка. Он не сразу понял, что за ним бегут ягнята. Догнав, они с громким меканьем стали тыкаться в ноги: видимо, приняли его за мать. Не найдя сосков, разочарованно отошли. Оглядываясь, Корней еще долго видел их сиротливые фигурки. Похоже, в последний раз мать кормила именно на этом месте, и они терпеливо поджидали ее.

БЕЛЫЙ ШТОРМ. ПРОМЫСЛОВИК

Дни становились все короче, а тени все длиннее. В лучах солнца больше света, чем тепла. Осень подкрадывалась исподволь. Еще не ударили настоящие морозы, но утренники начали выбеливать траву, обрамлять берега тонким прозрачным ледком. Покраснели крохотные листочки полярной ивы. Примерили рыжий наряд березки. Янтарем налилась хвоя лиственниц. Порывы ветра срывали ее и золотили Индигирку. Пропал комар, два месяца не дававший покоя всем обладателям крови. И, наконец, самый верный признак осени — начали хоркать, готовясь к битвам за важенок, быки.

Дней через десять в воздухе запахло снегом. И точно — в одну из ночей тундра преобразилась до неузнаваемости. Стала белой, мягкой и пушистой. Так в одночасье пришла, чтобы властвовать долгих восемь месяцев, зима.

К этому времени Корней заготовил столько пластин юколы и вяленого мяса, что Омолой, уезжая на выставку в Анадырь, пошутил: «Как повезешь? Две нарты надо».

Еще до снега возвратился с сыновьями Егоркан. Он был доволен кочевкой: все новорожденные олешки выжили и подросли, стадо набрало вес.

Корней планировал выехать сразу, как только лед скует озера и реки, но Егоркан отговорил:

— Нехорошо уезжать без отца. Обидится.

Омолой вернулся счастливый и радостный. Его работы отметили грамотой и отправили в Москву на ВДНХ, и даже вручили крайне полезный приз — новенький сияющий латунным бочонком примус.

В утро отъезда старый юкагир первым делом попросил Корнея положить нарты на бок. Когда он исполнил эту странную просьбу, принес ведро с водой и, окуная в нее кусок оленьей шерсти, промазал полозья. После того как вода заледенела, прошелся еще раз. Когда нарты загрузили, обошел, придирчиво проверяя, надежно ли уложены мешки.

Груза и вправду набралось изрядно. В основном корм для собак. В отдельном тюке палатка, меховой спальник. Боеприпасы и всякая необходимая в дороге мелочь в тулуне — хорошо прокопченном кожаном мешке, подаренном Егорканом. Ружье и топор засунуты под обвязку.

Закончив осмотр, Омолой произнес, довольно улыбаясь:

— Молодец! Хорошо делал!

Затем подошел к Борою и, наклонившись, поцеловал его в прохладный нос. Лицо юкагира было спокойно, но глаза на мокром месте.

Пообнимавшись до хруста костей со стариком и Егорканом, Корней сел на передок нарты и скомандовал: «Подь, подь!»

Засидевшиеся собаки взяли с места охотно и, подбадривая друг друга лаем, помчались навстречу разгорающемуся дню и сыплющимся с неба кристалликам изморози. Нарта на «ледяном ходу» легко катилась по искрящемуся от солнца белому покрову, оставляя за собой клубы снежной пыли.

Корней то и дело оглядывался. Две темные фигурки рядом с конусом чума махали рукой, пока упряжка не скрылась из виду. Прожив с юкагирами больше трех месяцев, скитник полюбил этих добрых, с открытой душой людей.

Полулежа в теплой кухлянке с непродуваемой камлейкой поверх, Корней держал курс строго на восток, временами проверяя себя по компасу, подаренному капитаном «Арктики». Вокруг абсолютное безмолвие, над головой чистое небо, впереди восемь полных сил собак. Из-под их лап в Корнея летят комочки снега. Ресницы, брови и борода путника от дыхания быстро покрылись инеем, и он все больше становился похожим на Деда Мороза.

Бодро бежит упряжка по белой равнине с редкими невысокими холмами. На подъемах Корней ободряюще гикает и, отталкиваясь ногой, помогает собакам. Ветра успели не только уплотнить снег, но и образовать на продуваемых участках жесткие островерхие гребни — заструги, резко бьющие по полозьям. От этих многочисленных ударов Корнею казалось, что позвоночник вот-вот рассыплется, а голова оторвется. Поэтому, увидев очередные заструги, притормаживал лаек, «бороня» снег остолом.

Зато на ровных участках можно было расслабиться и получать удовольствие от езды. В такие минуты Корнею представлялось, что кроме него и упряжки в мире ничего не существует, а он невесомо летит между небом и тундрой.

Выехав на обширную, без застрогов марь, скитник от радости даже запел. Собаки откликнулись на хорошее настроение хозяина веселым повизгиванием и прибавкой скорости. Плавное покачивание нарты, ровное шуршание полозьев, поскрипывание кожаных креплений убаюкивали, и Корней время от времени задремывал. Выныривая из забытья, сверял направление движения по компасу и всякий раз убеждался в том, что Борой четко держит заданный курс.

За день успели пройти километров тридцать. Мало, но в начале пути всегда так. В последующие дни суточный ход возрос. В первый же вечер Господь одарил его красивым, почти на все небо, северным сиянием.

Для ночевки Корней старался выбирать гривки с темными ежиками ивняка: в них всегда можно было наломать веток для костерка. Если ветер был сильным, не ленился, строил укрытие: нарезал кирпичи из слежавшегося снега и складывал из них невысокую полусферу, оставляя в куполе отверстие для вентиляции. Для низа шли более крупные, для верха поменьше. Второй и последующие ряды укладывал с легким наклоном внутрь. У основания вырезал небольшой проход, чтобы можно было вползти (очутившись внутри, заваливал его снегом).

Все строительство занимало около часа. Конечно, палатку поставить быстрее, но крепить растяжки сложно, и при сильном ветре скаты хлопают так, что не поспишь.

К тому же в снежной хижине теплей, чем в палатке. Если поблизости имелся глубокий сугроб, Корней просто выкапывал в нем пещеру. Нарты на всякий случай ставил так, чтобы утром даже без компаса можно было определить направление, по которому ехали.

Шарф, защищающий лицо, к концу дня от выделяемой при дыхании влаги оледеневал и примерзал к бороде и усам. Чтобы его снять, вечером приходилось какое-то время стоять у костра. Помучившись пару раз, скитник укоротил усы, а бороду — гордость каждого старовеера — не стал трогать, стягивая горловину, прятал ее под камлейку.

По утрам, размяв пальцами спрессованный снег, умывался, разводил костерок, растапливал в котелке снег и завтракал. Набор продуктов всегда один и тот же: юкола или вяленое мясо и пара кружек чая. Обеда нет. Вечером ужин из пары полярных куропаток либо зайчатины и кипятка.

На пятый день наехал на свежий нартовый след. По цепочке прорубей понял, что где-то поблизости стоят рыбаки. Остановившись на больших водоемах, они пробивают в пока еще не очень толстом льду пешнями проруби. Расстояние между ними рассчитывается так, чтобы из одной лунки в другую можно было на шесте протянуть сеть. Труд тяжелый: все делается голыми руками на морозе.

Корней направил собак по этим следам. Солнце теперь светило так, что длинные тени от них бежали сбоку и чуть впереди. Казалось, будто собаки азартно гонятся за ними, но никак не могут настичь. Задул боковой ветер. Несмотря на густую, усиливающуюся поземку, лайки, не сбавляя темпа, продолжали бег.

К рыболовецкому стану подъехал к вечеру. Прижавшееся к безукоризненно ровной линии горизонта солнце золотило снег, палатку, ездые и грузовые нарты, стоящие на льду озера. В этот вечер Корней был избавлен от необходимости устраивать ночлег и разводить костер. Юкагиры пригласили его к себе. Они для приготовления пищи пользовались примусом. Быстро и дров не надо, а литра керосина хватает дней на пять.

Ужинали успевшей хорошо промерзнуть пудовой нельмой. Бригадир ловко рассек охотничьим ножом широкую спину белорыбицы. Снял кожу и, срезав полупрозрачные от жира брюшки, стал стругать мясистую спину, как полено. Когда таз до верха наполнился тонкими полупрозрачными стружками, посыпал их сушеной черемшой. Перемешав, первым положил в рот щепотку аппетитных кудряшек. Остальные дружно последовали его примеру. Жевать не было нужды — нежные завитки сами таяли во рту.

Скитник покидал рыбацкий стан с грустью — дальше на сотни километров безлюдная равнина. Ее унылую монотонность будут нарушать лишь редкие холмы и мерзлотные провалы. Разве что повезет, и случайно встретишь северных бродяг — эвенов*. Хотя по карте до океана было недалеко, рыбаки отговорили выезжать на побережье — там из-за крутых мысов собакам будет сложно.

* * *

В один из вечеров Корней заметил, что лайки занервничали. Сначала, разом вскочив, уставились, медленно двигая ушами, в темнеющий ивняк. Потом сбились в кучу у ног хозяина. Во тьме блеснули чьи-то глаза, и раздался нагоняющий ужас на все живое волчий вой. Судя по голосам, их было трое. Корней выстрелил, целясь на звук. Вой прекратился, собаки успокоились.

Под утро посыпал снег, засвистел ветер.

— Ну что, Борой? Поедем или переждем? — спросил он, поглаживая лобастую голову жоака.

Пес неторопливо встал, потянулся и уверенно зашагал к нарте.

За время летних поездок Корней хорошо изучил характер этого с виду мрачноватого пса. Он уже в летах

---

* *Эвены* — родственный эвенкам народ. Численность более 20 тысяч человек. Живут преимущественно на севере Якутии и на побережье Охотского моря. Если эвенки таежный народ, занимающийся в основном охотой, а оленеводство у них транспортное, то эвены — преимущественно тундровый. Для них оленеводство это пища, дом и транспорт.

и не первый год ходит передовым. Отмахал по тундре и горам не одну тысячу километров. Потому так суров и недоверчив, решительно «воспитывает» тех, кто хитрит или ленится в упряжке. Манера атаковать у него волчья — молниеносный выпад без предупреждающего рыка. Сбивает недобросовестного грудью, треплет, кусая в самые чувствительные места.

И не следует разнимать дерущихся. К чему это приводит, Корней однажды изведал. Больше недели заживала ладонь, прокушенная острыми клыками.

«В наши разборки не лезь!» — так надо было понимать этот урок.

Теперь, если вожак начинал расправу с нарушителем даже во время движения, скитник не вмешивался. У Бороя в упряжке не забалуешь. Когда Борой в хорошем настроении, его светло-карие глаза как будто искрятся, но когда что-то ему не по нраву, они белеют, смотрят с пугающей злобой.

Случалось, на него вдруг находила задумчивость. В такие моменты он сворачивался в клубок и, положив голову на вытянутые перед собой передние лапы, смотрел в одну точку.

Впрочем, в упряжке что ни пес, то свой норов. Кто-то добродушный, работающий, а есть забияки или плутоватые. Особенно выделялась остромордая рыжая Пурга — подруга Бороя. Она так и норовила ослабить лямку, стянуть пайку у зазевавшегося растяпы. Но вожак всегда настороже: невзирая на интимные отношения, тут же устраивал ей трепку. Но если кому из собак явно нездоровилось, он — само благодество.

Как-то в пути мохнатый, улыбчивый Черныш зашатался и завалился набок. Корней потрогал нос: горячий, сухой. Дышит тяжело и часто. Борой подошел к заболевшему и не возвращался в голову упряжи до тех пор, пока хозяин не переложил больного пса на нарты. К утру тому полегчало, но Корней еще день не ставил его в упряжку.

Походная жизнь постепенно входила в свою колею. Лайки втянулись в работу. Лапы огрубели и уже не кровоточили. Каждое утро, с хрустом отогнув оледеневшую

от дыхания горловину спальника, Корней выбирался, ежась от холода, наружу. Разминал, натягивал застывшую малицу, опущенные инеем унты. Кормил собак, разжигал костерок из хвороста, заготовленного с вечера. Пока таял снег в котелке, собирал ветки про запас. (В тундре не везде можно найти топливо для костра.) После завтрака грузил вещи на нарты, заворачивал их в широкий брезент и стягивал сыромятным ремнем, чтобы ничего не выронить по дороге.

Светило выкатывается все позже, а на покой уходит все раньше. День стал совсем коротеньким, а ночь длиннее. Как-то после полудня перед изумленным взором скитника над белой равниной явственно прорисовалось темное, местами скрытое льдами море, высокие скалы. Картина была настолько четкой, что можно было различить отдельные льдины. Корней растерялся — неужели отклонился с восточного направления? Сверился с компасом — странно, едут правильно. Минут через десять море, медленно бледнея, исчезло.

— Диво дивное! — перекрестился скитник. — Так вот каков он — мираж! (Корней читал про это явление, но видел впервые.)

К утру боковой ветер переменялся на встречный. Собакам приходилось прилагать дополнительное усилие, чтобы преодолевать его сопротивление. Пар от горячего дыхания густо опушал инеем их морды и грудь. Продвижению сильно мешали вихрастые шлейфы низовой поэмки. Устав от борьбы с ветром, на ночлег встали раньше обычного.

После кормежки лайки начали было рыть лунки чтобы укрыться от пронизывающего ветра, но спрессованный снег не поддавался. От отчаяния они жалобно заскулили. Выручая псов, Корней здоровой ногой пробивал и крошил прочную корку. Раскидав лапами открывшийся сыпучий снег, Борой подтолкнул в готовую лунку Пургу. Она, сделав в ней несколько поворотов, свернулась пушистым клубком, укрыв голову хвостом.

Пробив снег для лунок и остальным, Корней приступил к строительству из снежных кирпичей убежища для себя. При этом его не покидало необъяснимое состояние тревоги. Порой он физически ощущал на себе

чей-то тяжелый взгляд. Быстро темнело. На небе высыпали первые звезды. На востоке задрожал робкий отблеск северного сияния, но ревнивые тучи быстро скрыли его.

Проснулся скитник, как обычно, в семь. Наверху гудело, а в его снежном домике тихо, не шелохнет.

Тундру, отмалчивавшуюся целых полмесяца, как говорится, прорвало. Она сообщала Корнею на своем свистящем языке пренеприятнейшее известие: «Сиди отдыхай, а я решу, сколько дней». И действительно, прошли сутки, вторые, а ветер продолжал крутить снежные вихри, стращать воем. Его напор временами был столь силен, что казалось, вот-вот сомнет убежище. В отсыревшем меховом спальнике скитник мерз: в нем тепло, только пока он сухой. Недаром меховой полог северяне выбивают ежедневно. Вынужденная праздность нагоняла тоску.

Больше всего тяготило медленное течение времени, особенно в светлое время суток, Корней, дабы «ускорить» его, старался бродить по закоулкам памяти или «смотреть» сны, обычно весьма далекие от его сурового арктического бытия. Это состояние больше напоминало не сон, а дремоту с промежутками бодрствования. При этом в голове то и дело всплывали слова отца «Дни длинны, а годы коротки».

На третью ночь заторможенный мозг получил тревожный сигнал. В воздухе чувствовалось какое-то странное напряжение. Прислушался: не ходит ли кто около хижины. Ого! Вроде кто-то дышит! Еще не совсем проснувшись, Корней поднял голову. В вентиляционное отверстие на него смотрели черные бусины на белой морде. Подумав, что это ему мерещится, скитник на всякий случай громко крикнул:

— Дух нечистый, гинь!

Видение исчезло. Сон тем не менее пропал.

Выбравшись наружу, Корней обомлел: мешки с провизией на нарте разорваны и большая часть юколы исчезла. Он огляделся. К побережью уходила цепочка слегка припорошенных вмятин.

Так скитник впервые «встретился» с белым медведем. Занесенные снегом собаки то ли не учуяли зверя, то ли побоялись выдать себя. После бурана тундра стала похо-

жа на гигантскую, гладко натянутую простыню — снег все выровнял и выбелил. Ни единый след, ни единое пятнышко не нарушали унылого однообразия снежной пустыни. Даже ивняк замело с верхом.

Бежать собакам по ровной пеленове* было легко и приятно. Тихо. Лишь иногда истошно вскрикивает, пугая собак, невидимая полярная сова. Звуки от скольжения полозьев и прерывистого дыхания лаек в тишине казались громом, разносящимся по всей тундре.

Место для справления нужды Корней не выбирал. Знал, что собаки все «подчистят». (По всей видимости, им тоже не хватает минеральных солей.)

Корней быстро усвоил, что на Севере надо использовать не только каждый погожий день, но и каждый погожий час. За два безветренных дня (в эту пору понятие день здесь довольно условное — едва успеет наступить рассвет, как ему навстречу спешат сумерки) ему удалось одолеть по необозримой равнине изрядное расстояние. На ходу даже посчастливилось подстрелить пару беяков. До этого встречались лишь их следы. На третий день небо затянуло мутной дымкой, сквозь которую на горизонте неуверенно проступал тусклый солнечный диск.

Лицо вновь обожгло ледяное дыхание северного ветра. Набирая силу, он с посвистом и завыванием гнал по тундре вихляющие космы. Их дикая пляска напомнила Корнею шамана, кружившего вокруг костра в чуме юкагиров. Лицо больно кололи острые и жесткие, как песок, крупинки снега.

Усиливающиеся порывы следовали один за другим. Снежные «ручьи» на глазах сливались в мощные курящиеся потоки — надвигалась очередная пурга. Видимость уменьшилась до нескольких метров.

Из-за ветра мороз стал нестерпимым. Снежная пыль проникала в каждую щелочку, залепляла глаза. Пришлось до предела стянуть капюшон камлейки.

Жалея собак, скитник то и дело спрыгивал с нарт и шел рядом, держась за дугу барана. Порывы ветра тем

---

* *Пеленова* — свежий снег.

временем слились в беспрестанный шквал. Снег кипящей лавиной несся на высоте человеческого роста. Ветер трепал, рвал камлейку, сбивал дыхание, леденил лицо. Собаки, чтобы противостоять его напору, вытягивали головы вперед, иногда тыкаясь от усталости мордами в снег. В густых зарядах Корней даже не всегда различал их напряженные спины. Хотя лайки необычайно выносливы, было заметно, что и им тяжело.

Первоначальный ужас перед стихией у Корнея сменился боевым настроением. Пурга так раззадорила его, что он упрямо продолжал гнать упряжку. Заразившись одержимостью хозяина, собаки тянули изо всех сил.

Потрясенный мощью бури, Корней прокричал:

— Давай, давай! Посмотрим, кто кого!

В этом вопле слышался не страх, а восторг перед буйством стихии.

Чем опасней была обстановка, тем энергичнее и собраннее становился он. Однако напор пурги все возрастал и в конце концов принудил остановиться.

Натягивать палатку или строить «берлогу» было невозможно. Воткнув остол поглубже, Корней достал застывший коробом спальный мешок. С трудом забравшись в него, ужом зарылся в снег за нартами. Не распряженные, облепленные намерзшим снегом собаки, барахтаясь, зарылись там же, где стояли.

Над путешественником быстро вырос сугроб. Из-за нехватки кислорода в заметном мешке сон был поверхностным. Дыхание с каждым часом учащалось, мышцы ног то и дело стягивала болезненная судорога.

К счастью, низовые метели непродолжительны. Где-то часа через три в сплошной рев начал вплетаться свист — явный признак ослабления ветра. Когда он совсем захирел и стал слышен лишь шорох поземки, скитник пробил наметенный над ним полуметровый сугроб. На юго-западе гас, зажигая звезды, багровый закат. Можно откапывать нарты, кормить собак и трогаться в путь. Корней напрасно надеялся, что не придется возиться с упряжью: один из псов сжевал кусок потяга — кожаного ремня, к которому попарно прикрепляются персональные ямки. Пришлось попотеть с его починкой.

И снова бескрайняя тундра, освещаемая неживым светом луны. Отдохнувшие лайки, несмотря на урезанную пайку, бежали бодро. Корнею оставалось, балансируя телом, не допускать опрокидывания нарты на ухабах и поворотах. Собакам было тяжело, лишь когда выезжали на рыхлый снег, наметенный в затишках. На таких участках они не бежали, а барахтались, часто перебирая лапами, утопая по брюхо.

Гуляющие всю зиму по тундре ветра спрессовывают снег застывшими волнами-гребнями: переменится ветер — вместо старых заструг намечает новые, уже в другом направлении. И так за зиму много раз. Эта пурга намела высокие, далеко отстоящие друг от друга гребни, и лайки с радостным визгом ныряли то вниз, то пушистыми шарами взлетали с разгона наверх. Полозья нарт оставляли на плотном снегу лишь едва заметные бороздки.

Оглядываясь, Корней видел, что за ними тянется белеватая полоса: капельки влаги от дыхания разгоряченных собак тут же застывали, образуя длинную ленту. Она «ломалась» и рассеивалась, как только начинал тянуть ветерок.

Застывшее пространство над тундрой оживлял злоещим «Ка-аа!» лишь низко летящий ворон с побелевшими от мороза бакенбардами. Он тоже оставлял за собой едва заметный след парка. На промороженной земле бодрствовали одни песцы да лемминги — серые короткохвостые грызуны размером с детскую варежку, с темно-коричневой полоской на спине. Разыскивая стебельки и корешки, они без устали прокладывают в снежном покрове ходы, а невидимый на снегу белый песец охотится за невидимыми под снегом грызунами.

А вон и белые куропатки в ложбинке закопошились — тоже проголодались за время ненастья. Заметив упряжку, они беспокойно завертели маленькими на непомерно массивном туловище головками. Взмах крыльев, и стайка унеслась белым облачком. Вдогонку им ринулась с бугорка привидением полярная сова.

На востоке показалось несколько обособленных холмов. Между ними проступал какой-то темный силуэт — неужели избушка?

Точно, избушка! Взъерошенный столб дыма извещал — жилая. Какая удача! Корней от радости завопил во все горло псалом «Живый в помощи».

Приближение упряжки местными собаками было встречено яростным лаем. Правда, хвосты при этом дружелюбно виляли. Шумели больше для порядка. Корневские вяло отбрехивались.

Скитник затормозил метрах в десяти от ладно срубленного зимовья. Как только ремни на натуженных плечах лаек ослабли, они уставились на хозяина — мол, быстрее снимай шлейки! Корней встал с нарт, с трудом разгибая ноги и спину — от долгой езды мышцы одеревенели.

На поднявшийся гвалт вышел с карабином в руках кряжистый детина с пушистым, дважды обернутым вокруг шеи шарфом из лисьих хвостов. Щуря глаза, он с подозрением разглядывал неуклюжую фигуру в камлейке. Придя к выводу, что путник не из варнаков, протянул руку:

— Олег.

— Корней, — ответил тот, чуть шевеля стянутыми стужей губами.

— А по батюшке? Я ведь, поди, в сыновья вам гожусь.

— Корней Елисеевич.

— Давненько у меня гостей не было. Токмо охотовед иной раз навещает... Отряхайтесь и заходите, — промысловик подал висевший у входа обрезок оленьего рога.

Прежде чем выбивать снег, Корней освободил-таки нетерпеливо повизгивающих псов от шлеек. Те сразу свернулись в клубки, уткнув носы в брюхо. Лишь Борой встал перед хозяином и принялся легонько стучать лапой по ногам: «Поесть бы!»

Зимой, когда собакам нет возможности подкрепиться подножным кормом, еда для них становится вопросом жизни и смерти. Трогательно видеть радость и благодарность этих четвероногих, когда они получают свою пайку. Особенно сердечна утренняя встреча: от предчувствия скорой кормежки собаки прыгают, ластятся, пытаются лизнуть хозяина в лицо. И тут важно каждой собаке уделить внимание: что-то сказать, погладить. Обласканный пес прямо-таки ликует от счастья. Другие тем временем ревниво скулят. Некоторые порываются

наброситься на того, кого сейчас приласкал хозяин. Поэтому нельзя никого пропустить. Не уделишь внимания, и собака потухла: весь день будет работать без настроения.

Вряд ли найдется животное, способное так открыто и бурно проявлять свои чувства. Особенно выразительны их глаза. Они точно передают все их эмоции. Вот и сейчас Корней прочел во взгляде вожака явный укор: «Почему уходишь, не покормив?»

Перед тем как зайти в тепло, скитник снял камлейку, следом малицу и повесил их в сенах. Переступив порог, первым делом поискал глазами образа. Не найдя, перекрестился в угол и подошел к печке (железной бочке, обложенной камнями), чтобы в тепле размотать примерзший к бороде шарф.

— Расчехляйтесь, а я дрова подброшу, чай, поди, остыл.

В зимушке было довольно сумрачно, хотя над столом горела керосиновая лампа. От ее колеблющегося света по стенам метались неясные тени. На одной из стен висело с десятков заячьих и несколько песцовых шкур. Недавно снятые — мехом внутрь, высохшие и отмятые — мехом наружу.

— Чай готов. Согреетесь, а там уж и поедим... У меня днесь даже хлеб есть, — с гордостью прибавил Олег. — В пургу делать нечего, напек впрок.

— Зачем впрок? Зачерствеет ведь.

— Так на морозе держу.

За столом Корней наконец разглядел хозяина: прокаленное морозами лицо, опущенные книзу усы, почти черные глаза под нависшими бровями. Несмотря на внешне суровый вид, промысловик на самом деле оказался приятным в общении человеком.

С аппетитом съев пару куропаток и выпив несколько кружек чая, Корней, не вдаваясь в подробности, поведал свою историю. Даже в сжатом пересказе она удивила и взволновала Олега.

— Корней Елисеевич, вы самородок! Эдакий путь не всякому здоровому под силу, а вы одолели.

— Какой одолел! Пока меньше половины. Самое трудное впереди... Олег, эта избушка, как я понимаю, промысловая. А живешь-то где?

— В Улово. В хорошую погоду три дня на собаках.
— Семейный?
— А то! Трое пацанов, погодки. Старший уже школьник.

— Стало быть, забот хватает.

— Да уж! Крутиться приходится. Потому и участок дальний взял — тут побогаче зверьем.

— Ну и как нынче?

— По мясу недурственно. Олень есть. Куропатки без счета. Токо успевай с силков снимать. Хоть и мелочь, а за каждую полрубля. А вот с пушниной досель худо. Лишь тушкан* с добром. А кака с него выгода? Пшик один! Разве что жилетку сшить али рукавицы. Песец есть, но на приваду, зараза, не идет. Дошлый**! Иные что ишо вытворяют: у пасти в насмешку кучку начеканят — знаем, мол, твой подвох. Беда в том, что нынче лемминга тьма. Песцам раздолье — харчуются не сходя с места, на приманку не зарятся. Чего ради мерзлятину грызть, когда повсюду тепленькое мяско шныряет. Помене станет, глядишь, и охота выправится. А пока пластаешься в пургу и мраз, одначе снимешь с круга два-три хвоста. Другой раз и вовсе порожним вертаешься.

С улицы донесся требовательный лай. Это Борой напоминал, что давно пора задать корм.

— Собаки «остыли», покормить надо... Олег, тут такое дело. Меня на днях белый медведь грабанул. Половину юколы съел. Можешь чем выручить?

— Юколы у меня нет. Я своих тушками песцов и ушканов кормлю. Могу их нарубить. Устроит?

— Так мясо еще лучше.

— А насчет ушкуя*** вы не обознались? Он ведь токо по льдам да по взморью шастает. Можя, то бурый был? Хотя нет. Их тут мало, да и спят сейчас.

— Не ошибся, морду видел. Белая, нос и глазки черные. Сперва подумал — приснилось. Когда встал, увидел — в самом деле приходил.

---

* Тушкан — заяц.

** Дошлый — бывалый, опытный.

*** Так на севере называют белого медведя.

— Странно. Далеко ведь от моря. Впрочем, звери, как и люди, тоже разные. Этот, видать, из бродяг. Кстати, лет пять назад сам километрах в десяти от берега белого встречал. В том годе море сплошь перекрыло, и из-за отсутствия разводьев, оне повыходили на материк. А вот на островах их много — рожают там. Как-то даже ночевал в ихней берлоге. Гляжу, на склоне лаз чернеет. По следам понял — медведица с малышом вышли. Очень захотелось мне глянуть, как внутри устроено. Пополз. Сначала длинный коридор, в конце жилая камера яйцеобразной формы. Свод и стены уплотнены и исчирканы бороздами от когтей. Время было позднее, там и улегся.

— Не боялся? Могли ж вернуться.

— Нее-е! Оне коли вышли — не вертаются.

Когда Корней с Олегом появились на крыльце, Борой от радости запрыгнул на хозяина.

— Уймись! Опрокинешь! — добродушно отбивался тот и, повернувшись к Олегу, добавил, — повезло с вожакom. Сильный, толковый.

Пока хозяин раздавал мясо, Борой стоял в сторонке. Подошел, лишь когда все получили свою порцию.

Корней заметил, что наблюдавший за ними Олег погрустнел:

— Олег, о чем ты задумался? Чего это ты опечалился?

— Был и у меня первостатейный пес. Ох и умница! Необычайно деликатная натура. Он даже мое настроение чувствовал. Ежели видел, что я чем-то озабочен, не докучал. И кличка у него была соответствующая — Доцент. Однава отправился на лыжах проверять ближний путик. Его, чтобы у ловушек не следил, оставил. Пока освежал пасти, стемнело. Заночевал у костра. Где-то к полудню вернулся. Доцент лежит, даже голову не поднимает. Мясо не тронуто. По первости думал, занемог. Стал жалеючи гладить, так он уши прижал и не смотрит. Только к вечеру встал. Потеря о мои ноги и съел мясо. Что творилось в его голове в эти два дня? Видимо, решил, что я его бросил. Такая вот тонкая натура.

— А сейчас Доцент где?

— Вернемся в зимушку, расскажу.

Когда Корней зашел, Олег сидел на чурке и задумчиво глядел на метавшееся в открытой печи пламя.

— Так что же случилось с твоим Доцентом?

— Нелепая и страшная история... Зима в тот год была пустая. Живность словно повымирала. Ни зайца, ни песца, ни куропатки. А продуктов я завез в обрез — на дичь рассчитывал. Под конец сезона совсем туго стало, а выходить обидно — как раз песец пошел. Я-то еще ничего — на кашах, а Доцент совсем оголодал. Миску досуха вылизет и грызет ее. Мясо ему надо.

Ну, думаю, так дело не пойдет. Отправились в поселок за припасом. Тогда участок поближе был. И надо ж такому случиться, вроде и машин-то у нас раз-два и обчелся, а на него нашлась. Ладно б насмерть. Зад покалечило. Ноги отнялись. Пришлось оставить дома. Хожу по путикам и все думаю — как там Доцент без меня? Через две недели прихожу, а он уж помер. Видимо, от тоски — решил, что я его бросил. Сейчас у меня восемь собак — этот участок большой, без упряжки никак, но ровни Доценту нет.

— Жаль, но что поделаешь? У каждого своя судьба.

После долгого молчания Олег произнес:

— Корней Елисеевич, я завтра поеду восточный путь проверять. Вы можете здесь остаться, отдохнуть, а если хотите, можете со мной, это в вашу сторону.

— С чего мне отдыхать? Вместе и поедем.

— Тогда ложимся. Выехать поране надобно.

Задув лампу, Олег продолжил:

— С этого путика я всегда в деревню к дяде заезжаю. У него замечательная мыльня по-черному. Попаримся... Прежде-то мы все в той деревне жили. Но шесть лет оттоле в новый поселок на берег свезли. А дядя с женой уперлись — не поехали. Жена, Царство ей Небесное, с год как померла.

— Олег, я ради бани поеду хоть куда!

— Вот и славно! Попарю вас от души!

Только начали путаться, заволакиваться дремой мысли, как заскрипели половицы. Открыв глаза, Корней разглядел в полумраке Олега в одной исподней рубахе.

— Не спится?

— Колени разболелись, похоже, застудил опять. И так ногу положу, и эдак — все одно крутит. Похожу, медвежьим жиром натру, отпускает.

- Что ж ты сразу, до сна, не натираешь.
  - Так оне токо сейчас заболели.
  - Может, тогда чайку горяченького? Глядишь, разморит, сон придет.
  - Хорошая идея. Чего без толку колготиться?
- Олег запалил лампу-висячку, раскочегарил печурку. Просидели за чаем и разговорами часа два.

Утром загрузились, подперли дверь поленом и с гиканьем погна́ли собак на восток. Насыпавший за ночь пухлявый снежок не успел слежаться и молочно клубился за упряжками.

Всего у Олега «по лицу тундры» стояло около пяти-сот ловушек. Из них триста на этом путике. Большинство вдоль береговой линии — там песцов поболее.

Проверяя пасти и капканы, промысловик освобождал заваленные, обновлял, где требовалось, приманку.

Дважды выезжали на припай. Олег рассчитывал воспользоваться привычкой песцов ходить по пятам белых медведей, подъедая остатки их пиршеств, и подстрелить хоть парочку*. Однако при первом выезде почти сразу уперлись в такие чудовищные нагромождения льда, что собаки при всем старании не смогли одолеть их. Второй был успешней. Почти сразу вышли на следы медведя и семьи песцов, следовавших за ним. Проехав с километр, услышали быстро приближающийся треск. Вскоре он сделался столь сильным, что стал напоминать раскаты грома. Лед пошел трещинами. В одном месте снег потемнел от выступившей воды. Пришлось спешно возвращаться на берег.

Тем не менее Олег был доволен результатом. Снял семь песцов, две огневки, одну чернобурку и, редкая удача, росомаху. Один песец, правда, оказался наполовину съеден собратями.

На четвертый день свернули в «деревню» к дяде. Тучи, скрывавшие небесный купол, рассосались, и взору

---

* Белые медведи питаются тюленями и нерпами. При этом мясо почти не едят. А вот их белый жир обожают — съедают подчистую. Песцы это знают и следуют за ними по пятам, постоянно сопровождают их, подъедая мясо и требуху.

путников открылась захватывающая дух игра радужных лент северного сияния. Тьма ослабла, и тундра сразу словно вздохнула. Даже собаки побежали веселей.

Пересекли наброды диких оленей. У Олега загорелись глаза — может, свежие?

Спрыгнув с нарты, он снял рукавицу и стал рукой шупать стенки лунок. У свежих следов стенки не застывшие и легко осыпаются. Еще важно определить направление движения. Вытаскивая ногу, копытные рассыпают какое-то количество снежинок, при этом больше всего в ту сторону, куда идут.

Прощупав для верности несколько лунок, промысловик разочарованно проворчал:

— Вчерашние. Поехали!

Часа через три их стали нагонять шквалы ветра. Напор с каждой минутой усиливался. По тундре поползли снежные змейки. Ветер крутил подол кухлянки, заметая под нее снег. Олег остановил подъезжающего Корнея:

— Окапываемся! Белый шторм идет!

— Зачем? Ветер попутный, надо пользоваться!

— Собак потерять хочешь? Живо нарты разворачиваем! Опосля объясню.

Как только поставили нарты поперек ветра, Олег, указывая рукой назад, прокричал:

— Смотрите!

Метрах в ста бурлила движущаяся на них белая стена.

Через минуту пространство заполнили густые клубы снега. Они не давали дышать, залепляли глаза. Разговаривать невозможно. Буря свирепствует вовсю. Олег уже растворился в густой мешанине. Путники едва успели упасть за нарты между уже зарывшимися в снег лайками. Потянулись тягостные часы ожидания.

Олег время от времени высовывал руку из образовавшегося над ними сугроба: определял силу ветра. Он знал, что такие мощные ураганы обычно скоротечны.

Когда ветер ослаб до обычной поземки, выбрались из сугроба, откопали нарты и собак.

— Корней Елисеевич, вы не сердчайте, что я так раскомандовался. Белый шторм в тундре с попутным ветром коварен. Вроде все хорошо: сани и собаки, подгоняемые

ветром, несутся так, что кажется, не едешь, а летишь. Человек радуется и готов благодарить всех святых за сей подарок. И удивляется, не понимая, почему падает замертво одна собака, вторая... Дело в том, что ветер заворачивает у собак шерсть и забивает снежную пыль прямо к коже. Подтаивая, она превращается во все более утолщающуюся ледяную корку. Ежели вовремя не остановиться, погибнут все.

— Странно! У нас олени при попутном ходят и ничего.

— Олени иное дело. У них мех такой плотный, что волосу не шевельнуться. Им такая метель не страшна.

Выбеленная и выровненная тундра, казалось, не имела ориентиров, но Олег вел упряжку так уверенно, словно впереди ему светил маяк. Вскоре на покатам склоне показались торчащие из снега трубы, а кое-где и крыши. Корней в очередной раз изумился умению промысловика ориентироваться в зимнем однообразии тундры. Сам он видел только серый снег, темное небо и звезды.

— Олег, а как ты нашел дорогу? Ведь вокруг глазу не за что зацепиться.

— Я могу лица людей забыть, но ни одной ложбинки, ни одной гривки окрест не спутаю.

— Так и гривок не видеть.

— Ну... тогда не знаю, как то объяснить... Чутье, наверное.

Дом дяди стоял у подножия холма и был занесен с крышей (торчала лишь труба с вяло струящимся дымком). Избы на взгорке были занесены только наполовину. Снег из-за меняющихся ветров и неровностей рельефа ложится везде по-разному. В одном месте наметет метра четыре, в другом — едва припорочит.

— Такая хорошая деревня была, а теперь сирота, — с нескрываемой болью произнес промысловик.

Подъехав поближе, Олег спустился по полузасыпанной снежной траншее к двери. Для порядка постучал.

Через какое-то время гнусавый старческий голос поинтересовался:

— Олечка, ты, штоль?

— Я, дядя Арсений, с товарищем.

— Господи! Кака радость! Заходяте, отворено.

— Погоди, токо снег выбьем.

Переступив вслед за Олегом высокий порог, Корней попал в мрак сеней.

— Осторожней, тута ишо приступок, — предупредил тот и распахнул дверь в свет и тепло.

В комнате сонно отбивали время ходики, над столом горела керосиновая лампа. Ее колеблющееся пламя играло на бревенчатых стенах и заваленных снегом оконных стеклах. В печи потрескивали поленья.

Корней быстрым взглядом окинул внутренность скромного жилища. Все убранство: кровать, покрытая лоскутным одеялом, стол, широкая лавка и застеленный домотканой дерюгой сундук, на котором возлежал, свесив пушистый хвост, рыжий котиче. Под потолком, возле печи, как обычно, мешочки с крупами, мукой, сахаром.

Разглядев в углу икону с потемневшим, чуть различимым в свете лампадки ликом Христа, Корней перекрестился и поклонился хозяину — старику с лопатообразной седой бородой и ясными, в лучиках морщин, глазами.

— Мил человек, енто лишнее. Токо Богу да родителям в ноги кланяются, боле никому... Скидайте свои шкуры, а я покамест похлебку согрею и самовар вздую, — произнес он, ласково глядя на приехавших.

— Тебя ноне с верхом замело. Даже не припомню такого, — заметил Олег.

— Снег ишо ниче, ветер хужее. Ноне его с избытком было. Бывалочи и раньше, так задует, что к соседям по натянутой веревке добираешься. Идешь, крепко держась за ея — иначе снесет. Помнишь, поди, как батя твой сгинул. Нашли, токмо кады снег стаял, — добавил он, поворачиваясь к Корнею, — вчерась така круговерть и случилась. Нельзя было че-либо разглядеть. Ревело, не приведи Господь. Траншею к двери вровень замело. Насилу откопался.

— Мы тоже в ту заваруху угодили.

— Тяжело, поди, всякий раз откапываться! — почувствовал Корней.

— Да я без спешки. Запыхаюсь, передохну. Хотя, признатца, с кажным годом все тяжельше лопатой махать. Поизносилси.

Путники, сев на скамью, прижались спиной к печи, с наслаждением ощущая, как по телу растекается тепло.

Согревшись, Олег занес с улицы спальный мешок и четырех белоснежных песцов. Мешок вывернул и повесил для просушки. Песцов связал попарно и перекинул через жердь размораживаться.

— Оттают, обдеру. Чего время попусту терять. Корней Елисеевич, вы бы свой спальник тоже занесли.

Свернувшийся клубком на сундуке рыжий кот, чуть приоткрыв глаза, не поворачивая головы, которая, казалось, росла прямо из туловища, внимательно наблюдал за действиями пришельцев. Сочтя, что их появление ему ничем не угрожает, намусолил лапу и принялся старательно елозить ею по круглой морде. Завершив туалет, сладко зевнул и вновь растянулся во всю длину. Басовито мурлыча, он, похоже, вспоминал что-то приятное из своей кошачьей жизни.

— Нече разлеживаться! Поди в сени! Мыша лови, — дед приоткрыл дверь.

Кот оставил призыв хозяина без внимания. Даже не шевельнулся.

— Редкий лежебока, но люблю. По первости, когда все разъехались, особенно как старуха померла, жуть брала. Шутка ли — один на сотню километров. Так я с им наладился балакать... Эх, было время! Тута ведь более семидесяти дворов было. Тапереча токо мы с Матвеем.

— Да уж! Заглыхает наш край, — согласился Олег.

— Поуезжали — обчества, вишь, им не хватает. Фельдшера, магазин подавай, — бурчал дед. — А мне без обчества куды как душевно. Ни под кого подлаживаться не надь. Делай что хошь. Воля! Олежек заедет, побалакаем и доста.

— А не трудно? Все же одному приходится делать.

— Спаси Христос! Силенка пока есть. Всяко, конечно, случается. Седмицу оттоле жаром мучился. Как приступит жар, выйду на мороз без верху, в рубахе и катанках — и облегчение. А оздоровился струганиной из нельмы. Поел и оздоровился... Така в той стружке сила.

Говорил дед, чуть запинаясь, и несколько лениво — как будто с трудом подбирая слова. Это придавало его речи особый колорит.

Кот поднял голову, лишь когда люди сели за стол. Выжидательно уставившись зеленоватыми глазами-плошками на хозяйина, стал требовательно мякать.

— Не наглей. У тебя ишо не все в миске съедено! — беззлобно огрызнулся Арсений и, обращаясь к Корнею, продолжил: — Правда, порой начнет мерещиться всякая нелепица. Прошлогодь по осени, возвращаюсь с рыбалки в сумерках, коды уже все в один цвет, а на меня глазищи из-под куста пялятся. Ну, думаю, леший по мою душу явился. Вот нет же шерсти на мне, а туточки, не поверишь, будто вздыбилась по всей спине! Не пойму, то ли в башке смущение, то ли впрямь леший. Заговор вспомнил: «Недобрый глаз, не гляди на меня. Сгинь, нечистая сила!» Он в тот же миг ворохнулся так, што ажно куст затрясся. Однакась не спужался. И вдруг слышу: «Мяууу! Мяуу!» А то мой Матвей... Это ишо ништо. Ко мне анчутки в избу повадились. Токо уснешь, так начинают окаянные скидывать все со стола, так что все ходуном ходит.

Я ужо по всем углам пучки можжевельника развесил, на подоконниках челюсти шук разложил, крестики деревянные кругом поставил, над входом медвежьё лапу пристроил. Токмо без толку. Все одно колотятся... Эх! Старость не радость! Правда, хуже, что и она проходит.

— Дядя, грех вам жалобиться. Вы ишо вон какой шустрый.

— Олежек, я, можа, и шустрый, однакась годы свое берут. Прежде я куда как проворней был. Щас как? Чуток поработаю и устал. Полежать тянет.

— Сколько ж вам лет?

— В точности не скажу. Думаю, к восьмидесяти близко. Долго живу, а помирать все одно не хочется.

— Арсений, как я понял, вы в этой деревне и родились?

— А то! Я самый что ни есть корневой. А вот предки с Аянского* тракту. Оне грузы и икспедиции сопровож-

---

* Аянский тракт был основан в 1845 году в связи с переводом порта и флотилии из Охотска в более удобный, с точки зрения проезда, Аян. Его значение росло до продажи Аляски. После этого тракт стал хиреть. А в конце 20-х годов XX века пришел в полный упадок. В настоящее время предпринимаются попытки его реанимирования.

дали. Бывало, хаживали ажно до Якуцка. Однова на саму Камчатку. Дед баил, што горы тама диковинные, не в пример нашим — велики гораздо и подобны сенному стогу. Из них днем дым валит, а ночью искры и зарево. Оттого великий шум и гром происходит. Кто на них всходил — назад не вертался.

Коды Аянский тракт закрыли, оне сюды подались... Эх, кака деревня была! И свадьбы гуляли, и пели, и работали, и строились. Все было. Жили, можа, и трудно, зато весело. Таперича что? Одна поруха.

Пока Корней беседовал с дедом, Олег не сидел сложа руки: сноровисто обдирал отмякших песцов, соскабливал с мездры жир, натягивал шкурки на пяла и вешал для просушки.

С утра занялись баней. Прокопали к ней траншею, затопили печь. Набили чаны снегом. Чтобы стены прогрелись до нутра, топили весь день. Зато напарили кости и надышались здоровым дегтярным духом до упаду. Плеснут кипятку на раскаленные каменья и давай махаться, дико вопя от жара, веничком из полярной березы с кедровым стлаником до тех пор, пока жар не пробьет до костей, и бегом на снег остужаться. Так раз пять. После в натопленной избе сидели за столом в одних исподних рубахах и, исходя потом, пили бруснично-клюквенный отвар кружку за кружкой и разговаривали. Когда весь пот вышел, переоблачились в выданные дедом свежие рубахи и портки.

— Корней Елисеевич, а не пожить ли вам здесь недельку-другую. Мяса для собак заготовите. Зверя ноне тут множество наплодилось. Народу-то нет. Да и дяде весельше будет.

— А что, Корней, хорошая мысль! Всамдель поживи. Тебе и собакам роздых будет.

На следующий день Олег уехал, а скитник остался. Арсений был крайне доволен таким оборотом. Он давно мечтал раскатать ближнюю избу, что на взгорке, на дрова, но одному не справиться.

Раскатали за два дня. Еще пять дней ушло на то, чтобы распилить бревна на чурки и наколупать полный

дровяник поленьев. Старик был счастлив — дров теперь, по его прикидкам, хватит, как минимум, года на три!

Завершив дровяную эпопею, скитник занялся заготовкой мяса. Окрестность за несколько ясных и безветренных дней густо расписали следы зайцев и аккуратные стежки куропаток. С утра до вечера ставил петли и силки. Добычу замораживал, а часть тушек коптил в дымоходе.

Вечерами, как выражался дед, «калякали у самовара». Говорил в основном соскучившийся по общению Арсений, а Корней слушал. В одну из чаевок дед рассказал ему ранее уже слышанную в Усть-Янске историю про человека, проезжавшего здесь на велосипеде на Чукотку. Еще о родне, особенно о своих детях. С гордостью сообщил, что сын работает штурманом в Дальневосточном пароходстве. Ходит на Камчатку, Курилы, Чукотку. Бывает и в Певеке. А дочь вышла замуж за военного летчика и служит с ним под Минском.

— Чего ж они вас к себе не возьмут?

— Наперебой звали, как Аннушка померла. Отказался. Пошто мне энти города? Тута я в своем доме. Олежек, дай бог ему здоровья, не забывает — навещает. По осени себе на станок продукты завозит и мне заодно. Много ли одному надобно? Рыба, считай, у порога. Ягода и дичь в сендухе. Чего не жить?

Незаметно пролетели три недели. По лимонной полоске легко было догадаться, где сейчас светило, незримо совершающее свой путь за линией горизонта.

Куропаток и зайцев в копилке Корнея с каждым днем прибывало. Мясо нарублено на порции и уложено в мешки. Можно продолжать путь, тем более что полярная ночь вчера наконец сдалась и народившийся день стал потихоньку прибывать. Но человек предполагает, а Бог располагает. Небеса решили по-своему. Запуржило на всю неделю. Наконец круговерть угомонила. В один из вечеров Арсений подсел к Корнею:

— Послухай, Елисеевич, опосля таких затяжных метелей долго не дует. Снег плотный, хорошо держит. Самое время ехать.

— Вы правы. Завтра же начну петли снимать.

* * *

Когда все было готово к отъезду, нагрянул Олег. Он был в прекрасном настроении — песец пошел!

И опять разговоры, жаркая баня. Возвращаясь в избу, старик в потемках, запнувшись о порог, упал. Когда стали поднимать, застонал:

— Нога, нога...

Глянув на неестественно изогнутую голень, Корней понял — перелом! Задрал штанину, увидел на месте изгиба проступающую синеву.

— Олег, дело серьезное. В больницу везти надо. Но прежде голень плашками давай закрепим.

Отобрав прямослойное полено, он расколол его на четыре пластины и, обложив ими ногу деда, крепко обвязал.

— Эка бяда, эка бяда! — причитал расстроенный Арсений. — Стока забот вам.

Закутав старика в тулуп, Олег с Корнеем уложили его на нарты.

— Елисеевич, и просить-то неловко, но сделайте милость, поживите пока, а то дядя переживать будет за kota, да и изба вымерзнет.

— Пусть не волнуется, поживу.

* * *

Олег привез Арсения только через девять дней. Старик исхудал и как-то сник. Острые плечи торчали, как у вешалки. Передвигался осторожно, опираясь на костыли.

Истомившийся Корней решил выезжать прямо с рассветом.

Расставались, как родные.

— Не знаю, как тебя и благодарить, Корней! Шибко выручил! — голос старика задрожал, глаза заблестели от наворачнувшихся слез. — Поаккуратней в дороге будь. У меня сны вещи. Что увижу, так опосля и случается. Ноне человека под снегом видел, опасливее будь.

— Арсений, может, вы к детям все же переберетесь? Или, вон, к племяннику.

— Давно уговариваю. Не идет, — откликнулся Олег.

— Ладно-ладно. Через годик подумаю. Что я, зря дрова готовил? Но на лето токо здесь... Прощевай, Корней Елисеевич! Славный ты человек. Возьми это на память, — Арсений протянул ему дорожный топорик. — Досельный*, ишо от деда. Гвозди рубит, что ветки. В лавке такой не купишь.

— Да вы что! Это ж такая память!

— На что он мне таперича? Дрова колупать большой есть. Бери, не то обижусь.

Лицо Арсения выражало такое искреннее огорчение, что растроганный Корней, приняв дар, обнял старика.

Тот напоследок опять напомнил:

— Не забудь. Ехай сперва прямо на восток, а как перевалишь в бассейн Колымы, держись Мороки. По ней путь, можа, и длиньше, зато не заплутаешь.

— Вельми помогли! Как нам повезло, что вас в нашу дичь занесло, — тряс руку скитника Олег.

Отдохнувшие, откормленные собаки взяли борзо. Заехав на релку, Корней притормозил. Дед с племянником все стояли рядом с торчащей из снега чуть курящейся трубой. На скитника нахлынуло такое чувство родственности к этим людям, что чуть было не повернул обратно.

ОБВАЛ. ЭВЕНЫ. РАСПУТИЦА

И снова впереди бесконечная, однообразная белая пустыня, исполосованная рядами застрогов. Горизонт — идеальная прямая. Все оцепенело от навалившейся стужи. Разве что даст стрекача потревоженный заяц либо выпорхнет из-под снега белокрылым облачком стая куропаток. Да изредка донесется истошное тьяканье то ли пса, то ли лисицы. Гон, похоже, еще не закончился.

Два дня Корней ехал при ясной безветренной погоде. Девственная целина сверкала, слепя глаза мириадами густо рассыпанных бриллиантов. Но стоило обернуться

---

* *Досельный* — старый, старинный.

назад, как число этих блесков резко сокращалось: снежное полотно украшали лишь редкие «созвездия».

На третий день мороз ослабел. Тундра мало-помалу пробуждалась. На снегу с каждым днем все больше следов, в небе все больше птиц. Вон свежая поковка песка. Капельки крови и комочек кишок лемминга свидетельствовали о его удачной охоте. На заре хрипло скрипели, призывая курочек к любовным играм, петушки куропаток.

Когда путник переваливал в бассейн Колымы, небо затянули низкие тяжелые тучи, повалил снег. Правда, водораздела, как такового, он не заметил — определил по изменению направления русел. Снег здесь лежал пухлым ковром. Видимо, не было сильных ветров. Это заметно снижало скорость: собаки то и дело проваливались по брюхо.

В серой мути непрекращающегося снегопада тени и ориентиры исчезли. Все слилось в серое полотно. Неровности рельефа различались лишь в непосредственной близости. Теперь главная задача Корнея заключалась в том, чтобы не дать нартам завалиться в этой пышной перине набок.

Боясь проскочить устье Мороки — там находилось стойбище эвенов, Корней вел упряжку точно по вихлястому руслу. В конце концов следующие одна за другой, бесконечные, плотно прижатые друг к другу извилины речки до того утомили его, что, когда впереди замаячила очередная излучина, решил сразу перевалить узкий перешеек. Русло, как он и предполагал, оказалось прямо за ним. Довольный экономией времени и сил, Корней погнался упряжку вниз к речке и почти сразу почувствовал, что летит вниз вместе с нартами в бездну. Через несколько секунд он оказался заваленным горой снега, да так плотно, что не мог даже шевельнуться. Благодаря тому, что снег к лицу прилегал не столь плотно (выручали усы и борода), Корней хоть и с трудом, но мог дышать.

От тепла дыхания снежинки постепенно подтаивали, и перед ртом вскоре образовалась небольшая полость. Чувство удушья чуть ослабело. Попробовал пошевелить пальцами — двигаются. «Без паники! Спокойствие,

главное спокойствие, — уговаривал себя скитник. — Руки целы, с Божьей помощью выберусь».

Сверху донеслись какие-то слабые звуки. Прислушавшись, разобрал поскуливание собаки. Вот кто-то зацарапал капюшон кухлянки и раздался радостный лай.

«Борой!» — сообразил Корней. Вскоре скитник ощутил приток свежего воздуха, а перед лицом замельтешили когтистые лапы. В образовавшееся отверстие протиснулась острая морда, и шершавый язык лизнул ему лоб. Обрадованный Корней в ответ забормотал:

— Борой! Мой верный Борой! Умница! Какой ты молодец!

Прошло не меньше получаса до того момента, когда пес, раздирая лапы до крови, расширил и углубил раскоп до такой степени, что пленник, помогая себе руками, смог из него выбраться.

Гордый Борой, отдавая хозяина горячим дыханием, то терся головой о его плечо, то, повизгивая, лизал руки. Как остальные собаки. Живы ли? Ни одной не видно! Все под снегом! Хотя нет! Вон Пурга лежит, свернувшись калачиком. По нервно дергающемуся хвосту было понятно, что она напугана.

Когда скитник выбирался из снежной западни, протез слетел с культи, и ему пришлось изрядно повозиться, чтобы откопать его. Зато согрелся. Пристегнув протез, огляделся. С высокого яра к руслу бугристым языком тянулась гора снега. Слева и справа нависали остатки мощного снежного козырька, едва различимые при рассеянном свете. Разгоряченные бегом лайки не заметили опасности, а веса упряжки хватило, чтобы часть козырька рухнула.

— А ведь Арсений предупреждал, что ехать надо только по руслу. Верно говорят: дуракам закон не писан, — корил себя вслух Корней.

Больше всего снега было над нартами. Дальше слой уменьшался. А бежавших первыми Бороя и Пургу только чуть присыпало. Пурга лежала на снегу там же. Корней потянул за центральный ремень и, разгребая снег, постепенно освободил остальных лаек. Двух ближних к нартам откапывать пришлось долго. Но те уже не по-

давали признаков жизни — похоже, задохнулись. Одна, к счастью, через некоторое время зашевелилась. Придя в себя, пошатываясь встала и почти сразу опять легла. О погибшем псе скитник, конечно, сожалел, но не особенно расстраивался — это был Яшка, самый задиристый и хитрый.

Откапывая собак, Корней взмок так, что пот тек ручьем. Переодеться бы и немного подкрепиться, но нарты завалены — следовало освободить хотя бы передок.

Преодолевая усталость, Корней принялся разгребать снег в том месте, куда уходил потяг. Работая без остановки, словно заведенный, он устал до такой степени, что мышцы отказывались подчиняться. Казалось, что не осталось сил даже пошевелиться, но кто знает, где он — этот предел сил человека?! И есть ли он?

Чуть передохнув, продолжил раскопки. Когда добрался до мешка с мясом, руки так дрожали, что он едва смог настрогать немного. Мороженая зайчатина чуть оживила его. Теперь надо попытаться выдернуть сани. Запрягшись вместе с лайками, потянул. Они вышли из снега на удивление легко.

Корней распаковал мешок с мясом для собак и каждой выдал по двойной порции, а своему спасителю Борою — тройную. Пока лайки грызли мерзлые куски, вожак то и дело поднимал голову и шумно втягивал воздух, словно к чему-то принюхивался.

— Дым чуешь? Так давай, поехали...

Корней забрался на нарты и вскоре отключился. Борой же, на ходу выцеживая нужные струйки, повел упряжку к источнику дыма. В какой-то момент сани пошли слишком легко. Собаки воспряли и побежали резвее. Вожака же это насторожило. Оглянувшись, он увидел, что хозяина нет. Надо возвращаться! Поскольку сразу развернуть упряжку невозможно, умный пес стал, не снижая скорости, плавно заворачивать подопечных...

Скитник ощутил толчки в лицо чего-то холодного и мокрого. Пахнуло псиной. Открыл глаза — перед ним морда Борою. Затуманенное сознание постепенно прояснялось. В конце концов до него дошло, что он, уснув, вывалился из саней и Борой требует забраться на них.

Скитник с трудом исполнил просьбу верного друга и вновь отключился...

Упряжка подъезжала к рогатым чумам, обступавшим несколько больших, судя по желтизне бревенчатых стен, недавно построенных домов. Из одного выбежали дети, но, увидев заросшего, неподвижно лежащего на санях человека, с визгом бросились обратно. Это было стойбище ламутов*.

Вид огромного человека, неподвижно лежащего на нартах, напугал и женщину, шедшую к проруби за водой. Прочитая:

— Эрэ! Эрэ!**, — она бросилась к своему чуму. Услышав ее крик, муж выскочил с карабином.

Поняв, что человек на нартах жив, он позвал сыновей. Втроем они занесли закоченевшего Корнея в чум. С трудом стащили с него стоящие колом меха. Когда снимали торбаса, поразились — одноногий! Пожилой эвен принялся растереть тело собачьей шкурой, особенно старательно белые пальцы на руках и ноге, приговаривая:

— Небо-отец, тепло дай, согрей человека... Небо-отец, тепло дай, согрей человека...

Наконец пальцы незнакомца стали розоветь. Это пошла, распирая капилляры, кровь. От острой пульсирующей боли человек очнулся и застонал.

— Терпи! От твоей боли мне больно, — уговаривал склонившийся над ним скуластый эвен. — Крови дорогу не откроем, пальцы пропадут.

Закончив растирание, он смазал обмороженные пальцы гусиным жиром и повелительно произнес что-то на своем языке.

Молодая плосколицая женщина, порывшись в тюках, принесла старенькую парку, меховые штаны и рубаху.

---

* *Ламуты* — дореволюционное название эвенов — этнической общности, возникшей в результате активного взаимодействия тунгусов (эвенков) с юкагирскими племенами и отчасти коряков. Населяют северную часть побережья Охотского моря, бассейн реки Колымы и частично Индигирки. Ведут кочевой образ жизни. На маршрутах кочевий строят лабазы на столбах для хранения продуктов, одежды, утвари. У них, как и у эвенков, почитается культ медведя и солнца.

** *Эрэ* — беда.

Хозяин помог Корнею одеться. Подавая кружку парящего чая, направленного медвежьим жиром, он произнес:

— Пей, ходи в полог, много спи.

Заползая в квадратную меховую конуру, скитник поморщился от ударившего в нос кислого запаха оленьих шкур и человеческого пота. Приглядевшись, различил в тусклом свете жирника женщину. Она лежала у дальней стенки и кормила грудью малыша. Рядом посапывал, зарывшись в пыжиковые шкурки, еще один ребенок лет пяти.

Смущенный Корней замешкался было, но эвен указал на место у входа:

— Тут ложись.

Боль потихоньку отступала. Продолжали гореть лишь пальцы. Мысленно благодаря Святителя Николая и эвенов за чудо спасения, Корней не заметил, как уснул.

Поразительна отзывчивость людей Севера, их просто-сердечность и радушие. Увидев попавшего в беду человека, северянин не станет допытываться, кто ты, что случилось, а просто примет, оденет, накормит. И будет терпеливо ждать, когда гость сам обо всем расскажет.

Проспал скитник изрядно. Когда открыл глаза, в пологе никого не было. Попытался выползти из него, но пальцы пронзила острая боль. Услышав его возню, сын хозяина приоткрыл полог и помог Корнею выбраться.

Семья обедала, сидя вокруг длинного низкого столика. Ему подали кружку горячего чаю, но он не смог взять ее распухшими, в водянистых пузырях, пальцами. Хозяйка тут же отлила немного в китайскую пиалу и стала поить незнакомца. Потом покормила кусочками вареной оленины.

— Как мои собаки? — забеспокоился Корней.

— Собаки хорошо. Еды давали.

С улицы донесся радостный лай. Это, расслышав голос хозяина, дал о себе знать его спаситель Борой.

Корней хотел было выйти к нему, но эвен остановил:

— Нельзя ходи. Руке худо будет.

— Борой, дружочек, потерпи. Мне пока нельзя на мороз, — крикнул он.

Пес в ответ пару раз пролаял, мол, понял.

К вечеру пальцы еще больше вздулись, набухли новые волдыри. Боль то разгоралась, то утихала. Корней, глядя на свои руки, с тревогой думал о том, что если начнется гангрена — Чукотки не видать.

Хозяйка быстренько сшила ему мягонькие заячьи рукавицы, и к вечеру Корней уже мог ненадолго выходить из чума.

Когда он появлялся, обрадованные собаки, прыгая на него от радости, чуть не валили хозяина. Чтобы ненароком не потревожить пальцы, он поднимал руки вверх.

На пятый день с лица сошла короста, начала спадать и опухоль на пальцах. Через несколько дней облезла и обмороженная кожа, обнажив нежную новую.

Воодушевленный скитник уже намеревался продолжить путь, но Афанасий — хозяин чума был тверд:

— Рано. Надо ждать, когда кровь хорошо дорогу пробьет.

В стойбище с каждым днем становилось многолюдней. Дело в том, что здесь находился заготпункт потребкооперации и сюда для сдачи добытой за зиму пушнины и празднования завершения промыслового сезона один за другим подъезжали охотники с окрестных селений. Вокруг уже вырос временный городок из нескольких десятков чумов.

В обмен на мягкую рухлядь промысловики приобретали сухари, плиточный чай, сахар, соль, табак, винтовки, патроны, посуду, мануфактуру. Председатель кочевого Совета коренастый молодой эвен приглашал каждого промысловика в рубленое строение с кумачовым знаменем над крыльцом. Усаживал за стол и проводил беседу:

— Советская власть дала нам электричество. Электричество лучше солнца. Оно и в полярную ночь светит. Сейчас весь советский народ много работает, чтобы выполнить семилетку за пять лет. Мы тоже должны ударно охотиться. Больше сдавать пушнины, мяса, и становиться передовиками. В соседнем улусе семилетку уже почти выполнили. Разве мы хуже?

Охотники слушали и обещали не подвести. Самые активные и сознательные брали обязательство в следующий сезон добыть пушнины в два раза больше.

В назначенный день все собрались на поляне праздновать окончание промыслового сезона. Пришли даже мамыши с грудничками, спокойно посапывающими в меховых мешках за их спинами. Народу было так много, что несколько чумов пришлось перенести в сторону.

Открывая митинг, председатель подвел итоги и вручил передовикам грамоты, а самым лучшим — еще и премии. После чего объявил:

— В нашем стойбище находится гость из далекого советского Алдана. Он идет на самый край нашей большой страны — Чукотку. Дадим ему слово для приветствия.

— Дорогие друзья, я тоже охотник и хорошо знаю, какой это тяжелый труд. Поздравляю вас с успешным окончанием промыслового сезона. Желаю всем здоровья и удачной охоты. Особую благодарность выражаю семье Афанасия Петровича, вылечившей и приютившей меня.

— Помогать друг другу — главный закон эвенов, — с гордостью произнес председатель. — Товарищи, завтра, после обеда, в помещении кочевого совета Корней Елисеевич подробно расскажет о своем путешествии. Приходите послушать.

Когда закончилась официальная часть, запалили костер и, проведя под мощный рокот бубна неизменный обряд «кормления огня», мужчины принялись соревноваться в прыжках через нарты, гонках на упряжках. Пока выявляли победителей, женщины уже сварили в котлах мясо.

Темнело. Электрик запустил движок. На столбе зажглась лампочка. В это же время на небе заиграли сполохи северного сияния.

— Верхние люди тоже с нами празднуют. Тоже костры запалили, — радовались эвены.

Приехавшие из соседних стойбищ отправились в кочевой совет, где были накрыты столы, а местные разбрелись по своим чумам продолжать праздновать в кругу семьи.

Корней, подойдя с хозяевами к их жилищу, зашел в чум не сразу. Задрав голову, долго любовался выстреливающими из бездонных глубин вселенной цветными пучками. Они образовывали то лениво колышущиеся, как будто от легкого дуновения ветра, гигантские зеленоватые

волны, то, взлетая в высь, сиреневые холмы. Корней никак не мог насладиться этой непредсказуемой, никогда не повторяющейся игрой света. Его больше всего поражало то, что узоры и краски сияний никогда не повторялись.

В эту ночь небо «горело» почти все темное время суток. Окончательно полярное сияние погасло, лишь когда на востоке зажглась багряная заря, и больше до осени скитник его не видел.

На следующий день клуб был полон. Слушали Корнея внимательно, задавали вопрос за вопросом.

По окончании встречи местные охотники вызвались починить его нарты. Сам он обмороженными руками сделать это не мог. За полдня умельцы не только заменили поврежденные копылья, подтянули ослабшие вязы, но и обили полозья железом. Упряжь тоже привели в порядок: поменяли порванные постромки. (На малолюдных территориях люди умеют все делать сами. Иначе пропадешь.)

Пальцы практически зажали, и Корней уже подумывал, что пора двигаться дальше, но, выйдя вечером легким одетым по нужде, залюбовался северным сиянием. Простояв с полчаса, продрог. На следующий день начался кашель. Ночью почти не спал. Бросало то в жар, то в холод. Потел так, что рубаху хоть выжимай.

На Корнея неожиданно тяжелым, неподъемным бременем навалилось ощущение одиночества, его ненужности в этом огромном незнакомом мире. Ему невыносимо хотелось в родную Впадину, к Дарье, детям. Но он усилием воли подавлял это чувство.

«Чего это ты? На полпути захандрил. Сам виноват — нечего было столько времени полуодетым стоять на морозе», — ругал он себя.

Скитник попросил хозяйку заварить имевшиеся у него травы, но их хватило всего на два дня. После этого она принялась лечить его по-своему: запаривала собранный из-под снега ягель и обкладывала им спину. Кроме того, поила чаем, приправленным медвежьим жиром. Дня через три немочь отступила. Скитник пошел на поправку и даже стал выходить на прогулки.

Световой день все прибывал. На иссиня-белом снегу появились маленькие дырочки. Это лемминги, прокапывая ходы, делали отдушины. Иногда и сами выходили принимать солнечные ванны.

В воздухе завитал запах весны, пока еще едва уловимый. Сегодня прилетела ее первая вестница — жизнерадостная пуночка. Веселое щебетание крохотной пичуги для Корнея было самой приятной музыкой. Вместе с тем он заволновался — добраться до реки Колыма, чтобы успеть по льду перейти на другой берег, нужно было до паводка. Дальше начинаются горы, и можно будет ехать и летом. Однако скитник был еще настолько слаб, что даже от кормления собак уставал так, словно переколол гору дров. Силы, к сожалению, возвращались медленно — сказывался возраст. Стартовал лишь через неделю.

Пакуя мешки со снаряжением, обнаружил, что компаса нет. Видимо, выпал, когда выбирался из снежного завала. Чувствительная потеря! Теперь внутренний компас придется сверять по солнцу и Полярной звезде*.

* * *

И вот Корней вновь в пути. Кристаллы снега под жаркими лучами солнца плавилась, образуя к утру прочную слюдяную корку.

Ночью резко холодало и верхний слой снежного покрова становился до того прочным, что выдерживал вес не только собак, но и нарты: полозья лишь местами продавливали его. Корней то и дело видел зайцев, весело бегавших по насту, упиваясь теплом и светом.

К полудню наст мягчел, и собаки проваливались, раздирая лапы об его острые кромки. Приходилось останавливаться, дожидаясь, когда немного подморозит. В итоге за день он преодолевал в общей сложности меньше тридцати километров.

---

* Найти Полярную звезду несложно: достаточно отыскать ковш Большой Медведицы и отмерить вверх по наружной боковине ковша семь отрезков, равных длине этой боковины, — конец этого луча упрется прямо в нее.

Из-за слепящих лучей солнца и блеска наста в глазах появилась болезненная резь — казалось, будто песок попал. Когда Корней закрывал глаза, в них вместо черноты начинал полыхать яркий малиновый свет. Скитник знал, что это верный признак снежной слепоты, и если глазам не дать отдохнуть в абсолютной темноте, начнутся мучительные боли с последующей потерей зрения. Как ни хотелось, а пришлось встать на дневку. Завязав глаза шарфом, забрался в спальный мешок. К утру резь и малиновые сполохи пропали. Чтобы избежать их повторения, Корней выкроил из куска шкуры полоску с узкой щелью для глаз. Приделав к концам вязки, надел «солнцезащитные очки». Они ограничивали обзор, зато глазам было комфортно.

Как и предсказывали эвены, весна стартовала резко, словно по команде. Теплый юго-восточный ветер каждый день заметно съедал снежный покров. Отяжелевшие сугробы на глазах оседали. Во второй половине дня снег начинал немилосердно липнуть к полозьям, а у собак набиваться между пальцев. Смерзаясь в ледяные комочками, они натирали им лапы. На следах появились алые капельки. Половина собак захромала. Жалея их, скитник то и дело останавливал упряжку и осторожно выковыривал намерзшие ледышки.

В последующие дни снег к полудню до такой степени насыщался влагой, что превращался в жидкую кашу. Полозья оставляли за собой быстро наполняющиеся водой траншейки. Нарты заваливались в этой хляби то на правый, то на левый бок, а порой почти тонули. Требовалось немало усилий, чтобы вытащить их. Остановки участились. К вечеру лайки так изматывались, что, тяжело дыша, начинали с мольбой оглядываться на хозяина: когда же остановка?

Дневной ход сократился до десяти километров. Промучившись так пару дней, Корней изменил распорядок: днем спал, а ближе к ночи, когда подмораживало, трогался в путь.

На нарты садился редко — жалел собак. А чтобы меньше проваливаться самому, соорудил из ивняка и веревок снегоступы. Растревоженная культя каждый шаг напоминала о себе острой болью, но скитник, стиснув

зубы, терпел. Ведь лайки были не просто его тягловой силой и надежными помощниками, они стали близкими друзьями.

Чтобы собаки меньше вязли и не резали лапы об острые кромки наста, Корней пошел на крайнюю меру — отрезал подол малицы и сшил на лапы мешочки с завязками.

Ложась спать, он всякий раз просил Господа о даровании мороза. Даже во сне мечтал о нем. И Бог смилостивился — холода вернулись! Да еще какие — сразу минус двадцать. Началась весенняя карусель. Вчера оттепель, сегодня мороз. На следующий день снова оттепель. А то вдруг заметет на сутки. Потом вновь припекает солнце.

В один из таких дней Корней наблюдал необычное явление: ближе к полудню на небе ясно обозначились три солнечных диска в ореоле сияющих радуг над всеми тремя. Сами «солнца» были очень странными: светили каким-то неестественным, неживым светом.

День удлинялся. Вечерняя заря плавно перетекала в утреннюю. Небо вечерами расцветивалось мягкими и нежными, словно в противовес суровому пейзажу, красками. Захочешь нарисовать более красивую картину заката, как ни старайся, какие краски ни используй, не получится. Зачастили миражи: в дрожащих струях воздуха вырастали и через какое-то время таяли то айсберги, то горы, то скалистые острова. Они были настолько реальны, что даже собаки порой обманывались.

Впереди открылось большое озеро. Изъеденный солнцем ноздреватый лед сплошь залит талой водой. По нему ехать было гораздо легче, однако собаки поначалу упрямились — не желали заходить в воду. Но когда поняли, что по льду нарты едут сами, принялись, не дожидаясь команды, сворачивать к каждому попутному водоему.

Как-то утром Корней разбудил свистящий шелест множества крыльев. Высунув голову из палатки, он обомлел — небо было черно от утиных стай. Они летели так густо, что казалось, касаются друг друга крыльями. Стрелять можно было не целясь, но зачем? Мяса еще достаточно.

На широких заберегах речушек и озер уже гогочут гуси. У них самый продолжительный период гнездования. Это вынуждает их селиться на первых же проталинах. На глади мелководья можно заметить неподвижные ряды спинных плавников. Это рыбы греются в потеплевшей воде. Хотя повсюду еще снег и лед, все спешат — полярное лето короткое, надо успеть отложить яйца, вывести, выкормить и поднять на крыло потомство.

В последние дни весна набрала благодаря начавшемуся полярному дню сумасшедшую скорость. Ровная, как стол, тундра от быстрого таяния снега превратилась в «море». Ехать стало невозможно. Куда ни глянь, кругом вода, из которой кое-где торчат кусты, кочки, тонкие стволы лиственниц. Лишь на озерах лед все еще стоит. На островках, опущенных голым ивняком, как на библейских ковчегах, спасается от потопа самое разное зверье. Забыв вражду и распри, стоят бок о бок линияющие песцы, лисицы и зайцы. Особенно много леммингов — вода затопила их подземные убежища. Над всем этим барражируют величественные беркуты, мелькают стремительные сапсаны. Стервятникам сейчас раздолье.

Корнею с собаками тоже пришлось отсиживаться на одном из островов. Выбрал тот, на котором гуще заросли — пищи для костра. От отмякшего ягеля, набухших почек, загустевших веток исходили запахи пробуждающей жизни. На солнцепеках выстрелили первоцветы. Сквозь прошлогоднюю траву пробиваются зеленые ростки. На кочках букетиками желтые шарики — соцветия пушицы.

Присмотрев участок посуше, Корней первым делом накормил собак. Те, проглотив свою долю, повалились кто на бок, кто на спину и, подставив стертые лапы солнцу, наслаждались неожиданным отдыхом. Сам же скитник устроился перекусить на пяточке с ягелем. Проснувшиеся комары вились столбами, но вели себя миролюбиво — видимо, еще не проголодались.

Мшистые участки были усыпаны красными, похожими на переспевшую вишню ягодами клюквы. Пролежав

зиму под снегом, они были особенно сладкими. Корней по несколько раз на дню собирал ее и пригоршнями бросал в рот.

По мере приближения уже незаходящего солнца к линии горизонта, все видимое пространство вокруг острова охватывала невероятная разноголосица устраивающихся на ночевку стай пернатых: уток, гусей, стерхов, лебедей. Их было столько, что у Корнея мелькнула мысль: «Не меньше, чем комаров». От возбужденного гогота, свиста, плеска шум стоял невероятный — птицы бурно радовались возвращению в родные края. Оригинальнее всех выражали эмоции длинноногие кулички: они то замирали, то взмывали, то кувыркались, стараясь обратить на себя внимание курочек. А стерхи, собравшись в небольшую стайку, подолгу парили на большой высоте. Бекасы, издавая характерный жужжащий звук, взмывали вверх, словно пытаясь присоединиться к стерхам. К ночи птицы успокаивались и в тундре воцарялась тишина, нарушаемая лишь нежным воркованием токующих самцов белых сов.

Поскольку непонятно было, как долго придется отсиживаться в плену разлива, дрова Корней расходовал экономно: костер разжигал только для того, чтобы вскипятить чай.

Ночью по скатам палатки забарабанил дождь. То усиливаясь, то ослабевая, он продолжился и днем. Все вокруг пропиталось влагой. Без солнца заметно похолодало.

Сырость больше всего досаждала собакам. Корней все же выручали палатка и спальник. Промокшие лайки, чтобы согреться, носились по острову, попутно гоняя куропаток и гусей. После чего, сытые, сворачивались под кустом.

Когда вода сошла, Корней, подгоняемый серой тучей монотонно зудящих комаров, погнал упряжку на восток.

Отдохнувшие и отъевшиеся собаки шутя тянули нарты по влажной тундре, покрытой пружинистыми мхами и кустами полярной березы. Портил настроение лишь гнус. Его теперь было так много, что он порой залеплял глаза и нос. Пытаясь избавиться от кровососов, собаки на ходу то и дело свали морды в мох.

КОЛЫМА. АНЮЙСКИЙ ХРЕБЕТ. КОЧЕВНИКИ

Солнце уже не заходит круглые сутки — начался «круговой день». Обогнув овал очередного озера, они оказались на холмистой гряде, сплошь затянутой кустиками голубики, цветущей мелкими цветочками. С нее открылась широкая коричневая лента Колымы! Река еще не вошла в берега, и подтопленные кусты тальника под напором течения без устали кому-то кланялись. Обнажившиеся участки берега усеяны корягами, обломками веток и прочим древесным хламом. Местами белели вымытые кости, по всей видимости, доледникового зверья.

Среди непривычных глазу рослых тополей скитник разглядел рыболовецкий стан.

Артельщики были поражены: из тундры к ним еще никто не приходил. Всегда по реке. Узнав, что Корней идет с Алдана на Чукотку, удивились еще больше. На просьбу переправить его на правый берег старший поставил условие:

— Эва, брат! Так не пойдет. Прежде расскажи, где был, что видел, а вот с утраца переправим и тебя, и твоих собак.

Слушая до полуночи истории Корнея, рыбаки ели уху, пили самогон.

На ночь скитник устроился прямо на продуваемом яру: в землянке было душно, накурено и пахло перегаром. Правда, на берегу мешали спать жалобно-плачущие вопли гагар.

Переправлялись на карбасе. Сделанный из лиственничных досок внахлест, сшитых тонкими, распаренными в кипятке ольховыми корнями, он выглядел неуклюжим и некрасивым. Зато был емок, прочен, прекрасно держал волну. В нем уместились все собаки, нарта, поклажа, два гребца и третий — рулевой. Корней расположился на высоко приподнятом носу.

— Афоня, бери левой, вишь, дикий идет! — крикнул один из гребцов.

Им навстречу, с противоположного берега, плыли, шумно отфыркиваясь, хорошо заметные из-за ветвистых рогов олени. (Спасаясь от гнуса, они каждую весну перебираются на морское побережье.)

Приблизившись к беспомощным в воде животным, рыбак вонзил копые рогачу под лопатку. Когда переваливал его в баркас, тот судорожно забил ногами. Уворачиваясь, рыбак потерял равновесие и свалился в воду. Плавать он, как большинство северян, не умел и, если бы брошенная веревка, утонул бы. Пока спасали рыбака, олень ушел на дно.

Возмущенный Корней не сдержался:

— Грех убивать беззащитных!

— Испокон веку так промышляем.

— Вам что, есть нечего?

— На рыбу уж глядеть тошно. Мы ж одного, а их вона скоко. Наплодятся ишо, — пробурчал рыбак, выжимая мокрый свитер.

Тундра за Колымой порадовала: озер здесь на самом деле было намного меньше. Теперь не было нужды петлять между ними в поисках прохода. Лайки повеселели. Услышав команду «Подь, подь!», тут же устремлялись вперед, едва не наступая впереди бегущим на пятки.

Заросли приземистой, чуть выше колена, полярной березы пронизаны «каналами» заячьих троп. Косых здесь так много, что бурые шарики их помета покрывали тропы местами сплошь. Собаки на них буксовали, зато нарты катились, как по маслу. Самих зайцев не видно — заслышав лай, они заранее разбегались. А вот сохатый, с еще неокостеневшей «короной» на голове, не испугался: когда упряжка проезжала мимо, он даже не шелохнулся.

Подъехав к Малому Анюю, сбегаящему с пока невидимых гор, Корней направил собак к тропе, набитой за многие годы кочевниками. Русло реки, усеянное гладкими окатышами, сильно петляло, но благодаря тропе не было необходимости повторять ее извивы.

На исходе третьего дня сквозь сизую дымку проступила, ломая ровную линию горизонта, цепь белоснежных зубцов Анюйского хребта. Корней ликовал: наконец-то его любимые горы! Вечером он, как обычно, достал отцову иконку и поблагодарил Святителю Николаю за постоянное подсобление в дороге.

Горы с каждым часом приближаясь, росли. Уже различимы языки осыпей, щербатые ребра боковых отрогов.

Впереди что-то забелело. «Неужто чум?» — подумал Корней, поворачивая упряжку.

Точно! Чум! Возле него несколько вытопанных до земли кругов с прокопченными камнями в центре. Оказалось, жители этого стойбища позавчера ушли по Малому Анюю к перевалу, за которым на межгорном плато простираются богатые ягелем пастбища. А одна семья задержалась: не сегодня-завтра жена молодого юкагира должна была родить.

Их олени толпились у дымокуров, заваленных горой мха и влажных гнилушек. Возле важенок бродили оленята. Одни смешно копытили ягель. Другие, припав к вымени, жадно сосали жирное молоко. Оленухи ревностно охраняли своих детенышей от агрессивных быков: с яростью бросались на них, если те пытались приблизиться.

Одна важенка родила прямо на глазах Корнея. Первыми показались ножки. Через минут пять мамаша, съев послед, уже старательно вылизывала черный комочек. Новорожденный, смешно качаясь, попытался встать, но тут же упал, ткнувшись мордочкой в траву. Он снова и снова повторял попытки. В конце концов все же научился стоять на коленях, но полностью подняться у него не получалось — заваливался. Понадобилось еще некоторое время, чтобы встать и, бекая, ткнуться в живот матери. Найдя вымя, принялся, аппетитно чмокая, сосать. Мать, зажмурив глаза, замерла.

Пастбища, окружавшие стойбище, за зиму были до предела истощены: торчали лишь одиночные клочки мха да куртинки полярной ивы с обкусанными макушками. Так вот почему олени такие худые!

Ночью у молодой женщины начались роды. Но что-то, видимо, пошло не так. Корнея разбудил перепуганный муж:

— Жене совсем худо! Не знаю, что делать.

Скитник приложил ухо к животу. Сердцебиение не прослушивалось. Ничего не оставалось, кроме как выдавить младенца. К счастью, тот через несколько секунд закричал. У малыша оказалось двойное обвитие шеи пуповиной. Пытаясь родиться, он душил сам себя.

Диск незаходящего двадцать четвертые сутки солнца осторожно, словно боясь уколоться об острые зубцы гор, проплыв вдоль линии горизонта, медленно поднимался — начинался новый день. С малышом было все в порядке, и Корней продолжил путь к перевалу. Лесистые холмы сменялись болотистыми, поросшими брусникой и клюквой низинами.

На второй день Анюйская долина, входя в горы, стала сужаться. Там, где скальные берега сходились почти вплотную, река с грозным перестуком гремела угловатыми камнями — вода еще не успела их обтесать. По берегам влажно поблескивали толстые, намороженные за долгую зиму наледи. От них веяло холодом. На смену ивам и березкам пришли лиственницы и куртинки ползучего стланика. Болота окончательно исчезли.

Если уклон русла был особенно резким, разогнавшаяся вода образовывала крутые, стоячие волны: вода несется, а волна стоит на месте. Весьма странная, можно сказать, противоестественная картина. На поворотах речка с яростным ревом, что есть силы, била то в одну гранитную стену, то, круто изогнувшись, в другую.

Чем выше в горы, тем угрюмей ущелье. Вот уже и деревца исчезли. Кругом только чахлые пучки травы, мхи да лишайники. Лишь в одном тесном кармане промелькнула изувеченная ветрами и стужей лиственница, подернутая зеленью только что вылупившихся хвоинок. Отчего казалось, будто она окутана зеленым дымом. А вот снежников и наледей все больше.

Неожиданно сзади раздались глухие удары. Корней обернулся: с гольца, оставляя пыльный шлейф, катилось несколько крупных камней. Подпрыгивая, они пронеслись через тропу в том месте, где только что проехала упряжка.

Там, где в Малый Анюй впадает крупный приток Пагынден, скитник остановился и, рассматривая вязь горных хребтов, долго размышлял, куда идти. То ли на северо-восток по тесной, зато не такой крутой долине Пагындена, то ли четко на восток по руслу Анюя. Поскольку его исток вел к высоченному, сияющему снеж-

ными шапками хребту, Корней остановил выбор на Пагындене. То что выбор был правильным, вскоре подтвердил и помет перегоняемых кочевниками оленей.

Проехав километра три от развилки, он услышал впереди ровный гул. Так мог шуметь только водопад. А вот и он в облаке влажной пыли! Русло разрывал десятиметровый уступ. Река, падая в водобойный котел, щедро орошала береговые скалы.

Корней тормознул упряжку и минут пять любовался красотой жемчужной ленты, а перед глазами у него стояла Глухоманка с ее водопадами. Сквозь поредевшую в какой-то момент влажную завесу он разглядел прижавшегося к скале горного барана с мощными круто закрученными рогами. Похоже, круторог тоже засмотрелся на водопад. Заметив собак, развернулся и, с необычайной ловкостью прыгая с уступа на уступ, скрылся в скалах.

После падуна тропа пошла круто вверх. Здесь склон хребта скалился причудливыми останцами, покрытыми накипями чешуйчатых лишайников салатного, желтого и черного цветов. Последние пучки травы и кустики камнеломки, хоть как-то облегчавшие скольжение нарт, исчезли.

Крутизна отнимала много сил, мельчила шаг собак. И остатки наледей замедляли ход. А скатившиеся на тропу камни и вовсе заставляли останавливаться, чтобы расчистить проезд. Корней в который раз радовался тому, что полозья подбиты железом, иначе они были бы уже измочалены о камни.

Вдобавок, совершенно некстати, посыпал холодный дождь, переходящий по мере подъема в снег. Несмотря на это мокрые, взъерошенные лайки, вывалив дымящиеся паром языки, добросовестно тянули нарт. Стараясь помочь им, Корней все чаще шел рядом, держась за баран.

Внезапно неутомимая Зайка на ходу повалилась. Корней подбежал поднять ее, но собака была мертва. Смерть лайки сильно расстроила скитника. Псы тоже приуныли. Зайка была из тех, кто ни на минуту не позволял себе перевести дух. Тянула и тянула. Судя по тугому брюху, она была беременна.

Заложив тело камнями, Корней поднял немного передохнувших собак.

На склонах зачернели зевы пещер. Одна из них выходила прямо к тропе. Чтобы дать лайкам возможность перекусить и хоть немного обсохнуть, скитник завернул в нее.

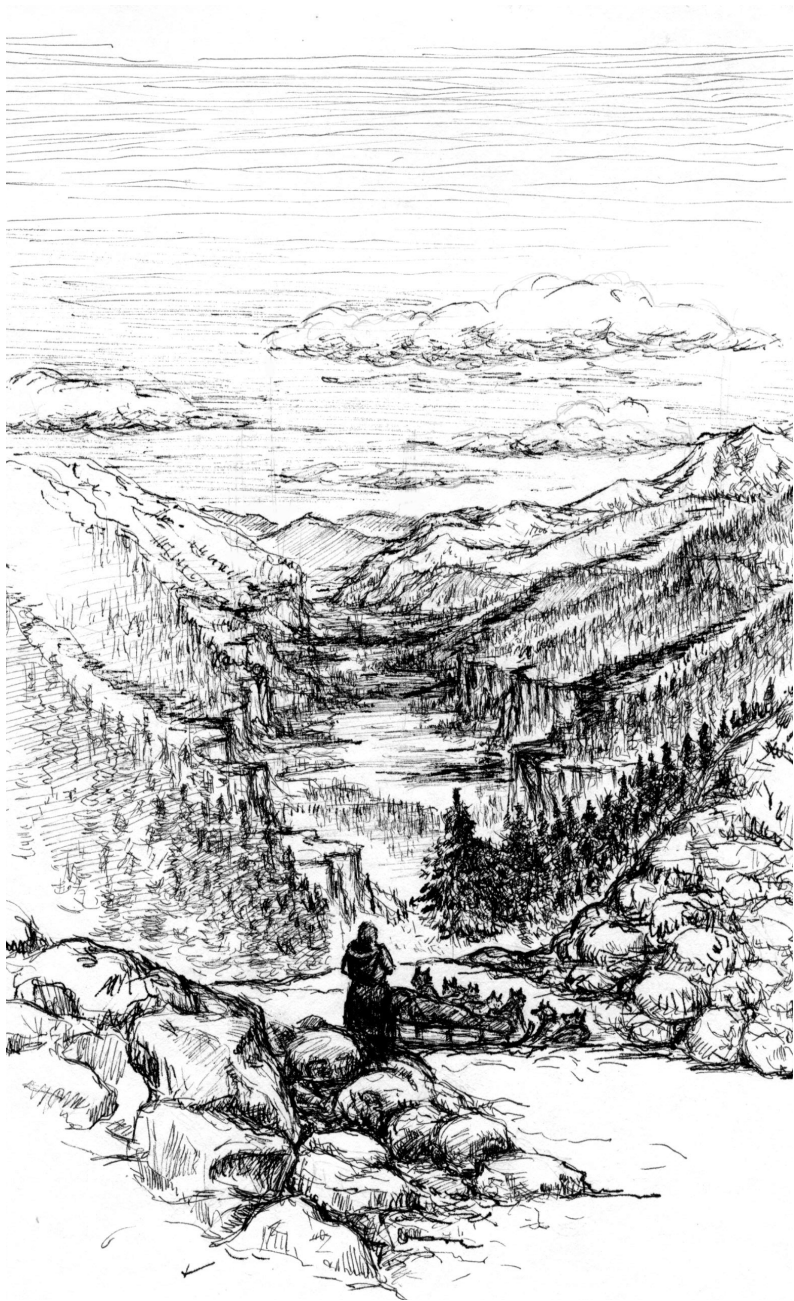
В просторном гроте было холодней, зато сухо и безветренно. Волнистые натеки на стенах покрывала пушистая изморозь. С низкого свода свисали ребристые сосульки рыжеватого цвета. В углу таращился темными провалами глазниц череп оленя. Судя по консервным банкам, обрывкам веревок и разбросанным костям, люди останавливаются здесь часто.

Корней раздал собакам корм и участливо потрепал каждую. Те в ответ довольно жмурились и, глядя на него с безмерной благодарностью, норовили лизнуть руки. Внимание и ласка хозяина для собаки — лучшая награда за ее нелегкий труд.

Не стала есть одна Пурга: все пыталась освободиться от шлейки. Ей это никак не удавалось и она, жалобно скуля, просила Корнея помочь. Высвободив собаку, скитник постелил ей брезент — знал, что вот-вот оценится. Действительно, через час возле нее лежали два щенка. Один из них мертвый.

Корнея прибавка обрадовала: в пути уже потерял двоих. Еще он надеялся, что щенок от Бороя со временем может стать вожаком.

У Пурги сразу пробудился волчий аппетит. Съев ползайца, она взглядом поблагодарила Корнея. Тот переложил щенка с мамашей на нарты и, переждав мокрый снег, вывел упряжку на тропу, где сразу «потонули» в сплошном молоке. По всей видимости, горы накрыло влажное нутро облака. Лайки, с трудом различая выбеленную снегом тропу, понуро тащились к перевалу. Всегда активный Борой и тот сник — видимо, надсадился, работая за двоих. Уловив слабинку вожака, остальные тоже стали халтурить. И тут неожиданно для Корнея инициативу на себя взяла миниатюрная трудолюбивая, но малосильная, с остренькой мордочкой и умными глазками, рыжая Белка. В какой-то переломный момент ее как будто кто подстегнул. Она стала работать с упоением и время от времени подзадоривала других визгом. Пристыженные ее бойцовским поведением собаки ожились, потянули резвей.

Корней, дабы поддержать этот запал, невзирая на постреливающую культю, слез с нарты. Тут тропу нехстати перегородила мощная наледь. Вот когда пригодился топорик, подаренный Арсением. Чтобы не соскользнуть в пропасть, Корней принялся подрубить им лед. Выровняв проезд, осторожно тронулись. Однако полозья, подбитые железом, все равно скользили. Не спасал даже остол. Пришлось, чтобы нарту не стянуло, прорубать канавку вдоль всей наледи.

Наконец тропа стала выполаживаться — верный признак близости перевала. Тут ни тумана, ни снега — все сдуло. Да и сейчас отдельные порывы ветра были такой силы, что Корнею приходилось наклоняться.

Вот и водораздельная седловина, усыпанная мелким щебнем. Кругом бесформенные угловатые глыбы. На них даже лишайника нет. Благодаря необычайной прозрачности воздуха местность просматривалась до самого горизонта.

Во все стороны разбегались могучие хребты, покрытые ледниками и осыпями. Между ними бесчисленные цирки, расселины, пропасти, террасы. Чем дальше скитник обращал взор, тем таинственней и привлекательней представлялись ему размытые дымкой вершины. Самые высокие находились на юго-востоке. Как раз оттуда и брал начало Малый Анюй.

Над всем этим каменным хаосом торжественно плыли облака, вслед за ними прыгали по склонам хребта их серые тени.

Дикая горная панорама привела Корнея в такой восторг, что он пал на колени и принялся страстно благодарить Господа за то, что даровал силы взобраться и лицезреть эту красоту. Чтобы дать выход переполнявшему его ликование, запел «Дивны дела Твои, Господи, все премудрости сотворил еси...»

Под ним далеко внизу простиралась падь, обрамленная скалистыми кряжами. По их склонам сбегали молочными лентами ручьи. Их струи падали неровно, рассыпаясь на лету, будто это была не вода, а сыпучий снег. Посреди пади голубело озеро с широкой полосой зелени по берегам. Из него вытекала речушка, устремлявшаяся к единственному в цепи гор разрыву. На берегу можно было различить с десятков нарт и стадо оленей. Эта

картина опять напомнила Корнею его родную Впадину. Недоставало лишь тайги. Тем временем заснеженные пики, залитые лучами низкого солнца, запылали, как костры.

Чтобы иметь возможность еще раз насладиться столь милой его сердцу панорамой, путник решил тут и заночевать. Выбрав безветренный уголок, закутал в оленью шкуру Пургу с малышом. Сам, забравшись в спальник, лег рядом.

Только стал задремывать, как раздался тоскливый вой. Встревоженный скитник выглянул из мешка. Голосил, задрав морду к небу, Черныш. К нему присоединились еще двое. И вот уже все собаки, усевшись в круг, воют что есть мочи. Похоже, им здесь не нравится.

Что удивительно, смолкли собаки все разом. Ни одна псина после этого не издала ни единого звука, но спали они спокойно. То и дело вздрагивали, перебирали во сне лапами, скулили.

«В тундре лучше: там нет крутых подъемов; по траве и мхам приятно ступать, всегда есть вода, жирные лемминги, а тут одни камни, все лапы на них изранили, — должно быть, так думали они. — Хозяину хорошо, а нам нарты надо тянуть. Бросить бы все. Да как бросишь — он без нас пропадет».

Спали долго — очень устали. Когда Корней проснулся, солнце стояло достаточно высоко. Над головой чисто выметенный небосвод, а вот котловина под ним сплошь залита туманом. Полюбовавшись еще раз на панораму гор, Корней направил упряжку к тропе. Спуск оказался столь крутым, что, дабы нарты не наезжали на собак, приходилось изо всех сил тормозить остолом. Тем временем солнце и оживший ветерок взрыхлили, расшевелили муть, и бугристая белая лава стала вслед за речушкой вытекать в разрыв между гор.

Внизу было заметно теплее. Ветки березок подернуты зеленью недавно распустившихся листочков. Собаки, учуяв запах дыма, заторопились. Полозья теперь не скрежетали, а тоненько пели.

Стан кочевников располагался на берегу, прямо напротив говорливого переката. Ниже речушка успокаивалась и мирно плескалась у ног пасущихся оленей. Олени

линяли, и зимняя шерсть отваливалась клочьями. Поскольку летняя еще не успела отрасти, на боках проглядывала голая кожа.

Это были те самые эвены, по следам которых шел Корней. Их стоянка была вынужденной: один из быков сломал при спуске ногу, и кочевникам пришлось его зарезать. Появление Корнея они восприняли спокойно:

— Дорова, приехал! Это про тебя говорят, что на одной ноге на Чукотку идешь? — спросил пожилой эвенк по имени Игнат.

— Да.

— Ты молодец. Горы не ходи, с нами ходи. Встанем на кочевье, отдохнешь и к океану по Раучуванке выйдешь. Там Певек. Там пароходы... Горы не ходи. Там собак кончаешь.

Корнею сразу вспомнилось, с каким трудом лайки поднялись на перевал. Да и сам культу уже до крови натер. Оценив ситуацию, он согласился.

При этом в который раз был поражен осведомленностью кочевников о происходящем в их пустынном, оторванном от остального мира крае. Как? По каким таинственным каналам они получают информацию, для него было загадкой.

Впрочем, он и за собой начал замечать, что в этих бескрайних пространствах стал «слышать» на расстоянии. Поднимается на увал и знает, что сейчас встретит росомаху. Дорогу, даже если по ней ни разу не ходил, тоже откуда-то знает.

Перевалив невысокую горную цепь, караван, подгоняемый гортанными криками кочевников, въехал в громадный цирк. Судя по отполированным склонам и несколькими моренам, по нему прополз не один ледник. Не спеша почаяевичав, продолжили путь.

Аргиш больше не останавливался до тех пор, пока не вышел на обширный луг с тучной травой и белесыми полями кудрявого ягеля. Его тут было до того много, что в воздухе витал грибной дух. Среди ветвистых кустиков ягеля белели цветы костяники. Пройдет время, и на их месте вызреют красные, с чуть заметной кислинкой яголки.

Эвены распрягли оленей. С верховых сняли седла и отогнали их к основному стаду. Где те набросились

на молодую сочную траву: ягель, по всей видимости, за зиму опостылел. Сами кочевники, на ходу жуя вяленую оленину, принялись обустроить стан.

Если животные приближались к стоянке, люди отгоняли их. В период роста рогов олени из-за нехватки солей готовы съесть все, что может восполнить их недостаток: угольки от костра, продукты и даже одежду.

Скитник, освободив собак, помог ставить чум и, сев на нарты, с интересом наблюдал за оленятами. Одни азартно гонялись друг за другом, другие отважно поднимались на задние ножки — словно собирались атаковать и тут же разбегались в разные стороны. Два взрослых быка паслись в стороне от всех. Корней насторожил их понурый, истощенный вид. Подойдя к ним поближе, разглядел в довольно жидких испражнениях белых червячков.

— Игнат, вон тех больных быков необходимо срочно изолировать, иначе заразят все стадо. Помет надо собрать и закопать, а я пока приготавливаю настой сабельника и багульника для лечения.

Багульник искать не было нужды — он рос тут же в низинках, а вот на поиски сабельника ушло много времени. Приготовив наконец отвар, Корней принялся поить им больных животных. Те пили с жадностью — видимо, организм требовал именно этого отвара. На третий день эти олени ничем не отличались от здоровых.

Установились теплые, а временами благодаря незаходящему солнцу даже жаркие дни. Правда, по утрам чуть выше нуля, но к обеду припекает так, что можно загорать. А вот «ночью» воздух быстро остужает вечная мерзлота, прикрытая лишь тонким слоем оттаявшей земли.

Казалось бы, наслаждайся, радуйся теплу, да вот беда: стоило ослабнуть ветру, начинали свирепствовать беспощадные кровопийцы: днем — пауты, слепни, с вечера до утра — комары и мошка. Особенно страдали олени. Когда им становилось совсем невмоготу, они заходили в воду.

Корней в свободное время рыбалил. В первый же день намотал на крючок ворсистую нитку с шерстяного носка. Волоски разлохматил так, чтобы затопорщились во все стороны. С такой простецкой, зато «долго-

играющей» наживкой и удил. Хариуса в речке оказалось так много, что стоило наживке коснуться воды, как радужная рыба бьется на крючке. Клевало, правда, только в определенные часы. Особенно хорошо утром и ближе к вечеру. Часть улова отдавал жене бригадира, остальное, распластав, развешивал на ветру вялиться.

ОКЕАН. ОДИНОКИЙ СТАРОВЕР

Отъевшиеся на леммингах и хариусах собаки посвежели и начали выяснять в драках кто сильнее и ловчей. Эти разборки порой принимали столь серьезный оборот, что скитнику приходилось вмешиваться и властным окриком разгонять забияк. Те тут же принимались наперегонки выражать хозяину любовь. Получив свою порцию ласки, успокаивались и счастливые рассаживались вокруг Корнея.

Щенок Пурги — Шустрый округлился, покрылся густой сероватой шерсткой. Одно ухо стояло стоймя, как и положено лайке, а вот второе подкачало — лежало на темени, как увядший листок. Видя, как ластятся к хозяину собаки, он, весело повизгивая и помахивая хвостиком, тоже путался у него в ногах.

Прошло две недели. Культя зажила. Юкола навялена. Можно трогаться в путь.

Провожать лучу подошли все кочевники.

— С Раучуванки не уходи, она, правда, извивается, как утиные кишки, но терпи, — напутствовал Игнат. — По ней до самого моря тропа. На каменной гряде и в устье избушки. Переночевать можно. По побережью тоже тропа. Она и выведет к Чаунской губе.

Борой уверенно вел упряжку, держась тропы, виляющей среди нескончаемых озер и болотин, заросших осокой. Корнею ничего не оставалось, как предаваться беззаботному созерцанию.

Занятая заботой о потомстве шумливая водоплавающая братия притихла. Тишину нарушал лишь писк комаров. Из травы то и дело с шумом выскакивали утки с утятами. А по воде улепетывала, невероятно быстро

работая перепончатыми лапами, одна мать. Малышня же мгновенно исчезала. Вроде только что были — и вдруг нет!

Если бы Корней мог взглянуть на водоем сверху, то увидел бы, что утята затаились желто-серыми комочками под водой, держась клювиками за стебли. Над водной рябью торчали лишь ноздри.

У одного берега осока была срезана. «Неужто ондатра и сюда добралась», — изумился скитник. На открытой воде, если приглядеться, можно увидеть неподвижных, обомшелых старых щук, греющихся на солнце.

На быстринах речка приободрялась и с шипением бежала по россыпям камней. На пологих участках стихала и разливалась вольными плесами. Время в дороге скитник не терял — продовольственные запасы пополняли гуси, утки. Иногда удавалось подстрелить и зайца. Вечером они доставались лайкам. Юколу скитник берег.

На третий день лесотундра вспучилась невысоким кряжем, увенчанным по гребню каменными зубцами. Его склоны оживляли изумрудные лиственницы.

Речка, прорезая каменный барьер, напористо мчалась по базальтовым уступам на ровную, как стол, равнину, постоянно меняя цвет. До кряжа она была прозрачной, как стекло. По уступам скакала уже перламутровой лентой. Еще дальше становилась темно-зеленой. А совсем успокоившись, лениво текла среди покатых берегов почти черной, за счет глубины.

«Игнат говорил, что где-то на гряде должно быть зимовье», — вспомнил Корней. Обшарив берег, обнаружил лишь черный прямоугольник. Скитник с болью взирал на уголья.

«Зачем спалили? Кому мешало?» — недоумевал он. — Прежде в избушке можно было укрыться от непогоды, обсушиться, поесть, а теперь одни головешки и покореженная жаром железная печурка. Ни обогреться, ни переночевать».

За речкой по тундре двигалась колышущаяся масса. Пригляделся — да это ж согжой! Ветвистая лавина катилась к океану на продуваемое взморье, где намного меньше кровососов.

Олени на ходу щипали траву. Следом, в некотором отдалении, трусила стая полярных волков. Серые «пасту-

хи» сопровождали стадо, куда бы копытные ни устремлялись. Стоило какому-нибудь оленю отстать, как волки тут как тут: окружают и зарежут. Попирав, вновь пускаются вдогонку: мешкать нельзя — стадо уйдет.

Как-то бежавший рыжеватый шарик — лемминг, не останавливаясь, прыгнул в воду и поплыл через речку, быстро-быстро перебирая лапками. Неожиданно навстречу высунулась зубастая пасть, и лемминг в тот же миг исчез в ней.

Влажная, испятнанная водоемами кочкарная равнина, медленно понижаясь, выманивала Раучуванку к океану. Чем ближе к нему, тем круче и протяженней становились извивы ее русла, а по обе стороны множились озера разной величины и формы. Течение почти замерло. Если бы не тропа, набитая кочующими взад-вперед оленями, найти проход в этой мешанине озер было бы сложно. Но даже на тропе такая сырость, что под полозьями порой проступает вода.

Часть озер уже задернилась травой, в которой таились, карауля жертву, полчища разномастных кровососов. Стоило приблизиться, как они набрасывались всей армадой.

Как ни странно, ближе к морю заболоченность стала уменьшаться. Появились плоские холмы, покрытые разнотравьем. В куртинках тальника кормилось множество куропадок.

Спускаясь в очередное удолье*, вспугнули семью журавлей. Птицы побежали, часто взмахивая сильными крыльями, а взлетев, потянули над тундрой, оглашая воздух печальными, трубными криками. Чем выше поднимались они, тем размереннее становились взмахи, а полет приобретал величавость и мощь. Корней, любуясь птицами, провожал их взглядом, пока они не скрылись.

Наконец ветер принес долгожданный йодистый запах. Запах океана! Вон и сам он! Маслянистая вода отсвечивает тусклым свинцом. Холодный влажный сиверко доносит мерный рокот прибоя.

---

* Удолье — низина.

Перевалив намытые штормами галечные гряды, упряжка оказалась на берегу подковообразной бухты, заваленной обломками льдин. Неутомимые волны с шипением лизали их.

Слева громоздились скалы. Где-то за ними должно быть устье Раучуванки. Справа, метрах в двухстах, чернел вклинившийся в море мыс, облепленный бесчисленными птичьими гнездами. Прибойная волна с яростью набрасывалась на него и разлеталась веером соленых брызг, а море уже подгоняло следующую. Шла извечная борьба двух непримиримых стихий: воды и земной тверди. Судя по тому, что подножие мыса завалено камнями разных размеров, море в этой схватке побеждало. Пройдут столетия, и эти обломки тоже измельчатся в песок.

Над бухтой деловито носились красноносые, с виду неуклюжие тупики, острокрылые чайки, черноголовые кайры. Вся эта пернатая рать гнездилась на уступах и расселинах мыса. Корней, возбужденный их радостным галдежом, раскинул руки и, подражая берущей разбег чайке, побежал по влажному песку. Ему наконец нестерпимо захотелось окунуться в соленый океан, дабы сродниться с ним.

Раздевшись, отстегнул протез и на четвереньках «зашел» в ледяную воду. Удивительно! Она держала его! Ласково обняв, покачивала на руках-волнах. «Океан принял меня!» — возликовал переполненный эмоциями скитник. Выйдя из солоноватой купели, достал из мешка с зимней одеждой меховую рукавицу и докрасна растер ею тело. Одевшись, направился к устью Раучуванки: зимушка должна быть где-то там.

Обходя скалистый гребень, услышал басовитое мычание вперемешку с повизгиванием и храпом. Поднявшись на каменную гряду, увидел лежбище, устланное телами огромных лоснящихся зверей. Они напоминали гигантских слизняков, тесно лежащих в самых немислимых позах. По длинным и острым клыкам-бивням*, свисающим с круглых голов, украшенных щетиной жестких волос, Корней догадался — моржи. Самцы лежали отдель-

---

* Бивни у моржей есть и у самцов, и самок. Перепахивая ими дно, они добывают моллюсков.

но от самок. Среди них выделялся исполин шоколадного цвета. Его морщинистая шея, загривок и грудь сплошь в бугристых наростах, а клыки такие большие и тяжелые, что он не мог долго держать голову на весу — то и дело упирался ими в песок. Из его розовой, широко раскрытой пасти временами неслись раскатыстый рев.

Между моржих ползали светло-серые новорожденные малыши и коричневые годовалые моржата. Если на пути моржат попадалось какое-то препятствие, кто-нибудь из взрослых непременно помогал преодолеть его. Звуки, издаваемые молодняком, напоминали визг свиней и беканье оленят.

Животные, учуяв человека, беспокойно водили усами мордами из стороны в сторону. Чтобы не тревожить их, Корней спустился и дальше старался идти так, чтобы его не было видно моржам.

Избушка стояла на открытом всем ветрам бугре, метрах в сорока от речки, но для ночевки она не была пригодна — в ней уже обвалился потолок. Горы наносного плавника подтверждали: люди здесь последние годы не появлялись.

Расстроенный скитник вернулся к упряжке. Накормив собак, поставил палатку. Попив чая, поднялся на мыс, чтобы оглядеться. На полпути, метрах в сорока от него, промчался песец, преследуемый кайрами. Видимо, пытался полакомиться неоперившимися птенцами.

Колония полярных чаек при появлении Корнея устроила невообразимый галдеж. В их криках помимо готовности защищать гнездо, слышалось и предупреждение птенцам.

Время от времени какая-нибудь мамаша подлетала и, издав истеричный вопль, возвращалась к гнезду, чтобы согнать кровососов, уже облепивших выводок. Мошка старалась сесть на самое уязвимое место — нежную кожу, обрамляющую глаза.

Птенцов гусей и журавлей спасал плотный пуховой ворс, покрывающий глазницы. А вот птенцам других пернатых комары и мошка досаждали сильно. Рождаясь голыми и слепыми, они были совершенно беззащитны перед этими безжалостными вампирами. Крохотная мошка умудрялась проникать даже к птенцам, спрятавшимся под мамашами.

Полярные чайки обзаводятся потомством раньше других. Их птенцы уже обросли густым пухом и достигли размеров матери, только были еще неуклюжи. Получив порцию пищи, жадно заглатывали ее и, чтобы освободить кишечник для следующей кормежки, пятясь задом к краю гнезда, выстреливали струйку помета.

Побережье с мыса просматривалось далеко. В соседней бухте разглядел тушу выброшенного на берег моржа. Вокруг нее деловито копошились то ли песцы, то ли лисы. Дальше одна бухта сменялась другой, и все они были обрамлены скалами.

«По берегу ехать не стоит. Лучше по тундре, в некотором удалении», — понял Корней.

На море появился и пополз к побережью бугристый вал тумана. Скитник заторопился вниз. Туман оказался до того густым, что одежда быстро пропиталась влагой. В этом молоке все приобретало необычные формы и размеры. Отдельные камни представлялись скалами, изогнутый сук — бивнем мамонта.

Птицы угомонились и затаились в гнездах. Тишину нарушало лишь глухое ворчание льда, выталкиваемого приливом на берег.

Утро. Море по-прежнему в тумане. Сквозь него едва проступают лишь ближние недотаявшие льдины. А метрах в двухстах от берега тумана нет. Временами он пытается выползти в тундру, но тут же пугливо отступает. Выехав из «молока», Корней погнал собак по мшистой тропе к Чаунской губе.

Вдруг собаки напряглись и сбавили скорость. В чем дело? На тропе появились отпечатки громадных лап и парящие лепешки медвежьего помета. Вскоре показались и сами медведи. Они направлялись к морю. Заслышав лай собак, идущий последним оглянулся. Решив, что упряжка не представляет для них угрозы, продолжил путь. А скитник наконец-то смог хорошенько разглядеть их.

«Почему этих громил называют медведями? — недоумевал он. — Голова и шея гораздо длиннее, плечи покатые, шерсть почти белая, туловище вытянутое. Мало что общего с бурым?»

Ближе к вечеру впереди замаячили кресты. Корней обрадовался: «Похоже, погост. Судя по узким шалашикам сверху, старообрядческий».

Проехав еще немного, увидел на пригорке приземистую избу. Рядом беленькая, щелястая будочка на четырех стойках и радиомачта — метеостанция. На лесенке, засунув голову в эту будочку, стоял человек. Услышав собак, он выглянул. Увидев подъезжающую упряжку, спрыгнул и замахал руками.

Человек оказался молодым парнем в очках, с нежным пушком на верхней губе. Было заметно, что он очень истосковался по людям.

— Меня Яшей зовут. Я тут один. Напарника санрейсом эвакуировали — аппендицит лопнул, — торопливо, словно боясь, что Корней не дослушает и уедет, докладывал он. — Ничего — справляюсь. Нас вообще-то четверо должно работать, но людей пока нет. Зато за совмещение доплату получаю. Мне здесь нравится. Дом хоть и старый, теплый, дров немного надо. Охочусь, рыбачу понемногу, — тараторил он. — Как здорово, что вы пришли именно сегодня. У меня такая вкусная уха получилась! Пойдемте, пойдемте попробуйте!

Он схватил Корнея за рукав и потянул в избу.

Свет из окна освещал сколоченный из толстых плах стол и стоящую на нем радиостанцию: серый металлический ящик с ручками и стрелками приборов. Такой же был в радиорубке у Василия на «Арктике». С его помощью специальным ключом передают на большие расстояния особые сигналы, которые на другом конце преобразуют в слова.

— Вы раздевайтесь, мойте руки. Вон там, за занавеской. А мне сводку срочно отстучать нужно.

У печки еще один стол и полка. На ней чисто вымытые алюминиевые миски, эмалированные кружки, пачки галет, чая, мешочек с комковым сахаром. На стене барометр, часы. Рядом портреты бородатых, уже знакомых Корнею по пароходу людей и вырезанная, видимо, из журнала, белокурая красавица. На другой стене, над кроватями, полки с книгами. Среди них бросились в глаза четыре старинные в кожаных, тисненых почерневшей позолотой переплетах.

Корней обомлел:

— Яша, откуда это у тебя?

— На чердаке нашел, там много всяких. Эти больно красивые.

Скитник осторожно взял в руки ту, что с медными застежками. Это был сборник духовных стихов на старославянском, с крюковой нотацией для правильного запева. Полистав, прочел вслух стих о горе Афон.

— Вы так хорошо старославянский знаете! — удивился Яша.

— С малых лет обучен.

Между страниц выглядывала закладка — пожелтевший газетный листок. Это был Манифест Николая II о веротерпимости и Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года, узаконивший в правах старообрядчество.

— Ой! Вы же голодны. Зазвал на уху, а сам стою рот открыв.

Когда сели за стол, Корней поинтересовался:

— Яша, тут рядом погост. А сама деревня где?

— За ручьем. Неужели не видели? Только она нежилая. Все еще до войны на Аляску сбежали. Один-единственный старик живет, да и тот с прибабахом. Вредный, нелюдимый... Приходил недавно. Попросил, если дыма из трубы два дня не будет, прийти похоронить. Домовину, говорит, приготовил.

— Мне бы с ним встретиться. Как его найти?

— Да вы ешьте, ешьте! Поедим, покажу...

Выйдя, свернули за угол дома. Внизу вытянулись вдоль берега два ряда темно-серых двускатных крыш с крытыми дворами и поветями.

— Видите, справа дымок вьется? Это из его трубы. Только сомневаюсь, что он откроет. Через забор разговаривает. Даже во двор не пускает.

— Меня, думаю, пустит.

Переночевав у Яши, Корней поехал к старику. Накрапывал мелкий дождь. Брошенные дома уныло чернели сырыми стенами и закрытыми ставнями. Тесовые крыши уже позеленели от мха. Немым укором торчала часовенка. На заросшей улице натоптана тропка в сторону моря — единственный намек на присутствие человека. Она-то и привела к избе старика. Та была внушительных разме-

ров. На фасаде четыре наглухо закрытых ставнями окна, обрамленных резными наличниками со следами голубой краски.

Постучал кованым кольцом в массивные шатровые ворота с калиткой. Тишина. Еще раз — посильней. Понеслись шаги. Что-то скрипнуло. Раздался кашель, затем простуженный голос просипел:

— Кого Господь дарует?

— Брат по вере с Алдана.

Громыхнул засов, калитка, скрипя петлями, приоткрылась. В щели показалось благообразное изрезанное морщинами лицо. Окладистая, на всю грудь борода была так густа и бела, что напоминала ком снега.

Рослый, сухопарый дед, по годам явно старше Корнея, вперил взгляд в гостя.

— Пошто пожаловал?

— Да вот с Алдана на Чукотку иду. Узнал, что тут одноверцы проживают, зашел. — Корней снял шапку и поклонился в пояс.

— Коли свой и с добром, заходи... Поясок, вижу, на месте. Не обманул. Как тебя, раб Божий, величать?

— Корней.

— Евсей, — представился дед, оправляя низко подпоясанную косоворотку.

Двор был крыт наглухо. В нем царила идеальная чистота. От стен веяло вековым духом, а от кадушки в сенях исходил пряный запах соленых грибов.

Разглядев подсвеченные колеблющимся язычком серебряной лампадки образа, Корней перекрестился и с интересом обозрел жилище. Большое снаружи, внутри оно оказалось совсем маленьким. Хозяин, заметив его удивление, пояснил:

— Пошто отапливать всю хоромину? Вот и перегородил. Много ли мне одному надобно?

Добрую половину отгороженной горницы занимала беленая печь, вернее, печище, остальное — лежанка, стол, лавка и несколько приставленных друг к другу сундуков. Освещалась она, помимо света из бокового окна, светильником, представляющим собой подвешенную у дальней стенки узкую металлическую емкость, заполненную жиром. Роль фитиля исполнял кусок пеньковой веревки.

Под потолком, на крючьях, висели мешочки с крупами, мукой, сахаром, солью. В Божьем углу, кроме писанного на доске лика Христа, образа святых Николы-Угодника, Архангела Гавриила и Георгия Победоносца. Рядом на полке книги. На стене несколько черно-белых открыток с изображением царской семьи.

— Седай, похарчуется. Седня веть большой праздник — Святая Троица. Пирог с брусеной да клюквой вместе с хлебами с вчерась напек... Спробуй. Я покуда огонь для печи добуду.

Евсей положил на обитый жестью пол дощечку с обугленным углублением. К нему сбоку шла прорезь. Уперев в лунку длинную круглую палочку, он быстро-быстро закрутил ее ладонями. Через полминуты появился дымок и заалела искра. Дед подложил мох и стал дуть, пока он не загорелся. Запалив смолистую щепу, растопил уже направленную дровами печь. Все это заняло пару минут. Уж на что Корней бывалый таежник, но и он не смог скрыть восхищения.

— Ловко у вас получается.

— Я навичный.

— С кресалом-то проще и быстрее.

— Согласен. Однако с него огонь не такой живой. С моего печка жарче горит, и угли опосля дольше тлеют. А хлеб неделями не черствеет.

Когда косматые языки пламени объяли поленья, Корнею почудилось, что они торопливо и горячо рассказывают ему про те времена, когда через здешнее безлюдье шли к окраинным землям бесстрашные служивые и промышленные. И так хорошо стало ему оттого, что он спустя столетия повторяет их путь.

— В каких землях твой Алдан? — полюбопытствовал Евсей.

— Про реку Лена слышали?

— Слыхал. Большая, говорят.

— Наш Алдан ее самый крупный приток.

— Ты мне вот што растолкуй: Алдан эвона где, пожалуй, не одна тыща верст будет. За какой такой надобностью стока сюды рысогонил?

— С детства мечтал на океан глянуть, а как про Русскую Аляску в книгах прочитал, так и на Чукотку потянуло. С нее, говорят, ту Аляску видно.

— И што все по ентуй Аляске с ума сходят? Медом она мазана, штоль? Вон и наше поселье, как к колхозам принуждать стали, все туды ушло.

— У вас поселье там, а у меня дочь единственная.

— Как же она с Алдана на Аляску попала?

— Пути Господни неисповедимы. В Маньчжурию с мужем уехала. Оттуда китайцы нашего брата выселять стали. Так до Аляски и добрались.

— А ты на культе-то как? Така даль! Не помыслишь! Случись беда, и помочь некому.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

— Экий ты егостистый!

— Это правда. Не могу на одном месте долго быть.

— А я за свой век ни разу родной угол не оставил.

— Село-то, похоже, богатое было. Избы-то, вона какие большие да крепкие.

— То правда. Оно веть одно из самых стародавних. Как вышел указ батюшки-царя отпустить вины тем, хто радение проявит в освоении незнанных восточных рек и новых земли, богатых мягкой рухлядью, так наши всей общиной сюды и подались. Прежде-то да! Жизнь тут кипела... Кажись, совсем недавно, а сколь уж годов минуло! Матушка верно рекла: «В детстве время тягуще идет, ровно в гору подымается, а стоит сороковик перевалить, так года, будто с горы на санках, мчатся».

— Согласен... Евсей, община ушла, а вы, что ж, остались?

— Вишь-ли, матушка ни в какую. Мне, говорит, через день-два помирать. Здесь родилась, здесь и в землю лягу. Парализованная — не бросишь. А сыны собрались. Да така беда случилась, что и не помыслишь... Оба в мыльне в самый раз за день до отплытия на ту Аляску угорели. Напоследок попариться пошли да не доглядели — угли не все стлели, а оне вьюшку закрыли... Ожениться даже не успели... А моя ишо до того утопла. С матушкой ребят растили. Уж она горевала, так горевала... думал, умом тронется. Ан нет, крепка оказалась. Я с ей, почитай, годов семь маялся. Никак Господь не прибирал. Меня, видать, испытывал. Ох и намучились, што она, што я. Царствие ей Небесное, — перекрестился Евсей, — рядом с тятьей и сынами схоронил.

— В Святом писании сказано: кто почитает своих предков, тот счастливый и долголетний на земле будет.

— Хорошо бы, коли так. Мне веть ишо вон тот скрытень надобно ученым людям пристроить, — Евсей махнул рукой на сундук из потемневших досок. — Тама вся гистория. Наказные грамоты от якутского воеводы, черновики отписок сотника, скаски, челобитные, старые карты... Отцы радели, собирали. Вот послухай, — Евсей открыл сундук, порылся там и достал пожелтевший листок, — енто прошение от 1827 года:

«В нонешном годе в районе нашего поселья имело место частое появление лихого люда, что наводит на население панику. Посему честь имею почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство по приговору схода разрешить нам приобрести из казенного склада четыре нарезных штуцера с 200 патронами для самообороны по цене, означенной в циркуляре».

— Занимательный документ. Получается, немирно жили, сами себя защищали.

— Што ты хошь, повсюду варнаки шныряют, а до уезда 300 верст. Не во всякий год пристав добирался... А вот ишо любопытная бумага в защиту чукчей:

«Бунтовщиками называть непримиренный народ полагаю несправедливым. С оных чукчей, естли впредь с ними дело иметь и приводить их в верное подданство, надобно не живым манером, а великою терпеливостию обращаться. Не требовать от них никаких аманатов, ясаку, а ласкать и показывать дружество в дарах и пище...»

— Разумно! Разумно! — отозвался скитник. — Известное дело. По-доброму легче договориться.

— Меня, Корней, што удручает? Вот помру, это богатство сгинет... А вон в том скрытне ишо матушкино хозяйство: самопрялка, нитки, челноки для холста, гребни, наперстки, навой*. Она хоть и не ходила, а рукодельничала до последнего дня. Без дела не могла... Ни в разум кому все енто передать.

— Неужто совсем некому?

— В том-то и беда, што некому. На мне родова кончается. — Евсей поник седой головой, но через некоторое

---

* *Навой* — катушка для навития нитей основы.

время снова заговорил: — тако всегда: одним пирожки и пышки, а другим синяки и шишки. Видать, грехи за родом большие. Никак не искупим.

— Все мы грешники... Евсей, а может, вам документы в музей передать?

— Сказать по правде, была тут икспедиция с Якуцка. С виду дюже книжные, а сами все коряков промеж собой, матерно хаяли — оне по Камчатке до того ходили. Оне просили энти документы, однакось я не решился. Счас корю — пошто не сговорился... Скока лет, скока событий усяких за таки века тута скоплено. Тута не токо отписки и челобитные, есть даже книги ясачного сбора. Большая польза ученым была бы... Вот ишо интересный документ. — Евсей подал свиток Манифеста Екатерины Великой от 1763 года.

Корней осторожно развернул бумагу.

«Монаршим нашим словом обнадеживаем, что все наши подвластные ясачные содержаны будут в желаемом спокойствии, почему Мы всем нашим верноподданным повелеваем с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство, не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительства, но ниже малейших убытков...»

Сей наш манифест опубликовать во всенародное известие.

Божиею Милостью Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская».

— Какое радение императрицы о благе Отечества! — только и промолвил Корней, возвращая Манифест.

— Я чего тревожусь? Здоровья не стало. Помру, и документы сгинут.

— А что, хвораете чем?

— Ноги совсем остудились. Никак не согреются. Чесонки даже на ночь не снимаю. Похоже, на погост пора. Смертную одежду загодя приготовил. В домовину сложил, штоб не искали. Токо хто схоронит?

— Погодная станция рядом. Там люди.

— Ладно бы хоть щепотники, а то непутящие нехристи, и мнят из себя умников. Рыло скоблят. Не поймешь: мужик аль баба! Стыдобища! Закопать-то закопают — надьсь обещали, дак без отпевания. Господь ить не примет.

— Причастить, исповедовать и я могу.

Евсей просиял:

— Уж сделай милость. Так вон пошто Господь тебя ко мне направил! Таперича и помирать не страшно.

— А насчет бумаг попросите Яшу радировать властям, что вы готовы передать все это богатство ученым. У него ведь каждый день связь с Большой землей. Думаю, прилетят.

— Всамдель! Я ить и сам порой так мыслил. Смущало, што безбожники оне, но я ить не им буду передавать, а книжным людям.

Повеселевший дед встал, подошел к табуретке, на которой стояло что-то, укрытое тканью. Сняв ее, взял старенькую хромку*. Перебирая кнопочки узловатыми пальцами, проиграл одну мелодию, другую и, наконец, запел:

*Ох ты, гармошка-разливуха,
Ох не пройдешь ты тихо-глухо...*

Тепло и приятно сделалось Корнею от переливов гармонии и озорных слов. Он почувствовал себя дома, во Впадине.

Отставив двухрядку, Евсей замолчал, задумчиво процеживая пятерней бороду.

Корней смотрел на него, и чувство уважения к этому одинокому старику с каждой минутой росло. Живя в глухомани, переживает не за свое здоровье и пропитание, а за сохранность документов истории Государства Российского. Ему захотелось обнять стойкого одноверца, не бросившего свой родной обезлюдивший угол. Расчувствовавшись, набрался смелости и впервые прочитал ему недавно сочиненное стихотворение:

*Когда вера процветала
И любовь жила в сердцах,
Всюду истина блистала,
Был в народе Божий страх.*

---

* Хромка — популярная русская двухрядная гармошка.

*Ныне люди токо знают
Посмеяться старине,
Звезды на небе считают,
Царство видят на луне...*

— Складно у тебя выходит. Все верно, вера ослабла, оттого и беды, — откликнулся Евсей. Глянув в оконце, удивился: — Дождь-то разошелся. А то думаю, што так вдруг стемнело.

Пересев к печке, он нащипал ножом, сделанным из старой косы, лучины. Запалил в дополнение к жирнику сначала одну, потом, для лучшего света, вторую и воткнул их в банку с песком. Радужный венчик заплясал вокруг каждого язычка пламени.

— Ты, стало быть, к Чаунской губе путь держишь?

— Да. Поначалу думал напрямки, через горы, но понял — не осилить.

— А как у тебя с документом?

— Справка есть.

— Енто хорошо. Тута строго. Милиция — как хто новый — сразу проверяют. Варнаков беглых ловят. Ежели хто поспособствует поимке, тому премия, — ружье с огнеприпасами. А у тебя лопотье истрепано и вид озверелый. Сразу приметят... Слухай, оставайся-ка у меня. С пропитанием тута лепо, сами себе хозяйвы. Не хошь со мной, заселяй любую избу.

— Спаси Христос! Лепо у вас, но пойду!

— Неволить не буду. Коли решение твердое, по Змейке ехай. В ее устье поселок стоит. Там Никиту спроси — односелец наш. Он с моими ребятами дружил. Хоть и отщепенец — в жены взял не из наших, но угодительный. По старой памяти мне подсобляет. Речешь, што от меня. С виду он не очень, но в делах толковый. Енто он муку да крупы мне каждый год везет... Он подсобит до Певека добраться.

— Спаси Христос! Не устаю благодарить Вышняго: всегда приветистых, с открытой, чистой душой людей шлет.

— Дык гнилые тута не задерживаются. Север не приемлет. — Сделав паузу, Евсей добавил: — хороших Господь тебе пошто шлет? Сам душой чист и в вере

стой, вот и благоволят... Слухай, чтой-то опять истъ захотелось. Давай маненько утробу побалуем.

Дед кряхтя поднялся, расправил спину и, прихрамывая, зашаркал к двери. Принеся с ледника крупного чира, настрогал полную чашу розово-желтых завитков и слегка посолил.

— Ох и вкусна царь-рыба! Отъелся на комариках.

— Да уж! Ум съешь! — подтвердил Корней.

После рыбы долго пили, шумно прихлебывая из чашек с полуистертыми иероглифами, крепкий чай с протертой голубикой. И до того им было хорошо, что казалось, в избе посветлело.

Сон после такого ужина был особенно крепким.

Наутро истопили баню. Помылись и, став перед образами, по очереди причастились. После чего Корней исповедовал старика...

Погостевав еще пару дней, Корней с чувством исполненного долга продолжил путь.

Змейка, меланхолично петляя между моховых болот, то и дело рассыпалась на прозрачные озерца. Вокруг кипела жизнь. Вон из травы выскочил с истошным криком линялый гусь. Прыгая по воде, он ошалело махал куцыми крыльями. За ним с тьяканьем неслась лисица. Сгоряча забежала было в воду, но тут же возвратилась, а увидев собак, юркнула за кочки.

Чтобы не мокнуть и не вязнуть в топях, Корней старался вести упряжку по гривкам. Иногда все же приходилось съезжать и на болотины — другого пути просто не было. Травянистый покров колыбался, прогибался со всеми растущими на ее поверхности растениями, но это не останавливало путника — знал, что это не опасно — ниже вечный лед.

Под вечер второго дня Корней достиг гривы, тянущейся вдоль побережья. Начинаясь она с изъеденного прибоем мыса. Оставив собак внизу, полез на него по ступеням охристого плиточника. Наверху на сравнительно ровной площадке лежал поваленный, по всей видимости, ветром, почерневший от времени крест. Его венчал широкий шатер, отчасти поврежденный при падении. Крест лежал, словно упавший навзничь и раскинувший руки человек.

На поперечинах, покрытых резьбой и вырезанными буквами, с трудом разобрал несколько слов и понял, что это охранная молитва путешественников.

Оставить лежать крест скитник не мог. Поднять, поднатужившись, он еще сумеет. Но как сделать, чтобы он вновь не упал? Оглядев площадку, обратил внимание на большую глыбу. Прекрасная опора! Подтянув крест, поднял и упер об нее. После чего обложил основание камнями.

— Ура! Стоит!

Для верности натаскал еще камней. Только после этого осмотрелся. За широкой полосой открытой воды сплошные поля льда. Похоже, это и есть Чаунская губа. На некоторых льдинах темные точки. Видимо, тюлени. Возле устья Змейки угадывались коробки домов. До них оставалось километров пятнадцать. Это обрадовало Корней — наконец-то можно будет ехать посуху. «Переночую-ка здесь», — решил Корней, уставший от возни с крестом.

Из-за угловатых, еще не приглаженных дождями и ветром камней выбежал заяц. Пощипывая на ходу траву, он приблизился к неподвижно стоящему человеку почти вплотную. Скитник присвистнул — косою на мгновение оцепенел, а потом подпрыгнул и, развернувшись прямо в воздухе, дал стрекача.

На небе ни облачка. Но Корней не поленился, поставил палатку — заполярье приучило не доверять погоде. И не ошибся: на бледной лазури появились веретенообразные облака. И, хотя вокруг продолжали царить покой и тишина, он знал, что означает их появление. Вряд ли на Севере существует более верный признак резкой смены погоды, чем они.

По морю заходила беспокойная зыбь. Волнение с каждой минутой нарастало. И вот уже льдины, взлетая на гребни волн, сталкиваются, с треском ломают друг друга; погружаются в пучину и вновь выныривают. Рокот прибоя не давал спать всю ночь. Под утро еще полил и холодный дождь.

Когда он ослабел до мороси, Корней свернул лагерь и погнал упряжку к поселку на предельной скорости. Окантованные металлической лентой полозья скользили по мокрой траве, как по маслу. На берегу, среди облом-

ков льда, заметил непонятные предметы разного цвета. Подъехав ближе, увидел тюки тканей, частично присыпанные песком. Похоже, во время шторма с палубы какого-то судна смыло плохо закрепленный груз.

Впереди показался человек. Увидев упряжку, он повернулся и быстро скрылся за бугром.

«Видать, пришел за "морским подношением" и испугался», — подумал скитник.

ДОНОС. СТАРАТЕЛИ. КАМЕННЫЕ ЮКАГИРЫ

Первый человек, которого Корней встретил в поселке, как ни странно, оказался соседом Никиты. Он и объяснил, как пройти к его дому. Человек этот не понравился Корнею. Что-то в нем было неприятное. Постное лицо, невыразительные, рыбы глаза, подобострастная улыбка отталкивали.

Никита, невысокий, щуплый востроносый, с рыжей, всклокоченной бородой мужичок, узнав, от кого гость, на скорую руку собрал на стол и усадил Корнея отведать жареной рыбки, на ходу поясняя:

— Жена в Певек уехала к внукам. В сентябре ей уже не отлучиться — в школе учительствует. Вы уж не обессудьте, сам хозяйничаю.

Услышав, что Корней идет на Чукотку, поинтересовался:

— А документы имеются?

— Есть справка с печатями с тех мест, где проходил.

— Слава богу. Милиция всюю шмоняет — недавно трое зеков сбежали. А у вас вид больно истрепанный. Вы как меня нашли?

— Твой сосед растолковал.

— Понятно. Будем ждать гостей, — усмехнулся Никита.

— Каких гостей?

— Да он наверняка особистов приведет. Осип только с виду добрый, на самом деле поганец редкий. У него вместо совести дырка от баранки.

И точно, вскоре в дверь постучали. Это был Осип. Пришел вроде как за солью, а сам все Корнея расспра-

шивает: какими судьбами, куда путь держит. Следом подоспел и особист. Глянув на Корней коротким, запоминающим взглядом, задал несколько вопросов. А внимательно изучив справку, попросил задрать обе штанины. Убедившись, что Корней действительно одноногий и уже столько прошел, чтобы сгладить неловкость, предложил:

— Корней Елисеевич, через три дня мы с начальником на катере в Певек идем. Можем взять. А там отправим ближайшим судном до Уэлена.

— Благодарю, товарищ лейтенант. Я подумаю.

Корней, утомленный дорогой, загорелся было возможностью так быстро попасть на Чукотку, но уже на следующий день засомневался: «Что же получается? В самом конце пути на поблажку соблазнился. Нет уж! Буду добираться своим ходом», — решил он и сразу почувствовал облегчение.

— Корней Елисеевич, вы все же известите особистов, что не поедете, а то некрасиво получится. Они в гостевом доме живут, — посоветовал Никита.

— Ты прав. Схожу... Как думаешь, за сколько дней можно на собаках добраться до Чукотского Носа?

— Троп по побережью почти нет. Мы ж летом по воде, а зимой — где по снегу, где по льду. Так что месяца два, а то и три уйдет — реки могут задержать. Ведь сейчас в горах самый разгар таяния, а если еще и дожди зарядят, их вброд не одолеть.

— Выходит, до прихода «Арктики» не успею.

— А когда «Арктика» там будет?

— Капитан говорил, в середине июля.

— Нее-еет, за такой срок никак. Ежели только с особистами до Певека.

— Хочу все же своим ходом... Раз не успеваю, торопиться смысла нет. В горы уйду. Там порыбачу, поохочусь, собак откормлю. А зимой по снегу двинусь.

— Зачем куда-то идти? У меня живите. Здесь и рыбалка хорошая.

— Спаси Христос, Никита! В поселке мне худо — людей много. Я горы, волю люблю.

— Ну тогда вам к каменным юкагирам*. У меня там есть надежный приятель. Иваном зовут. Очень хороший мужик. Я нарты для него делаю. Он говорит, мои самые прочные и легкие. Иван будет рад. Ему всегда помощники нужны. Стадо большое, а дети разъехались.

— А что? Отличная идея! Я ведь оленей с детства обучен смотреть.

Лейтенант встретил Корнея радушно:

— Пойдемте, я вас начальнику представлю. Он хотел познакомиться.

— Товарищ капитан, разрешите?

— Заходи, заходи, — произнес грузный офицер, с до блеска выбритой головой.

— Вот он, наш одноногий герой. Вчера о нем докладывал.

Капитан, с любопытством глянув на обтрепанного, обросшего человека, вдруг переменялся в лице:

— Не может быть! Дядя Корней, неужто вы?

А когда тот в ответ растерянно улыбнулся — сомнений не осталось. Офицер выскочил из-за стола и бросился обнимать странника:

— Какими судьбами? Почему вдруг одноногий? Меня-то узнаете?

— Почто ж не узнать вас — Игорь. А ноги из-за гангрены лишился.

— Дядя Корней, расскажите поподробней, как вы здесь оказались, а вы, товарищ лейтенант, организуйте чайку и что-нибудь перекусить на двоих.

— Слушаюсь!

Когда лейтенант вышел, Игорь негромко пояснил:

— Дядя Корней, я теперь по документам Шорников Игорь Петрович, сын умершего дорожного рабочего. Про скит и монастырь ни слова. Сами понимаете, народ всякий попадается.

— Понял. Мы ж помалкивать с малых лет приучены.

---

* *Каменные юкагиры* — юкагиры, живущие в горах. Они невысокого роста, смуглые. Волосы прямые, черные; глаза карие. Занимаются оленеводством и охотой.

За чаем просидели часа два. Игорь внимательно слушал, расспрашивал. Удивлялся удачным стечениям обстоятельств в критических ситуациях.

— Товарищ капитан, я ведь по делу. Лейтенант предложил мне с вами до Певека, а там на пароход. Благодарствую, но хочу сам пройти, по-честному. Как Травин — своим ходом.

— Слышал про такого. Геройский парень. Ну что ж, отговаривать не буду, воля ваша. Давайте хотя бы письмо дам, чтобы оградить от лишних проверок.

— А на Чукотке оно будет действовать?

— Не беспокойтесь, Шорникова и там знают.

— Может, и печать на мою справку о том, что был здесь, поставите?

— Поставлю, ведь на самом деле был... Корней Елисеевич, обратно-то как думаете?

— Уговор у меня с капитаном «Арктики». Он каждый год на северном завозе. Буду ждать его в июле в Уэлене либо в Лаврентии.

— А успеете ко времени добраться туда?

— Так я и не мыслю этим летом. На следующее рассчитываю. До морозов с юкагирами покочую, а как снег ляжет, так двинусь.

— А жить-то целый год на что будете?

— Да много ли мне надо! Охота, рыбалка кормят.

— Это понятно, но на всякий случай давайте я вам немного денег дам. И не вздумайте отказываться. Могут пригодиться.

— Ну что, поговорили? — поднялся навстречу Корнею Никита.

— Поговорили. Очень даже хорошо поговорили. Бумагу дали. — Он протянул листок Никите.

На бланке с круглой печатью было написано:

«Товарищ Кузовкин Корней Елисеевич совершает рекордный одиночный переход с реки Алдан до Чукотского Носа. Просьба органам власти оказывать ему максимальное содействие в реализации данного перехода. Старший уполномоченный Певекского района капитан И. П. Шорников».

Никита ахнул:

— Ничего себе! Сам Шорников подписал!

Вернув Корнею бумагу, он повернулся в сторону соседского дома и скрутил фигу:

— Накося, выкуси! Ружьца ему захотелось! За это не грех выпить, — и, довольный, выбежал в сени...

На следующий день, когда Корней собирался к юкагирам, Никита критически оглядел его.

— Одежа еще ничего, а вот торбаса совсем худые. У меня кирзухи есть. Геологи новые получили, списанные завхоз мне отдал. Хоть и ношенные, но ишо крепкие. Пойдемте, померим.

Сапоги оказались впору, правда, для протеза верх голенища пришлось разрезать — не налезал.

— На зиму совету ю стельки из бересты сделать. Их мороз не прошибает.

* * *

Чем ближе горы, тем меньше топей и озер. Особенно радовались этому собаки: теперь не было нужды протаскивать нарты между кочек, а лапы не вязли в мшистых болотинах. Лиственницы и березки в этих местах уже довольно высокие и прямоствольные.

Легче всего ехалось по заросшим травой галечным берегам речушки, стекавшей с гор. На сползшем в воду торфяном отвале выделялся цветом странный участок. Уже подъезжая, Корней разглядел шерсть какого-то животного.

«Медведь, что ли? Да нет, шерсть больно длинная. Может, мамонт? Говорят, их тут много было».

Достав топорик, он надсек шкуру. Промороженное мясо выглядело свежим, только пахло землей.

Вырубив несколько кусков мякоти с непривычно толстыми волокнами мышц, бросил их собакам. Те понюхав, съели и повизгивая усталились на аппетитно краснеющий бок. Вырубив им еще по порции, Корней сам есть не отважился.

На второй день собаки неожиданно прибавили прыти. «Неспроста», — подумал скитник и принял хался. Как оказалось, не зря — ветерок донес запах дыма. У весело звеневшего переката скитник разглядел двух бородатых мужиков. Более рослый, стоя по колено в воде, сноро-

висто покачивал лоток: промывал песок с галькой. Второй, поменьше ростом, крепыш лет пятидесяти, возился у костра. Оба в линиялых брезентовых куртках, засаленных штанах.

— Доброго здравия! Бог в помощь! — поприветствовал Корней, слезая с нарты.

Крепыш, оглядывая неожиданного гостя, молча кивнул, указывая рукой место напротив себя. Скитника это не удивило. Он уже заметил, что на Севере люди немногословны. Чтобы расшевелить молчуна, Корней посочувствовал:

— Тяжело, похоже, рыжуха дается... Есть ли резон так надрываться?

— Мож, и нет, да азарт не отпускает, — прогундосил старатель. — Каждый раз думаю — брошу ко всем чертям, и тут же — а вдруг завтра самородок с кулак али еще хлеще — золоторудное гнездо! Так и золотаришь с надеждой.

Старательский сезон на Севере скоротечен — три месяца. За это время лоточник в среднем намывает килограмма два. Работа каторжная: впроголодь, в ледяной воде, в тучах беспощадного гнуса, с ночевками в тесной холодной палатке. И не столь уж велик заработок, но старатели — особая порода людей. Их ничто не останавливает, поскольку каждый надеется на чудо.

Вода в черном от копоти чайнике забурлила, зафыркала на пламя струей кипятка. Старатель не спеша сдвинул его в сторону от огня и, открыв крышку, сыпанул жменю сбора из листочков брусники и клюквы.

— Петро, антракт! Чай поспел.

Подойдя к костру, рослый бородач стянул распухшими руками бродни и пристроил застывшие в ледяной воде ноги поближе к огню.

— Откель, дед, тропу тянешь? — поинтересовался он.

— Про реку Алдан слышал?

— Угу!

— Оттуда и тяну.

— Эва! Издалека, однако! А в тутошних местах че потерял? Алдан-то поприветистей будет, и старательский сезон подлинше.

— Не старатель я. На Студеное море захотелось посмотреть.

— Хм! Чудак, че на него смотреть? Вода как вода. Ничего особенного. Разве что, соленая да холодная.

Так потихоньку разговорились.

— Мужики, где-то тут юкагиры стоят. Не подскажите?

— Так их в округе много. Кто тебе нужен?

— Иван.

— Повезло тебе, дед. Он совсем рядом, на этом же ключе, километра два вверх отсюда.

Въехав на взгорок, Корней обнаружил лишь закопченные валуны да тяжелые камни по кругу — прежде они висели на ремнях поверх шкур и удерживали их при ветре. На одном из валунов лежал свежий, дочиста очищенный от мяса и желтый от жира череп оленя. Он был направлен носом к восходу — знак того, что душе оленя люди желают добра и света.

Примятая нартами трава указывала — в каком направлении откочевала семья. Поскольку полуночное солнце давно катилось вдоль горизонта, скитник тут и встал на ночевку. Поспав при незаходящем светиле около пяти часов, Корней двинулся дальше по следам кочевников.

Конусообразный, с рогатый макушкой чум стоял на мыске у слияния двух ручьев. Тут же грузовые нарты с нюками (оленьими шкурами) и жердями для чума.

Навстречу выбежали, захлебываясь лаем, небольшие остромордые собачки. Все черно-белой масти.

Загорелый сухощавый юкагир, узнав, что гость от Никиты, не знал куда и посадить его.

— Так вы тот одноногий, что идет на Чукотку?

Корней засмеялся:

— Похоже, мне можно не представляться. У вас новости бегут впереди упряжки... Думал нынче выехать, но не успеваю к пароходу. Поэтому хочу до зимы в ваших горах пожить.

— Вы настоящий юкагир, — обрадовался Иван, — оставайтесь у меня. Оленей будем вместе пасти, вкусно кушать.

— Я и сам хотел попроситься к вам до снега. Никита посоветовал.

— Ой! Хорошо! Очень хорошо! Жена, слышишь? К нам помощник сам пришел, искать не надо.

— Стало быть, я вовремя.

— Очень вовремя! Спасибо Никите, хороший человек. Всегда помогает.

Стадо большое — помощь очень надо. Сыновья есть, а стадо пасти некому. Один уехал на край земли учиться железные нарты делать. Зачем юкагиру железные? Деревянные легче. Другого в какой-то лагерь для умных на все лето взяли. Вот скажи, чему юкагира там научат? Оленей пасти? Чум ставить? Маут бросать? Это что, хорошо? Нет, брат, юкагиру у тундры учиться надо. — Иван, все больше горячась, продолжал: — тундра нас кормит, одевает. Бумага не кормит... Младший говорит: «Земля шар, как яйцо куропатки». Вот чему их учат! Я ему — ты что, слепой? Тундра, сколько едешь, ровная. Как вода на шаре будет? Выльется!

Жена Ивана Валентина тем временем поставила перед ними доску с горой вареной и подвяленной на солнце оленины и две кружки дымящегося бульона с мелко нарубленным диким луком.

Юкагир, забыв, что минуту назад возмущался, принялся с удовольствием, аппетитно причмокивая, есть. Корней присоединился. Ел и все поглядывал на три винчестера, висевшие на сучках стойки.

— Иван, зачем тебе столько ружей?

— Эээ! От отца остались. Раньше сюда все с Аляски везли. Продадут винчестер, а патронов одна коробка. Говорили, следующим летом еще везем. Привозили другой калибр. Ошибка, говорили. Отец новый винчестер брал. Старый не бросал. Красивый, жалко. Другой год также. Отец плюнул — на лук перешел. Сам из креня* делал.

— Мой дядя тоже с луком охотился. С ним сподручней и шума нет. Коли бой у лука резкий, то и сохатого можно взять.

— Долго сидим. Оленей смотреть пора, — встрепенулся Иван.

— Так пошли.

Походка у оленевода была стремительная, как у всех кочевников. Корней с трудом поспевал за ним. К счастью,

---

* *Крень* — обращенная к югу смолистая часть ствола лиственницы. Благодаря ее крепости и гибкости такие луки отличались резким боем.

стадо паслось недалеко. Измученные паутами олени, чтобы избавиться от них, то и дело катались по траве. Когда Иван оживил дымокуры, животные сразу потянулись под их защиту.

Солнце скатилось к горизонту. Иван, периодически обходя стадо, время от времени негромко посвистывал и покрикивал.

— Пусть волки знают, что не спим.

С десятков животных, следуя за рогачом, отделились от стада. На крики Ивана не реагировали. Тогда он спустил с привязи своих оленогонных собак. Как только те стали приближаться к беглецам, олени послушно повернули обратно.

Около трех часов ночи юкагир вдруг забеспокоился. Привычные глаза юкагира заметили на косогоре лохматого зверя, похожего на медвежонка — росомаха! Двигаясь челноком, подобно легавой в поиске, она приближалась какими-то неловкими боковыми прыжками к ничему не подозревающей оленухе. Лайки частыми махами понеслись наперерез, оглашая окрестность напористым лаем. Однако незваная гостья и не думала отступать.

Бросившийся на нее передний пес тут же с визгом отскочил и начал ожесточенно тереться мордой о траву, а росомаха, пролаяв, как лис, только поглубже, неторопливыми прыжками ушла вверх по косогору в чахлый ельник.

Иван стрельнул вдогонку и, сердито выкрикивая что-то на гортанном наречии, совмещающем юкагирские слова с русскими, погрозил кулаком:

— Я тебя не трогал! Зачем моих оленей трогать ходишь? Еще придешь — шапкой станешь.

Тундра в этих местах была богата не только ягелем и грибами (олени их очень любят), но и ягодами. Особенно много кустиков шикши. Ее листья напоминают хвоинки, а черные ягоды хорошо утоляют жажду. Кроме того, местные используют их для окрашивания домотканого полотна и кожи в красивый вишнево-красный цвет. Это скромное растение помогает еще и при многих болезнях.

Голубика пока не поспела, а у брусники боковинки ягод лишь едва подпало, большинство вообще зеленые. Созрела лишь янтарная морошка, и Корней, собирая лекарственные травы, то и дело присаживался полакомиться ею.

В один из дней, когда была его очередь присматривать за стадом, он, обнаружив рядом с ручьем желтовато-оранжевую от обилия морошки прогалину, принялся обирать кустик за кустиком. Чтобы в полной мере насладиться этой мясистой кисло-сладкой ягодой, бросал ее в рот пригоршнями. Особенно много ее было на бугре. Направившись туда, Корней чуть не свалился в скрытую травой траншею. В ее конце что-то темнело. Подойдя ближе, обнаружил обомшелый дверной проем в полуземлянку. Дверь уже иструхлявилась и лежала на земле. Перешагнув через нее, Корней заглянул внутрь. Когда глаза привыкли к полумраку, разглядел нары, столик между ними, очаг у входа.

На одной из полок лежали шомпол, мерки для пороха, точильный брусок. На другой мешочек с огневым припасом, стопка одежды, правда, уже изрядно погрызенная мышами, табак в свинцовой упаковке, красочные консервы с нерусскими надписями. На столике железная банка. Она оказалась наполовину заполненной рыжухой. Рядом закрытая крышкой кастрюля. Приподняв ее, увидел поблескивающую на дне ртуть*.

«Все ясно — старательская землянка! — сообразил Корней. — Что же тут произошло? Даже рыжуха не тронута».

Выйдя, осмотрелся. От зимушки к ключу уходила едва различимая тропка.

На берегу чернели зевы штолен. Возле одной валялись ржавое ведро, кирка с замшелой ручкой. Чуть в стороне ручной бур с иностранным клеймом и... останки человека. Похоже, именно здесь старатели работали в последний раз. На сильно изгрызенном мышами черепе темнел узкий пролом.

---

* Ртуть используется для извлечения из промытой породы мелких частиц золота.

Подойдя к штольне, Корней встал на четвереньки и полез вглубь. Свод и стены в толстой бахrome инея. Через метра два уперся в завал, из которого торчали сапоги. Картина прорисовывалась понятная: один из старателей убил напарника, а его самого завалило землей.

Скитник вырубил киркой яму глубиной по колено (глубже не давала мерзлота) и перенес в нее останки золотоискателей. На могиле сложил пирамидку из камней. После чего еще раз заглянул в землянку. Любопытно было узнать, что же в чужеземных консервных банках. Они были двух видов. Одни высокие, другие плоские. В высоких оказалось любимое им сгущенное молоко, в плоских — тушенка. Корней сложил часть банок в полупустую котомку и, пересыпав рыжуху в кожаный мешочек, поспешил к стаду.

Его рассказ взволновал Ивана:

— Знаю тот бугор, но туда никогда не ходил. Верно старики говорят: «Землю копать худо. Земля сердится, беду шлет».

СТРАННОЕ МЕСТО. ШАЙТАН

Утренние заморозки становились все более затяжными. Даже к полудню ледок таял не на всех лужах. Начали гоняться за важенками молодые бычки — самый верный признак осени. Все чаще раздавались яростное хорканье и стук рогов матерых быков, отстаивающих право покрыть оленух. (У северных оленей рога имеют так много отростков, что серьезно поранить друг друга они не могут.)

— Иван, Никита говорил, что где-то в этих горах есть горячие ключи.

— Да, есть, но там живет шайтан. Кто был, больной становится.

— И все же, где оно?

— Вон за тем хребтом, — махнул юкагир в сторону юга.

— Хочу до перекочевки съездить. Ты не против?

— Езжай, раз не боишься. Недолго только.

Пересекая увалы и ручьи с ржавой солоноватой водой, Корней гнал упряжку на юг. Ехал с тайной надеждой: а вдруг именно там таится искомое Беловодье — Царство Божие, где с незапамятных времен царит истина и живут в затворничестве святые. А страшилки рассказывают, чтобы праздный люд не тревожил.

На второй день перевалил вытянутый с востока на запад столообразный хребет, надежно защищающий те места от ледяных ветров Арктики. Если северные склоны покрыты травой и низкими кустами, а по водоразделу до сих пор местами снег, то южные, напротив, покрыты лесом, состоящим из берез и лиственниц с полями кедрового стланика. На одном из них выделялись несколько бурых пятен. Корней никак не мог понять — что это? И только когда одно «пятно» вдруг вытянулось вверх, сообразил — медведи. Пасутся на достигших молочной спелости орешках стланика. Медленно перемещаясь, они то и дело исчезали в зеленых складках местности.

Сверху было хорошо видно, что котловина усеяна парящими озерами, по большей части овальной или круглой формы, с четко выраженными закраинами, отчего те напоминали парящие котлы. При спуске по мелкощепнистой осыпи нарта зацепила валун. Тот сдвинулся и, потеряв опору, покатился вниз. Медведи, привлеченные шумом, подняли головы. Постояли с минуту, подслеповато оглядываясь, и, не обнаружив причин для беспокойства, вернулись к прерванной трапезе.

Съехав на дно котловины, Корней, перемещаясь от одного озера к другому, понял, что они совершенно разные. В одних белесая вода лишь едва пузырится, в других почти кипит из-за бьющих снизу горячих ключей. В третьих вообще не вода, а сероватая жижа с медленно надувающимися и смачно лопающимися пузырями. Но все они одинаково неприятно пахли тухлыми яйцами. У берегов трава не росла, зато метрах в двух начинались идеальные пастбища. В траве тянулись к солнцу полярные маки, белели островки ромашек, нежно синели куртинки скромных незабудок. Над всем этим благолепием порхали бабочки. Видеть такой цветущий оазис в зоне вечной мерзлоты было удивительно.

Мелькнула мысль:

— Неужто и впрямь Беловодье?

На чистом угоре торчали глыбы в рост человека. На них проступали буквы старославянского алфавита. Правда, разобрать, что написано, Корней не сумел — их затынул мох.

«Выходит, в этой котловине жили православные! А может, и сейчас живут?»

Ветер нанес запах дыма. «Точно! И совсем близко!» Вскоре на краю леса увидел шалаш, покрытый корой. Под навесом у костерка сидел громила в выцветшем, истрепанном рубище. Главной достопримечательностью незнакомца была голова — черный волосяной шар, из одной точки которого временами валил дым, окутывая острый, как у птицы, нос. Из-под нависших век поблескивали пуговицы глаз. Не обращая внимания на приближающуюся упряжку, человек разговаривал сам с собой, мешая русские и якутские слова. Затем, устремив диковатый взор на скитника, стал что-то горячо говорить ему.

Корней старательно вслушивался, но кроме того, что этот крайне возбужденный человек считает себя Создателем и зовут его Ахмедом, ничего не разобрал. По мере «разговора» якутские слова у него исчезали, и язык все более приближался к русскому.

«Совсем одичал мужик», — подумал скитник.

Сосланный на Колыму лет тридцать назад за разбойные дела Ахмед бежал и давно жил отшельником, кормясь охотой и рыбалкой. Знал, что была война с немцами, но не знал, чем кончилась.

— Мы победили, — успокоил его Корней.

— России опять будет худо. Но через страдания я приведу ее к славе, — многозначительно произнес он, и сыпанул в медный кофейник с арабской вязью, неизвестно, как попавший к нему, щедрую пригоршню чего-то сушенного. Залив все это кипятком, поставил сосуд на угли и замер, дожидаясь кипения. Готовый отвар перелил в почерневшую литровую кружку.

— Хлебни! — просипел он, протягивая ее гостю.

— А что это?

— Ты пей!

Пахло от варева не очень приятно, но отказываться было неудобно. Скитник поморщился и сделал вид, что несколько раз глотнул.

— Тут такое благодатное место. Кроме вас еще кто живет?

— Зачем? Мне никто не нужен.

— Так вы местный?

— Ты что! Я родом с самых высоких и красивых гор! Здешние — мелочь против наших, — возмутился он.

— И давно вы оттуда?

— Тебе какое дело? — Ахмед сверкнул глазами. — Живу где хочу, ибо я есть Создатель этого Мира. Уразумел? — При этом кадык на его шее нервно задвигался вверх-вниз.

Корнея передернуло от такого богохульства.

— Не веришь? Смотри!

Ахмед взял из костра красный уголек размером с яйцо куропатки. Подержал его с минуту в кулаке и, бросив обратно, показал раскрытую ладонь. На ней не было ни ожога, ни красноты.

Потрясенный скитник подумал: «Колдун, что ли? Иван-то, похоже, не зря предостерегал».

Ахмед тем временем добавил в костер сучьев потолще и, похлебав отвара, опять сунул ему в руки кружку:

— Пей!

Корней отрицательно покачал головой.

В угрюмом немигающем взгляде отшельника разгоралась злоба. Голова его затряслась, а глаза побелели. Он придвинулся к скитнику вплотную и, больно сжав локоть, прошипел:

— Пей! Пей!

— Не могу. Тошнит.

Ахмед все сильнее стискивал локоть:

— Пей! Пей, червь! Раздавлю!

Вдруг его лицо перекосилось, щека задергалась в нервном тике. От него шла такая ненависть, что скитник оторопел.

— Пей! Раздавлю! — повторял Ахмед.

— Хорошо, хорошо, выпью, — выдавил Корней, освобождая руку. — Только собак разниму — слышишь, дерутся. — Быстро подойдя к упряжке, он запрыгнул на нарты и погнал лаек прочь.

Судя по злобным выкрикам, Ахмед бросился за ним, но разве утонишься за натренированными псами...

Ночевал Корней на берегу парящего озера. Среди ночи его разбудил душераздирающий крик. Он становился все громче и пронзительней, пока не превратился в вопль невыносимой боли. Неизбывная тоска звучала в нем. Скитник подумал, что так стенать может только проклятая навек душа. Вопль несся с той стороны, где было логово Ахмеда.

Утром Корней даже сам себе не мог объяснить, слышал ли он эти крики на самом деле или это была слуховая галлюцинация под воздействием паров ахмедовского отвара. Внутри все мелко дрожало. Отпустило только после купания в теплом озере. Когда одевался, на локте обнаружил багровый синяк — метку Ахмеда.

«По всей видимости, именно из-за этого сумасшедшего юкагиры считают это место нечистым», — решил Корней и погнал упряжку к горам. Через пару километров выехал на голое место. Земля черная, словно выжженная: ни травинки, ни кустика. Корнеем вновь овладело непонятное беспокойство: казалось, кто-то гонит его отсюда. Неожиданно раздалось легкое потрескивание, и он увидел несколько светящихся шаров, плывущих к нему. Приблизившись, они закружили над головой. Собаки заскулили, прижались к земле. Покружив с минуту, шары уплыли прочь. Все это время Корней стоял как вкопанный:

«Место-то и впрямь бесовское!» — подумал он, не в силах даже поднять руку и осенить себя крестом...

Когда вернулся к стоянке, Иван первым делом спросил:
— Видел шайтана?

— Видел. Ты был прав, место действительно дурное. Ходить туда не следует, — ответил Корней, высыпая в таз собранные по дороге крепенькие белые грибы.

* * *

С утра начали готовиться к перекочевке. Собрали, уложили в мешки пожитки, сняли с чума брезент, разобрали остов и, погрузив все это на грузовые нарты, крепко стянули ремнями. Осталось запряхать оленей, свистом подзвать собак.

На новом месте стадо первым делом набросилось на нетронутый тучный травостой.

Дня через три во время вечернего чая Валентина со вздохом произнесла:

— Мука и соль кончаются. Надо бы в поселок.

— Почему мало брала?

— Нас теперь трое.

— Давайте я съезжу? А то собаки совсем разленились, — предложил Корней. — Да и Шустрого тренировать пора. Большой уже.

— Хорошо придумал, — обрадовался Иван.

Выехал скитник налегке, взял лишь с пуд оленины и пару банок заморской тушенки для Никиты. Шустрого запряг в паре с Бороем. Кто-кто, а он спуска сыну не даст.

Осип, увидев у дома Никиты нарты Корнея, не преминул зайти.

— Рад видеть героя в наших краях. На Чукотку передумали ехать? — произнес он, не сводя глаз с ярких банок с иностранными надписями: — Что это у вас такое красивое?

— Тушенка, — буркнул Корней, запоздало сообразив, что глупо поступил, оставив банки на виду.

— Вижу, у вас все хорошо, я пошел. Дела.

Когда Осип закрыл за собой дверь, Корней убрал тушенку в тумбочку. Уже через полчаса появился лейтенант.

— Товарищ Кузовкин, поступило заявление о вашей связи с иностранцами. Прошу объяснить, откуда у вас несоветские консервы?

— Могу и объяснить, и показать, — Корней, едва сдерживая вскипевшее в нем возмущение, выставил банки на стол. — Как я уже говорил вашему начальнику, на Чукотку я пойду зимой. А сейчас в горах помогаю юкагиру Ивану пасти оленей. Там наткнулся на брошенную землянку старателей. Эти консервы оттуда. Кроме этих банок в землянке было с полкилограмма золотого песка. Его тоже взял. Старатели погибли. Погибли давно.

— Понятно. Теперь все это поподробней изложите на бумаге.

Внимательно прочитав объяснительную, лейтенант произнес:

— Завтра едем на место.

— Товарищ лейтенант, это довольно далеко. Два дня в одну сторону.

— Далеко не далеко, а я должен все проверить. Сейчас пройдемте со мной, сдадите золото по акту.

На обратном пути Корней зашел в сельпо и закупил все, что наказала Валентина.

Выехали на двух упряжках. Лейтенант сфотографировал землянку, банки на полке, осмотрел заброшенный прииск, обвалившийся шурф. Переночевав у Ивана, уехал в поселок с чувством облегчения — был рад, что не обманулся в Корнее.

Иван прокомментировал случившееся одной фразой: — Худой человек. Не повезло Никите с соседом.

Как известно, за грязные деяния рано или поздно приходится платить. Господь не забыл предъявить счет и Осипу. Осенью после инсульта у него отнялись ноги.

ЧУКОТСКИЙ ХРЕБЕТ

Зима как началась с метелей, так и мела, с редкими перерывами, почти до Рождества Христова. О том, чтобы отправиться в путь, не могло быть и речи.

Что интересно, мело только днем. К ночи ветер стихал, чтобы с утра задуть вновь, поднимая метровую поземку. Тяжелей всего приходилось оленям — в метель копытить ягель сложно: расчищенную лунку сразу замечает.

Полярная ночь подходила к концу. Небо все реже озарялось холодными сполохами северного сияния. Горизонт с каждым днем обозначался все четче, а полуденные сумерки длились все дольше и дольше.

7 января восточный край небосвода заалел ярче обычного. Солнце медленно вышло из-за горизонта, и по тундре заскользили первые в этом году его лучики. Воздух, наполненный мельчайшими кристалликами изморози, порозовел. Корней в очередной раз изумило, то, насколько приветистой делается мир даже при таком скупом солнечном свете.

Так совпало, что, как только закончилась полярная ночь, метели прекратились. Хотя Корней давно был готов

ехать, отправился в путь лишь в середине февраля, когда день заметно прибавился. Торопиться не было смысла — ему надо было быть на Чукотке не раньше июня.

Снег на равнине прибило до того плотно, что ходить по нему можно было не проваливаясь. Преодолевая на упряжке по сорок-сорок пять километров, он через неделю уперся в северную оконечность Чукотского хребта. Угрюмые черные скалы резко контрастировали с ослепительной белизной заснеженных террас.

Теперь предстояло самое трудное — перевалить хребет. Дальше до самого Чукотского Носа горы к побережью не подступают.

Хребты, как известно, проще всего переваливать по долинам речушек. Судя по карте, для подъема на водораздел лучше всего подходила речка Ичувеем, а для спуска — безымянная речушка, впадающая в залив Нольде.

Вопреки ожиданиям, больше всего сил отнял не сам подъем на перевал, а глубокий рыхлый снег в теснине Ичувеем. Собаки вязли в нем по самое брюхо. По мере подъема мороз крепчал. Кристаллики льда, образующиеся при выдохе, шуршали так, словно ветер нес сухую поземку. Изредка доносились «выстрелы» лопающихся от стужи камней.

Чтобы согреться, Корней то и дело останавливал упряжку и принимался скакать на здоровой ноге, одновременно энергично колотя руками по бедрам. С покрытых куржаком собак в это время валил пар.

Упряжка несколько раз пересекала хорошо набитые тропы горных баранов. Однажды Корней успел даже заметить их вдалеке.

Ночью его разбудил утробный гул и подрагивание земли. Утром, выйдя из палатки, увидел, что склон соседнего отрога оголился, а на дне ущелья лежала бугристая гора снега — сошла лавина.

Выход на самую перевальную седловину оказался очень крутым. Собаки, высунув языки, дышали так, что мохнатые бока ходили ходуном, буквально пластались на оледеневшем фирне. Иногда они поворачивали головы и взглядом молили об отдыхе, но Корней, подталкивая сани плечом, требовал преодолеть последние метры — если остановишься, все покатаются назад. Цепляясь когтями за оледеневший снег, псы все же выползли на водораздел.

Зато спуск не потребовал усилий. Наоборот, даже пришлось притормаживать остолом, чтобы не наехать на лаек.

На побережье, исчириканные аккуратными стежками песцов, съехали при свете полыхающего заката. За недолгое время между сумерками и ночью, когда жизнь на время как бы замирает, сноровистый Корней успел поставить палатку и выдать собакам двойную порцию мяса. Каждую порцию бросал отдельно. Некоторые ловили твердые, как камень, куски прямо на лету.

Ветер стих, и воздух стал необыкновенно отзывчив на любой, даже слабый звук. Когда совсем стемнело, выкатилась и забалансировала на скалистом гребне, словно белый валун, луна. Небесный свод мерцал бесстрастным блеском звезд и размахивал разноцветными, в основном зелеными, лентами северного сияния, оживлявшими застывшую тундру.

Пять суток не тревожили взморье ни ветер, ни снегопады. Все эти дни продолжал стоять такой зверский мороз, что собаки при остановках поджимали то одну, то другую лапу к брюху. Время от времени по их телам пробегала дрожь. Матовое, в дымке, солнце, словно спасаясь от леденящей стужи, торопилось спрятаться за горы, приглашая на смену не боящееся морозов ночное «солнце».

Из-за небывалого мороза куропатки сутками отсиживались под снегом. Как-то собаки почти наехали на них*. Снег вспучился взрывами снега прямо перед их носом. Лайки от неожиданности шарахнулись в разные стороны, чуть не перевернув нарты. Лишь Борой попытался ухватить пастью ближнюю куропатку за хвост, но та оказалась проворней.

Скитник гнал упряжку строго на восток. Слева простиралась заснеженная гладь Чукотского моря, покрытая местами неровными грядами торосов. Справа, на некотором удалении, тянулись безлесые хребты.

---

* В сильные морозы куропатки покидают снежные убежища всего на час, а то и меньше.

Дни, похожие один на другой, пролетали незаметно. Позади сотни километров. Солнце уже светит почти двенадцать часов, но весны не чувствуется. Закрывавшая небо сплошная облачность делала одинаково серыми и небо, и снег, и льды. Не видно ни линии горизонта, ни границы между морем и сушей. Из-за отсутствия теней все сливалось в одноцветное полотно.

Но вот упряжку начали догонять, загибая пушистые хвосты лаек, порывы ветра. Вершины гор красиво закурились вихлястыми шлейфами. Сила ветра с каждым часом нарастала, и вскоре снег несся широкой лавиной, захватывая все видимое пространство. Чтобы переждать непогоду, скитник съехал в ложбинку. Здесь из пухлой перины торчали кончики тальника — какая-никакая пища для костра. Пока, проваливаясь по пояс в наметы, наломал охапку, совсем стемнело. Костер из промороженных веток в вырытой для него яме разгорелся с трудом.

Собаки, съев свои пайки, сразу зарылись в снег.

Скаты палатки Корней постарался натянуть как можно туже. А чтобы снизу не поддувало, ногами нагреб к бортам снег и притоптал его. Тем временем вода в котелке закипела. Бросив в него пару щепоток чая, он забрался в палатку. Теперь можно и перекусить.

Ветер, исполняя дикие, нагоняющие тоску песни, неистовствовал всю ночь. Парусина, несмотря на то что скаты были хорошо натянуты, гроыхала так, что казалось, вот-вот порвется. Когда рассвело, Корней высунул голову из убежища. Над морем, метрах в трехстах от него, бесшумно крутился высокий конусообразный смерч. В своем бешеном круговороте он, вздымая снег, то приближался к стану, то отползал в море. Вот смерч опять двинулся к берегу. Он уже совсем близко. Корней ощутил дрожь земли. Еще немного, и плотный снежный вихрь сомнет, разорвет в клочья палатку. Но метрах в двадцати смерч, словно споткнувшись, повернул обратно. Ура! Пронесло!

После полудня наступил полный штиль. Даже ко всему привычный Корней подивился столь резкой смене погоды. Тихо. Слышалась лишь редкая перестрелка ледовых полей. Из образовавшихся трещин поднимался похожий на клочья ваты туман. В полукилометре от берега открылась широкая полынья. Облачный покров

истончился. Время от времени проглядывало солнце, правда, совсем тусклое и расплывчатое. Собаки зашевелились. Выбравшись из-под снега, с нетерпением ожидали, когда хозяин распакует мешок с мясом — проголодались!

Накормив псов, Корней быстренько свернул стан и продолжил путь. В тишине то и дело доносился протяжный гул от сходящих лавин — похоже, буря намела в горах много снега.

Когда выехали на выметенное ветром озеро, лапы собак на гладком льду стали скользить и разъезжаться. Продвижение замедлилось. Хорошо хоть ветра не было — иначе нарты покатались бы вместе с собаками. Но вот и этот участок позади.

Морозы не спадали. Более того, сегодня минус сорок один. Тусклый диск солнца не грел. Все живое, спасаясь от стужи, попряталось в норы, зарылось в сугробы. Каждую ночь на небе развешивалось веером северное сияние, освещавшее местность волшебным светом.

Заготовленное в дорогу мясо заканчивалось. Порции пришлось урезать. Лайки не наедались и не так резво тащили даже полегчавшие нарты.

Неписанный закон тундры гласит: когда кончаются продукты, дичь не попадает под выстрел, а рыба на крючок. Недельный переход от мыса Якана до мыса Шмидта остался в памяти скитника как самый голодный: на всем его протяжении не встретились даже следы песцов. Все было словно «выкошено» то ли эпидемией, то ли неблагоприятными природными условиями. Угнетало и серое, забитое низкими тяжелыми тучами небо.

Порции мяса для собак пришлось значительно сократить. Лайки не наедались. По вечерам они жалобным поскуливанием и умоляющим взглядом просили добавки, справедливо полагая: коли работаем, хозяин должен кормить. Чтобы лайкам было легче тащить нарты, скитник съехал на ровный лед пролива Лонга. На это была еще одна причина: он надеялся подкараулить у лунок-отдушин нерпу или тюленя. Однако чуткие животные на выстрел не подпускали.

В общем, ситуация была невеселая: продукты на исходе, ослабевшие лайки еле плелись и не реагировали на подбадривающие крики хозяина. Одна из них после отдыха отказалась встать. Пришлось уложить ее на нарты. А вот сын Бороя радовал — работал неумолимо. Раздавая остатки мяса, Корней невесело пошутил:

— Догулялись кулики, нет ни хлеба, ни муки...

Неожиданно, когда ехали вдоль вала береговых торосов, лайки напряглись и встали. Устремивший взгляд на невысокую гривку Борой чуть слышно заскулил. Корней понял: что-то учуял.

И в самом деле вскоре из-за нее показался белый медведь. Он брел к морю неспешным шагом, низко опустив голову и слегка покачивая ею из стороны в сторону. Вот это удача! Корней движением руки приказал собакам «Сидеть!». Но те и без команды давно застыли. Скитник прикинул, если затаиться за валом пакового льда, зверь пройдет на расстоянии не более сорока метров. Тут уж сложно промахнуться.

Медведь все ближе. Замелькали черные «ладони» и «пятки» на лапах. Уже хорошо были видны даже движения его лопаток и слышен хруст сминаемого снега. Когда одна из лап проваливалась слишком глубоко, медведь недовольно урчал.

Зверь уже почти на одной линии. Вдруг он приподнял аккуратный черный нос и шумно втянул воздух. Уловив посторонние запахи, вздыбил на загривке шерсть. В этот момент в промороженном воздухе сухо щелкнул выстрел...

От бьющего через край ликования скитник огласил тундру победным ревом. И все же, прежде чем подойти, сделал еще один выстрел. Теперь можно спокойно разделывать добычу. Его поразило то, что под густой, белой шерстью абсолютно черная кожа, а подошвы лап покрыты мехом!

При свеживании нож неожиданно звякнул о металл. У лопатки под слоем подкожного жира Корней обнаружил свинцовую пулю: кто-то в мишу уже стрелял.

Перед тем как раздать мясо нетерпеливо крутящимся вокруг собакам, Корней тщательно осмотрел мышечные

ткани. Убедившись, что тоненьких белых червячков* между волокон нет, выдал всем двойные порции.

Насытившись, счастливые псы подбежали к хозяину и, прыгая вокруг него, норовили лизнуть. Оставшуюся гору мяса скитник разрезал на стандартные порции размером с кулак и, дождавшись, когда они промерзнут, складывал в мешки.

Печень белого медведя, от греха подальше, Корней закопал в снег. Шкуру растянул мехом вниз на плоском валуне. И только после этого отправился собирать плавник для костра. Ему повезло — между двух глыб обнаружил несколько стволов, когда-то выброшенных морем. Теперь не придется трястись над каждой веточкой.

Трое суток человек и лайки восстанавливали силы на мясном изобилии. Поначалу истощенные собаки не грызлись: озабочены были лишь желанием набить брюхо. Но когда отъелись, миру пришел конец. Стали задираться, отнимать друг у друга мясо, да так яростно, что клочки шерсти летели. Чего-чего, а подраться собаки любят — был бы повод. А если его нет, сами создадут.

Подросший Шустрый не пропускал ни одной потасовки. Борой реагировал снисходительно. Корней толковал это на свой лад: готовит себе смену.

Погода все эти дни стояла пасмурная и безветренная. Из низких серых туч временами летели крупные хлопья снега. Медленно кружась, они освежали истоптанный собаками покров.

Единственное, что в эти блаженные дни досаждало Корнею — оседавший на внутренних стенках палатки иней. Отваливаясь неровными кусками на спальный мешок или за шиворот, он потихоньку таял. От этого все отсырело и плохо грело.

Чтобы ускорить медленный, из-за безделья, ход времени, он то чистил ружье, то ремонтировал прохудившуюся одежду, то подправлял собачью упряжь, то соскребал ножом, выкованным в Усть-Янске, жир с медвежьей шкуры. Когда все дела были переделаны, так наточил

---

* *Беловатые червячки* — личинки глистов, вызывающие поражение мышечной ткани и кишечника. Поскольку они со временем покрываются известковыми капсулами, для их уничтожения мясо необходимо варить не менее пяти часов.

обломком камня топор и нож, что к их лезвию стало опасно прикасаться.

Отъевшиеся на медвежатине лайки уже ни минуты не могли стоять спокойно. Когда хозяин выходил из палатки, они, глядя на него с беспредельной преданностью, наперегонки, захлебываясь радостным лаем, бросались на грудь, чуть не валя с ног. Корней понял: пора в путь.

Утренний ветер разогнал тучи, но поднял низовую метель. Над головой голубое небо, светит солнце, а внизу настоящий ад из секущей снежной крупки. Ветер все крепчал. С моря неся громоподобный гул. Это лопались зашевелившиеся ледяные поля. Но отсиживаться уже не было сил.

Палатка за долгую стоянку оледенела. Чтобы сложить ее, пришлось долго отбивать с парусины корку льда снаружи и вытряхивать иней изнутри. Но даже после этого она легла на нарты неряшливым, угловатым комом. Скитник расставался с обжитым станом с некоторой грустью — больно хорошо они пожили тут.

Восстановившие силы собаки, закрутив колечками хвосты, бодро тянули заметно потяжелевшие нарты. Равнинные участки между долинами речек преодолевались легко и быстро. А вот сами русла, особенно перед устьем, с трудом — из-за нагромождений льда, образовавшегося при осеннем торошении.

Ледяные мешки, заполненные рыхлым снегом и угловатыми обломками льда, существенно затрудняли продвижение. Нарты то и дело заваливались набок. И Корнею приходилось прилагать немало сил, чтобы поставить их на полозья. Порой он вынужден был буквально прорубать в торосе проход топором. К счастью, ширина таких участков не превышала двадцати-тридцати метров. Если она была больше, Корней выезжал на относительно гладкий паковый лед. Правда, тут его подстерегала иная опасность — присыпанные снегом трещины.

Первое предупреждение о том, как коварен лед, Корней получил, когда неожиданно исчез Борой. Остальные собаки тут же остановились. Провалившийся в трещину бедолага повис на постромках, и вытащить его из полуметровой трещины не составило труда.

В один из дней, задолго до рассвета, Корнея разбудили нарастающий рев ветра и оглушительные хлопки пару-

сины. Когда рассвело, он выглянул. Из-за метели мало что было видно. Ветер, срывая с сугробов снежную пыль, беспрестанно засыпал палатку. Собаки и нарты уже были укрыты наметами. Да и сама палатка наполовину под снегом.

Прорыв траншею, Корней ползком (ветер не позволял встать) добрался до нарт. Разгреб снег в том месте, где лежали мешки с мясом. Собаки, разбуженные его возней, высунули из сугробов головы и, не покидая пригретых мест, нетерпеливо повизгивали. Пришлось самому подползать к каждой с порцией мяса.

На Севере так: время на дорогу из-за изменчивой погоды трудно рассчитать. Но, как известно, ранний гость до обеда: к полудню метель выдохлась, и упряжка поползла дальше. Оттого что все вокруг выбелено и выровнено, Корней не всегда понимал, едет он по берегу или по морю. Только по нагромождениям плавника и торчащим кое-где из снега камням можно было догадаться, что ты на берегу.

Звери и птицы тоже практически невидимки. Огромная полярная сова, песец, куропатка и зайцы, пока они сидят неподвижно, похожи на комья снега. Только если присмотреться, глаза и нос, а у зайцев еще и черные кончики ушей выдадут их.

Ночи все короче. Солнце все дольше катится по небосклону. Стоит такая тишина, что у Корнея мелькнула мысль: «Как бы буря по новой не разыгралась». Однако, напротив, небо вызвездило.

На следующий день после полудня, непонятно почему, на десятки метров вокруг вдруг с шелестом осел снежный покров. Просел столь заметно, что скитнику на миг показалось, будто у него ушла земля из-под ног. Не очень приятное ощущение.

ФАКТОРИЯ

Наткнувшись через пару дней на вынырнувший сбоку нартовый след, чуть припорошенный поземкой, скитник долго раздумывал: ехать по нему или нет? Смущала привычка юкагиров в каждую поездку прокладывать новую колею. Она могла увести за сотню километров в сторону или в любой момент потеряться на спрессованном вет-

ром снегу. В данном случае след вел на восток, и Корней решил рискнуть.

Собирая новые, он вскоре превратился в торную дорогу, или, как тут говорят — в тракт. Отшлифованная полозьями, она поблескивала на солнце. На ровных участках выпирала «коробом», а в ложбинках, наоборот, западала «корытом». Собаки, смекнув, что люди близко, заметно оживились.

Через километров десять впереди, в морозной дымке, проступило темное пятно. Над ним кучерявился дымок. Чуть в стороне небольшое стадо оленей.

Странно! Для чума пятно маловато. Что же это? Пятно все ближе. Уже очевидно, что это не чум и не зимовье. Лежащие возле необычного сооружения лохматые собаки подняли головы и внимательно наблюдали за приближающейся упряжкой. Только оказавшись совсем близко, Корней сообразил, что это покрытая оленьими шкурами кибитка, установленная прямо на грузовые нарты. Собаки, рассудив, что чужаки переступили границу их владений, залились дружным лаем.

Из странного «домика» высунулась голова молодого юкагира.

Скитник поздоровался, с удивлением оглядывая столь своеобразное жилище — такого он еще не встречал. Хозяин, видя изумление путника, пояснил:

— Надоело жерди возить, собирать, разбирать чум. Нас двое. Места хватает. Не верите? Посмотрите.

Корней подошел и заглянул внутрь. Каркас «кибитки» из прутьев тальника. На «полу» на оленьих шкурах два спальных мешка. Сразу за ними миловидная хозяйка, стоя на коленях, возилась возле железной печурки. Тут же сложены полешки. В другом углу — коротконогий столик, полочки с посудой и мешочки с продуктами.

Корней, чтобы не обижать молодых, попил с ними чай и, убедившись, что нартовая дорога ведет к поселку на побережье, продолжил путь.

В тот же день еще раз видел белого медведя*. Он вынырнул из полыньи, выбросив перед этим на лед нерпу. Поев, принялся кататься по снегу. Хватая его передними лапами, старательно тер морду — вытирал кровь.

---

* В берлогу ложатся только беременные медведицы.

Впереди показались дома. Из большинства труб столбом поднимался дым. Стоящее на бугре полузанесенное снегом здание сильно отличалось от построек, в беспорядке сбегających к морю. Как позже узнал Корней, в этом здании до войны находилась американская фактория*.

Один из домов выделялся открытой террасой и двускатной крышей с истрепанным красным флагом на коньке (у всех остальных построек крыши были плоскими). Над крыльцом лист фанеры «Заготконтора». Снег вокруг утрамбован людьми, оленями и собаками. Подойдя к обитой потертой шкурой двери, Корней обнаружил «замок» — воткнутую палочку. В конце террасы вторая дверь. Постучался в нее.

Раздался недовольный голос:

— Обед. Приходи через два часа.

— Я только узнать. Могу ли подкупить провиант? Песцов нет. Лишь медвежья шкура.

— Тупой, что ли? Сказал, через два часа, значит, через два часа.

Спускаясь с террасы, Корней увидел на здании, стоящем наискосок от заготконторы, вывеску «Пункт приема пушнины». Обрадованный, направился туда. Подойдя, осторожно приоткрыл дверь:

— Есть кто живой?

— Заходи, но предупреждаю, спирта нет, — донеслось откуда-то из глубины.

— Да я не за спиртом.

В большом помещении вдоль стен широкие полки-стеллажи, забитые объемными пачками песцовых шкур, кухлянками, меховыми чулками. На отдельной трехэтажной полке небогатый ассортимент товаров повседневного спроса: рулоны ткани, сахар, чай, кули с мукой, крупой, табак, оружие, боеприпасы и разная хозяйственная мелочевка вплоть до иголок. Три угла в инее,

---

* У советского Госторга не хватало сил для снабжения северных районов, и американцы до конца 30-х годов XX века вели активную торговлю с Чукоткой и Северо-Восточной Якутией.

а в четвертом отгорожен небольшой закуток с печью из железной бочки. Возле нее на топчане сидел гладко выбритый человек с журналом в руках.

— Что хотели?

— Соли да крупы подкупить.

— Что-то голос ваш больно знаком... Никак, Корней Елисеевич? — живо поднялась округлая фигура Романа (он пополнил команду «Арктики» в Тикси).

— Батюшки, Роман! Вот сюрприз! Откуда ты здесь?

Тот захохотал:

— Вас поджидаю.

— А если серьезно?

— Я в Лаврентии сошел на берег. Старший брат там директор заготконторы. Попросил выручить — мой предшественник к спирту пристрастился, до горячки дело дошло. Думал, ненадолго, а уже второй сезон.

А вы, Елисеич, герой! Честно говоря, думал, что дальше Колымы не пройдете. Все же с одной ногой в этих краях не разбежишься. По всему побережью дичь! От Индигирки до Колымы вообще пустыня — ни души.

— Да я потихоньку. Куда мне спешить?

— Зря вы с корабля сошли. Так бы еще в прошлом году в Уэлене были бы.

Скитник улыбнулся:

— Это неинтересно. Хотя, врать не буду, тяжеловато было.

— Кремневый вы мужик. Уважаю! Садитесь, у меня хороший кофе есть. Мигом сварю.

— Спаси Христос!

Вскоре в помещении завитал неповторимый аромат кофе. Корнею он был знаком — пару раз пил на «Арктике».

Отхлебывая крохотными глоточками обжигающий напиток, Роман рассказывал:

— Прошлым летом и семью перевез. Вон в том доме на берегу живем. Ваш друг Географ расписался с буфетчицей в Нижне-Колымске. Там и сошли. На обратном пути, может, увидите.

За окном смеркалось. На террасе заготконторы стали собираться охотники.

— Специально под вечер идут — думают, что при слабом электрическом свете приемщик не заметит дефектов, — пояснил Роман.

— А зачем в одном месте два приемных пункта?

— Так мы ведь от разных контор. Он с Якутской потребкооперации, а я от Чукотской.

— А почему к тебе не идут?

— Посмотрели бы, что тут творилось два дня назад! А как спирт кончился — так ни души. Им ведь главное, чтобы веселая вода была.

С улицы донеслись шум, ругань. Судя по характеру перепалки, один из промысловиков остался недоволен вчерашним расчетом.

Корней нахмурился.

— Не обращайтесь внимания. Рядовое дело. Скорей всего, по пьяни продешевил, а теперь шумит. Да что толку — в ведомости-то расписался. Да и спорить с Правдуном бесполезно. Это у него только фамилия такая, а на деле пройдоха еще тот. Больно корыстный, а жадность, сами знаете, хворь неизлечимая.

— Обманщик! — кричал промысловик. — В твоём сердце одно зло. Дождешься, все от тебя уйдем!

— Ну-ну! Хвалились телята волка съесть. Вали домой! — огрызнулся Правдун и исчез за дверью.

— Негоже людей обманывать, — с укором произнес скитник.

— Это не всегда обман. Я ведь тоже срезаю. Если по-честному оценивать, то сам в минусах будешь — на меховой базе ой-ей как занижают. Дело в том, что наш песец против лесного помельче и ость не такая длинная. Потому нам никогда высший сорт не дают.

— И все же людей жалко. Труд-то тяжелый.

— Согласен. По полгода на морозе. Но не надо их идеализировать. Особенно чукчей. С ними вообще не просто. Это сейчас их огненной водой одолели, а раньше были самым дерзким и драчливым племенем на Севере. Старики рассказывали, что на Колыме и в Анадыре они немало русских повырезали.

— Может, оговаривают? Я за все время пути с кем только не общался. Все добрейшие люди. А эвены, дай Бог им здоровья, вообще спасли от смерти.

— Корней Елисеевич, не будем углубляться. Как говорила моя мама, кто старое помянет, тому глаз вон. Мы ведь тоже не без греха. Сейчас все поменялось, времена другие. Кстати, у меня для вас хорошее предложение. На днях должна прилететь «Аннушка» за пушниной. Могу попросить, чтобы вас взяли. Два часа, и в Лаврентии.

— Благодарю, Роман! Но все-таки хочу дойти сам.

— Конечно, вы можете дойти. Не так много осталось. И время с запасом. Но тут такая возможность поглядеть на Чукотку с высоты птичьего полета. Вы и представить не можете, какая это красота.

— А Аляску будет видно?

— При ясной погоде будет.

— Хорошо, подумаю. Самолет ведь не завтра.

— Я, Елисеич, не настаиваю, но ежели согласитесь, не пожалеете. Еще благодарить будете.

— Ладно, ладно, я же сказал — подумаю... Роман, ты не забыл, зачем я зашел? Денег у меня, правда, нет, только шкура белого медведя, — сменил тему Корней, с удивлением разглядывая себя в засиженном мухами зеркале. (Не ожидал, что за полтора года так сильно поседел.)

— Не вопрос. Шкуры мы тоже принимаем, тем более медвежьи. Несите, не обижу.

Когда Корней развернул роскошную слегка желтоватую «шубу», Роман присвистнул от восхищения:

— Хороша!!! — и, окинув критическим взглядом его изношенную одежду, добавил: — тут не только на еству, но и приодеться хватит.

— Приодеться не мешает, — согласился скитник... Что-то собаки расшумелись, похоже, дерутся. Пойду гляну и покормлю. Пора.

Минут через пять дверь распахнулась, и ввалился гладко выбритый, довольно упитанный мужчина лет сорока — Правдун.

— Привет, Рома! — поприветствовал он, щуря серые плутоватые глаза и усаживаясь на до блеска отполированный чурбан. — Простаиваешь?

— Одолжишь спирту — поработаю.

— Сам последнюю флягу разливаю. Одноногий у тебя?

— Вышел к собакам. Тебе-то он за какой надобностью?

— Охотники баяли, будто он сильный шаман.

— Я его хорошо знаю. Не шаман он, а грамотный лекарь.
— Да мне без разницы, лишь бы помог. Суставы замучили!

— Об этом с ним сам толкуй.

Когда Корней вернулся, Правдун встал:

— Здравствуйте, мил человек, за помощью к вам. Хвалят вас юкагиры. Говорят, повезло Роману — знатный шаман у него гостит. У меня проблема. Суставами мучаюсь, мочи нет. Сделайте что-нибудь, — он протянул узловатые пальцы.

Корней по голосу сразу узнал человека, который не стал с ним разговаривать. Смерив его холодным взглядом, посмотрел на руки:

— К сожалению, поздно. Уже не поправить.

— Вы же лекарь, так научите хотя бы, как боль ослабить! — с раздражением в голосе потребовал Правдун. — Я отблагодарю.

— Сделай мазь из равной смеси растертой в порошок коры ивы, плодов можжевельника, листьев брусники, медвежьего жира и втирай несколько раз на дню. А в благодарности вашей я не нуждаюсь.

Роман, зная, что Корней человек сострадательный и отзывчивый, с недоумением слушал этот диалог. Когда Правдун ушел, Корней, повернувшись, сам объяснил:

— Как он ко мне, так и я к нему.

— А вы что, встречались?

— Вроде того.

— Понятно.

Прошла неделя, а самолета все нет. На небе ни облачка. Солнце уже припекает. С моря все чаще доносится треск зашевелившегося льда. На припеке, на южных склонах холмов, появились черные пятна первых пропарин: только снег не растаял, а испарился. Роман испереживался: если поднимется ветер, ледяные поля пойдут трещинами, появятся разводья.

Корней уже склонялся к тому, чтобы продолжать путь на собаках. Ведь еще неделя-другая, и снег «поплывет».

На восьмые сутки, ближе к полудню, над бухтой пророкотала оранжевая «Аннушка». Покачав спаренными крыльями, она пролетела на запад.

— Сначала в Ванкарем, к соседу, после к нам, — пояснил ободрившийся Роман.

БУХТА ЛАВРЕНТИЯ. ОХОТА НА КИТОВ

— Борис Орлов, — представился широкоплечий, среднего роста мужчина в кожанке. Черты его лица были настолько резкими, что казались вырубленными из камня. Крепкое пожатие жесткой руки выдавало в нем сильного, мастерового человека.

— Судя по собакам, вы издалека, — сказал он, обращаясь к Корнею. — Если не ошибаюсь, индигирские.

— Верно. Собаки индигирские, а сам я с Алдана.

— С Алдана, говоришь? И какими судьбами? — с сомнением переспросил, пропуская между пальцев длинный ус, Орлов.

— Не верите? — Корней достал из висевшего на груди кожаного мешочка справку от Шорникова.

Орлов внимательно прочитал. Взгляд потеплел:

— Другое дело! Сами понимаете, граница, а обличье у вас, прямо скажем, разбойничье.

— Товарищи, кофе остывает! — Роман гостеприимным жестом указал на дымящиеся кружки и стопку галет.

— Погоди, Рома, пока ветра нет, погрузимся. Шкурки пересчитывать не буду. Верю... Давай акт, подпишу... Да, флаги со спиртом привез. Еще от брата тебе посылочка.

— Борис, я тут взял на себя смелость предложить Корнею Елисеевичу до Лаврентия с тобой лететь. Он на одной ноге уже большой путь прошел. Хочется, чтобы на Чукотку еще и сверху посмотрел. Возьмешь?

— Вот тебе на! Из такой дали на протезе!? Теперь понятно, почему даже Шорников за вас просит. Конечно, возьму.

— У меня еще собаки, — заволновался Корней.

— А сколько их?

— Семь.

— Ладно, уждемся. Кстати, на них пушнину и шкуры к самолету и перевезем, а сюда спирт. Пусть отрабатывают перелет, — засмеялся Орлов и, раскрыв портсигар из китового уса, предложил:

— Закуривайте, «Казбек».

Роман вынул одну, Корней отказался.

— Елисееч у нас некурящий и непьющий, — пояснил Роман.

— Дело хозяйское, — обронил Борис, но, затянувшись, невольно выпустил дым в сторону.

Корней, получив расчет за медвежью шкуру, приобрел суконную куртку, штаны и кое-что из продуктов, включая махорку для чукчей. На это ушла половина суммы. Оставшиеся деньги отложил на жизнь.

Труженица «Аннушка» надсадно взревела и, набирая скорость, понеслась по льду, оставляя позади клубящийся шлейф снега. Перед грядой торосов взмыла, и земля стала быстро удаляться.

Корней прилип к иллюминатору. Под ним белая пустыня с оледенелыми змейками речушек и мраморными пятнами озер. По этой слепящей белизне ползла серая тень от самолета, похожая на крест.

Справа заснеженные хребты, затейливо изрезанные ущельями. По их склонам металась искорки красного, синего, зеленого, желтого света: казалось, кто-то пересыпает драгоценные камни.

Слева — обширные ледяные поля, гладь которых нарушали вздыбленные торосы — результат столкновения льдин.

Над всем этим сияли неестественно большой диск солнца и огромная полупрозрачная луна. Странно было видеть их на одном уровне с самолетом. На гранях торосов солнечный свет тоже дробился и сиял мириадами алмазов. Внезапно все погасло — это облако закрыло солнце, и торосы приобрели обычный зеленовато-белый цвет.

Ритмичный рокот двигателя невольно напомнил Корнею Чванова, Светлану, золоторудное гнездо, изгнание из общины, проклятие отца, лагерь, разлад с Дарьей... Давно это было, а кажется, будто вчера...

— Корней Елисеевич, поглядите, какая красивая лагуна. Название, правда, язык сломаешь — Нешкенкильхын, — прокричал Орлов, указывая на залив, покрытый льдом, словно блестящей чешуей, и отделенный от моря широкой полосой торосов. Это были даже не торосы, а целые архипелаги из нагнанных ураганскими ветрами льдин.

— А вон те темные пятна — это кто? Тюлени или моржи?

— Ни то и ни другое. Это камни вперемешку с землей. Когда ледник сползает, он тащит с собой все подряд. Возможно, скопление подобных «земляных» айсбергов и приняли за землю Санникова. Слыхали про такую? — перекивая грохот двигателя, спросил Орлов.

— Не слыхал. В российском атласе такой не попадалось.

— Так ее и нет ни на каких картах. Эту землю так и не нашли... Смотрите, смотрите! — это мыс Сердце-Камень. На нем родилась моя мама.

Самолет вдруг словно провалился в пропасть. У Корнея внутри все сжалось, к горлу подкатила тошнота. Орлов заметил это:

— Воздушная яма. Еще не одна будет. — И протянул Корнею бумажный пакет. — На всякий случай.

Чем ближе Тихий океан, тем меньше снега. Вот сквозь дымку показался Берингов пролив с черными разводьями открытой воды. Сверху льдины напоминали клочки белой ткани, разбросанные на черном бархате. Аляска, к сожалению, была скрыта туманом. Видны были лишь острова посреди пролива.

— Вон тот — остров Ратманова, он же — Большой Диомид. Это самая восточная точка России. На нем наша погранзаезда. В четырех километрах от него расположен остров Крузенштерна, или Малый Диомид, он американский. Между ними происходит смена суток. У нас 30 апреля, а у них 29 апреля.

— Как так?

— Там линия перемены дат. У нас день уже начался, а к ним он еще не пришел.

Ветер над проливом был посильнее, и легкий самолет стало бросать из стороны в сторону. Собаки заскулили. Впереди показалась длинная узкая коса с рассыпанными вдоль нее кубиками домов и яранг*. Это был Уэлен — самый восточный населенный пункт не только Советского Союза, но и Азии. А чуть ниже самая восточная точка — мыс Семена Дежнева. Этот отчаянный казак, пройдя тут в 1648 году, доказал, что Азия не соединя-

---

* Здешние яранги до середины сложены из камней, а верхняя часть покрыта шкурами морских животных.

ется с Америкой. (Экспедиция Беринга это сделала на восемьдесят лет позже.)

— Видишь маяк? На нем укреплена чугунная плита с барельефом знаменитого морехода, неподалеку деревянный крест... А тут самое узкое место пролива. Еще в прошлом году здесь было эскимосское село Наукан. Прежде наши и американские эскимосы зимой по льду, а летом на байдарках регулярно ходили друг к другу. Когда выяснилось, что американцы вербуют их для разведки, всех жителей Наукана переселили кого в Уэлен, кого в Нунымо, кого в Лорино. Ниже — Берингово море, а дальше Тихий океан.

Покрытое тяжелыми, словно маслянистыми валами море показалось Корнею более мрачным и суровым, чем Чукотское.

Самолет тем временем сделал разворот в сторону узкой, похожей на звериную пасть бухты Святого Лаврентия. Своим названием она обязана (не совсем заслуженно) англичанину Джеймсу Куку. Землепроходец Тимофей Перевалов нанес этот залив на карту за тридцать лет до него.

Сделав пару кругов, «Аннушка» зашла навстречу ветру и, снизившись, заскользила лыжами по снегу. Когда Корней спрыгнул на землю, его повело в сторону: болтанка все-таки сказывалась.

— Что, качается земляца?

— Качается, — сознался он. — Будто на палубе в шторм.

— Это с непривычки. Скоро пройдет.

Ошалевшие собаки повыскакивали следом.

— Борис, благодарю вас и Романа. Сверху и в самом деле все так необычно и красиво! Кажется, увеличенную карту разглядываешь.

— Рад, что вам понравилось. Вы тут подождите чуток, сдам пушнину, помогу устроиться.

Когда машина с мехами отъехала, Корней огляделся. Перед ним приземистое здание аэропорта, рядом несколько «Аннушек» и вертолет. Метрах в ста от взлетной полосы темнело море, обрамленное лентой припая. Бриз нес оттуда запах йода.

Поселок, состоящий в основном из двухэтажных зданий, тянулся длинной улицей с другой стороны. В центре возвышались два внушительных строения. Видимо, боль-

ница и школа. Вместо тропинок — деревянные мостки. Где-то тарахтела дизельная электростанция. Между домами трубы тепло-водоснабжения, запрятанные в дощаные короба. У котельных горы угля и шлака. Снег вокруг них черный от угольной пыли.

«Эх! — невольно подумал Корней, — как все-таки чисто и красиво там, где нет людей!»

За улицей начиналась тундра, упирающаяся в лысые сопки с заплатами снега. На берегу на опорах из китовых ребер с десятков больших и малых байдар*. «Ставят повыше, дабы собаки моржовые шкуры не погрызли», — догадался скитник. Отдельно четыре больших вельбота, подпертых деревянными столбиками. Там же причал для морских судов. Возле него зиял еще не обшитый моржовыми шкурами, ребристый остов новой байдары.

Во время войны поселок в бухте Лаврентия был важнейшей перевалочной базой для доставляемых из Америки товаров по так называемому «ленд-лизу». Для их переброски от причала к аэродрому была проложена узкоколейка. (Судя по заржавевшим рельсам, ею давно не пользуются.) Здесь же осуществляли дозаправку самолетов, перегоняемые на фронт.

В стороне от пирса стояли катеры, судя по серой окраске, военные. Обдуваемые ветрами, орошаемые постоянными штормами, снегом и дождями, они выглядели заброшенными: металл от морской соли проржавел, краска на бортах облупилась. Время от времени на реи садились чайки и, оставив очередную порцию помета, улетали.

На припае** сновала ребятня, ловившая через многочисленные продушины морских бычков. Костлявых, но чрезвычайно вкусных.

До Корнея наконец стало доходить: «А ведь я уже там, куда так стремился последние годы — на самом краю Матушки России! Дальше океан, где-то совсем

---

* Большая чукотская байдара — лодка с плоским дном и крутыми бортами, обтянутая дубленными шкурами морских животных, сшитыми жилами в одно целое. Она выдерживает до тонны груза. Чтобы швы не пропускали воду, их промазывают салом китов либо моржей.

** *Припай* — ледяная кайма вдоль берега.

близко Аляска. Место тут, конечно, не больно приветливое, но ведь главное не в этом. А в том, что я дошел, преодолев все трудности, туда, куда мечтал попасть многие годы».

Когда он это осознал, его охватила нервная дрожь и небывалая радость.

— Спасибо Господу Богу и моему покровителю Николаю Чудотворцу за эту милость! — шептал он, задрал голову, и, глядя в глубину неба, прокричал: — Отец, ты меня слышишь?! Я здесь! Я исполнил нашу мечту!

Проехав и пройдя по Крайнему Северу многие сотни километров, Корней с грустью понял, что истинно старообрядческих общин на Севере не сохранилось. Только старые книги напоминали об их присутствии в этих краях. Большинство уехали, а те, что остались, отошли от веры. Вроде места потаенные, а веру не сберегли. Странно! А вот в их общине вера крепка по сей день.

Отвлек Корней от этих размышлений Орлов, подошедший с плотным, невысоким чукчей лет тридцати. Его лицо лоснилось то ли от жира, то ли от пота.

— Корней Елисеевич, познакомьтесь, бригадир зверобоев — Оттой. Он устроит вас в общежитие.

Чукча повел Корнея к длинному зданию. Над дверью вывеска «Колхоз "Заря Чукотки"».

— Товарищ Корней, извините, у нас тут разные запахи, — предупредил Оттой.

— Я привыкший, лишь бы крыша была над головой.

Пройдя тамбур, они оказались в просторном помещении, заваленном свежими шкурами тюленей, клыками моржей.

— Здесь участок подготовки шкур к выделке.

— А это что такое? — Корней показал на серые пластины.

— Китовый ус*. Из них делают щетки, из нитей плетут особо прочные сети.

---

* Китовый ус представляет собой гибкие и упругие пластины длиной до четырех метров и шириной порядка двадцати сантиметров. При нагревании они становятся эластичными, и им можно придавать необходимую форму. Кроме того, китовый ус хорошо делится в длину на тонкие нити, из которых плетут самые прочные и долговечные сети.

На низеньких табуретках сидели смуглые, милovidные женщины. Одни счищали скребками жир со шкур. Другие замачивали их в чанах с какой-то желтой жидкостью. Среди шкур одна выделялась очень большими размерами. Заметив удивленный взгляд гостя, Оттой пояснил:

— Лахтак, или морской заяц. Тоже тюлень, только очень большой. Если вес самого маленького тюленя — нерпы редко превышает девяносто килограммов, то этот может весить и триста, и четыреста. Мясо его тоже съедобно, а толстая шкура лучший материал для изготовления подошв обуви.

— А почему такую громадину назвали морским зайцем?

— Они пугливые, как зайцы, и по суше передвигаются прыжками, отталкиваясь задними лапами.

Поднявшись на второй этаж, вышли в коридор с десятком дверей по обе стороны.

— Наше общежитие.

Распахнув последнюю дверь, добавил:

— Свободных комнат нет, будете жить со мной. Располагайтесь, я вам сейчас кипятку принесу.

Через пять минут на столе лежал нарезанный хлеб, стояли миска с тюленьим студнем, банка сгущенки и чайник с кипятком.

— Вы уж извините, присоединиться не могу — работа, — бронзовое лицо бригадира сразу стало серьезным.

— Оттой, мне бы собак покормить.

— За них не беспокойтесь, — махнул рукой Оттой, — на берегу после разделки туш остается много отходов. Все наши собаки там кормятся. Вашим тоже хватит.

Ночью поселок накрыл тайфун. Трехметровые волны, обрушиваясь на побережье, с такой яростью крошили береговой припай, что осколки льда и соленые брызги долетали до ближних к морю домов. Жизнь замерла.

На вторые сутки напор ветра стал ослабевать. На метеостанции подтвердили: тайфун уходит. Оттой повеселел и дал команду готовиться к охоте. Как раз подошло время, когда серые киты, ежегодно мигрирующие из

Берингова моря в Чукотское, проходят мимо бухты Лаврентия.

Корней, никогда не бывавший на китовой охоте, попросил бригадира взять его. Тот поначалу отнекивался, но в конце концов уступил.

Еще не совсем рассвело, а китобои уже толпились на берегу. Кто с веслом, кто с гарпуном, кто с бухтами канатов, кто с кожаными буюми*. Сложив инвентарь и несколько карабинов на дно двух байдар, переташили их, подкладывая деревянные катки, к месту, свободному от припая. Одолев вал из выброшенных штормом водорослей, столкнули суденышки в воду. Волна гулко забила в борта из тюленьих шкур.

Длинные весла в ременных уключинах выметнулись вперед. Несколько слаженных гребков, и байдары устремились в открытое море. Благодаря эластичности шкур, обтягивающих деревянный каркас, лодки обладали хорошим ходом, а главное, не боялись столкновения с льдинами.

Для увеличения зоны поиска байдары вскоре разошлись. Хотя ветра почти не было, по морю гуляли размашистые волны. Лодки то скатывались по долгому склону, то плавно «взлетали» вверх.

Пробарражировав до полудня, не засекали ни одного фонтана. Лишь однажды мимо них стремительно пронеслась, распарывая рябь, стая касаток. Зверобои приуныли. Оттой уже намеревался сменить место поиска, как вдруг впереди взметнулась белая, расширяющаяся кверху, струя. Сомнений не было — кит!

Теперь важно угадать направление, в котором он плывет, и постараться, когда вынырнет за очередной порцией воздуха, оказаться как можно ближе. Опытный бригадир не ошибся — следующий фонтан с шумом выметнулся всего метрах в ста. Гарпунер, сжимая отполированное руками прочное древко, встал на носу. В третий раз кит вынырнул на расстоянии, позволяющем

---

* *Буй* (пых-пых) — поплавки из нерпичьих шкур, снятых чулком, надутых и высушенных.

метнуть остро заточенный гарпун с раскрывающимся наконечником*.

Бросок получился удачным. Линь, привязанный к гарпуну, сдернул лежащий в байдаре буй в воду. (В этот момент кольцам линия ничто не должно мешать: если он обовьет чью-либо ногу, человека стянет в воду.)

Подоспела вторая байдара. Вскоре уже три гарпуна торчали в громадной спине. Волоча за собой гроздь кожаных шаров, прыгающих на волнах, исполин терял скорость, а главное, не мог надолго уйти под воду. Один раз он вынырнул так близко, что едва не опрокинул байдару: сквозь полупрозрачные тюленьи шкуры было видно, как зеленоватый фон воды сменился на серый. Лодка приподнялась и накренилась, к счастью, не сильно.

Наконец все гарпуны брошены и оставалось ждать, когда раненый гигант ослабеет настолько, что его можно будет взять на буксир. Напоследок кит издал предсмертный вопль, напоминающий вой ветра в печной трубе, и, из последних сил забив хвостом, зацепил-таки борт байдары. Верхний брус с треском переломился. Не будь он таким высоким, вода хлынула бы внутрь. А так обошлось ледяным душем.

Корней, глядя на маленькие, немногим больше чем у оленя, глаза, подернутые смертной пеленой, прочел в них укор. Он, конечно, сострадал бедняге, но успокаивал себя тем, что этот кит спасет от голода сотни людей.

Жестокая охота, но у береговых чукчей нет иных способов добыть кита. А без его мяса и жира на этой промерзшей, бесплодной земле, где девять месяцев зима, им не выжить.

Буксировали многотонную тушу обе байдары. Приближаясь к бухте, зверобои выстрелами известили об успешной охоте. Когда подходили к причалу, жители поселка уже собрались на берегу. В ожидании пиршества они пели, пританцовывали.

Перед тем как вытащить кита лебедкой на берег, Оттой забрался на его спину и, опустившись на колени, исполнил обряд благодарения:

---

* Гарпун устроен по принципу зонтика: попадая в тело кита, наконечник раскрывается, не позволяя ему выйти обратно.

— Ръэвыт*, ты наш прародитель. Спасибо тебе за то, что кормишь чукчей. Прости, что делали больно, но без твоего мяса и белоснежного сала чукчи умрут.

Как только морской исполин оказался на берегу, рабочие приступили к разделке. Ловко орудуя остро заточенными кривыми ножами, насаженными на длинные черенки, рассекали эластичную шкуру на квадраты и вынимали ее вместе со слоем жира. Открыв доступ к мясу, вырезали его такими же квадратами. Помощники наполняли ими принесенные жителями поселка мешки и ведра. Раздавали без ограничения — кто сколько унесет. Довольные люди тут же спешили с «добычей» домой. Самые нетерпеливые на ходу отрезали кусочки и, не жуя, глотали. Но все же первые куски мяса, по традиции, отдавали сами китобои.

— Китовая шкура со слоем сала для нас самый любимый деликатес, — пояснил Оттой. — Едим сырым. Попробуйте, это очень вкусно, — бригадир протянул Корнею бурую полоску с белоснежным салом.

— Действительно вкусно, — согласился тот, съев ее.

Рабочие артели тем временем вырезали из громадной пасти сероватые, невероятно гибкие и прочные роговые пластины китового уса. Они, словно листья книги, были плотно прижаты друг к другу. По краю пластин свисала бахрома, образующая подобие щетки. Через нее киты отцеживают моллюсков, мелких рачков, рыбешек и планктон. Когда все пластины были вырезаны, их связали в пачки и сложили отдельно.

Некоторые подходили к ним и, соскоблив ножом белый налет, с наслаждением слизывали его языком. Эту «вкуснятину» Корней пробовать не решился.

Сумерки сгущались. Мгла, подсвеченная багровым закатом, заливала берег, но артельщики не прекращали работу. Когда взошла луна, на берегу остался лишь голый скелет с торчащими ребрами (их потом используют при строительстве яранг).

---

* *Ръэвыт* (чукотск.) — кит. Его темно-красное с крупными, грубыми волокнами мясо даже после варки остается жестковатым. Поэтому его предпочитают есть сырым или замороженным, настроговав стружкой.

Большую часть мяса и жира на тележках перевезли в ледник, вырубленный неподалеку от берега. Этот запас, еще не раз пополняемый в течение лета, поможет жителям поселка пережить долгую зиму. Внутренности забрала звероферма для голубых песцов. Почти все оставшееся мясо отправили в цех для засолки в бочках. Туда же перевезли китовый ус. Из него изготовят щетки, сувениры, заготовки для защиты полозьев нартов.

Самые нежные куски с хвостовой части туловища сложили в леднике отдельно — для общего праздничного стола, который накрыли на следующий день. На берегу запалили костры, повесили котлы. Вскоре в воздухе завитал, призывая жителей поселка, соблазнительный аромат. Берег наполнился звуками бубнов, песнями, танцами. Со звонкими криками носилась ребятня.

Глядя на всеобщее веселье, Корней подумал: «Какой стойкостью, каким характером надо обладать, чтобы, родившись на голой, промороженной земле в окружении льдов, не только выживать, но и сохранять способность так радоваться жизни».

После китовой охоты минуло десять дней. За это время окружающие поселок холмы преобразились. Снег сошел. Сквозь бурю прошлогоднюю траву из оттаявшей земли выстрелили синие, красные, белые, желтые цветы, образовавшие красивый, пестрый ковер. К сожалению, эта красота оказалась недолговечной. Уже через пять дней от нее осталась лишь однотонная зеленая щетина.

Скитник к тому времени успел обследовать весь поселок и его окрестности. Поднимался на еще заснеженные сопки, где видел отпечатки медвежьих лап. На расплывающемся снегу они казались особенно огромными. На протаявших участках краснела сохранившаяся с осени брусника. Побывал на метеостанции, звероферме, проведаль Орлова, познакомился с братом Романа.

Прошелся и вглубь залива. Узкие карнизы, уступы, расщелины, пустоты, ниши скалистых берегов были усеяны гнездами птиц. Резкие крики кайр, пронзительные вопли маевок, хриплые голоса бургомистров, свист чистиков сливались в глухой, далеко слышный гвалт, заглушающий даже шум прибоя. Небо было серым от тысяч пернатых, беспрестанно снующих к морю и обратно,

чтобы выкормить своих птенцов. Все обитатели птичьих базаров отличные ныряльщики, и без рыбы или рачков никто не возвращается. Среди скал мелькали черные косматые головы мальчишек. Размахивая сачками, они ловили птиц на лету.

И теперь Корней не знал, чем еще заняться. Ему была в тягость царившая в поселке скученность, слякоть, угольная пыль. А до прихода «Арктики» еще не меньше месяца.

Скитник развернул свою замусоленную, потертую на изгибах карту и нашел на ней залив Лаврентия. Хорошо изучив ломаную линию его берегов, решил, вместо того чтобы маяться в ожидании парохода, ехать в Уэлен и поджидать «Арктику» там.

Когда бригадир вернулся с работы, Корней, несколько смущаясь, обратился к нему:

— Оттой, я вам всем очень благодарен за гостеприимство. Люди у вас хорошие, добрые, но хочу отправиться в Уэлен, чтобы по дороге посмотреть, как чукчи в стойбищах живут. В Лаврентии ведь даже настоящей яранги нет. До парохода еще долго, добраться успею. Думаю завтра выехать.

— Корней Елисеевич, я вас понимаю, только как вы через залив переправитесь? По берегу далековато. Бухта у нас языкастая — километров на шестьдесят в материк уходит, и берега крутые.

— Да как-нибудь, не привыкать.

— А знаете, что? Мы послезавтра опять на охоту идем. Вас на байдаре можем переправить.

— Спасибо, Оттой! Отличный вариант.

ЧУКЧИ. УЭЛЕН

Волны с ленивым шуршанием накатывали на косу, заваленную темно-зелеными водорослями вперемешку с поплавами от сетей. Здесь особенно сильно ощущался запах йода. Байдара, подняв донную муть, мягко наехала на эту мешанину. Зверобои помогли Корнею выгрузить нарты, поклажу. Через полчаса собаки уже везли его по мшистой тундре.

Впереди на высоком берегу показались приземистые яранги Нунымы. Возле одной белело что-то, похожее на арку. К селению с моря подходила большая байдара. Смуглолицые рыбаки в брезентовых бушлатах и непромокаемых штанах из нерпичьей кожи спрыгнули в воду и, подхватив причальные концы, вытянули суденышко на берег. После чего стали переносить нерп и мешки с рыбой в ледник. Добытый ими огромный морж плавал, привязанный веревкой, сзади байдары. Из него торчала трубка, через которую в живот закачали воздух (чтобы туша не утонула).

Корней остановил упряжку и подошел к ним. Командовавший разгрузкой невысокий, черноволосый, ловкий в движениях, несмотря на почтенный возраст, бригадир приветливо улыбнулся:

— Еттык!*

— И вам здравствуйте.

— Табацек на головочку ниту?

Корней достал из котомки пачку махорки.

— Угощайтесь.

Чукча вытащил из голенища костяную трубку, заправил ее и протянул пачку обратно.

— Нет, нет! Это вам. Я не курю.

Бригадир удивленно заморгал глазами:

— Как так — не курю?

— Вера не позволяет.

Обрадованный зверобой быстро сунул пачку в карман и с наслаждением затынулся.

— Откуда и куда едешь?

— Сейчас из Лаврентия, а еду в Уэлен. По пути хочу посмотреть, как живут настоящие чукчи.

— Гаврила! — окликнул бригадир атлетически сложенного парня, несшего на плече мешок с рыбой, и продолжил что-то по-чукотски. А повернувшись к Корнею, сказал:

— Пошли, покажу как живем.

Тем временем Гаврила, подойдя к корнеевским собакам, высыпал им полмешка рыбы.

---

* *Еттык* — форма приветствия, в переводе — пришел!

Белая арка оказалась китовой челюстью. Под ней мясная яма, прикрытая огромной китовой лопаткой. Хозяин открыл дверь. (Ручка двери была из моржового бивня.)

— Заходи!

Яранга представляла собой шатер из тюленьих шкур, натянутых на каркас, вертикальный в нижней части, конусообразный в верхней. В центре дымовое отверстие. Основа для нижней части яранги деревянная, а верхняя из китовых, уже сильно прокопченных ребер. За счет того, что стены на высоту человеческого роста вертикальны, яранга, при одинаковом диаметре основания, вместительней чума. Одно плохо — в ней довольно дымно. (В чуме, благодаря конусообразной форме, дым лучше вытягивается.)

Внутри два помещения: чоттагин и меховой полог. Чоттагин — холодная часть жилища. В нем горел костерок, над которым посипывал чайник, а рядом, на гудящем голубым пламенем примусе*, стояла большая кастрюля с аппетитно пахнущим варевом. В центре яранги на крючках две керосиновые лампы. Повсюду висят связки сушеной рыбы.

На приспособленной под стол еще одной китовой лопатке — два железных подноса. На одном гора вареного мяса, на другом — рыбы. Рядом пучки дикого лука, лепешки, алюминиевые кружки и две бутылки спирта. Хозяйка хорошо подготовилась к встрече мужа и членов его бригады.

Земляной пол застелен моржовыми шкурами. Они хорошо защищают от холода вечной мерзлоты и с них легко сметать мусор щеткой из китового уса.

Переодевшись, подошли и расселись на китовых позвонках, застеленных оленьими шкурами, остальные члены бригады.

Выпили, закусили. Мясо ели, отрезая ножами прямо у губ. Корней ел, как привык — откусывал мясо зубами. Увидев это, бригадир протянул ему острый узкий нож:

---

* *Примус* — бесфитильный нагревательный прибор, работающий на керосине или бензине. Перед приготовлением пищи в латунный бачок с топливом необходимо накачать воздух, чтобы создать в нем давление. До шестидесятых годов XX века в стране были популярны еще керосинки и керогазы.

— Зубами рвут мясо собаки, у человека нож есть.

Управившись с едой, Корней по просьбе хозяина рассказал о своем путешествии, о гостеприимстве юкагиров-оленеводов.

— Легко быть гостеприимным, когда еда вместе с тобой ходит. Наши оленные чукчи тоже хорошо живут. Голода не знают. У них одна забота — волков отгоняй. А наша еда в море. Чтобы добыть ее, байдару сделай, шкурами обшей, карабин, огнеприпасы купи. Тюленя выследи, застрели, из воды вытащи. Если море в сплошных льдах, месяцами его не видишь. Тогда варим лохтачьи шкуры, соскабливаем со стенок бочек остатки жира, выковыриваем в ледниках примерзшие кусочки.

— Что же сами тогда оленей не заведете?

— Пошто нам кочевая морока? Ярангу разбирай, собирай. Она такой теплой, как у нас, никогда не будет.

Беседа шла в табачном дыму — чукчи все поголовно курили. Что интересно, кашляя, они прикрывали рот левой рукой, а не правой: чтобы при рукопожатии не передать микробы.

Выпили еще. Захмелевший Гаврила, поерзав на «стуле», неожиданно запел ровным чистым голосом:

— Ой мороз, мороз! Не морозь меня...

— Красиво поешь! Проникновенно, душевно! — похвалил Корней.

Польщенный юноша покраснел:

— Люблю русские песни. Они такие распевные. Столько в них чувства, и слова хорошие.

«Какие на Севере удивительные люди, — не уставал восхищаться скитник. — Живут там, где под ногами вечная мерзлота, а зимой промерзает и все остальное; не растет ни картошка, ни рожь, армады кровососов залепляют глаза и рот, не дают дышать. Но при этом они довольны жизнью и даже песни поют».

* * *

Ехать Корней старался по берегу. Во время «короткой» воды — отлива — дно обнажалось, и он набирал полный котелок полюбившихся крабов. Вечером, отварив их в морской воде, лакомился бело-розовым нежным мясом.

Как-то из-за увала вышел небольшой бурый медведь. Он то рылся в водорослях в окружении многочисленной птичьей братии, то ворочал камни в поисках затаившейся на время отлива живности. Обнаружив выброшенную на берег нерпу, тут же принялся потрошить ее. Услышав звук приближающейся упряжки, подслеповатый зверь привстал на задние лапы и устремил угрюмый взгляд глубоко посаженных глазок в сторону источника шума. Стоило ветру донести запах собак и человека, как он пустился наутек, подпрыгивая, будто мячик. Собаки протухшую нерпу есть не стали.

Яранги береговых чукчей стояли почти в каждой бухточке. Возле них бочки с керосином, соляркой. Пустые уже приспособлены для хозяйственных нужд: кто-то сделал железную печь, кто-то коптильню, кто-то хранил в них продукты — в бочках они недоступны грызунам.

Весть об одноногом русском, прошедшем в одиночку не одну тысячу километров, быстро облетела побережье, и неизбалованные встречами с новыми людьми чукчи собирались послушать и поглядеть на отважного путешественника.

Встречи с местными жителями Корнею нравились, но от предложений ночевать в яранге он вежливо отказывался: предпочитал спать у моря. Разводил на берегу костерок и, удобно устроившись в спальнике, любовался под ритмичный рокот прибоя, нежными красками северного заката. Пил чай. Подолгу заворуженно смотрел, как волны гоняют мелкие камушки, стараясь перетереть их в песок.

Стояли белые ночи*, и в прозрачной воде можно было разглядеть качающиеся в такт волнам молочные чаши медуз. Бескрайность моря успокаивала и в то же время вызывала волнующие воспоминания детства: жизнь в стойбище дедушки, бабушкины сказки, дружбу с беркутом, с рысью, лосем-альбиносом Снежком.

В одной из бухт на пустынном берегу увидел пирс. Рядом с ним небольшое кирпичное здание. В рамках без стекол свистел ветер. От пирса за холмы уходила уже

---

* На Чукотке в этих широтах не бывает ни полярного дня, ни полярной ночи.

заросшая дорога. Корнею стало любопытно — куда же она ведет?

Через пару километров показались кирпичные и железобетонные постройки. Среди них выделялись два огромных ангара. На одном красным выведено «Наше знамя — знамя Победы». На другом — «Армия и народ едины». Между ними штабеля круглых потемневших бревен, сотни бочек с нефтепродуктами и целый парк ржавеющих гусеничных тракторов. Чуть в отдалении здания поменьше. Все как новенькие, без намеков на разрушение. Как же так? Такие хорошие постройки и брошены. Нелепость этого расточительства не укладывалась в голове Корнея. Ведь на Север абсолютно весь стройматериал, начиная с гвоздей и заканчивая бревнами, завозится морем*.

Скитник заглянул в одно из окон. На крашеном полу валялась алюминиевая посуда. «Столовая, — сообразил он. — Так вот откуда у береговых чукчей столько кружек, мисок и бочек!»

Следующая бухта порадовала десятками приземистых яранг. К самой большой из них Корней и направился. Навстречу вышли двое. Чукча с заплетенными в две косы черными волосами и совсем молоденький белобрысый, с апостольской бородкой паренек.

— Корней Елисеевич, мы вас уже второй день поджидаем. Вот познакомьтесь. Это председатель сельсовета — Бориндо Юрьевич, а я учитель — Эдуард Яковлевич. Для вас просто Эдик. Учю чукотских детей грамоте, или, как они говорят, — «записывать разговор». Проходите, — он откинул меховую завесу, заменявшую дверь, — вот

---

* После 1947 года американцы стали сосредоточивать на Аляске большое количество военных кораблей, включая авианосцы и были серьезные основания ожидать воздушных атак с высадкой десанта. В связи с этим, по решению Сталина, создавался Северный сектор береговой обороны. Техника и строительный материал с конца 40-х годов доставлялись судами из Владивостока. Но через год после смерти вождя Хрущев закрыл этот дорогостоящий проект, а саму Северную 14-ю армию расформировал. Военные дисциплинированно покинули чукотские берега, оставив множество готовых объектов (казармы, блиндажи, бомбоубежища, аэродромы).

здесь пока и учу. На днях обещают лес с брошенной базы для школы перебросить.

Встреча с жителями селения, как всегда, затянулась. Учитель уже несколько раз подрезал фитили, подливал керосин, а люди все не расходились...

Когда ярангу покинул последний слушатель, Эдуард посочувствовал:

— Наверное, мы замучили вас?

— Да нет. Мне и самому было интересно.

— У нас народ неизбалованный — любой новый человек, а тем более такой, как вы, событие... Пойдемте, Бориндо Юрьевич ждет нас. О собаках не беспокойтесь, их покормили.

Завершили ужин многочисленными чашками чая, приправленного соленым китовым жиром. На память о встрече председатель подарил Корнею моржовый клык с вырезанными на нем сценками охоты.

Вернувшись в «школу», скитник сразу раскатал спальный мешок и, отстегнув культю, плюхнулся на него.

— Эдик, ты хотел что-то спросить. Я слушаю.

Парнишка замялся:

— Вы, наверное, устали... Может, завтра?

— Не обращай внимания, что я лег. Целый день на ногах. Тяжело.

— Корней Елисеевич, вот скажите, смогли бы вы остаться жить на Севере?

— Вряд ли. Побывать, поработать в разных местах хорошо и полезно, но человека, как и птицу, тянет к родному гнезду... А почему ты об этом спрашиваешь?

— Понимаете, я здесь почти год, но никак не привыкну. Все время кажется, что это сон. Вот проснусь — и нет ни воя ветра, ни льдов, ни тошнотворного запаха прокисших шкур, табака. А я в родном Ленинграде, рядом мама... Не понимаю, почему так произошло? Я ведь с детства грезил Севером. Мечтал забраться в арктическую глушь, приносить пользу стране. Добился, чтобы сюда направили. Чукотский язык выучил... И что? Тоска и постоянное чувство одиночества. Никак не привыкну к этим запахам, однообразной и невкусной еде... Иногда так тошно, что готов пешком уйти отсюда.

— Друг мой, — начал Корней, чувствуя жалость к этому растерявшемуся парнишке. — Я могу тебе лишь

сказать, как сам поступил бы в такой ситуации. Ежели Господь направил бы меня сюда, я со всем старанием, дабы не стыдно было перед ним, отслужил урок... Постарайся взглянуть на свою работу глазами человека, который несет этим людям знания и веру в то, что научившись читать, они откроют для себя мир, в котором столько всего интересного! Сам говоришь, что они очень любознательные. Вот и помоги им.

Когда поймешь важность того, что делаешь, будешь по-другому относиться к своей работе и к тесноте в яранге. Коренные северяне люди простые, бескорыстные, последним готовы делиться, а взамен ждут немного. Лишь уважительного отношения и твоих знаний.

— Как хорошо, Корней Елисеевич, что я с вами об этом заговорил. А то ведь боялся, стыдно было... Теперь полегче стало... — Учитель замолчал и, глядя в никуда, погрузился в свои мысли. Через минуту, словно очнувшись, произнес: — А ведь и вправду не так все плохо. На днях завезут материал, построим просторную, светлую школу. Там не будет этих неприятных запахов.

— Вот, вот! А теперь представь, как в дальнейшем, где бы ты ни оказался, не только тебя, но даже твоих детей будет греть мысль о том, что это ты построил школу... Догадываюсь, как трудно тебе после города. Даже я, всю жизнь проживший в тайге, к некоторым местным особенностям до сих пор не могу привыкнуть. Но это все ерунда, и относиться к ним надо спокойней, как к досадным мелочам. Надо думать не о них, а о людях. Сам видишь, чукчи — практически дети. Живя веками на одном и том же месте, они мало что видели, мало что знают, а ты, окончивший университет, для них почти пророк. Кстати, если хочешь, можно еще раз собрать народ. Расскажу о тех великих людях, которые открыли для мира эти земли.

— Здорово! Мне и самому это интересно.

— В общем так: сомнения в сторону и за работу. Вон, Семен Дежнев 19 лет без жалования трудился, а сколько для Отечества сделал.

— А почему не платили?

— Да просто никто не знал, куда ему пересылать жалование, да и жив ли он вообще. А когда вернулся в Москву, получил деньги за все время своего служения.

— А вот у вас случались ли минуты, когда вы сожалели, что отправились в это рискованное путешествие?

— Нет! Не было такого! Была боль в ногах, много раз обмораживался, облезала кожа на лице и руках. Пару раз сильно хворал. Но никогда не пожалел, что пошел. Лишь, бывало, являлся страх: «Неужто не дойду?» А вот пожалеть, что пошел, такого не было!

На следующий день, после лекции о землепроходцах и мореходах, открывших миру эти земли, Корней, прислушавшись к совету Бориндо Юрьевича, попросился на почтовый катер, отправлявшийся в Уэлен. И правильно сделал: дальше берега были изрезаны глубокими фьордами. Собакам пришлось бы несладко. Некоторые бухты до сих пор, как ни странно, забиты льдом. На каменной террасе одного из островов — лежбище моржей. Одни лежали спокойно, другие, отыскивая на мелководье мясистых моллюсков, рыхлили клыками гальку, третьи, всплыв, отфыркивались, выплевывая створки раковин. На появление катера животные никак не реагировали.

— Здесь заповедник, — прокомментировал Денис, скуластый черноволосый рулевой лет тридцати. — Вы в Уэлене к кому?

— Ни к кому. Просто надо дождаться прихода «Арктики».

— Если хотите, у меня можете остановиться. Живу один, дома бываю редко. Все в разъездах, работа такая.

— Вот спасибо! Тебя мне, похоже, ангелы послали.

— Ангелы тут ни при чем! Сегодня я помог, завтра мне помогут. Без этого у нас никак.

Как только катер, ровно урча, прижался к пирсу, обвешанному покрышками, матрос опустил трап и закрепил швартовый конец. На берегу ни души. Да и кому интересен местный катерок? Вот если бы судно с материка, тогда все население было бы на причале.

Уэлен располагался на длинной, узкой косе, возвышающейся над уровнем моря всего-то на метра два-три. При этом некоторые дома стояли почти у самого среза. Корней невольно забеспокоился — может ведь и смыть.

Берингов пролив был чист ото льда. За островами Большой и Малый Диомид темнела полоска суши.

«Аляска! Оказывается, она совсем близко! Где-то там Елена, а может быть, и внуки. Хоть бы одним глазком глянуть на них», — размечтался Корней.

В поселке помимо жилых построек имелись школа, радиостанция, погранзастава, магазин, почта и большая косторезная мастерская. Судя по тому, что весь берег в байдарах, основное занятие местных все же зверобойный промысел и рыбалка. Число жителей в Уэлене за последний год благодаря переселенцам с Наукана заметно выросло.

Среди стоящих у берега судов одно выделялось ухоженностью и нерусской надписью на носу. Это была американская шхуна*, арестованная за незаконную рыбную ловлю в наших водах. С нее по трапу спускался человек в белой душегрейке. При виде Корнея его чуть хищноватое лицо с глазами-буравчиками на миг вытянулось от удивления, но тут же расплылось в любезной улыбке:

— О! Старый знакомый! Не ожидал здесь увидеть. Вы теперь на Чукотке знаменитость! Торбазное радио только про вас и гудит. Узнаете меня? Капитан Каменев, — протянул он руку. — Я вас сразу признал. Помните, на Лене документы спрашивал, вы на лодке с товарищем плыли. Я ведь тогда все же про вас справки навел: в наших краях «стружек» хватает. А вами восхищаюсь — дошли! Какие сейчас планы?

— Дождаться «Арктики» и домой. Капитан обещал забрать.

— Ну что ж, благополучного возвращения. Кстати, «Арктика» уже вышла из Владивостока. Дней через десять

---

* После продажи Аляски Соединенным Штатам Америки американские промышленники помимо промысла морского зверя стали активно завязывать торговые отношения с населением Чукотки, Камчатки. В начале XX века грабежом российских окраин занималось уже 30 фирм. Американские фактории были разбросаны по всему побережью от Охотска до Колымы. Только на одной Чукотке имелось 12 торговых точек, которые приносили 700 тысяч золотых рублей ежегодного дохода. Американцы настолько обнаглели, что в июле 1920 года судно пограничной охраны США установило на мысе Пузино в бухте Провидения столб с надписью, объявляющей Чукотку территорией США.

будет... Не забудьте зарегистрироваться на погранзаставе. Она вон за тем забором. Порядок такой. Граница.

На заставе его ожидали — была радиограмма с Лаврентия. Дежурный приветливо улыбнулся:

— Добро пожаловать в Уэлен! Мы обязаны соблюсти формальности. Ваши документы, цель и время пребывания?

Записав все данные в журнал, старший сержант не удержался, расспросил о путешествии, что больше всего запомнилось в пути, много ли было трудностей.

Корней вкратце поведал о переходе, особо отметив повсеместную помощь местного населения.

— Товарищ командир, мне бы печать на справку, чтоб ни у кого не было сомнений, что я был на самом восточном краю нашей страны.

— Не проблема. Могу даже подписаться... Кстати, где остановились?

— У Дениса.

— Почтовика?

— Да.

— Передавайте ему привет. Отличный парень... Питаться можете в нашей столовой. Повара предупрежу.

— Товарищ командир, а на Аляску можно будет сплавать?

— Вот чего нет, того нет. Запрещено! ...А что это вас на Аляску потянуло?

Корней понял, что ляпнул лишнего.

— Просто интересно. Это, оказывается, совсем рядом.

* * *

Третий день бушует, нагоняя лед с Чукотского моря, шторм. Резко похолодало. Лыдины, наезжая на берег, крошатся, образуя вдоль косы торосы. В довершение повалил крупными хлопьями снег.

В трех километрах от поселка к берегу прибило громадную лыдину, точнее, ледяное поле. Когда море успокоилось, местные зверобои отправились на нее, кто на собачьих упряжках, кто пешком поохотиться на морского зверя. К вечеру большинство вернулось домой с одной, а кто и с двумя нерпами.

У Дениса следующий день был свободным, и он предложил гостю тоже попытаться счастья. Корнею почему-то не хотелось ехать, но, не желая обидеть парня, согласился. Тронулись, едва стало светать. Пургу с подростком Шустрым оставил на привязи — груза немного, какой смысл гонять всех? К тому же молодой мог голос не вовремя подать.

Три километра до льдины и полтора до ее края одолели махом. Остановив упряжку метрах в пятидесяти от открытой воды, Корней воткнул остол в лед и, строго глядя на собак, приказал: «Сидеть!» Лайки послушно свернулись калачиками. Лишь Борой, чуть слышно скуля, забил хвостом: просил, чтобы его освободили. Когда хозяин отстегнул его от потяга, он дисциплинированно лег рядом с остальными.

Подойдя к краю ледяного поля, Корней с Денисом увидели внизу множество более мелких и тонких льдин. Между ними чернела вода. Из нее то и дело показывались круглые усатые головы нерп. Глотнув воздуха, исчезали. Одна, перевернувшись на спину, куда-то поплыла, лениво пошевеливая хвостом.

Справа, почти упираясь в поле, возвышался громадный, с плоской вершиной, айсберг, окруженный поясом ледяного крошева. Его грани красиво сияли в лучах уже взошедшего солнца.

Подъехало еще несколько упряжек. Чтобы не мешать друг другу, зверобои широко разошлись вдоль поля. Корней устроился ближе к айсбергу, за снежным надувом. Денис метрах в шестидесяти от него.

Нерпы то и дело выныривали, но на льдины не забирались. (В воде стрелять бессмысленно — пока зацепишь «закидушкой», утонет.) Поругивая себя за неудачный выбор позиции (некоторые зверобои уже были с добычей), Корней продолжал терпеливо прощупывать взглядом разводья.

Наконец почти под ним из черной воды вынырнула усатая голова. Нерпа поплыла к небольшой льдине, собираясь, по всей видимости, погреться на уже хорошо припекавшем солнце.

Когда она, помогая лапами, выбралась на лед, Корней нажал на спусковой крючок. Раздался сухой металлический щелчок — осечка! Нерпа, вместо того чтобы сига-

нуть в воду, беспокойно завертела головой. Этого времени хватило для повторного выстрела. В этот момент со стороны айсберга донеслось необычное шуршание. Корней мельком глянул на ледяную громаду. Ему показалось, будто ее вершина качнулась. Пригляделся — точно! Она медленно удалялась от него! Лед под Корнеем жалобно заскрипел. Перепуганные собаки, вскочив, завыли.

Столообразная макушка айсберга в какой-то момент замерла, но через пару секунд стала резко крениться. Корней не мог видеть, что под водой не менее резко, только в противоположную сторону поднимается подводная часть этого айсберга. Она упирается в ледяное поле и, с треском разламывая ее край, выходит вся в потоках воды. Край льдины, на котором находился скитник, подняло, и он заскользил к воде. Его спасла находчивость и быстрота реакции: выхватив из голенища нож, он со всей силы вонзил его в лед. А вот собакам не повезло — разлом прошел прямо под ними, и вся упряжка рухнула в воду.

Когда буруны и тугие водовороты успокоились, а льдина, на которой распластался скитник, перестала крутиться, он огляделся. Увиденное повергло в ужас: бурлящими потоками его отнесло довольно далеко. Вокруг куски льда. По кромке того, что осталось от ледяного поля, бегали люди. Они что-то кричали, махали руками.

«Чего мечутся? На заставу бежать надо, катер вызывать!» — подумал Корней. В этот момент сбоку раздался странный звук: как будто кто-то отряхивался от воды. Повернув голову, ахнул! На небольшой льдине метрах в двадцати стоял Борой.

— Дружочек! Миленький! Жив! Плыви ко мне!

Услышав голос хозяина, пес радостно завилял хвостом и, чуть потоптавшись, сиганул в воду. Подплыв, никак не мог взобраться на высокий край льдины. Корней снял с пояса «закидушку» и бросил конец собаке. Умный пес тут же вцепился в него зубами. Ошалевший от счастья Борой, едва отряхнувшись, бросился на грудь хозяину и принялся лизать ему лицо.

— Умница! Вдвоем не пропадем, — бормотал обрадованный Корней.

Когда оба немного успокоились, скитник в очередной раз поглядел в сторону Уэлена. Берег еще больше

отдалился — подхваченную морским течением льдину несло в открытое море. Скитник понимал, что помощи ждать не стоит. От сознания того, что от морской бездны его отделяет лишь лед, противно заняло под ложечкой. Корней достал отцову иконку с ликом Николая Чудотворца и принялся страстно молиться:

— Всесвятый Николай, извечный заступник странников и путешественников, помоги мне, грешному. Умоли Господа даровать спасение...

От молитвы отвлекло тихое поскуливание Боря.

«Есть просит», — догадался скитник и полез в висевшую на боку сумку.

— Ну что, дружище! Давай посмотрим, чем располагаем? Так, сухари, шмат тюленьего сала, фляжка с водой, банка сгущенки — как же без нее! Однако не густо...

* * *

Пошли четвертые сутки дрейфа.

Проснулся скитник от того, что озяб. Все вокруг было залито влажной мутью. Кухлянка отсырела и плохо грела. Немного выручало то, что спал не на льду, а на шкуре убитой позавчера нерпы. Туман был настолько густ, что нерпа, лежащая в трех метрах от него, едва различалась. Настроение хуже некуда — непонятно, где они, куда их несет. Земля, может быть, рядом, а он не знает об этом. Кричать бессмысленно — голос вязнет, как в вате. Оставалось продолжать молиться и ждать, когда молочная мгла рассеется.

Утолял жажду Корней просто: доставал из-за пазухи алюминиевую фляжку и пил, а освободившееся место набивал ледяной крошкой и опять засовывал за пазуху. Чтобы время тянулось не так медленно, он, как обычно, старался побольше спать или хотя бы дремать. В сновидениях к нему часто «приходила» Дарья. Она то брала его за руку, то, уходя, манила за собой, то звала издали. Он видел это столь явственно, что, очнувшись, непроизвольно начинал искать ее глазами. Эти видения поддерживали, отгоняли мрачные мысли. Корней без конца молил Господа:

— Отец всемилостивый! Сжался! Сотвори чудо! Обрати милосердие на грешного раба Твоего Корней и пса его Бороя, не дай сгинуть в этом бездонном вместилище воды...

Под утро его разбудили необычный шум и лай. Ветер не шелохнет, а море вокруг словно кипит: отовсюду несутся всплески, сопение, шумные вздохи, странные звуки, напоминающие то ли клекот, то ли хрюканье. Какие-то огромные сильные существа быстро проносились мимо льдины. Они то погружались, то всплывали, выстреливая из отверстия в затылке струю влажного воздуха. Подойдя поближе к краю, Корней разглядел ослепительно белую, блестящую, как эмаль, спину морского животного, похожего на гигантское веретено. Это была белуха — представитель семейства зубатых китов.

Их стая атаковала косяк трески. Хватая рыбу широко раскрытыми пастьями, они сталкивались, с шумом били по воде хвостами. Все это буйство продолжалось около получаса.

Десятка два рыбин, спасаясь от белух, вылетело на льдину. Корней, собирая нежданный «улов», благодарил Господа за столь щедрый дар. Борой, с лаем бегавший вокруг, был несказанно рад и пару штук съел сразу.

Подул ветер, но не настолько сильный, чтобы разогнать белесую муть. Туман стал отрываться от воды и таять в вышине лишь после полудня. Однако скрытое тучами солнце появилось не скоро. Зато когда оно выглянуло, вода, пронизанная его лучами, сменила черный цвет на изумрудный. Мир из мутного и скукожившегося до размеров льдины сразу стал светлым и огромным.

Как приятно ощущать нежное прикосновение теплых солнечных лучей! Борой тоже наслаждается: раскинул лапы и подставил брюхо солнцу.

Огорчало то, что на поверхности льдин появились лужицы: несколько таких солнечных дней, и их «фрегат» растает.

Океан теперь хорошо просматривался во все стороны. Корней, щуря глаза от бликов водной ряби, без устали оглядывал открывшийся горизонт, но по-прежнему ни малейшего намека на землю. Лишь вдалеке проплыли, выпуская «фонтаны» несколько китов.

Ближе к вечеру на стыке воды и неба показалось белое пятнышко, постепенно приобретающее очертания корабля. Он не был похож на суда, которые Корней видел прежде. На нем ослепительно белыми были не только высокие надстройки, но и весь корпус с несколькими рядами черных точек иллюминаторов.

Корабль все ближе. Скитник принялся, размахивая руками, вопить изо всей силы «Ого-го! Э-э-гэ-гей!» Борой поддерживал его воем. Увы, на лайнере не заметили усилий терпящих бедствие.

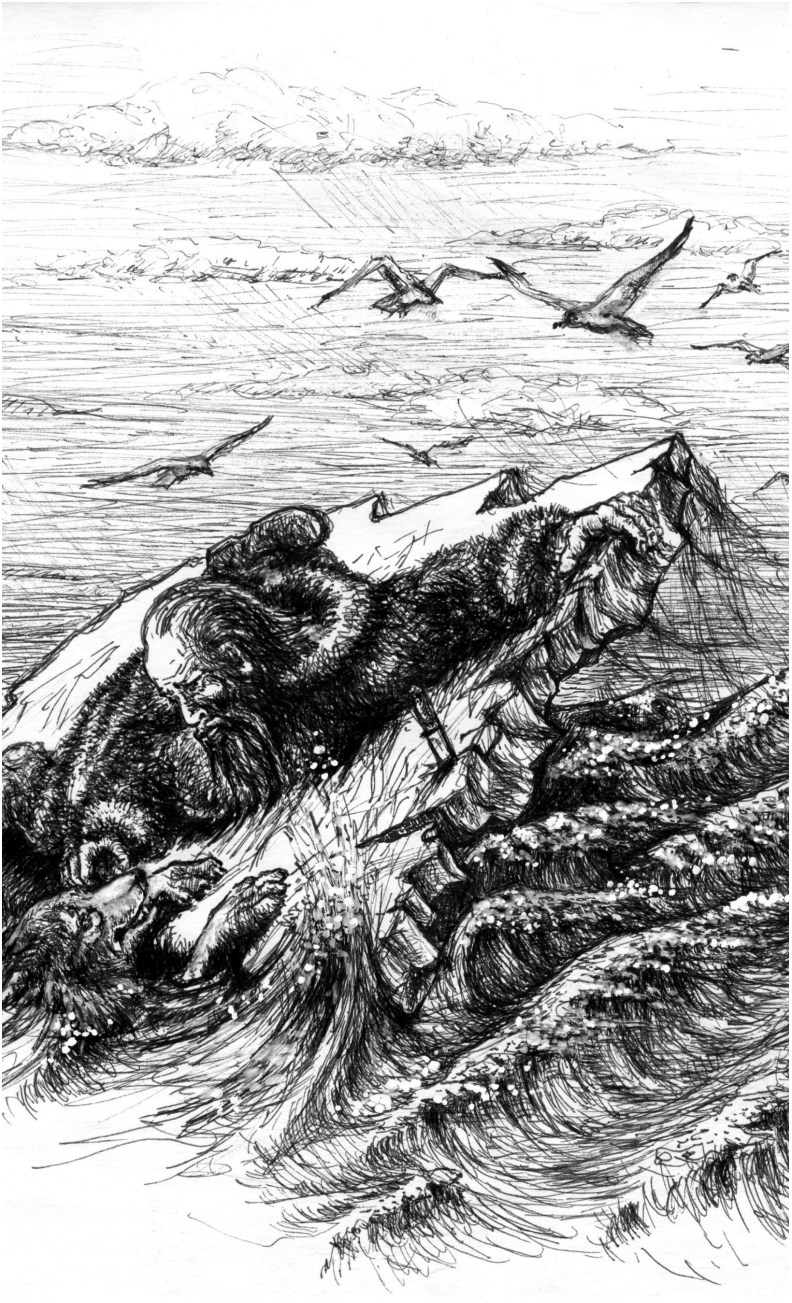
Прошло еще два дня. На синем небе лишь несколько полупрозрачных облачков. И, как всегда, куда ни глянь, безупречно ровная линия горизонта. Полный штиль. Лишь изредка пробегает легкая зыбь. Тишина — до звона в ушах так давила и угнетала Корнея, что он стал разговаривать сам с собой...

* * *

На следующий день над спящей гладью океана проступил легкий, почти прозрачный силуэт судна с тремя тонкими, в паутине снастей, мачтами и трубой. Он, казалось, парил в воздухе. Корней понимал, что это мираж, но сердце все равно зачастило в надежде — вдруг не мираж, вдруг настоящий! Увы, через минут десять силуэт бесследно исчез.

Льдина, тая на глазах, уже сплошь в лужах. Днем на солнце Корнею с Бороем еще удавалось обсохнуть, а за ночь одежда вновь напитывалась влагой. Больше всего страдали ноги — они не просыхали даже на солнце. А ночью случилась более серьезная неприятность: от льдины отломился кусок с остатками нерпы.

Корней со страхом ждал шторма — тогда им точно конец. Нервы были напряжены до предела. И все же вера в то, что Господь не оставит в своей милости, не покидала его. Спал теперь вполглаза — льдина то и дело потрескивала и в любой момент могла разломиться на несколько кусков.

Борой тоже при каждом треске настораживал уши и все чаще, задрав морду, выл. Видимо, так пытался сообщить миру, что им нужна помощь.

Сегодня луна вынырнула из воды огромная, бордовая, будто раскаленная. От ее грозного вида предчувствие чего-то страшного у Корнея усилилось. Тут еще Борой, уставившись на нее, стал беспрестанно вить.

— Ты чего беду кличешь? Успокойся, все будет хорошо, — уговаривал пса скитник.

Задул ветер, поднявший волну. Она время от времени перекатывалась через истончившуюся льдину. При этом та, жалобно потрескивая, гнулась, словно резиновая. В конце концов лопнула рядом с Корнеем с такой силой, что его обдало веером брызг. Вдали глухо пророкотал гром, небо в той стороне то и дело озарялось мертвенным светом.

Перепуганный Борой оказался отрезан от хозяина быстро расширяющейся полосой воды. Поняв, что его уносит, пес было завыл, но, сообразив, что вместе с воем ширится черная полоса, прыгнул в воду.

Остаток льдины стал до того мал, что когда Корней попытался подойти к краю, чтобы помочь подплывшему псу, она заметно накренилась. К счастью, пес сумел забраться самостоятельно. Поджав хвост, он сел у ног хозяина. Теперь любое перемещение, даже на полметра, приводило к опасному наклону льдины.

Корней понимал — еще один такой разлом, и они окажутся в ледяной воде...

Смерти, как таковой, он не боялся. Страшила, леденила душу перспектива упокоиться не в матушке-земле, а в черной, мрачной толще воды.

«Брр-р-р... Только не это!»

У Корнея от страха даже защемило сердце. Ближе к рассвету ему опять привиделась Дарья с хорошеньким младенцем на руках. Она опять взяла Корнея за руку:

— Хватит сидеть! Идем крестить!

Корней попытался встать и... открыл глаза. Никого. Зато, о чудо! На заалевшем востоке вместо уже ставшей ненавистной ровной линии горизонта — гористый берег. Ликование, смешанное со страхом, охватило его — не мираж ли? Да нет! Скалы все ближе! Уже слышен шум прибоя.

«Только бы не сменился ветер! Только бы не сменился ветер!» — молил Корней.

В голове замелькали неожиданные вопросы: «Материк или остров? Есть ли люди? Впрочем, не важно — главное, Земля!» Весь сжавшись, боясь пошевелиться, он беспрестанно молился: «Покровитель мой, Николай Чудотворец, не оставь меня в своей милости! Не дай смениться ветру!»

До берега было уже не более ста метров, как льдина остановилась и потихоньку стала удаляться от берега. Корней догадался — отлив! Выход один — надо плыть!

Он снял с себя меховую одежду, обвязал ее и сумку веревкой. В этот момент льдина, наехав на большой валун, разломилась. Корней с Бороем очутились в воде. К счастью, благодаря отливу, здесь было уже неглубоко.

Корней, обходя камни, побрел где по шею, где по грудь в воде, за плывущей впереди собакой.

С трудом одолев прибой (обратная волна несколько раз сбивала с ног), он выбрался на берег!

Ура-а-а! Земля! Какое счастье! Мать-земля! Оказывается, так приятно чувствовать под собой не качающийся, готовый в любой момент расколоться лед, а несокрушимую земную твердь. Не помня себя от радости, Корней топал ногой, обнимал Бороя, осыпал себя горстями гальки и песка. Обхватив руками ближнюю глыбу, целовал ее шершавые бока. Редкие слезы текли по исхудалым, морщинистым щекам сами собой.

Выплеснув переполнявшие его эмоции, пал на колени и, ткнувшись лбом в землю, стал страстно благодарить Господа и всех святых...

Обессилев, распластался на теплом песке и в тот же миг уснул.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
Пролог	6
Сплав по Алдану	42
Устье Алдана. Якуты	65
Лена. «Арктика» в плену. Зимовка	71
Здравствуй, Студеное море!	136
Усть-Янск.	144
Индигирка. Юагиры. Шаман	152
Белый шторм. Промысловик	205
Обвал. Эвены. Распутица	232
Колыма. Анюйский хребет. Кочевники	246
Океан. Одинокiй старовер	257
Донос. Старатели. Каменные юагиры	274
Странное место. Шайтан	284
Чукотский хребет	290
Фактория	299
Бухта Лаврентия. Охота на китов	306
Чукчи. Уэлен.	317

Литературно-художественное издание

Зиганшин Камиль Фарухшинович

ХОЖДЕНИЕ К СТУДЕНОМУ МОРЮ

Редактор *И. И. Садыкова*

Художник *А. Э. Чушкин*

Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*

Технический редактор *В. Р. Абдрахманова*

Корректор *А. М. Черепкова*

Подписано в печать 27.07.2020. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Банниковская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64+0,21 форз.
Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-изд. л. 15,51+0,34 форз. Тираж 1300 экз.
Заказ 1.0084.20.

Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан
Башкирское издательство «Китап» имени Зайнаб Бишевой.
450001, Уфа, пр. Октября, 2.

Отпечатано с готовых файлов.

Республиканское издательство «Башкортостан» –
филиал Государственного унитарного предприятия Республики Башкортостан
Издательский дом «Республика Башкортостан».
450079, Уфа, ул. 50-летия Октября, 13.